ISSN 0131—5706

Научно-публицистический журнал

4/2006

РОССИЯ

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-публицистический журнал

Учредители:

Министерство образования и науки Российской Федерации

Правительство Республики Мордовия

Федеральное государственное научное учреждение «НИИ регионологии»

Журнал издается с октября 1992 г.

Выходит 1 раз в квартал

4/2006

(№ 57)

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы федерализма

4 **О. В. Бахлова.** Региональная интеграция: федералистские теории и концепции

15 **О. А. Сидоров.** Утверждение кооперативного федерализма в США (судебно-правовой аспект)

24 **Н. И. Изергина.** Специфика постсоветской трансформации России в контексте теории демократии И. А. Ильина

Политическое пространство региона и территориальное управление

32 **В. С. Авдонин.** Межполитические отношения и регионы

43 **Е. С. Буянкина.** Конституционно-правовой статус уполномоченного по правам человека в субъектах РФ

54 **А. Г. Петров.** Проблемы правоприменения в практической деятельности органов внутренних дел Приволжского федерального округа

61 **В. А. Чистяков.** Становление государственной молодежной политики региона (по материалам региональной молодежной печати)

70 **А. А. Розуваев.** Управление бюджетными расходами региона

78 **Я. В. Ожегова.** Социальное самочувствие муниципальных служащих региона

85 **А. А. Адамеску, В. Ю. Воскресенский, Ци Го Ин.** Международный туризм как отрасль устойчивого развития территорий

93 **С. В. Александров.** Мировые судьи и проблема доступности местного суда

Экономика региона

103 **В. Н. Лазарев.** Инфляционно-дефляционный подход исследования закономерностей развития социально-экономической системы

110 **С. Е. Ларина, А. Р. Вагапова.** Самостоятельность бюджетов и развитие межбюджетных отношений в регионах Российской Федерации

119 **Е. В. Солдатова.** Повышение эффективности функционирования региональных коммерческих банков

127 **Н. А. Янчук.** Региональный аспект становления и тенденции развития аудиторского рынка

132 **Р. С. Ивенин.** Стратегии инновационной деятельности предприятий и отраслей промышленности региона

140 **В. А. Чикнайкина.** Управление предприятиями на основе процессного подхода

146 **Е. Г. Воробьева.** Развитие экономического механизма взаимоотношений в системе агропромышленной кооперации региона

Редколлегия:

А.И.СУХАРЕВ
(главный редактор)
В.Д.ВОЛКОВ
Т.И.ГОЛУБЧИК
(ответственный секретарь)
В.И.ГРИБАНОВ
Д.В.ДОЛЕНКО
В.В.ИВАНОВ
В.В.КОЗИН
(заместитель главного редактора)
В.В.КОНАКОВ
Н.С.КРУТОВ
Г.Ф.КУЦЕВ
Н.П.МАКАРКИН
М.В.МОСИН
В.А.НЕЖДАНОВ
В.А.НЕЧАЕВ
Ю.А.НОВИКОВ
К.И.ПЛЕТНЕВ
С.В.ПОЛУТИН
О.И.ПРУДНИКОВ
М.Н.ХОХЛОВ
Ю.В.ШЛЕНОВ
В.А.ЮРЧЕНКОВ

Региональные проблемы науки и образования

151 **Н. З. Мазур.** Проблемы функционирования механизма создания и развития региональной инновационной инфраструктуры

156 **В. Ю. Петров, Н. Н. Матушкин, А. А. Ташкинов, Т. А. Кузнецова, В. Д. Черкасов, С. И. Пахомов.** Проектирование образовательных программ подготовки кадров высшей квалификации на основе международных подходов

165 **Н. Н. Пачина.** Интеграция научного знания в Центральном федеральном округе: опыт НИИ педагогики и психологии

171 **Л. М. Мухарямова, И. Б. Кузнецова-Моренко, Р. Г. Петрова, Л. Н. Салахатдинова, А. Р. Андреева.** Региональные особенности развития национальной школы в России

181 **Л. В. Стародубцева, П. В. Замкин.** Региональная модель подготовки будущего педагога и осуществление развивающей функции в профессиональной деятельности

191 **Н. Б. Смирнова.** Личностное становление художника-педагога средствами народного декоративно-прикладного искусства

196 **И. В. Вершинина, М. А. Якунчев.** Национально-региональный компонент содержания понятий «здоровье» и «ценность здоровья» в структуре общего образования школьников

205 **Г. А. Куршева.** Ликвидация неграмотности в регионе в контексте модернизационных процессов

Социология региона

211 **В. А. Кижеватова.** Средний класс как ресурс воспроизводства трудового потенциала общества

217 **Л. Д. Ерохина.** Тенденции трудовой миграции в Дальневосточном регионе России

224 **О. К. Клопова.** Человеческий ресурс как фактор экономического роста

230 **С. В. Кожевников.** Трансформация системы расселения Смоленской области и ее влияние на развитие сельской местности

237 **Е. И. Морозов, Е. П. Галкина.** Социолого-математическая модель анализа региональной мифологии

© «Регионология», 2006

Информационное пространство региона

244 **А. И. Кислов.** Трансформация региональных СМИ

252 **И. Г. Ясавеев.** Конструирование проблемы преступности региональными средствами массовой коммуникации

262 **О. В. Иншаков, А. Э. Калинина.** Теория и практика формирования регионального информационного пространства в сфере рынка труда и занятости

271 **С. П. Абанина.** Паблик рилейшенз в сфере печатных СМИ Испании

Экология региона

278 **Е. И. Денискин.** Примокшанские леса региона в XVII — середине XX в.

287 **И. А. Никифорова.** Оценка и управление экологическим состоянием атмосферного воздуха промышленного центра

Народы России: возрождение и развитие

297 **В. И. Первушкин.** Становление и развитие этнографии в Пензенской, Саратовской и Тамбовской губерниях

306 **Н. В. Бутылов.** Языковые контакты как результат этнокультурного взаимодействия

Региональная история и историография

314 **Д. Г. Павлов.** Древнейшие исторические песни на территории Нижегородской области как исторический источник

319 **В. В. Шабаев.** Уездная полиция в системе государственного контроля за конфессиональной жизнью России конца XIX — начала XX в.

331 **Т. П. Шишулина.** Начальный этап создания рабоче-крестьянской милиции Мордовского края в 1917—1918 гг.

338 **О. Б. Кевбрина.** Истоки кооперативного образования в Мордовии

346 **Н. Н. Абрамова.** Кадровый потенциал Мордовпотребсоюза в 1961—1975 гг.: качественные и структурные изменения

354 **С. В. Митин.** Налоги и налогообложение в регионе в годы Великой Отечественной войны

362 **С. Ю. Михайлова.** Прошлое и настоящее «разведчиков будущего»

369 **И. И. Барабанова.** Разработка психологических и мировоззренческих основ эстетического воспитания в трудах казанских ученых второй половины XX в.

Провинциальная культура

376 **Е. Г. Гордеева.** Роль природной среды региона в формировании традиционной бытовой культуры русских

383 **А. А. Махнин.** Приемы постмодернизма в современной архитектуре Ярославля

394 **Е. А. Федосеева.** Межнациональные отношения в эпической поэзии мордвы

404 **Рецензии**

407 **Новые книги**

О. В. БАХЛОВА

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ФЕДЕРАЛИСТСКИЕ ТЕОРИИ И КОНЦЕПЦИИ

Федерализм (конституционалистский подход) является самой ранней политической теорией интеграции. Это не случайно, поскольку по своей сущности термины «интеграция» и «федерация» выступают как однопорядковые, предполагая объединение, создание союза, базирующегося на добровольном согласии. Главное значение для федералистов имеет учреждение наднациональной власти либо посредством «конституционной революции», решения, принятого на международной конференции (классический федерализм), либо путем сближения политических институтов государств на основе договорного распределения полномочий между органами власти национальных государств (интегрирующихся единиц) и коммунитарными (общими) органами (неофедерализм). В любом случае приоритет отдается политическим механизмам — институционализации интеграционного процесса, агрегированию и артикуляции интересов социально-политических элит, выраженных в действиях национальных органов власти.

Как справедливо замечает М. Арах, федерализм выступает за интеграцию в правовом и институциональном смысле[1]. Действительно, в рамках этого подхода самое пристальное внимание уделяется так называемому организационному компоненту — интеграционной системе власти и управления, нормам и принципам функционирования и взаимоотношений ее уровней. Так, К. Фридрих трактует интеграцию как «процесс федерализации политического

БАХЛОВА Ольга Владимировна, доцент кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета, кандидат политических наук.

сообщества», в ходе которого различные политические организации приходят к институциональной системе, позволяющей им вырабатывать совместные решения. Конечный итог процесса — «федеральная система» — «союз групп, объединенных одной или несколькими общими целями, но сохраняющими свой специфически групповой характер для достижения других целей»[2]. Можно обобщить ключевые принципы организации «федеральной системы»: разграничения полномочий и предметов ведения, субсидиарности, «демонополизации государства», правового равенства государств — членов интеграционного объединения, двойного гражданства.

В смысловом отношении федералисты исходят из признания необходимости ограничения государственного суверенитета в пользу «высшего» суверенитета интеграционного объединения. По их мнению, в процессе интеграции «негативный» суверенитет национального государства, означающий независимость национальных органов власти в осуществлении своих функций от внешних суверенов, трансформируется в «позитивный», предполагающий возможность совместных созидательных действий интегрирующихся государств[3].

Хронологически и концептуально конституционалистский подход распадается на два течения — классический и новый федерализм, а с точки зрения осмысления уровней развития интеграционных процессов — на мондиализм и регионализм. Федералистская версия мондиализма основана на идее создания мировой федерации. Его современным вариантом является концепция «гексагональной федерации» А. И. Неклесса, отдающая приоритет социально-экономическим факторам. «Глобальная федерация» рассматривается как глобальный социальный организм, состоящий из «рядоположенных типов организации хозяйственной жизни и адекватных им субкультур» (транснационального постиндустриального Севера, высокоиндустриального Запада, быстро развивающегося нового Востока, сырьевого Юга, переходного посткоммунистического мира, глубокого Юга)[4]

Более разработанным в рамках федерализма является региональный подход. Во многом идеально-типическая модель здесь, как и в мировой интеграционной практике,

была сформирована в Европе. Центральным пунктом европейской идеи и федералистских проектов явилась проблема обеспечения мира и безопасности. Важное значение имело выдвижение и обсуждение идеи Соединенных Штатов Европы во 2-й половине XIX — начале XX в. (с начала 70-х гг. XX в. идея замещается новым ориентиром — Европейским союзом)[5]. Однако, учитывая сильные националистические настроения, один из лидеров панъевропейского движения (А. Бриан) в меморандуме «Об организации европейского федерального союза» (1930 г.) особо подчеркивал, что «ни в коем случае и ни в коей мере создание предполагаемых федеральных уз между европейскими правительствами не может затронуть в чем бы то ни было ни одно из суверенных прав государств, являющихся членами подобной организации»[6]. В годы Второй мировой войны и после ее завершения происходит концептуально-программное оформление федералистских взглядов («Манифест Вентонене», 1941 г., «Манифест европейского Сопротивления», 1944 г., «Манифест из 12 пунктов», 1946 г. и т. д.). Но в конце 40-х гг. XX в. отмечается раскол федералистского движения на два течения. Первое составили традиционные («ортодоксальные») федералисты, выступающие за подписание всеобъемлющего федерального договора между европейскими государствами (Д. де Ружмон, Г. Бругманс, А. Марк и др.); второе — неофедералисты («реформисты»), настаивающие на поиске федералистских решений для конкретных проблем по принципу «ad hoc», на введении федерализма «малыми порциями» (А. Спинелли, П. Тейлор и др.)[7]

После создания Европейских сообществ (1951—1957 гг.) идея федерального политического союза в реальной практике европейской интеграции стала относительно маргинальной. Вместе с тем в декларации Шумана (1950 г.) развитие интеграции путем «конкретных достижений» трактовалось как первый шаг «в основании Европейской федерации, без которой невозможно сохранение мира»[8] Это предполагало сохранение прежней аргументации федералистов, апеллировавших к федерализму как инструменту искоренения «национального эгоизма» — предпосылки войн и конфликтов.

Традиции прошлого и реалии настоящего оказали большое воздействие и на теоретический дискурс. Постепенно

сложилось несколько версий, или гипотез в федералистской теории[9].

Создание Европейского союза оживило федералистские настроения, хотя в Маастрихтском договоре 1992 г. целью было образование ЕС как «более тесного союза между народами Европы», но не федералистского образования, против чего выступила Великобритания. М. Л. Костенко и Н. В. Лавренова подчеркивают, что ЕС на тот момент формально отвечал определенным признакам федерации (единое гражданство, предполагаемое введение единой валюты и т. п.), но не являлся федерацией в «чистом виде»[10]. Его эволюция в конце XX — начале XXI в. (подписание Амстердамского и Ниццкого договоров в 1997 и 2001 гг., расширение до 25 членов, подписание Договора, учреждающего Конституцию для Европы в 2004 г. (из проекта которого вновь, как и из Маастрихтского договора, были изъяты федералистские определения) и начало процесса его ратификации в 2005 г.)[11] обусловила еще большую диверсификацию теоретических конструкций политико-правового, социокультурного и экономического характера. На современном этапе весьма примечательным является существенное расширение аргументации федералистов. Т. Фадеева отмечает, что национальной идентичности как основному препятствию объединения Европы были противопоставлены, с одной стороны, этнокультурное возрождение регионов, с другой — европейская идентичность как следствие принадлежности к европейской цивилизации, предполагающая «диалектическое взаимодействие различных срезов национальной и религиозной идентичности, обеспечивая реальное действие принципа „единство в многообразии“, составляющего суть европейской цивилизации»[12]

Ведущим направлением в федералистской теории на современном этапе является «неофедерализм», представители которого (Дж. Пиндер, А. Сбраджа и др.) пытаются отказаться от прежней нормативности и ориентируются на положения нео- и постнеофункционализма, сочетая соответствующее видение взаимосвязи социальных и политических явлений и «федералистской озабоченности конституционными проблемами и принципами». Федерализм трактуется ими как «философия, научная ориентация, а не набор избитых политических формул»[13].

Таким образом, в современной идеологии европеизма, составной частью которой продолжает оставаться федералистская мысль, совмещаются как формальные, институциональные, так и ценностные подходы. Две важнейшие идеи — мир и демократия, по мнению К. Е. Петрова, обеспечивают ценностную и эмоциональную аргументацию в поддержку интеграционных процессов[14] и, на взгляд многих авторов, федерализации Европы.

В других регионах большее распространение получили функционалистские трактовки и экономические подходы — рыночный и дирижистский. Пожалуй, только в Африке, где времена колониального владычества европейцев оставили глубокий след, можно провести общие и специфические параллели с Европой в области концептуального обоснования интеграции.

Всплеск федералистских проектов в Африке приходится на конец 50-х — начало 60-х гг. XX в. — начало деколонизации «Черной Африки». Они разрабатывались в рамках панафриканизма, в котором акцент делался на «горизонтальную» интеграцию между африканскими государствами, без привлечения бывших метрополий (К. Нкрума, Дж. Ньерере и др.). В назначении интеграции приоритет отдавался ликвидации империализма, колониализма и достижению африканского единства. В данном случае африканское единство понималось как политическое и экономическое объединение различных стран в масштабе африканского континента в форме федерации, конфедерации или унитарного государства, предполагающих ограничение в той или иной степени суверенитета отдельных стран в пользу центрального правительства. В большинстве проектов предусматривался принцип постепенности. «Полигоном» федерализации признавались Северная и Западная Африка, потом процесс должен был распространиться на Восточную, Центральную и Южную Африку, что во многом объяснялось темпами деколонизации отдельных регионов. К концу 60-х гг. XX в. сформировалась даже концепция «концентрических кругов», которую стали применять ко всем вариантам африканского единства. Ее суть выразил тогда генеральный секретарь Африкано-Малагасийской общей организации (АМОО) Ф. Кане: «Нужно действовать по концентрическим

кругам, отправляясь от самого маленького к самому большому, конечному кругу, каковым будет континентальный круг»[15].

В то же время начало федерализации Африки было положено метрополией (Великобританией), инициировавшей создание Федерации Родезии и Ньясаленда (1953—1963 гг.). В дальнейших попытках преобладали африканские политические факторы (общие политические интересы, амбиции политических лидеров и т. п.), а объективные экономические интересы в расчет не принимались. Главными субъектами процесса федерализации стали Гана и Гвинея и их лидеры: К. Нкрума и С. Туре. Характерными примерами являются союзы Гана — Гвинея (1958 г.) и Гана — Гвинея — Мали (1961 г.), где не исключалась возможность «полного отказа от индивидуального суверенитета». Другими, также безуспешными, были проекты Федерации Мали (Сенегала и Французского Судана) (1958—1960 гг.), Федерации Восточной Африки в составе Кении, Уганды, Танганьики, Занзибара (1960 г.) и пр.[16]

Наиболее радикальной версией рассматриваемого варианта африканского единства явился проект Соединенных Штатов Африки (К. Нкрума, М. Каддафи). В проекте общеконтинентальной федерации 1963 г. предполагалось образование политического союза с общими конституцией, парламентом, командованием вооруженными силами, внешней политикой, единой валютной зоной. Оппозицию составляли сторонники «Африки отечеств» (Л. Сенгор из Сенегала) и единства на функциональной основе (У. Табмэн из Либерии)[17]. С конца 60-х — начала 70-х гг. XX в. и по настоящее время лидерство в выдвижении радикальных проектов субрегиональной и общеафриканской интеграции удерживают Ливия и ее лидер М. Каддафи (проекты союзов с Египтом и Суданом, Тунисом и Чадом, 1969—1981 гг.). Проект же федеральных Соединенных Штатов Африки, пропагандируемый с конца 90-х гг. XX в., предусматривает ликвидацию границ между африканскими странами, введение общей валюты, создание единой армии, общеафриканского суда и парламента. Внимание М. Каддафи в первую очередь сосредоточивается на ускоренном формировании наднациональной структуры в области обороны и безопасно-

сти. Против выступают ЮАР, Нигерия и Алжир — лидеры Африканского союза — преемника Организации африканского единства (ОАЕ)[18]. В целом в процессе развития африканской интеграции наблюдается все большее смещение акцентов в пользу экономического сотрудничества и интеграции на функциональной основе, причем в качестве идеальной модели рассматривается ЕС. Заметным является признание существенного значения «вертикальной» интеграции не только с бывшими метрополиями, главным образом с Францией, как в 50 — 60-е гг. XX в., но и с государствами «Группы восьми». Вполне можно согласиться с мнением, высказанным Б. Бутросом Гали, о том, что проект Соединенных Штатов Африки «с теоретической точки зрения был замечательной конструкцией, но практически не имел и не мог иметь никакого успеха»[19] Негативную роль здесь сыграли и продолжают играть не только «микронационализм» африканских государств, но и неурегулированные территориальные и этнические конфликты между ними, социально-экономические проблемы и т. д.

В Латинской Америке, как и в Африке, в развитии идеи единства отчетливо проявился фактор зависимости. Борьба за освобождение от власти Испании и общее колониальное прошлое, а позже необходимость противостоять усиливавшемуся экономическому и политическому влиянию США в Западном полушарии создавали основу для формирования политического союза. С. Боливар, один из лидеров движения испаноамериканских колоний за независимость, подчеркивал, что «консолидация Нового света в единую нацию — великая идея. Наши страны имеют один и тот же язык, одни и те же нравы и религию, они должны объединиться в конфедерацию»[20].

Эмансипация испаноамериканских колоний была определяющим, но кратковременным фактором процесса федерализации, кульминация которого пришлась на 20-е гг. XX в.[21] Укрепление позиций США, неравноправное включение латиноамериканских государств в систему экономических связей, обострение отношений между ними (Парагвайская война 1864—1870 гг., Тихоокеанская война 1879—1884 гг. и т. д.) уже во 2-й половине XIX — начале XX в. обусловили переход инициативы в разработке идеи единства к

североамериканскому течению. В латиноамериканской интеграции, получившей дальнейшее развитие в 50 — 60-е гг. XX в., несмотря на возобновившееся стремление обеспечить самостоятельность в экономической и политической сфере, ставшее еще более актуальным в 90-е гг. в связи с выдвижением США проекта формирования зоны свободной торговли от Аляски до Огненной Земли (АЛКА, ФТАА), приоритетными остаются социально-экономические аспекты и проявляются лишь зачатки элементов наднациональности. Признание многомерности интеграции ведущими интеграционными группировками региона (Южноамериканским общим рынком (Меркосур), Андским сообществом наций (АСН) и др.) не означают согласия их участников и лидеров (Аргентины, Бразилии, Венесуэлы) идти на политическое объединение, тем более в федеративной форме.

Наименее востребованной федеративная идея оказалась в Азии, что обусловлено ее чрезвычайной гетерогенностью в этническом, религиозном, культурно-цивилизационном, политическом и социально-экономическом планах. Относительную поддержку она получила лишь в арабском мире, включая Северную Африку, который, напротив, по мнению специалистов, отличается большей степенью исторической и этнокультурной целостности[22]. Идея арабского единства приобрела политическое содержание в конце 50-х — начале 60-х гг. XX в., когда было сделано несколько попыток добиться ее реализации «сверху» (проекты Объединенной Арабской Республики в составе Египта и Сирии, 1958—1961 гг., Федерации Египта, Сирии, Ирака, 1963 г., Федеративной Арабской Республики Ливии, Египта, Судана и Сирии, 1970—1971 гг. и др.)[23]. Однако предполагалось, что арабское единство на основе федерального союза может быть обеспечено при условии предварительного прохождения периода экономической кооперации, координации и признания полицентризма. Обнаружились различные идейно-философские подходы к целям и формам достижения идеи арабского единства, а наиболее последовательной сторонницей федерального союза выступила Ливия — африканское государство, проводившее амбициозную и радикальную политику, не встречавшую одобрения у других арабских государств. Оказали воздействие и внешние факторы:

расхождения во внешнеполитических ориентациях, в отношении к Израилю и т. п.

В неарабском мире, особенно в Восточной и Юго-Восточной Азии, приоритетными стали действия в направлении «азиатского решения азиатских проблем», ориентированные на укрепление национальной и региональной сопротивляемости против внешнего вмешательства и внутренних вызовов (Декларация согласия АСЕАН, 1976 г.). Выдвигаемый при этом «проектный подход» (развитие «микроинтеграции» в так называемых зонах развития — приграничных регионах), приверженность модели «открытого регионализма» и экономической кооперации, политические разногласия между государствами не способствовали федерализации. Напротив, крах Федерации Малайзии, Филиппин и Индонезии (МАФИЛИНДО, 1963—1967 гг.) во многом явился толчком к разработке специфических форм взаимодействия[24]. Оживление интеграционных настроений в Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе в конце XX — начале XXI в. (проекты создания зон свободной торговли в АСЕАН и АТЭС, таможенного союза в ССАГПЗ и т. п.) относится преимущественно к экономической области и лишь частично затрагивает политические аспекты (борьбу с терроризмом, оборонное сотрудничество и т. п.), а именно: исключительно в контексте межгосударственного сотрудничества.

Таким образом, федерализм занимает важное место в теории и практике международных интеграционных процессов, но на данный момент является, скорее, политическим проектом и теоретической конструкцией. Кроме того, федералистская мысль как составляющая теории интеграции в значительной степени остается уделом европейцев, а шансы на воплощение федеративной идеи, хотя бы частичное, имеются, на наш взгляд, только в Европе и на постсоветском пространстве. Концептуально же неофедерализм как политическая теория интеграции все более ориентируется на модель интегрального федерализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Арах М.* Европейский союз: видение политического объединения. М., 1998. С. 22.

[2] Цит. по: *Шишков Ю. В.* Теории региональной капиталистической интеграции. М., 1978. С. 143.

[3] См.: *Егоров А. В.* Правовая интеграция и ее содержание // Государство и право. 2004. № 6. С. 74—84; Современные буржуазные теории международных отношений / Отв. ред. В. И. Гантаман. М., 1976.

[4] См.: Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Отв. ред. А. И. Неклесса. СПб., 2000. С. 197.

[5] См.: *Борко Ю. А.* От европейской идеи — к единой Европе. М., 2003; *Чубарьян А. О.* Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира. М., 1987; *Швиммер В.* Мечты о Европе, Европа с XIX века до рубежа третьего тысячелетия. М., 2004.

[6] Цит. по: Западноевропейская интеграция: проекты и реальность / Под ред. В. Б. Княжинского. М., 1986. С. 15.

[7] См.: *Барановский В. Г.* Политическая интеграция в Западной Европе. М., 1983. С. 87—88; *Гриффитс Р. Т.* Основания европейской интеграции // Полис. 2002. № 4. С. 139.

[8] Декларация 9 мая 1950 г. // Европа: новое начало. Декларация Шумана, 1950—1990. Европа и проблема расширения / Под ред. Ю. А. Борко, М. В. Каргаловой, Ю. М. Юмашева. М., 1995. С. 52—53.

[9] См.: *Капустин А. Я.* Европейский союз: интеграция и право. М., 2000; *Райтер Э.* Идея европейской федерации // Современная Европа. 2000. № 2. С. 97—106; *Топорнин Б. Н.* Европейские сообщества: право и институты (динамика развития). М., 1992; *Он же.* Европейское право. М., 2001; *Шабан И. С.* Империалистическая сущность западноевропейской интеграции. Международно-правовые аспекты. М., 1971; *Шеленкова Н. Б.* Европейская интеграция: политика и право. М., 2003.

[10] *Костенко М. Л., Лавренова Н. В.* ЕС после Маастрихта: федерация, конфедерация или международная организация? // Государство и право. 1994. № 4. С. 108—109.

[11] См.: *Бирюков М. М.* Новый Европейский союз образца 2004 г. и международное право // Моск. журн. междунар. права. 2004. № 3. С. 139—166; *Он же.* Новый учредительный договор Европейского союза — «Конституция для Европы» и последние изменения в составе и статусе Европейского парламента // Журн. рос. права. 2005. № 5. С. 88—97; *Погорельская С.* Конституция versus демократия? // Мировая экономика и междунар. отношения. 2005. № 7. С. 54—63.

[12] *Фадеева Т.* Федералистская модель Европейского союза: концепции и практика // Мировая экономика и междунар. отношения. 2000. № 6. С. 25; *Иорданская Э.* Расширение ЕС на восток: позиции Германии // Мировая экономика и междунар. отношения. 2002. № 2. С. 67—74; *Зидентоп Л.* Демократия в Европе. М., 2004; *Павлов Н.* Внешняя политика Берлинской республики: новый «германский путь»? // Мировая экономика и междунар. отношения. 2005. № 2. С. 63—75; *Пиндер Дж.* К широкому федеративному сообществу: прочный союз Востока и Запада Европы // Мировая экономика и междунар. отношения. 1991. № 12. С. 67—77; *Пиндер Дж., Шишков Ю. В.* Евросоюз и Россия: перспективы партнерства. М., 2003; *Сантер Ж.* Голос Европы должен быть услышан // Россия в глобальной политике. 2003. Т. 1. № 2. С. 44—48; *Сиджански Д.*

Федералистское будущее Европы: От Европейского сообщества до Европейского союза. М., 1998.

[13] Цит. по: *Шемятенков В. Г.* Европейская интеграция. М., 2003. С. 334.

[14] См.: *Петров К. Е.* Концепт «Европа» в современном политическом дискурсе // Полис. 2004. № 3. С. 144.

[15] Цит. по: *Этингер Я. Я.* Межгосударственные отношения в Африке (Политические проблемы, эволюция, организационные формы). М., 1972. С. 220.

[16] См.: Проблемы интеграции в Африке / Отв. ред. В. К. Виганд. М., 1971.

[17] См.: *Кальвокоресси П.* Мировая политика после 1945 года: В 2 кн. М., 2000; *Этингер Я. Я.* Политические проблемы африканского единства. М., 1967.

[18] См.: *Бисвас А.* Африка: стремление к восстановлению в XXI веке // Азия и Африка сегодня. 2004. № 1. С. 50—57; *Виганд В., Дейч Г. А.* Африканский союз: история и перспективы // Свободная мысль — XXI. 2003. № 6. С. 52—59; *Усов В.* От панафриканизма к созданию Африканского союза // Азия и Африка сегодня. 2002. № 10. С. 8—13; *Он же.* Африканский союз: год спустя // Азия и Африка сегодня. 2004. № 1. С. 46—49.

[19] Цит. по: *Этингер Я. Я.* Межгосударственные отношения в Африке... С. 117.

[20] Цит. по: *Романова З. И.* Латиноамериканская интеграция: тенденции развития. М., 1970. С. 8.

[21] См.: *Жирнов О. А.* Панамериканская зона свободной торговли: иллюзии и реальность: Аналит. обзор. М., 2000; *Кузьмищев А. В.* Зарождение и развитие федеративной государственности в Латинской Америке // Латинская Америка. 2002. № 1. С. 35—41.

[22] См.: *Емельянова Г. М.* Проблемы интеграции в арабском мире // Восток. 1991. № 4. С. 124—128.

[23] См.: Арабский мир. Три десятилетия независимого развития / Отв. ред. В. А. Исаев, В. В. Наумкин. М., 1990; *Этингер Я. Я.* Межгосударственные организации стран Азии и Африки (политические и экономические аспекты). М., 1976.

[24] См.: Восточная Азия: между регионализмом и глобализмом / Отв. ред. Г. И. Чуфрин. М., 2004; *Дунаева Е.* «Исламский путь» интеграции: (Политический лозунг или экономическая перспектива?) // Азия и Африка сегодня. 2003. № 9. С. 21—26; *Мозиас П. М.* Интеграционные процессы в АТР: навстречу вызовам глобализации // Восток. 2002. № 6. С. 74—87; *Самойленко В. В.* АСЕАН: политика и экономика. М., 1982; *Халдин М. А.* АСЕАН без иллюзий. М., 1983.

Поступила 27.01.06.

О. А. СИДОРОВ

УТВЕРЖДЕНИЕ КООПЕРАТИВНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА В США (СУДЕБНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Проблема повышения эффективности федеративных отношений в современной России, особенно при координации властных полномочий федерации и ее субъектов, имеет исключительно важное значение. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение зарубежного опыта разграничения компетенций между федерацией и ее субъектами. Американский федерализм является традиционно значимым объектом изучения российской науки. История федерализма США предоставляет примеры как неэффективного распределения полномочий и дезинтеграции, так и взвешенного разграничения компетенции, которое служит объективным интересам общества, создает условия быстрого роста национального благосостояния. Важнейшую роль при этом играет судебный федерализм как судебно-правовое регулирование отношений между федерацией и ее субъектами[1].

Вплоть до начала XX в. федерализм в США сохранял преимущественно дуалистический характер, сформировавшийся в первой половине XIX в. в условиях минимального государственного вмешательства в экономику. Федеральное правительство, ограниченное в ресурсах и размерах, реализовывало преимущественно внешнеполитические функции. Его внутриэкономическая деятельность была сведена к участию в программах «внутренних улучшений», то есть в строительстве каналов и дорог с целью развития инфраструктуры внутреннего рынка. Федеральные органы не

СИДОРОВ Олег Алексеевич, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Марийского государственного университета.

вмешивались в сферы общественных отношений, традиционно контролируемые штатами.

В начале XX в. произошло коренное реформирование американского федерализма: на смену дуалистической пришла новая модель, получившая наименование кооперативного федерализма. На основании фактов активизации регулирующей деятельности федеральных органов (антитрестовское, трудовое законодательство) ряд исследователей истории США сделали вывод о том, что федерализм начала XX в. утратил дуалистический характер[2]. На наш взгляд, данный вывод является не вполне обоснованным.

Представляется, что утверждение кооперативного федерализма состоялось в 30-е — первой половине 40-х гг. XX в. и было связано с чрезвычайным расширением функций федерального центра в период Нового курса Ф. Рузвельта. В развитии федерализма в этот период господствовали четыре основные тенденции: во-первых, активизация и интенсивная централизация регулирования социально-экономических отношений; во-вторых, укрепление финансовой базы и численный рост федерального аппарата государственной власти; в-третьих, утверждение качественно новых принципов взаимоотношений федерального центра и регионов — кооперации и согласования интересов; в-четвертых, закрепление данных изменений в судебно-правовых доктринах. Вышеперечисленные новации в развитии федерализма тесно переплетались и обуславливали друг друга.

В соответствии с теорией сочетания интересов, выдвинутой Ф. Рузвельтом, именно общенациональное правительство может обеспечить эффективное сотрудничество с бизнесом и разнообразными социальными группами с целью стабилизации экономики и обеспечения благосостояния населения. На практике это выразилось в чрезвычайной активизации федерального регулирования социально-экономических отношений. На всем протяжении Нового курса Конгресс США интенсивно использовал свои полномочия для обоснования федеральной экспансии. При этом особенно часто применялось право регулировать торговлю между штатами, а также финансовый блок полномочий[3]. Федеральный контроль с их помощью был установлен над промышленным и сельскохозяйственным производством, тру-

довыми отношениями и сферой социального обеспечения. Более того, 31 социально-экономический федеральный закон, принятый в период с 1932 по 1939 г., содержал прямые оговорки о превосходстве, не допускающие конкурентное регулирование штатов[4].

Важным аспектом централизации регулирования стал значительный рост количества подзаконных нормативных актов, расширяющих сферу федерального регулирования. Этому способствовало количественное и качественное усиление системы федеральных органов исполнительной власти. С 1933 по 1939 г. были созданы 14 новых федеральных административных агентств (такое же количество, что и за весь предыдущий период истории США)[5]. К концу 30-х гг. XX в. федеральные агентства обеспечивали постоянный и жесткий контроль над реализацией актов Конгресса на местах и эффективно препятствовали нарушениям федеральной Конституции со стороны штатов.

Резко увеличились федеральные расходы: в середине 30-х гг. XX в. впервые в истории США федеральное правительство стало производить больше расходов на душу населения, чем штаты. Расширение функций федерального правительства, создание новых административных агентств привели к значительному увеличению числа служащих федеральных органов: с 600 тыс. в 1929 г. до 1 млн 100 тыс. в 1939 г.[6]

Важнейшей тенденцией в развитии федерализма, не имеющей аналогов в предшествующий период, стало объединение усилий федерации и штатов для решения комплексных социально-экономических проблем. Главным механизмом реализации принципов кооперации и взаимного согласования интересов двух уровней власти стали программы федеральной помощи штатам, в соответствии с которыми распределялись денежные субвенции (grants-in-aid). В период «первого Нового курса» (1933—1935 гг.) программы помощи были реализованы в следующих областях: распределение продовольствия нуждающимся, трудоустройство, строительство автодорог, борьба с чрезвычайными ситуациями, поддержка местного самоуправления. В период «второго Нового курса» (1935—1939 гг.) к ним прибавились новые программы: обеспечение благосостояния детей, охрана материнства, помощь престарелым, поддержка здраво-

охранения, защита природы, государственное жилищное строительство. Число подобных программ к 1939 г. составляло 29[7]. Общая сумма грантовых средств постоянно и стремительно возрастала: 193 млн дол. в 1933 г., 1,8 млрд в 1934 г., 2,3 млрд в 1935 г., 2,9 млрд дол. в 1939 г.[8]

Однако в рассматриваемый период принцип верховенства федерации не приобрел абсолютного характера. Штаты сохраняли власть над созданием корпораций, страховым бизнесом, строительством и эксплуатацией внутриштатных дорог, а в области социального обеспечения, здравоохранения и образования они установили паритет с федеральным правительством. По мнению Э. Корвина, «кооперативная концепция предполагает, что штаты и общенациональное правительство выступают как взаимодополняющие части единого государственного механизма»[9]. Практическое развитие федеративных отношений позволяет сделать заключение, что эти части не обладают равным весом. Представляется, что с 30-х гг. XX в. федеральный центр постепенно приобретал роль «старшего партнера» штатов в системе кооперативного федерализма.

Необходимость правового оформления кооперативного федерализма требовала радикального пересмотра судебных позиций (в первую очередь Верховного суда США[10]), ранее закреплявших принцип дуализма при толковании конституции. Наиболее показательна в этом отношении эволюция судебного толкования клаузулы Конституции США о праве Конгресса регулировать междуштатную торговлю. Линия судебных прецедентов XIX — первой четверти XX в., толкующих клаузулу о торговле, отражала сущность дуалистического федерализма. Суд конструировал толкование клаузулы так, чтобы она смогла, с одной стороны, оправдать все более активное федеральное регулирование социально-экономических отношений и соответствующее расширение компетенции федерации, с другой — максимально возможно защитить права штатов.

О достижении первой цели свидетельствует широкое толкование понятия «регулирование торговли между штатами». Под «торговлей» суд стал понимать перемещение любых видов товаров, услуг и лиц между штатами с коммерческими либо некоммерческими целями[11]. «Регулирова-

ние» рассматривалось как возможность устанавливать правила не только с целью поощрения и развития, но и ограничения и даже запрещения отдельных видов торговли с целью ее же защиты[12]. Кроме того, суд резервировал за федеральными органами право регулирования любых объектов междуштатной торговли и подтверждал принцип приоритета федеральных актов в случае коллизии с актами штатов в данной области[13].

Защита прав штатов выразилась в том, что суд регулярно запрещал распространение федерального контроля на производство и трудовые отношения, тем самым утверждая право штатов реализовывать собственные «полицейские полномочия» в этой области. При этом суд активно использовал дихотомию «прямое-косвенное воздействие на торговлю»: промышленное и сельскохозяйственное производство, связанные с ними трудовые отношения оказывают лишь косвенное воздействие на торговлю и по этой причине не подлежат федеральному регулированию[14]. Отметим также стремление суда к установлению четкой границы между внутри- и междуштатной торговлей с целью разграничения исключительной компетенции федерации и остаточной компетенции штатов[15]

Таким образом, судебное толкование клаузулы к 30-м гг. XX в. закрепляло «суверенитеты» федерации и штатов в отношении предметов их ведения. Полномочия штатов в сфере совместной компетенции имели конкурирующий характер. Одновременно такая позиция позволяла Верховному суду США укреплять свою роль толкователя Конституции и верховного арбитра в спорах между федерацией и штатами.

Утверждение кооперативного федерализма в рамках Нового курса происходило весьма радикально, нарушая устоявшийся баланс в отношениях между федерацией и штатами, требуя от суда немедленного пересмотра своих позиций в интересах исполнительной и законодательной ветвей власти. Эти обстоятельства во многом предопределили негативную позицию Верховного суда по отношению к Новому курсу. В 1935—1936 гг., руководствуясь формалистической теорией о «неизменности конституции», ссылаясь на недопустимость посягать на внутренние интересы

штатов, суд объявил неконституционными большинство законов, составлявших основу Нового курса.

Однако уже в 1937 г. Верховный суд пересмотрел прежний подход. Резкая смена курса судебного федерализма была обусловлена несколькими причинами. Это в первую очередь неодобрение решений широкой общественностью, а также единство позиции законодательной и исполнительной властей по отношению к реформам[16]

Главным направлением изменений стала разработка правовых механизмов, позволяющих максимально расширять сферу исключительной компетенции федерации и оправдывать активное федеральное регулирование социально-экономических отношений. В решении по делу Стальной корпорации Джоунса и Лахлина (1937 г.)[17] суд распространил федеральное регулирование на любую деятельность внутриштатного характера, имеющую «тесную и существенную связь» с междуштатной торговлей, и включил в сферу компетенции федерации трудовые отношения в процессе производства товаров для междуштатной торговли, т. е. установил возможность федерального контроля над промышленными предприятиями. В деле Дэрби (1941 г.)[18] упоминается лишь о «воздействии» на междуштатную торговлю как основании для федерального регулирования. Теперь федеральному контролю подлежит деятельность работников, весьма отдаленно связанная с междуштатной торговлей. Вскоре «участниками производства товаров для междуштатной торговли» были признаны 12 техников, обслуживающих здание, где арендаторы производили товары для междуштатной торговли (дело компании А. В. Киршбаум[19]).

«Регулирование» получило окончательную трактовку как возможность применять методы допущения, поощрения, защиты, ограничения и запрещения торговли. В результате Конгресс мог использовать полномочие по регулированию торговли «в самую полную силу» и неограниченно расширять сферу своей компетенции. Суд теперь исходил из презумпции намерения федеральных законодателей регулировать междуштатную торговлю абсолютным образом, даже если данное намерение слабо выражено в тексте законодательного акта. Верховный суд по-прежнему жестко

следовал принципу превосходства федеральных актов над актами штатов в случае позитивного регулирования междуштатной торговли Конгрессом США, даже в случае, когда имелись веские основания полагать, что закон штата лишь дополняет федеральный акт и воплощает принцип координации действий федерации и штатов[20].

По сравнению с предшествующим периодом полномочия штатов были значительно сокращены. С одной стороны, штаты сохранили юридический контроль над производством и торговлей, имеющими исключительно внутриштатный характер, то есть не воздействующими на междуштатную торговлю. С другой — сфера исключительной компетенции штатов объективно утрачивала неприкосновенность. К середине XX в. экономика США окончательно приобрела комплексный характер. В этих условиях любые проявления внутриштатной экономической деятельности могли оказывать какое-либо воздействие на экономику других штатов и страны в целом, а значит, и на междуштатную торговлю. Поэтому исключительная компетенция штатов в отношении внутриштатных производства и торговли носила формальный характер.

Таким образом, суд санкционировал включение Конгрессом в понятие «междуштатная торговля» конституционное значение промышленного и сельскохозяйственного производства, а также трудовые отношения на производственных предприятиях. Это толкование в сочетании с принципом верховенства федерального права существенно сокращало сферу исключительной компетенции штатов. Они утратили контроль над внутриштатными видами социально-экономической деятельности. В этом контексте показательно положение Верховного суда: «федеральное право регулировать торговлю является таким же широким, как и экономические интересы нации»[21]

Изучение судебного толкования других положений конституции, связанных с проблемой надлежащего распределения компетенции федерации и штатов, подтверждает вышеприведенные выводы.

Однако нельзя согласиться с позицией ряда американских исследователей о том, что жесткое применение новых стандартов не оставляло никаких шансов штатам на при-

знание законности их действий[22] Штаты сохраняли статус партнеров федерации в борьбе с последствиями экономического кризиса и, более того, усиливали собственное регулирование. Особо отметим, что незыблемость принципа федерализма США в рассматриваемый период не подвергалась сомнению. Возвышение общенационального правительства влекло изменение характера федерализма, но не означало превращения США в унитарное государство. Поэтому суд стал регулярно подчеркивать необходимость согласования конкурирующих интересов федерации и штатов. Практическим подтверждением этой позиции стала безусловная поддержка судом федерального акта, разрешающего регулирование штата в определенной области (дело Пруденциал против Бенджамина[23]).

Таким образом, эволюция судебного федерализма в рассматриваемый период отражает принципиальное изменение характера федеративных отношений. Верховный суд применил прагматический подход и, используя технику «различения» и отмены прецедентов, приспособил право к потребностям меняющихся общественных отношений. Суд признал конституционность статуса федерального центра как «старшего партнера» штатов и местного самоуправления в условиях кооперативного федерализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Саликов М. С.* Сравнительный федерализм США и России. Екатеринбург, 1998. С. 395—409.

[2] См. *Kelly A., Harbison W.* The American Government: Its Origins and Development. N. Y., 1970. P. 511—512; Федерализм: теория и история развития (сравнительно-правовой анализ) / Отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2000. С. 22.

[3] Ч. 3 разд. 8 ст. I Конституции США (клаузула о торговле) устанавливает право Конгресса «регулировать торговлю между отдельными штатами». На основании клаузулы были приняты Закон о восстановлении промышленности (НИРА), Закон о регулировании сельского хозяйства (ААА), Закон о трудовых отношениях (Закон Вагнера) и др. К финансовым полномочиям относятся право вводить и взимать налоги, производить расходование средств с целью обеспечения «общего благоденствия Соединенных Штатов», право «чеканить монету» и регулировать ее ценность. На этих основаниях Конгресс принял Чрезвычайный

банковский закон, Закон об обращении ценных бумаг, Закон о социальном страховании.

[4] См.: Federal Statutory Preemption of State and Local Authority: History, Inventory, and Issues. A Commission Report. U.S. Advisory Commission on Intergovernmental Relations. A-121. September, 1992. P. 45.

[5] Наименования агентств отражают процесс федеральной экспансии в новые области: Федеральная комиссия по ценным бумагам и биржам, Национальная администрация восстановления промышленности, Администрация по оказанию чрезвычайной помощи, Администрация сельского хозяйства, Национальное управление трудовых отношений, Федеральная комиссия связи, Агентство гражданской авиации, Федеральная комиссия по атомной энергетике.

[6] См.: *Walker D.* Toward a Functioning Federalism. Cambridge, Massachusetts: Winthrop Publishers, Inc., 1981. P. 93.

[7] Там же. P. 78.

[8] См.: *Scheiber H.* American Federalism and the Diffusion of Power: Historical and Contemporary Perspectives.

[9] *Corwin E. C.* Constitutional Revolution. Claremont, California: Claremont Colleges, 1941. P. 98.

[10] Именно за Верховным судом признается окончательность толкования Конституции США, и отмена конституционного судебного прецедента возможна только по решению самого Верховного суда.

[11] См.: Gibbons v. Ogden, 9 Wheaton 1 (1824), Pensacola Telegraph Co. v. Western Union Telegraph Co., 96 U.S. 1 (1878).

[12] См.: Champion v. Ames, 188 U.S. 321 (1903).

[13] См.: Gibbons v. Ogden, 9 Wheaton 1 (1824).

[14] См.: United States v. E.C. Knight Co., 156 U.S. 1 (1895), Hammer v. Dagenhart, 247 U.S. 251 (1918).

[15] См.: Cooley v. The Board of Wardens of the Port of Philadelphia, 12 Howard 299 (1852).

[16] Кроме того, Новый курс, влекущий изменение характера федерализма, получил широкую поддержку на президентских выборах конца 1936 г.

[17] См.: National Labor Relations Board v. Jones & Laughlin Steel Corporation, 301 U.S. 1 (1937).

[18] См.: United States v. Darby, 312 U.S. 100 (1941).

[19] См.: A. B. Kirchbaum Co. v. Walling, 316 U.S. 517 (1942).

[20] См.: Cloverleaf Butter Co. v. Patterson, 315 U.S. 148 (1942).

[21] См.: American Power and Light Co. v. SEC, 329 U.S. 90 (1946).

[22] См.: *Stern R. L.* The Commerce Clause and the National Economy, 1933—1946 / Selected Essays on Constitutional Law: 1938—1962. St. Paul, Minnesota: West Publishing Co., 1963. P. 278.

[23] См.: Prudential Insurance Co. v. Benjamin, 328 U.S. 408 (1946).

Поступила 19.10.06.

Н. И. ИЗЕРГИНА

СПЕЦИФИКА ПОСТСОВЕТСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ДЕМОКРАТИИ И. А. ИЛЬИНА

Фундаментом органической модели демократии И. А. Ильин считал христианскую культуру. Именно поэтому одним из важнейших условий успешного перехода к демократии является, по его мнению, формирование христианской культуры, которая в каждой стране будет дополняться своими специфическими национальными чертами, воплощающими исторический и политический опыт предыдущих поколений. Представляется, что это положение составляет принципиальную методологическую основу взглядов философа на демократию.

Христианская вера выдержала испытание более чем двухтысячелетней историей. Нынешняя европейская и американская культура в своих лучших источниках и основах есть культура христианская. Эта вера наследуется и передается из поколения в поколение, стала фундаментом жизни[1]. Именно на этом фундаменте стало возможным формирование основополагающих черт гражданской политической культуры, имеющей смешанный характер. Автор концепции гражданской культуры Г. Алмонд полагал, что она предполагает, во-первых, наличие трех фрагментов политической культуры в обществе (патриархальный, подданнический, активистский), во-вторых, качеств подданных и «прихожан» даже у активных участников. Г. Алмонд и С. Верба подчеркивали, что патриархальные и подданнические ориентации уравновешивают активность и политическое участие индивида, обеспечивая тем самым устойчи-

---

ИЗЕРГИНА Нина Ивановна, доцент кафедры регионоведения и политологии Мордовского государственного университета, кандидат философских наук.

вость и стабильность демократической политической системы. Таким образом «идеальный гражданин» должен одновременно стремиться оказать влияние на власть и в то же время сохранять к ней лояльность, быть потенциально активным, но не проявлять активность постоянно. Основными чертами гражданской политической культуры выступают консенсус относительно легитимности политических институтов; терпимость по отношению к другим ценностям и интересам; компетентность[2].

Христианская культура исходит из веры в Бога, обращается к внутреннему миру человека, ко всему относится с почитанием и на основе этого строит отношения с внешним миром. Гражданская культура имеет отношение к внешнему миру человека, подразумевает внешние запреты, предполагает следование формально-юридическим правилам. Жизнь души и духа остаются вне ее содержания. В значительной мере она ограничивается требованием формальной (всеядной) толерантности, что на практике не обеспечивает органичного единства интересов в обществе, не способствует своевременному решению назревших проблем.

Христианская культура целостна, так как охватывает внутреннюю и внешнюю стороны жизни человека, хотя с акцентом на внутренней стороне, затрагивает все области человеческой жизни: нравственную, политическую, хозяйственную, социальную, духовную.

Гражданская же культура касается политической сферы, что проявляется в перечне ее черт: знание о политической системе, о том, что собой представляет демократия, и как она функционирует в конкретной стране; ощущение индивидом своей политической значимости и возможности своим участием влиять на политику государства; признание обязательности участия в общественных делах; ощущение политической свободы, выражающееся в свободном обсуждении любых политических вопросов; готовность к кооперации с другими в политических акциях; гордость за демократическое устройство своей страны; доверие к общественным и государственным институтам; интерес к политике, понимание ее содержания и целей. С точки зрения И. А. Ильина именно целостность христианской культуры с ее духовно-нравственными приоритетами в конечном счете

и позволяет обеспечить иное качество демократии по сравнению с формальной индустриальной демократией, основой которой является гражданская культура.

В христианской культуре материальные ценности (экономическое благополучие и безопасность государства, процветание семьи, сохранение собственного материального благополучия, законность, порядок) оцениваются положительно, но еще более высокий приоритет отводится ценностям нематериального характера (Бог, важность религии, труда, семьи, послушание). Следует отметить, что это положение теории органической демократии И. А. Ильина подтверждается современными зарубежными и отечественными исследователями политической культуры.

Голландские исследователи Ф. Хьюнкс и Ф. Хикспурс в середине 90-х гг. XX в. предложили более модифицированную типологию политической культуры по сравнению с типологией Г. Алмонда. Совокупность типов политических культур они подразделили на две основные группы: пассивные и активные. Сравнительные исследования, проведенные в США, Великобритании, западной Германии, Италии, Мексике (1990 г.) и России (1996 г.), позволили выявить долю каждого типа в структуре политической культуры каждой страны. Так, в России преобладают пассивные типы политической культуры (приходская, подчинения, наблюдателей). На их долю приходится 70 %, на долю активных типов политической культуры (гражданской, гражданской партисипаторной, участия, клиентелистской, автономной, протестной) — лишь 30 %. В США это соотношение составляет 10 и 90 %, в Великобритании — 7 и 93 %, в Западной Германии — 12 и 88 %, в Италии — 16 и 84 %, в Мексике — 20 и 80 %[3].

Значительный вклад в изучение политических ценностей был внесен американским политологом Р. Инглхартом, разработавшим концепцию «бесшумной революции». Согласно ее основным положениям, наиболее устойчивые ценностные ориентации и настроения массовых слоев общества являются важнейшими элементами политической культуры. Специфические сочетания этих ориентаций и настроений определяют устойчивость и жизнеспособность демократии. Р Инглхарт предположил, что в индустриально развитых

странах под влиянием социально-экономического развития происходит переход от материальных к постматериальным ценностям, которые начинают играть ведущую роль в жизни людей. Основной культурный раздел начинает проходить между материалистами и постматериалистами.

Для материалистов первостепенное значение имеют ценности уровня жизни, законности и порядка. Для постматериалистов более значимы ценности нематериального характера: гарантии прав и свобод человека, самовыражение и самоопределение личности, защита окружающей среды, качество жизни. Наряду с самовыражением и качеством жизни постматериалисты особое внимание уделяют политическому участию. Сильное влияние на отношение граждан к политической системе в целом оказывает такая постматериалистическая ценность, как удовлетворенность жизнью (работой, досугом, семейной жизнью)[4].

Исследования, проведенные в 43 странах, показали, что постматериальные ценности коррелируют с удовлетворенностью жизнью (r = 0,68). В то же время Инглхарт отмечает интересный факт, который выявили исследования: на личностном уровне постматериалисты не обнаруживают относительно высокого уровня реальной удовлетворенности жизнью. Их субъективное ощущение благосостояния не повышается по мере экономического роста доходов. Именно поэтому среди постматериалистов не получили распространение такие ценности, как «упорный труд», «необходимость детей для женщины», «необходимость для ребенка обоих родителей». Переход к постматериальным ценностям связан с отходом от религиозных и семейных ценностей, сопровождается ростом морального релятивизма, что выражается в низких оценках необходимости «уметь различать добро и зло». Также наблюдаются снижение преклонения перед государственной властью и повышение внимания к индивидуальным ценностям (досуг, дружба и добрососедство). Постматериалисты меньше материалистов оценивают значение науки и техники, полагая, что научный и технический прогресс может принести человечеству большой вред.

Общества, в которых широко распространены постматериальные ценности, характеризуются большой толерантно-

стью по отношению к социальным и национальным меньшинствам. Данные исследований демонстрируют терпимое отношение постматериалистов к иммигрантам, сексуальным меньшинствам, феминизму.

На основе этих данных Инглхарт делает вывод о том, что непременным условием современной демократии является укрепление постматериальных ценностей, связанных с достатком, которые способствуют повышению терпимости к разнообразию. Другими условиями современной демократии являются повышение уровня межличностного доверия и участия людей в общественной жизни. В иерархии постматериалистических ценностей значительное место занимают самовыражение и участие в принятии решений на всех уровнях. Таким образом, Инглхарт утверждает, что в постмодернистском обществе основанием демократии становятся постматериальные ценности.

Главный вывод, к которому приходит Инглхарт, таков: само по себе экономическое развитие не порождает демократию, оно влияет на демократизацию лишь в той мере, в какой способствует культурным переменам. Для культуры большинства экономически неразвитых стран характерно превалирование ценностей выживания, а власть является традиционной. Для большинства посткоммунистических стран характерны доминирование ценностей дефицита и надежды на государственную власть[5].

Американский политолог подчеркивает, что ценностные системы богатых и бедных стран отличаются друг от друга. Богатые страны характеризуются современным государством и превалированием постматериальных ценностей. Однако Инглхарт отказывается объяснять культурные изменения только экономическим развитием. На культуру общества и его ценности оказывает не меньшее влияние его историко-культурное наследие.

Сравнение изложенных выше результатов исследований политической культуры в различных регионах мира, полученных зарубежными учеными, и взглядов И. А. Ильина касательно христианской культуры позволяет обнаружить ряд принципиальных сходств. Во-первых, признание значительного влияния на культуру общества его историко-культурного наследия. И. А. Ильин постоянно, обосновывая пер-

спективы и пути строительства постсоветской России, исходит из исторического факта своеобразия и непохожести России на другие страны, указывая, что главной основой этого своеобразия является православная вера, иоанновский дух (желание нравственного совершенства, стремление внести во все начало любви и т. д.), составляющих «самое русское естество».

Во-вторых, признание соответствия определенного типа культуры тому или иному типу демократии. Речь идет о признании того факта, что та или иная разновидность демократии определяется не только уровнем экономического развития, но и в значительной степени наличным уровнем культуры, ее своеобразием. Основой индустриальной демократии сегодня считается гражданская культура с ее ориентацией на материальные ценности как приоритетные. Основой постмодернистской демократии — постматериальные ценности: самовыражение, качество жизни, политическое участие. Основой органической демократии, по И. А. Ильину, является христианская культура с ее иоанновскими душевно-духовными ценностными приоритетами: верой во второстепенность земного, живой совестью, религиозным осмыслением жизни и мира, всеобъемлющей любовью, стремлением к нравственному идеалу, социальной справедливостью и т. д. Будущее свободное Российское государство философ видел как христианское по своему духу, в нем всем российским гражданам обеспечивается право свободной веры как священное и неприкосновенное. В этом вопросе он выступает не как утопический максималист, а как реалист. Он предлагает в будущей России воплощать христианские ценности в меру их реальной необходимости и исторической возможности в народной жизни.

В-третьих, признание усиления формального характера постмодернистской демократии, продолжающегося ее разрыва с иоанновским духом. Можно даже сказать, что постмодернистская демократия суперформальна, она внутренне противоречива, что приводит к ее кризисности. Проявляется это в следующем: субъективное ощущение благосостояния не повышается по мере экономического роста и роста доходов, отсюда отрицание ценности «напряженная работа» и акцент на «важность досуга». Свобода выбора в

условиях постмодернистской демократии сводится к выбору вариантов в рамках одной системы координат, а не между различными системами координат, что и показывает формальность свободы выбора. Сдвиг в сторону нематериальных ценностей в современной постмодернистской демократии также имеет формальный характер, ибо ориентации на ценности самовыражения и участие в принятии решений сопровождаются ростом морального релятивизма, отказом от необходимости уметь различать добро и зло, усилением индивидуализма; отходом от семейных и религиозных ценностей; в итоге уходом от духовных, качественных основ жизни. Без них демократия превращается в пустую оболочку, т. к. бездуховность, по И. А. Ильину, и есть сущностное проявление формальности.

В-четвертых, признание отсутствия универсальной политической формы, одинаково приемлемой для всех народов вне контекста их конкретно-исторического развития и наличного уровня культуры, в значительной степени определяемой историко-культурным наследием. Справедлив и актуален в связи с этим вывод мыслителя о том, что никакой формой западничества Россия не возродится. Она нуждается в самостоятельном национальном творчестве на основе учета собственных целей и интересов, обусловленных исторически, национально, религиозно и культурно. Отсюда вытекает, что Россия должна создать свой общественный и государственный строй, необходимый ей в постсоветский исторический момент, подходящий и спасительный только для нее[6].

Главное направление национального творчества — воспитание в русском народе национального духовного характера как главной творческой идеи будущей России. В ней заключен критерий политической программы: «России полезны только те политические и хозяйственные формы, которые верно учитывают наличный уровень национального характера и которые способны воспитывать, укреплять и одухотворять национальный характер в интеллигенции и в массах»[7]. Воспитать и укрепить в русском народе такой характер — значит научить русского человека, по выражению И. А. Ильина, «духовно быть, самостоятельно творить и отстаивать свою Родину». Именно духовное воспитание

подготавливает человека к свободе и ее творческому восприятию. Следовательно, путь к формированию свободного политического и гражданского общества лежит через существо самой личности, ее духовное содержание. Такова стержневая методологическая установка теории органической демократии И. А. Ильина.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Ильин И. А.* Христианство и большевизм // Собр. соч.: В 10 т. М., 1998. Т. 7. С. 293.

[2] См.: Политология: Учеб. пособие / Под ред. А. С. Тургаева, А. Е. Хренова. СПб., 2005. С. 295—296.

[3] См.: *Рукавишников В., Халлман Л., Эстер П.* Политические культуры и социальные изменения: международные сравнения: Пер. с англ. М., 1998. С. 191—194.

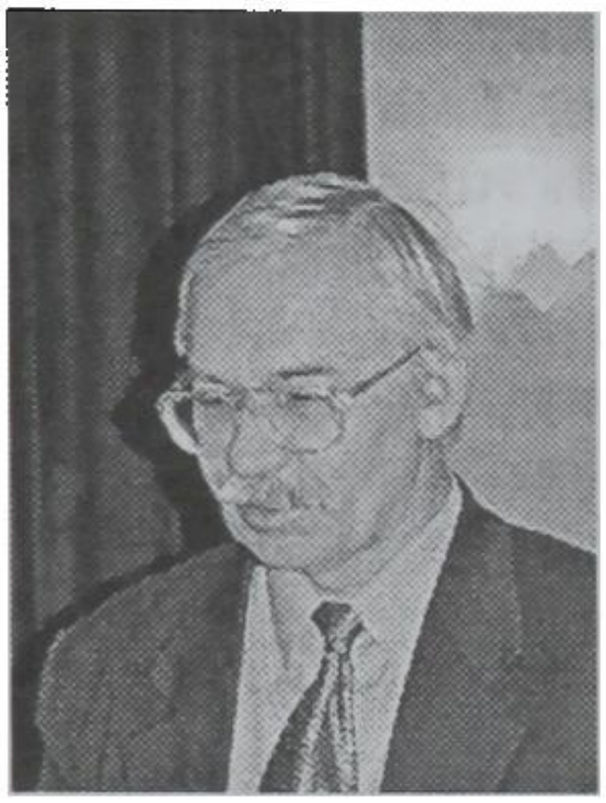
[4] См.: *Инглхарт Р.* Меняющиеся ценности, экономическое развитие и политические перемены // Международный журнал социальных наук. 1996. № 12. С. 21.

[5] Там же. С. 28.

[6] См.: *Ильин И. А.* Очертание будущей России // Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948—1954 годов: В 2 т. М., 1992. Т. 1. С. 333, 340.

[7] *Ильин И. А.* Творческая идея нашего будущего // Собр. соч.: В 10 т. М., 1998. Т. 7. С. 459.

Поступила 30.11.06.



В. С. АВДОНИН

МЕЖПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И РЕГИОНЫ

В большинстве современных публикаций по российской региональной политике тема политической централизации является определяющей[1]. Эти вопросы рассматриваются в различных аспектах, их оценки весьма неоднозначны, но общий тон публикаций не оставляет сомнения в том, что проводимая федеральным центром с 2000 г. политика существенно изменила характер отношений центра и регионов в современной России. Эпоха «федерализации» и центробежных тенденций, характерных для политики 90-х гг. XX в., сменилась централизацией в отношениях центра и регионов. На общем фоне смены тенденций объектом исследований становятся причины, условия, ход преобразований этих отношений, перспективы их возможного развития. На этом фоне актуализируются вопросы унификации этих отношений, тенденций перехода к симметричной федерации.

Политическая инициатива унификации регионов, строительство «властной вертикали», идущие из центра, встречают подчеркнутую лояльность на местах. Создается впечатление, что, будучи ведущей стороной процесса, именно политика центра становится главным объектом анализа, в то время как региональная политическая реальность однообразна, приобретает второстепенное значение и не вызывает особого интереса исследователей.

Но, на наш взгляд, игнорировать региональную политическую реальность и представлять дело так, что теперь все зависит исключительно от политики центра, было бы неверно. Политика центра сталкивается в регионах со зна-

---

АВДОНИН Владимир Сергеевич, доцент кафедры политологии Рязанского государственного университета, кандидат философских наук.

чительной спецификой. Многообразие условий, процессов, проблем, характерных для различных регионов страны, вынуждает центр к дифференциации и индивидуализации своей политики. В этом смысле политическая регионалистика как область изучения политики в регионах и ее взаимодействий с центром сохраняет свое значение. Рассмотрение совокупности взаимодействий центра с регионами возможно на базе количественного (статистического) анализа данных, что ведет, однако, к существенной потере информации о качественных и содержательных аспектах происходящих процессов[2] В качестве альтернативной исследовательской стратегии выступает подход, получивший название «толстые описания», или «систематические сравнительные описания». Он позволяет значительно глубже и детальнее анализировать качественные и содержательные аспекты процессов, опираясь на ограниченное количество случаев. При этом отмечается, что в своих наиболее удачных проявлениях этот подход не сводится к чистой дескриптивности, а позволяет получать и уточнять теоретические положения, относящиеся ко всей совокупности изучаемых процессов[3].

В связи с этим несомненный интерес представляют итоги проекта, проводившегося группой российских региональных исследователей под руководством японского профессора университета Хоккайдо К. Мацузато при поддержке Центра славянских исследований университета Хоккайдо[4] Этот проект, посвященный исследованию политики централизации в российских регионах, в какой-то мере можно считать продолжением на новом этапе большого эмпирико-описательного проекта «Российские регионы: хроника и руководители», проводившегося под руководством Мацузато российскими исследователями в 90-е гг. Результаты этого проекта были представлены в многотомном издании на русском языке, достаточно хорошо известном российским региональным исследователям[5].

На этот раз главной задачей проекта было исследование *территориального аспекта* политики централизации, проводимой федеральным центром после 2000 г. на примере семи российских регионов: Рязанской, Тамбовской, Самарской, Ульяновской областей, республик Коми и Татарстан,

Краснодарского края. Очерки выполнены российскими исследователями. Они отличались жанровым разнообразием, а хронологические рамки исследования охватывали в основном политические процессы в период первого президентского срока В. В. Путина. Тем не менее методологический подход, использованный в проекте, а также ряд его выводов и результатов имеют значение, на наш взгляд, для исследования состояния политической сферы и в последующий период.

Базовый методологический подход проекта заключался в использовании концепции *межполитических отношений*, направленной на исследование взаимоотношений политики федерального центра с политическими, экономическими, социальными условиями, процессами в исследуемых регионах, отслеживании изменений в регионах, вызванных этой политикой[6] В основном эта концепция направлена против чрезмерного и, вследствие этого, непродуктивного разведения общенационального аспекта политики и политических процессов регионального уровня. В какой-то мере постановку этой задачи стимулировали российские политические исследования регионов в конце 90-х гг. XX в., в которых отмечалась тенденция к рассмотрению развития региональных политий в качестве автономных политических режимов, слабо связанных с политикой федерального центра[7] С другой стороны, в американской политологии была отмечена тенденция — при изучении федеративных отношений выделять преимущественно взаимоотношения исполнительных ветвей власти федерального и регионального уровней («межправительственных» отношений), оставляя за скобками остальное. Стремясь преодолеть эти недостатки, концепция межполитических отношений подчеркивает взаимосвязь общенационального и регионального политического процесса в двух взаимопересекающихся «измерениях». С одной стороны, это взаимодействие по линии «управленческой вертикали» между центральными и региональными уровнями власти и управления, с другой — взаимодействие общенационального и регионального политического процесса в целом, включающее также и общественно-политическое «измерение». На этой основе в рамках данной концепции формулируется идея двух «автономий», при-

званных фиксировать степень зависимости/независимости региональной политики в двух выделенных «измерениях» (органы власти и управления и политический процесс в целом) от их общенациональных аналогов[8] Образуемое двумя шкалами «автономии» аналитическое пространство дает возможность анализировать и сопоставлять изменения в политических отношениях центра и регионов как в сфере властной «вертикали», так и в политическом процессе в целом, выделяя сходства и различия происходящего в этих сферах[9]. В целом этот подход позволял более объемно и всесторонне рассматривать различные аспекты отношений федерального центра и регионов, фиксировать различные ритмы происходящих изменений, выявлять связанные с этим проблемы.

В ходе проекта авторы ориентировались прежде всего на исследование экономических и политических условий проводимой политики централизации, полагая, что в условиях общей *прагматизации и деидеологизации* политики в период первого президентского срока Путина, разного рода идеологические факторы играли подчиненную роль.

В проекте констатируется успех политики централизации, который был достигнут относительно «малой кровью», эволюционным путем, без радикальных поворотов и серьезных кризисов и конфликтов федерального центра с региональными элитами. Прежде всего успех этой политики объясняется тем, что она накладывалась на объективный процесс «открытия» до этого эволюционировавших к закрытости региональных экономик и рынков. Начавшийся в период перехода от Ельцина к Путину (после кризиса 1998 г.) экономический рост вызвал активизацию межрегионального перемещения капитала и способствовал вовлечению региональных ресурсов в общенациональный и внешний рынки[10]. Экономическая закрытость регионов, которая в период Ельцина усугублялась ситуацией глубокого экономического кризиса (по принципу «каждый выживает в одиночку»), стала разрушаться. В регионы приходили внешние «игроки» из центра (крупные общенациональные компании «олигархов»), либо, в отдельных случаях, «местные игроки» превращались в макрорегиональных или общенациональных. И то, и другое подрывало закрытость не только

региональных рынков, но и региональных элит, усложняло их внутреннюю конфигурацию. На региональном уровне появлялось больше «игроков», ориентированных на общенациональную политику.

В проекте это хорошо иллюстрируют примеры Краснодара, Самары, Коми. Так, в Краснодарском крае созданная в 90-е гг. XX в. при губернаторе Н. И. Кондратенко модель закрытого внутреннего рынка была серьезным препятствием для открытия этого важнейшего транзитного и аграрного региона России. Однако давление интересов экспортирующих компаний, аграрного, транспортного, рекреационного бизнеса, нуждавшихся в большей открытости региона, привело к постепенному демонтажу сложившейся системы. Этот демонтаж возглавил новый глава региона, получивший власть из рук своего предшественника под давлением и кураторством федерального центра и принявший новые правила отношений[11]

В Самарской области ситуация была несколько иной. Здесь руководство не препятствовало развитию региональной бизнес-среды на этапе ее формирования, а, напротив, активно включилось в ее строительство и опеку. Но по мере развития бизнеса стремление освободиться от опеки региональных начальников становилось все сильнее, тем более что ряд местных структур обладал ресурсами для трансформации в макрорегиональных и общенациональных бизнес-«игроков» (например, ВАЗ). Новые правила, предложенные федеральным центром, были для них более привлекательными, чем регионализм, и они их активно поддержали[12].

В Республике Коми важным фактором были природные ресурсы. Крупные внешние «игроки», нуждавшиеся в доступе к этим ресурсам (прежде всего «Лукойл»), стараясь договориться с руководителем региона, одновременно дифференцировали свою поддержку и среди его политических конкурентов[13]. В итоге это привело к смене регионального руководства, и новый лидер республики пошел на более активное открытие региона. С теми или иными особенностями отмеченные выше процессы проявлялись и в других регионах, исследуемых в проекте.

Политика централизации, проводимая В. В. Путиным, обеспечивала эти процессы в политическом, правовом и

административно-силовом плане. Здесь была примечательна роль полпредов с их полномочиями и функциями. Они курировали силовые ресурсы в регионах, контролировали региональное законодательство, а также часто выполняли функции посредников и кураторов новых внешних экономических «игроков» в регионах.

Важно также отметить, что процессы, связанные с «открыванием» регионов, были особенно показательны и многообразны в относительно крупных и обладающих значительными ресурсами регионах. В большинстве из них политика централизации сопровождалась определенной дестабилизацией региональной власти и реконфигурацией элит с преобладанием общенациональных интересов. В период первого срока В. В. Путина там, как правило, происходили смены губернаторов, общенациональный статус которых при этом повышался. Но губернатор мог и сохраняться, приспособившись к новому положению дел. В целом политика центра в регионах этого типа была особенно дифференцированной и многоплановой, а региональным элитам предлагались различные типы «компенсаций». Помимо значимости собственно ресурсного фактора, для политики федерального центра в некоторых из этих регионов важное значение могло иметь еще одно обстоятельство. В данном случае речь ведется о регионах *«взрывного пояса»* России, способности элит ряда крупных российских регионов, образующих этот «взрывной пояс», задавать региональной политике вектор, автономный от общенациональной политической конъюнктуры[14]. К. Мацузато исследовал эту проблему в основном на материалах анализа электорального поведения в этих регионах в 90-е гг. XX в. В условиях путинской централизации ситуация в этих регионах менялась, но потенциальная способность задавать автономный вектор региональной политике и сопротивляться централизации там сохранялась. Для успеха политики федерального центра поворот в этих регионах имел стратегическое значение, поэтому политическая линия там была особенно разнообразной и персонифицированной, учитывающей интересы сохраняющихся или новых губернаторов и ведущих элитных групп. В рассматриваемом проекте многообразные формы политики центра хорошо иллюстрировали очерки о развитии ситуации в Самарской области, республиках Коми и

Татарстан, Краснодарском крае. Примеры этого многообразия можно легко продолжить на основе рассмотрения и других регионов этого типа: Н. Новгорода, Перми, Красноярска и др., которые были объектами изучения в ряде других проектов[15].

Что касается большинства небольших и малоресурсных регионов, значение ситуации в которых для федеральной политики существенно ниже, то их вышеописанные процессы затрагивали значительно меньше, а политика там особым разнообразием не отличалась. Типовыми можно считать, во-первых, «открытие» региона путем «вторжения» туда элитных групп извне. В этом случае региональная политика дестабилизировалась. Во-вторых, адаптация местных элит к новой ситуации, «мягкое» проникновение немногочисленных внешних «игроков» под эгидой федерального центра и при договоренности с губернатором. В этом случае региональная политика оставалась относительно стабильной. В рассматриваемом проекте случай первого типа хорошо иллюстрирует очерк об Ульяновской области[16]. Второй случай демонстрирует очерк о Тамбовской области[17]. Более сложный, «промежуточный» случай демонстрировала Рязанская область[18].

Еще один вывод, сделанный по результатам проекта, состоял в том, что путинская централизация первого срока парадоксальным образом привела к усилению монолитности и монопольности региональной власти, к большей моноцентричности региональных политик. На первый взгляд, этот вывод противоречит первому. Казалось бы, ослабление региональной экономической закрытости, о которой говорилось выше, должно вести к ослаблению властного монополизма в регионах. Но на деле этого не происходило. Анализ региональных процессов показывал, что в большинстве регионов местная «властная вертикаль» усиливалась. Объяснение этого парадокса дает концепция *«касикизма»*, или *«боссизма»*, также предложенная К. Мацузато[19] Будучи примененной к политике централизации первого срока В. В. Путина, она показывала, что эта политика включала также сотрудничество федерального центра и агрегированных с ним в регионе сил.

Это подтверждалось более частым сохранением действующих глав регионов во время избирательного цикла, про-

ходившего в период первого срока Путина. Если центр делал ставку на другую, альтернативную действующему губернатору элитную группу, считая ее более сильной, то губернатор, как правило, менялся (хотя таких случаев в избирательном цикле первого срока Путина было меньше). Примеры такого рода показали практически все исследованные в проекте региональные случаи[20].

Разумеется, этот механизм был небезупречен и мог давать сбои. В этом случае политика в регионе, как правило, дестабилизировалась, а соперничество элитных групп возрастало[21]. Это были, скорее, исключения, чем правило. К тому же лояльность федеральному центру и в этих случаях не страдала, так как соперничающие в регионах группы вели за нее борьбу.

Таким образом, ситуация, о которой говорилось выше, находит свои объяснения в политике взаимовыгодного сотрудничества. На наш взгляд, централизация не привела к активному сопротивлению и «взрыву политической нестабильности» в регионах по следующим причинам. Во-первых, она имела под собой экономическое основание в виде развивающегося в условиях экономического роста национального рынка и заинтересованных в этом развитии сил, появившихся на общенациональном и региональном уровнях. Во-вторых, она была «демпфирована» практикой, допускавшей усиление власти региональных лидеров. В-третьих, она осуществлялась с учетом региональной дифференциации, модифицируясь в зависимости от характера и значимости региона для общенациональной политики.

С точки зрения концепции межполитических отношений политика централизации первого срока В. В. Путина в основном привела к изменениям в отношениях федерального центра и регионов по линии взаимодействий во властно-управленческой «вертикали». Региональная «автономия» в этой сфере снизилась, а лояльность, зависимость от центра, влияние последнего — возросли. Что же касается отношений по линии политического процесса в целом, то региональная «автономия» оставалась по-прежнему высокой.

Таким образом, следует констатировать успех путинской централизации, но необходимо отметить и ее проблемы. Главные из них были связаны с сохраняющейся повышенной «автономией» региональной политики от общенацио-

нального политического процесса и с сохраняющейся сегментацией регионального политического пространства. В этих условиях перспективы централизации были неоднозначны. С одной стороны, тренд на ее дальнейшее усиление выглядел весьма вероятно, но с другой — сохраняющиеся проблемы говорили об ограничениях, с которыми будет сталкиваться эта политика.

Многие постановки вопросов, подходы, выводы и материалы проекта были достаточно продуктивны и позволяли определенным образом объяснять то, что происходило в региональной политике федерального центра в дальнейшем[22]. Новый раунд централизации был во многом предопределен сохранявшейся благоприятной экономической конъюнктурой, продолжением экономического роста и активизацией движения капитала и других ресурсов. Это требовало дальнейшего «открытия» регионов для общенационального и внешнего рынков при сохранении и даже усилении контроля за этими процессами из центра. Поэтому движение по пути усиления «властной вертикали», сокращающее «автономию» региональной власти, было вполне логичным. В этом смысле «неожиданное» решение В. В. Путина после Беслана о фактическом переходе к назначению губернаторов было на самом деле вполне ожидаемым шагом в этом направлении. Оно отнюдь не было спонтанной реакцией на террористические акты.

В отличие от политики первого срока В. В. Путина, которая привела лишь к частичному изменению модели межполитических отношений федерального центра и регионов в направлении их централизации, политика второго срока обозначила их более радикальную и всестороннюю трансформацию.

Сказанное выше о проекте «Феномен Владимира Путина и российские регионы» позволяет заключить, что его проведение было полезным. Примененные в нем концепции и подходы, так же как и полученные результаты, способны и сегодня помочь исследователю, обращающемуся к изучению проблем региональной политики в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См., например: *Галкин А. А. и др.* Эволюция российского федерализма // Полис. 2002. № 3. С. 96—128; *Галкин А. А. и др.* Федерализм

и публичная сфера в России // Полис. 2001. № 4. С. 132—161; *Федосов П. А. и др.* Перспективы российского федерализма: федеральные округа; региональные политические режимы; муниципалитеты // Полис. 2002. № 4. С. 159—183; Региональные процессы в современной России. М., 2002; Политическая регионалистика: теория и практика. М., 2003; *Баранов А. В., Вартумян А. А.* Политическая регионалистика. Вып. 1—3. М., 2004; Федеральная реформа 2000—2003. Т. 1. Федеральные округа. М., 2003; Федеральная реформа 2000—2004. Т. 2. Стратегии, институты, проблемы. М., 2005; *Медведев Н. П.* Политическая регионалистика. М., 2005; и др.

[2] См.: *Голосов Г. В.* Политические партии на региональном уровне // Политическая социология и современная российская политика. СПб., 2000. С. 226—271; Электоральная инженерия и партийное развитие в регионах России: политические предпосылки и пределы // Принципы и практика политических исследований. М., 2002. С. 102—117; *Панов П. В.* Реформа региональных избирательных систем: развитие политических партий в регионах России // Полис. 2005. № 5. С. 102—117; и др.

[3] См.: *Голосов Г. В.* Сравнительное изучение регионов России: проблемы методологии // Органы государственной власти субъектов Российской Федерации. М., 1998. С. 135—136.

[4] См.: Феномен Владимира Путина и российские регионы: победа неожиданная или закономерная? / Под ред. К. Мацузато. М., 2004.

[5] См.: Регионы России: хроника и руководители. Т. 1. «Красный пояс»: Центральное Черноземье — Липецкая, Тамбовская и Пензенская области. Саппоро, 1997; Регионы России: хроника и руководители. Т. 2. Ростовская и Саратовская области. Саппоро, 1997; Регионы России: хроника и руководители. Т. 3. Самарская и Ярославская области. Саппоро, 1997; Регионы России: хроника и руководители. Т. 4. Ленинградская и Калининградская области. Саппоро, 1997; Регионы России: хроника и руководители. Т. 5. Рязанская, Владимирская и Тульская области. Саппоро, 1998; Регионы России: хроника и руководители. Т. 6. Нижегородская и Ульяновская области. Саппоро, 1999; Регионы России: хроника и руководители. Т. 7. Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Республика Мордовия. Екатеринбург, 2000.

[6] См.: Пространственные факторы в формировании партийных систем: диалог американистов и постсоветологов / Под ред. К. Мацузато. Саппоро; Екатеринбург, 2002.

[7] См., например: Россия регионов: трансформация политических режимов / Под ред. В. Гельмана, С. Рыженкова, М. Бри. М., 2000; и др.

[8] См.: Пространственные факторы... С. 13—16.

[9] Там же. С. 17—18.

[10] См.: Феномен Владимира Путина и российские регионы... С. 7—8.

[11] См.: *Магомедов А. К., Кириченко М. М.* От Ельцина к Путину: Кремль и региональная Россия (на примере Ульяновской области и Краснодарского края) // Феномен Владимира Путина...

[12] См.: *Александров А. А.* Самарская область: политические процессы 1997—2000 гг. // Феномен Владимира Путина...

[13] См.: *Ковалев В. А.* Республика Коми в путине российского федерализма // Феномен Владимира Путина...

[14] См.: Взрывной пояс-96: российские регионы и электоральное поведение / Ред. К. Мацузато. Саппоро, 1999; *Мацузато К.* Электоральная география России: Белый, красный, серый и взрывной пояса // Выборы и партии в регионах России. М.; СПб., 2000; Regions: A Prism to View the Slavic-Eurasian World. Towards a Discipline of «Regionology» / Kimitaka Matsuzato (Ed.) Sapporo, 2000.

[15] См.: *Борисов С. В.* Актуальный политический режим в Нижегородской области в 1990-е годы // Университетская политология России // Полис. 1999. С. 74—85; *Макарычев А. С., Дахин А. В., Распопов Н. П.* Повестка дня областного парламента: политические и законодательные приоритеты областного законодательного собрания // Основные тенденции политических и экономических трансформаций в Нижегородской области. Новгород, 2002. С. 179—197; *Суховольский А., Суховольский В.* Региональные выборы в Красноярском крае: политический и структурный анализ // Выборы и партии в регионах России. М.; СПб., 2000. С. 242—267.

[16] См.: *Магомедов А. К., Кириченко М. М.* Указ. соч.

[17] См.: *Сельцер Д. Г.* От А. И. Рябова до О. И. Бетина: О традиционной парадигме «коммунисты-демократы», клановости и феномене Владимира Путина (Тамбовская область, 1995—2000) // Феномен Владимира Путина...

[18] См.: *Авдонин В. С.* Рязанская область: от «централизма Ельцина» к «централизму Путина» через «антицентралистскую девиацию» // Феномен Владимира Путина...

[19] См.: *Matsusato K.* From Communist Boss Politics to Post-Communist Caciquismo // Communist and Post-Communist Studies. 2001. Vol. 34. № 2.

[20] Сводную таблицу случаев см.: Феномен Владимира Путина... С. 11—12.

[21] В проекте это показало исследование ситуаций в Коми и Ульяновской области, в дальнейшем — в Рязанской области и Алтайском крае. Но это были уже едва ли не последние случаи «незапланированного» прихода к власти губернаторов перед отменой прямых губернаторских выборов.

[22] См.: *Панов П. В.* «Централизация» глазами регионалистики // Полис. 2004. № 5. С. 174—178.

Поступила 11.10.06.

Е. С. БУЯНКИНА

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СУБЪЕКТАХ РФ

Понятие конституционно-правового статуса уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации не получило достаточного освещения в отечественной политологической и юридической литературе. Исследования во многом сосредоточены на вопросах истории развития этого института, характеристике регионального законодательства об уполномоченных, особенностях практики их деятельности, сравнительном анализе положений законов субъектов РФ о региональных уполномоченных по правам человека и Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» от 26 февраля 1997 г. № 1-ФЗ[1].

Обращение к специальным региональным законам показывает весьма неодинаковое «наполнение» статусных характеристик уполномоченных. Принятые на протяжении последних десяти лет законы отражают различные подходы региональных законодателей к данному институту. Различным образом региональные законы формулируют задачи деятельности уполномоченных. Во многом задачи раскрывают характер и направление деятельности уполномоченных. Региональные законы, как правило, формулируют следующие задачи деятельности уполномоченного: восстановление нарушенных прав и свобод человека и гражданина на территории соответствующего субъекта РФ; совершенствование соответствующего регионального законодательства о защите прав и свобод человека и гражданина; развитие межрегионального и международного сотрудничества в об-

---

БУЯНКИНА Елена Сергеевна, аспирант кафедры государственного и административного права Мордовского государственного университета.

ласти защиты прав человека и гражданина; содействие правовому просвещению по вопросам прав и свобод человека и гражданина, форм и методов их защиты.

В законах Кемеровской, Саратовской, Липецкой, Амурской, Астраханской, Пермской областей, Краснодарского, Ставропольского краев, республик Марий Эл, Саха (Якутия), Коми, Калмыкия, Башкортостан, Татарстан задачи деятельности уполномоченного не выделены в качестве самостоятельной позиции. При этом в законах нередко используется формулировка, схожая с положением Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации».

На наш взгляд, установление в законах субъектов РФ задач деятельности уполномоченного способствует более четкому определению места этого института среди иных публичных структур субъекта Российской Федерации.

Категория «статус» используется в различных контекстах, с учетом отраслевой специфики, особенностей характеризуемого субъекта. Однако при всех различиях обсуждаемая категория призвана «зафиксировать» состояние определяемого участника правовых отношений. Формализация посредством правовых норм, регулирующих отношения «искомого» субъекта с иными участниками правовых отношений, позволяет создать устойчивую конструкцию. «В рамках обретенной нормативной формы, — пишет Н. А. Богданова, — обеспечивается относительное постоянство содержания регулируемых соответствующими нормами отношений»[2]. Разумеется, такой подход не исключает «динамической» характеристики статуса.

Устойчивость статуса субъекта права достигается посредством определенности нормативного закрепления. Формализация статуса осуществляется на основе совокупности правовых норм, регулирующих условия и деятельность субъекта. В зависимости от нормативного «наполнения» и отраслевой специфики получают свое выражение конструктивные особенности статуса. Соответственно речь идет о нормативном статусе.

Исходные положения статуса уполномоченных «прописаны» не во всех конституциях и уставах субъектов РФ. Положения ряда основополагающих актов субъектов РФ

(например, ст. 67 Устава Саратовской области, ст. 43 Устава Ханты-Мансийского автономного округа, ст. 73 Конституции Республики Марий Эл) ограничиваются закреплением полномочия законодательного органа назначать на должность уполномоченного. Полагаем, что исходные положения статуса уполномоченного должны получить развернутое закрепление в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации. Такой подход позволит не только «усилить» статус уполномоченного, но и создать завершенный образ конституционно формируемых институтов публичной власти субъектов РФ. В то же время на конституционное (уставное) закрепление статуса региональных уполномоченных указывает положение Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»; в ст. 5 закона установлено: «В соответствии с конституцией (уставом), законом субъекта Российской Федерации может учреждаться должность Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации»[3].

Наиболее полное нормативное выражение правовой статус уполномоченных по правам человека субъектов Российской Федерации получает в соответствующих региональных законах. При всех различиях текстуального выражения статуса законы субъектов РФ выстраивают схожую конструкцию статуса. Его особенность заключена в производности от конституционно-правового статуса субъекта Федерации. Уполномоченный по правам человека является должностным лицом субъекта Федерации, который выступает своего рода посредником между государственными органами и личностью, действующим в интересах последнего. Свои полномочия региональные уполномоченные обретают на основании принятых в субъектах РФ законов. Юридическая легитимация их деятельности становится возможной на основании решения законодательного (представительного) органа о назначении лица на должность уполномоченного.

Фактический статус уполномоченного по правам человека определяет его реальное положение как субъекта правоотношений. Нормативные установления, закрепляющие статус, служат основой действий уполномоченного. Реали-

зация нормативного статуса происходит во взаимоотношениях уполномоченного с иными субъектами. Осуществление статуса в реальных социальных условиях зависит от личностных качеств уполномоченного, его авторитета среди населения региона, правильности выбранной стратегии, умения выстроить отношения с властными структурами на основе законодательно закрепленных полномочий. Таким образом, фактический статус уполномоченного складывается не только из нормативных «возможностей» (в том числе эффективности правового механизма), но и ряда внешних факторов.

Весьма примечательны результаты анкетирования, проведенного в рамках круглого стола уполномоченных по правам человека в субъектах РФ, который состоялся в Екатеринбурге в 2002 г. Региональные уполномоченные установили следующие приоритеты деятельности: содействие жителям региона в восстановлении нарушенных властью прав; реализация функции посредника между обществом и властью; содействие более эффективной работе власти региона; осуществление внесудебного расследования[4]. Ставя на первое место функцию защиты прав человека, региональные уполномоченные весьма адекватно осознают свое «целевое предназначение». Такой подход создает перспективу роста общественной значимости этого вида публичной деятельности, но при этом не исключает возникновения конфликтных ситуаций с властными структурами регионов. Исходя из результатов анкетирования региональные уполномоченные позиционируют свою деятельность как общественно значимую, не сводимую лишь к функциям государственного чиновника. Следует заметить, что роль медиатора, посредника, создающего «мост» между обществом и властью, характерна для современных европейских региональных омбудсменов.

Институт уполномоченного по правам человека в субъектах РФ является частью публично-властных институтов, который наделяется собственной компетенцией, и имеет целью улучшить правовое положение граждан. Важно подчеркнуть, что этот институт образован в системе действующих региональных органов без «вторжения» в их компетенцию. В соответствующем законе Республики Татарстан

в ст. 4 прямо закреплено: «Деятельность Уполномоченного дополняет существующие средства защиты прав и свобод человека и гражданина, не отменяет и не влечет пересмотра компетенции государственных органов, обеспечивающих защиту и восстановление нарушенных прав и свобод». Уполномоченный по правам человека в субъектах Российской Федерации не является конкурирующим должностным лицом по отношению к органам региональной власти.

Заимствованный из зарубежного опыта институт уполномоченного занимает самостоятельную нишу среди публичных региональных структур. Особенностью данного института является контроль за деятельностью публично-властных органов (государственных, муниципальных), различных организаций, размещенных на территории соответствующего субъекта Российской Федерации, должностных лиц, исключительно в сфере прав и свобод человека и гражданина. Специфика деятельности уполномоченного не позволяет отнести его ни к одной из ветвей власти (законодательной, исполнительной, судебной) субъекта Российской Федерации. Уполномоченный назначается (избирается) на должность региональным парламентом и отчитывается только перед ним. Уполномоченный представляет собой должностное лицо, к которому гражданин (человек) обращается в случае неудовлетворения решением (актом) государственного, муниципального органа, работников аппарата власти, иных структур. Менее формализованная и более доступная служба уполномоченного делает ее привлекательной для населения.

Будучи должностным лицом, уполномоченный исследует решения или действия (бездействия) публичных органов и должностных лиц не только с точки зрения требований, содержащихся в законодательстве, но и с позиции «справедливого и разумного», которая в европейских странах определяется как принцип «наилучшего управления»[5]. Уполномоченный при принятии решения по делу не должен ограничиваться исключительно соображениями законности. Он должен оценивать как законность, так и целесообразность решения публичного органа.

Независимость — одна из особенностей статуса уполномоченного. Попытки некоторых региональных законодатель-

ных органов сформировать институт уполномоченного в качестве парламентской структуры («квазипарламентского представителя») не меняют общей картины. Так, в первой редакции Закона Санкт-Петербурга (ч. 2 ст. 1) «Об уполномоченном по правам человека в Санкт-Петербурге» было установлено, что уполномоченный по правам человека и его аппарат являются структурным подразделением Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. При этом структура аппарата утверждалась Законодательным Собранием по представлению уполномоченного, а финансирование его деятельности осуществлялось на основании сметы, также утверждаемой законодательным органом Санкт-Петербурга. В ныне действующей редакции закона от 1 апреля 2003 г. № 135-5 эти положения исключены, а в ч. 2 ст. 1 прямо закреплено: «Уполномоченный при осуществлении своих полномочий независим от государственных органов Санкт-Петербурга, лиц, замещающих государственные должности Санкт-Петербурга, органов и должностных лиц местного самоуправления в Санкт-Петербурге и неподотчетен им».

Принцип независимости деятельности уполномоченного по правам человека получает закрепление в законах субъектов РФ в различных формулах. В большинстве региональных законов устанавливается «независимость и неподотчетность» уполномоченного «каким-либо государственным органам и должностным лицам» (республики Башкортостан, Калмыкия, Татарстан, Ставропольский край, Кемеровская, Самарская, Смоленская области). В законах Амурской, Астраханской, Волгоградской областей, Красноярского края закрепляется независимость уполномоченного от органов местного самоуправления. В Законе Саратовской области «Об Уполномоченном по правам человека в Саратовской области» от 21 мая 2003 г. № 29-ЗСО этому посвящена статья «Принципы деятельности Уполномоченного».

Для обеспечения независимости уполномоченного важным является закрепление его статуса как лица, исполняющего государственную должность субъекта Российской Федерации. Процедура назначения, круг закрепляемых полномочий, публичный характер деятельности свидетельствуют о необходимости отнесения статуса уполномоченного к категории «А» государственных должностей субъекта

РФ. Такая позиция выражена в основных законах лишь некоторых субъектов. Примером может служить Устав Московской области, согласно ст. 30 которого уполномоченный по правам человека в Московской области исполняет государственную должность. Не определен вопрос о статусе уполномоченного с позиции государственной службы в большинстве региональных законов. Исключение составляют законы Саратовской, Пермской, Самарской областей, Республики Марий Эл. Например, должность уполномоченного в соответствии с Уставом (Основным Законом) Самарской области, Законом Самарской области «О государственной службе Самарской области» является государственной должностью категории «А». Такой поход регионального законодателя способствует закреплению высокого статуса уполномоченного и позволяет обеспечить его независимость и неподотчетность.

В обеспечении независимости уполномоченного по правам человека важен и вопрос о порядке финансирования его деятельности. Во всех региональных законах, за исключением Закона Республики Башкортостан, этот вопрос урегулирован в отдельной статье либо специальной главе. Порядок финансирования во многом совпадает. Установлено, что финансирование деятельности уполномоченного и его аппарата осуществляется за счет средств бюджета субъекта РФ и предусматривается ежегодно в законе о бюджете отдельной строкой. В ряде законов закреплено право уполномоченного самостоятельно разрабатывать и исполнять смету расходов (например, Республика Татарстан, Республика Марий Эл, Самарская область, Ставропольский край). Для осуществления деятельности уполномоченному предоставляется помещение и иное имущество на праве оперативного управления. Иная процедура определена в Законе Пермской области. Смета расходов уполномоченного, его аппарата утверждается Законодательным Собранием при наличии заключения губернатора области. Здесь просматривается возможность оказания «административного давления».

Важен вопрос о правовом иммунитете уполномоченного по правам человека[6] В большинстве региональных законов в этой части имеется пробел. Регулирование этого вопроса

в законах республик Башкортостан, Татарстан и Амурской области далеко не бесспорно. Так, в Законе Республики Башкортостан от 29 апреля 1996 г. № 31-З установлен «полный» иммунитет уполномоченного, нечто схожее с правовым иммунитетом уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. В соответствии со ст. 13 «Личность Уполномоченного, его жилище, служебное помещение, используемый транспорт, средства связи, корреспонденция и документы неприкосновенны и охраняются законом. Уполномоченный не может быть подвергнут задержанию, аресту, кроме случаев задержания на месте преступления, а также подвергнут личному досмотру, досмотру транспорта, кроме случаев, когда это предусмотрено законом для обеспечения безопасности других людей. Уполномоченный не может быть привлечен к уголовной ответственности, подвергнут приводу или мерам административного взыскания, налагаемым в судебном порядке, без согласия Государственного Собрания Республики Башкортостан. Уполномоченный не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности».

При всей привлекательности такой подход вступает в противоречие с рядом федеральных актов. В постановлении от 10 декабря 1997 г. № 1979-II Конституционный Суд РФ указал: «Согласно Конституции Российской Федерации, вопросы неприкосновенности депутатов, затрагивающие аспекты уголовного и уголовно-процессуального законодательства, находятся в ведении Российской Федерации, и по ним принимаются федеральные законы (ст. 71, п. „о“; ст. 76, ч. 1)... В силу этого законодательство субъекта Российской Федерации не может исключать возможность привлечения депутата к уголовной либо административной ответственности, установленной федеральным законодательством, и тем самым устанавливать какой-либо иной порядок осуществления правосудия и судопроизводства, чем тот, который предусмотрен Конституцией Российской Федерации и федеральным законом». Эта позиция суда была подтверждена в постановлении от 12 апреля 2002 г., которым, по сути, были пресечены попытки установления правового иммунитета региональных парламентариев в различных вариантах. Отсюда вытекает, что законодатель субъекта РФ не в

праве устанавливать нормы, относимые к уголовному, уголовно-процессуальному законодательству, а также нормы административного законодательства, если последние вступают в противоречие с федеральным законом. Следовательно, положение, установленное в Законе Республики Башкортостан, вступает в противоречие с федеральным законодательством.

В ст. 10 Закона Амурской области от 29 ноября 1999 г. № 198-ОЗ, на первый взгляд, положение о правовом иммунитете уполномоченного сформулировано законно: «Уполномоченный обладает неприкосновенностью в течение всего срока его полномочий. К уголовной ответственности Уполномоченный привлекается в соответствии с федеральным законодательством, к административной — в порядке, установленном федеральными законами и законами области». Однако дело в том, что никакой особой процедуры привлечения к ответственности уполномоченного субъекта РФ на федеральном уровне не установлено, и соответственно «неприкосновенностью» уполномоченный не пользуется. Закон создает лишь эффект «присутствия».

Закон Республики Татарстан от 3 марта 2000 г. № 95 в ст. 11 формулирует свой вариант «ограниченного» правового иммунитета: «На территории Республики Татарстан Уполномоченный не может быть привлечен к административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, без согласия Государственного Совета Республики Татарстан». Такой вариант также не в полной мере отвечает федеральному законодательству. Даже если предположить, что в административном законодательстве Республики Татарстан определена особая процедура привлечения уполномоченного к административной ответственности, то остается открытым вопрос о полномочиях суда, ибо последние могут быть закреплены исключительно в федеральном законе.

Таким образом, установление правового иммунитета уполномоченного по правам человека субъекта РФ является прерогативой федерального законодателя. Всякая попытка урегулировать этот вопрос по аналогии с Федеральным конституционным законом «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» или в иных вариантах

заведомо вступает в противоречие с положениями Конституции РФ, а также ясно выраженной правовой позицией Конституционного Суда РФ.

В конституционном праве неразработанным остается вопрос о структуре правового статуса уполномоченного по правам человека в субъектах РФ. Такая ситуация не позволяет в полной мере оценить закрепляемое в региональном законодательстве правовое положение уполномоченного, представить разработки по совершенствованию правового регулирования его деятельности.

Определение структуры правового статуса субъектов весьма различно. При узкой трактовке к структуре относят лишь права и обязанности (применительно к личности) или полномочия (компетенцию) (применительно к носителям государственно-властных полномочий). Иные характеристики служат дополнением определяемого статуса и не включаются в качестве структурных элементов. При широкой трактовке происходит усложнение структуры, расширение «квалификационных» характеристик статуса посредством определения иных элементов, которые различаются в зависимости от вида субъекта[7].

Правовой статус уполномоченного — это тот нормативный массив, который определяет его взаимоотношения с гражданами, органами публичной власти, иными субъектами правоотношений. В силу полномочий статус данного субъекта права не может быть приравнен к статусу какого-либо органа государственной власти субъекта РФ. В то же время наличие аппарата и положения как юридического лица делают этот институт автономным, не соотносимым с иными должностными лицами субъектов Федерации. Об этом свидетельствует также специфический характер направления деятельности уполномоченного (исключительно в сфере прав и свобод человека и гражданина). Исходя из особой компетенции уполномоченного, вытекающей из цели и задач деятельности, следует утверждать о ранжированной структуре его статуса. В структуре правового статуса уполномоченного по правам человека субъекта РФ нами выделяются следующие элементы: официальное наименование (атрибуты), аппарат уполномоченного; цели и задачи деятельности уполномоченного, его компетенция, акты; га-

рантии деятельности; меры ответственности, которые могут быть применены к уполномоченному.

Выделенные элементы статуса уполномоченного по правам человека субъекта РФ являются неотъемлемыми составляющими этого понятия. Каждый из элементов важен для нормативно-правового регулирования деятельности уполномоченного и должен быть наиболее полно выражен в региональном законодательстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Институт Уполномоченного по правам человека в субъекте РФ: Учеб. пособие / Под ред. А. Ю. Сунгурова. СПб., 2003; *Замышляев Д. В.* Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2002. № 3; *Матвеев С. Н.* Конституционно (уставно)-правовые основы статуса Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004.

[2] *Богданова Н. А.* Система науки конституционного права. М., 2001. С. 47.

[3] Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

[4] См.: Институт Уполномоченного по правам человека в субъекте РФ. С. 36.

[5] См.: *Тимофеев М. Т.* Конституционно-правовой статус института омбудсмена в странах англосаксонской правовой семьи (на примере Соединенного Королевства и Республики Ирландии): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 23.

[6] *Бутусова Н. В.* Парламентское право и институт омбудсмена // Парламентские процедуры: проблемы России и зарубежный опыт: Материалы науч. конф. / Под ред. С. А. Авакьяна. М., 2003. С. 371—372.

[7] См.: *Воеводин Л. Д.* Юридический статус личности в России: Учеб. пособие. М., 1997; *Богданова Н. А.* Указ. раб. С. 63; Правовой статус Президента Российской Федерации / Под ред. Ю. А. Дмитриева. М., 1997.

Поступила 20.10.06.

А. Г. ПЕТРОВ

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Одним из важных направлений деятельности органов внутренних дел в последние десятилетия выступает реабилитация жертв политических репрессий. Этот сложный и многогранный процесс, который, с одной стороны, направлен на восстановление утраченных репрессированными лицами социально-политических и гражданских прав, а с другой — предопределяет имущественные и иные обязанности государства перед гражданами.

В советском законодательстве неоднократно поднимались вопросы о реабилитации граждан, репрессированных по политическим мотивам, но они не затрагивали лиц, репрессированных в административном порядке. Об этом впервые говорилось в Указе Президента СССР от 13 августа 1990 г. «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20—50-х годов». Однако в указе не был предусмотрен механизм его реализации, поэтому он больше носил декларативный характер[1]. Лишь в Законе РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-I «О реабилитации жертв политических репрессий» (далее — Закон о реабилитации) был определен порядок, предусматривавший реабилитацию граждан этой категории.

В соответствии со ст. 7 Закона о реабилитации органы внутренних дел по заявлениям заинтересованных лиц или общественных организаций устанавливают факт применения ссылки, высылки, направления на спецпоселения, привлечения к труду в условиях ограничения свободы и иных ограничений прав и свобод, осуществлявшихся в администт-

---

ПЕТРОВ Александр Геннадьевич, начальник Чебоксарского филиала Нижегородской академии МВД России, кандидат исторических наук.

ративном порядке[2] По результатам проверки составляется заключение, выдается справка о реабилитации или сообщается об отказе в выдаче таковой.

Одним из главных направлений работы был поиск архивных документов, подтверждающих факт раскулачивания, административного выселения граждан в ссылку, высылку, на спецпоселения. В архивных фондах МВД, ГУВД, УВД были обнаружены повагонные списки выселенных, карточки-анкеты выселенцев. По этим документам заводились личные дела на каждую выселенную семью, составлялись картотеки раскулаченных, но они охватывали лишь часть репрессированных. По мере работы отделений по реабилитации жертв политических репрессий списки пополнялись. В 1992—1994 гг. в информационные центры ИВД, ГУВД, УВД поступило свыше 2 млн 40 тыс. заявлений, связанных с решением вопроса о реабилитации, что послужило началом процесса реабилитации лиц, репрессированных в административном порядке.

Работа по реабилитации раскулаченных лиц проводилась в тесном контакте с центральными государственными архивами республик, областей, которые, изучая большой объем документов районных исполнительных органов за период коллективизации, а также материалов дел КГБ за 1937—1938 гг., по ст. 58 УК РСФСР устанавливали факты применения политических репрессий к гражданам, конфискации их имущества, а также их дальнейшую судьбу.

Однако в работе подразделений реабилитации возникали проблемы. В частности, при решении вопросов реабилитации граждан нередко вызывало затруднение отсутствие некоторых регламентирующих положений в Законе о реабилитации, не определялась категория «социально опасный элемент», нет прямого указания о реабилитации крестьян, репрессированных в период коллективизации. В Законе о реабилитации также отсутствует понятие «кулаки», не указано раскулачивание как вид репрессии. Поэтому процесс реабилитации репрессированных граждан категории «кулаки и члены их семей» в эти годы проходил неоднозначно и противоречиво.

В 1992 — начале 1998-х гг., при рассмотрении вопросов о реабилитации, раскулачивание, конфискация, изъятие или выход иным путем имущества из владения в связи с при-

менением репрессий в административном порядке расценивались как «иное лишение или ограничение прав и свобод лиц» (п. «в» ст. 3 Закона о реабилитации), признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам. Граждане, подпадавшие под эту категорию, реабилитировались.

Лишение избирательных прав также расценивалось как иное ограничение прав и свобод. Вместе с тем не все граждане, которые лишались избирательных прав, могли быть реабилитированы. Так, в методических рекомендациях «По рассмотрению заявлений граждан и запросов организаций о реабилитации жертв политических репрессий» ГИЦ МВД России указывалось: «Лишение избирательных прав, примененное до 5 декабря 1936 года к лицам, прибегавшим к наемному труду, занимавшимся частной торговлей или коммерческим посредничеством, являвшимся владельцами или арендаторами предприятий, и другим категориям граждан не может быть признано репрессией, поскольку такие решения являлись правом местных органов власти и осуществлялись, в частности, в соответствии со ст. 69 Конституции РСФСР 1925 г.»[3]. Всеобщее, равное, прямое избирательное право при тайном голосовании было установлено Конституцией СССР, принятой Чрезвычайным VIII Съездом Советов СССР 5 декабря 1936 г.

Выселение по общественным приговорам в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни, на основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. не содержит признаков политической репрессии. Этот нормативный акт наряду с указом ПВС СССР от 2 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и из учреждений», указом ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» и рядом других актов высших органов государственной власти, содержавших репрессивные санкции, не имел политического мотива[4].

С определенными трудностями отделения по реабилитации органов внутренних дел столкнулись в отношении членов семей раскулаченных, у которых в связи с признанием их хозяйства кулацким было изъято имущество, но которые с места постоянного проживания не выселялись (глава семьи, его жена, дети). Вопрос о реабилитации этих лиц рассматривается органами внутренних дел по месту применения репрессии[5]. В указанных выше методических рекомендациях ГИЦ МВД РФ от 12 апреля 1995 г. № 34/5-893 сказано: «...несовершеннолетние дети у родителей (усыновителей), которые с места постоянного проживания не выселялись, в связи с признанием их хозяйства кулацким, были изъяты, полностью или частично, жилые строения, сельхозинвентарь или другое имущество, ценности не могут быть признаны пострадавшими от политических репрессий»[6] В 1997 г. этот порядок реабилитации указанной категории лиц был несколько изменен. Реабилитации стали подлежать лица, проживавшие вместе с раскулаченными на момент применения репрессии совершеннолетние (достигшие 18-летнего возраста) члены их семей[7] В соответствии с этим органы внутренних дел реабилитировали членов семей раскулаченных, не выселенных в другие области.

Вместе с тем в эти годы многим гражданам было отказано в реабилитации или признании их пострадавшими от политических репрессий.

Для решения этой проблемы практические работники предлагают следующее: «...принципиально правильно определить круг лиц, являющихся собственниками имущества, изъятого в результате раскулачивания целой семьи. В этой связи было бы целесообразно и уместно применять нормы Земельного кодекса РСФСР 1922 г. Пунктами 65-66 раздела 5 данного Кодекса, в частности, определено понятие двора: „Двором называется семейно-трудовое объединение лиц, совместно ведущих сельское хозяйство“». И далее: «Членами двора считаются как все наличные его участники (включая малолетних и престарелых), так и ушедшие временно на трудовые заработки и не вышедшие из него законным порядком». При использовании понятия крестьянского двора Земельного кодекса РСФСР 1922 г. можно более четко и правильно определить круг лиц, пострадавших в резуль-

тате применения политических репрессий[8]. Таким образом может быть преодолено одно из множеств ограничений, установленных Законом о реабилитации.

Однако и до, и после ликвидации весной 1930 г. кулачества как класса имущество владельцев единоличных хозяйств изымалось в счет погашения налогов, других обязательных платежей и сборов за невыполнение «твердого задания» по государственным заготовкам. В отдельных случаях за отказ от выполнения государственных заданий, неуплату налогов люди привлекались к уголовной ответственности и осуждались к лишению свободы с конфискацией имущества. Изымались и жилые строения. Эти меры принуждения предусматривались Положением о взимании налогов, утвержденным постановлением Президиума ЦИК СССР 20 октября 1920 г., ст. 61 УК РСФСР в редакции 1926 г., а также последующими законодательными актами. По Закону о реабилитации эти меры принуждения не рассматривались в качестве политической репрессии и не являлись основанием для выдачи справки о реабилитации.

В конце 90-х гг. XX в. кардинально изменился порядок реабилитации лиц категории «кулаки и члены их семей». В письме Генеральной прокуратуры от 29 января 1998 г. № 13-6-98 правоохранительным органам рекомендовалось воздержаться принимать решения об установлении фактов применения репрессий в отношении граждан, подвергнутых «иным лишениям или ограничениям прав и свобод»[9] В марте 1998 г. на Всероссийском совещании в Генеральной прокуратуре РФ с участием заинтересованных ведомств было принято решение прекратить реабилитацию раскулаченных граждан. 22 июня 2000 г. вышел Приказ министра внутренних дел Российской Федерации № 676 «О признании утратившими силу некоторых приказов МВД России по вопросам реабилитации жертв политических репрессий». Так, с 1 октября 2001 г. утратил силу приказ МВД России от 10 апреля 1992 г. № 112, который определял порядок исполнения органами внутренних дел РФ Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий». В приказе была принята новая инструкция, в которой записано: «Органы внутренних дел Российской Федерации в соответствии п. „в“ ст. 3 и ч. 1 ст. 6 Закона РФ от 18

октября 1991 г. ... рассматривают заявления граждан или общественных организаций о реабилитации лиц, которые по политическим мотивам были подвергнуты в административном порядке ссылке, высылке, направлению на спецпоселение, привлечению к принудительному труду в условиях ограничения свободы, в том числе в рабочих колониях НКВД, а также иным ограничениям прав и свобод»[10]. В соответствии с этими указаниями органы внутренних дел продолжали реабилитацию необоснованно репрессированных граждан категории «кулаки и члены их семей».

8 октября 2002 г. вышло указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 13-4-03, в соответствии с которым кулаки и члены их семей, подвергнутые в административном порядке репрессии в виде конфискации имущества по классовому или социальному признаку без выселения в отдаленные местности Союза ССР, реабилитируются, если установлен факт применения репрессии, в судебном порядке[11] Таким образом, сегодня данная категория репрессированных лиц реабилитируется, если на то есть решение суда.

С каждым годом сокращается число необоснованных отказов в реабилитации. Отказывают в выдаче справки о реабилитации в основном в случаях, когда гражданин наказывался в уголовном порядке, а также когда к крестьянину применялись экономические, а не политические меры принуждения. Однако в данном виде Закон о реабилитации противоречит общеправовым принципам справедливости, гарантированности государством прав граждан. Закон поделил крестьян на две неравные группы: кулаки, социально опасные личности, классовые враги советской власти, репрессированные по политическим мотивам и подлежащие реабилитации; кулаки, которые подвергались подобным мерам, но не являлись классовыми врагами и в отличие от первых не были на спецпоселении, в ссылке, не реабилитировались. При этом в заключении об отказе в выдаче справки о реабилитации указывалось на действующее в то время законодательство.

По нашему мнению, необходимо внести соответствующие изменения в Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий», а не ссылаться на указание Генеральной

прокуратуры Российской Федерации, которое не является нормативным актом. И только в этом случае данная категория лиц должна быть реабилитирована. Это необходимо сделать в ближайшее время, так как, несмотря на сокращение поступающих заявлений о реабилитации, этот процесс еще не завершен.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 34. Ст. 647.

[2] См.: Закон РФ от 3 сентября 1993 г. № 5698-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР „О реабилитации жертв политических репрессий“» // Рос. газ. 1993. 15 окт.

[3] Письмо ГИЦ МВД РФ от 12 апреля 1995 г. № 34-5-893 «О направлении методических рекомендаций по рассмотрению заявлений граждан и запросов организаций о реабилитации» // Сборник законодательных и нормативных актов о реабилитации жертв политических репрессий. Судебная и прокурорская практика. Курск, 1995. С. 75—76.

[4] Там же.

[5] См.: Письмо ГИЦ МВД РФ от 31 января 1994 г. № 34/5-91 «О некоторых вопросах исполнения Закона РФ от 18.10.1991 г. „О реабилитации жертв политических репрессий“» // Там же. С. 67.

[6] Письмо ГИЦ МВД РФ от 12 апреля 1995 г. № 34-5-893 «О направлении методических рекомендаций по рассмотрению заявлений граждан и запросов организаций о реабилитации» // Там же. С. 76.

[7] См.: Письмо ГИЦ МВД России от 18 июля 1997 г. № 34/5 1371 «О реабилитации отдельной категории граждан» // Текущий архив МВД ЧР с 1991 г. по настоящее время, д. 6/1, л. 87.

[8] См.: *Шимоволос С. М.* Некоторые аспекты исполнения Федерального закона «О реабилитации жертв политических репрессий» // Юридический консультант. 1998. № 2. С. 82.

[9] Письмо Генеральной прокуратуры от 29 января 1998 г. № 13-6-98 начальнику центра реабилитации и архивной информации ГИЦ МВД РФ // Текущий архив МВД ЧР, д. 5/2, л. 3, 3 об.

[10] Там же.

[11] См.: Текущий архив МВД ЧР, д. 5/2, л. 42.

Поступила 13.06.06.

В. А. ЧИСТЯКОВ

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПЕЧАТИ)

Периодическая печать — наиболее точное зеркало, отражающее процессы, происходящие в обществе. Тематика и характер публикуемых материалов позволяют увидеть социальные интересы, назревание проблемных явлений и поиск путей решения тех или иных задач, стоящих перед обществом. Это своего рода барометр по определению и прогнозированию «политической погоды». Вместе с тем печатные СМИ несут в себе определенную двойственность. С одной стороны, они являются инструментом влияния и воздействия на определенные социальные группы, с другой — отражают ценности, интересы и реальное положение этих социальных групп в системе общественных отношений на данный момент. Поэтому изучение периодической печати в рамках определенного хронологического этапа позволяет увидеть изменения общественных запросов и положение конкретной социальной группы.

Инклюзивность социально-политических процессов, с одной стороны, облегчала поиск материалов, с другой — затрудняла процесс классификации и оценки «чистоты» молодежных и ориентированных на молодое поколение публикаций. Поэтому часть включенных в анализ материалов можно лишь косвенно отнести к исследуемой тематике, так как эти материалы отражают вопросы, не относящиеся к молодежным проблемам, но отчасти затрагивают субъектность молодежи в рамках социально-политических процес-

---

ЧИСТЯКОВ Вячеслав Айдарович, старший преподаватель кафедры истории, политологии и права Казанского государственного финансово-экономического института.

сов (например, ряд публикаций по проблемам международных отношений, политических дискуссий парламентариев и т. д.).

Для контент-анализа были выбраны две центральные, брендовые общественно-политические газеты: русскоязычная «Молодежь Татарстана» и издаваемая на татарском языке «Татарстан яшьлере». Объем выборки составлял 1 064 номера (100 % годовых подшивок за 1990, 1993, 1995, 1996, 1999, 2000, 2001 гг. для «Молодежи Татарстана» и «Татарстан яшьлере»), что является достаточным эмпирическим материалом, так как «выборочные совокупности от 1 до 2 тыс. ед. считаются достаточно представительными»[1]

Обе газеты освещали политическую проблематику во всех изучаемых аспектах. Это позволило утверждать, что молодежь как объект и субъект политического процесса в республике постоянно находилась в центре внимания прессы. В Республике Татарстан уже в условиях перестройки раньше, чем в других субъектах РФ, были созданы необходимые предпосылки для последующей выработки региональной модели молодежной политики. Ее создание было связано с курсом на обеспечение политической и экономической самостоятельности в осуществлении модернизации общества. Такая специфика развития политической субъектности региона нашла отражение в материалах молодежной печати соответствующего периода.

Соотношение общего количества публикуемого материала и числа публикаций на политические темы в газетах «Молодежь Татарстана» и «Татарстан яшьлере» за 1990—2001 гг. показывает, что на протяжении указанного периода татароязычная газета была более политизирована. Это объясняется рядом причин. Среди них: процесс суверенизации и обретения Татарстаном статуса полноправного субъекта РФ; проблемы этнокультурного возрождения татарского народа; усиление влияния и самостоятельности республиканской политической элиты. Все это требовало пропагандистской работы среди молодежи и определенной заинтересованности в ней, в первую очередь татарской, как социальной опоры проводимому политическому курсу.

Переговорный процесс между Татарстаном и федеральным центром находился постоянно в центре внимания молодежной республиканской прессы. Публикации, посвящен-

ные разграничению полномочий субъектов Федерации, занимали основную часть официальных политических материалов газет. При этом молодежные издания сознательно делали акцент на взаимосвязи этого вопроса с факторами становления молодежной политики региона.

Подписание в феврале 1994 г. договора «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» значительно ускорило процесс становления региональной модели молодежной политики. Первым среди других российских регионов, в октябре 1993 г., был принят Закон Республики Татарстан «О молодежи», определивший принципы молодежной политики в республике, меры по ее обеспечению, нормы правовой и социальной защищенности молодежи.

Становление татарского национального самосознания рассматривалось газетой через призму межнациональной конкуренции (что отражало, безусловно, мнение части населения и потворствовало их настроениям). Таким образом, заняв в рядах республиканской молодежной прессы «нишу» национального патриотизма, «Татарстан яшьлере» обрела постоянного читателя, получила поддержку властей и соответственно определенную стабильность.

В тематическом отношении русскоязычные и татароязычные издания отличаются друг от друга по динамике объема публикуемых материалов (рис. 1 и 2).

Сопоставление рисунков по отдельным темам в газетах выявляет почти зеркальную их противоположность. Газета «Молодежь Татарстана» до 1995 г. на первое место выносит проблемы демократизации и выборов, а в последующий период идет преобладание национальной проблематики. Вопросы молодежной политики и молодежи как субъекта политики начинают актуализироваться только с 2000 г. Таким образом, можно говорить о тенденции развития газеты: официально-политическая доминанта в начале XXI в. сменяется общественно-политической, в которой «национальная компонента» приобрела существенное выражение. Это мнение подтверждается и изменением характера публикаций (рис. 3).

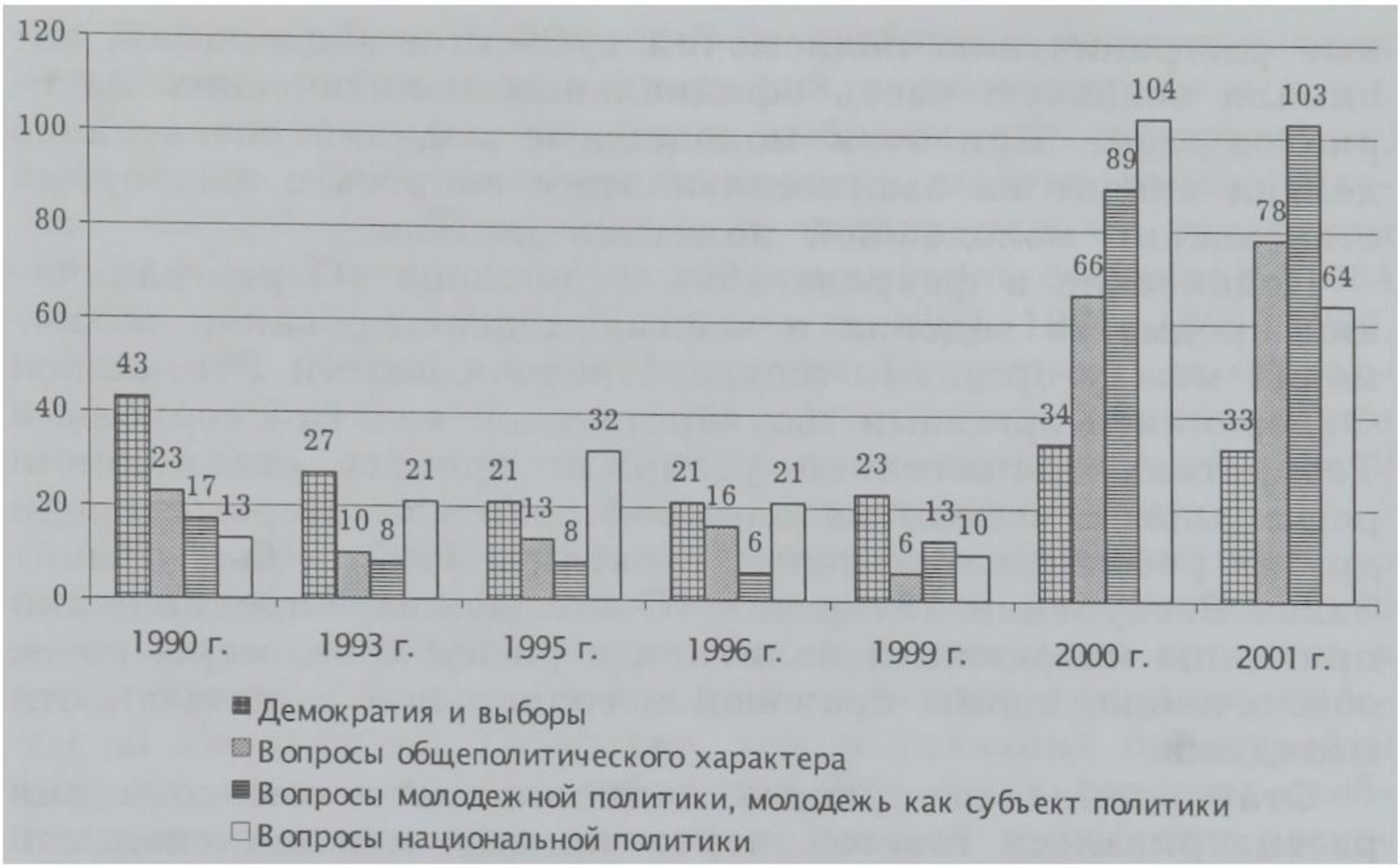


Рис. 1. Публикации по отдельным темам в газете «Молодежь Татарстана»

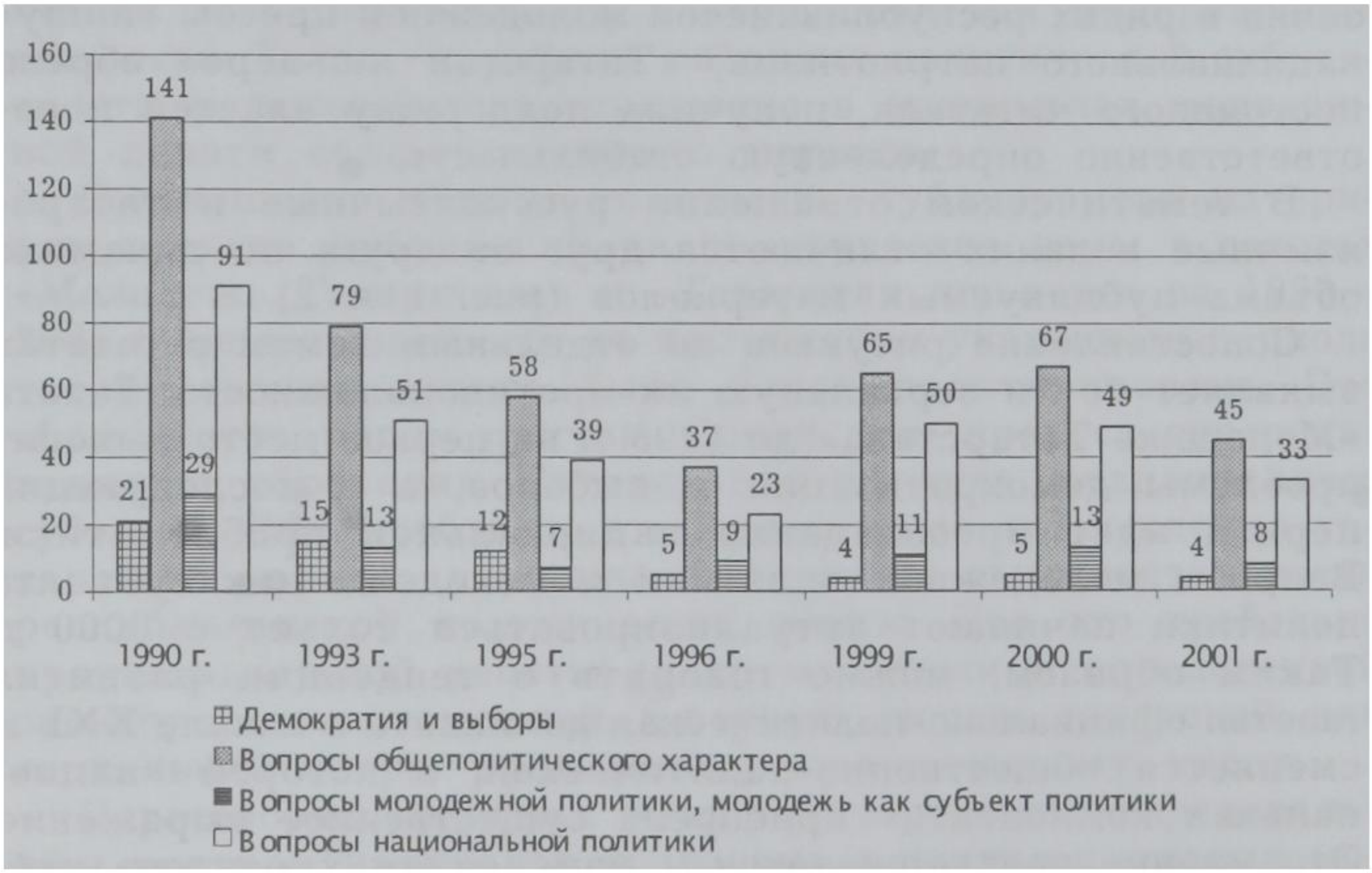


Рис. 2. Публикации по отдельным темам в газете «Татарстан яшьлере»

Рис. 3. Публикации по отдельным темам в газете «Молодежь Татарстана»

Рост числа проблемно-аналитических и проблемно-информационных статей свидетельствует о становлении национального самосознания русскоязычной молодежи и ее выходе на политическую арену как полноправного субъекта. Достаточно длительный период «вызревания» национально-патриотических настроений в русскоязычной среде связан с объективными процессами отечественной истории последнего десятилетия XX в. С распадом Советского Союза девальвировался и общесоюзный патриотизм. Исследования последних лет показывают, что в основном только старшее поколение продолжает ориентироваться на советскую идентичность. Среди молодежи на вопрос «Что Вы считаете своей Родиной?» лишь 6,9 % русских, 5,8 % лиц других национальностей, 4,8 % татар назвали бывший СССР Молодое поколение преимущественно идентифицирует себя с регионом[2] Если преобладание республиканской идентичности над общероссийской среди титульного народа республики было закономерным, то распространение ее среди русских и представителей других национальностей объек-

тивно связано с формированием умеренной политической субъектности региона, изначально построенной на балансе центральных и региональных интересов. В отличие от многих регионов, где суверенизация привела к межнациональным трениям, территориальному делению и даже гражданской войне, в республике этот шаг встретил понимание со стороны многонационального населения. Исходным пунктом на этом пути стало принятие декларации «О государственном суверенитете Республики Татарстан», единогласно принятой Верховным Советом ТАССР 30 августа 1990 г.

Более того, декларация выполняла роль интегратора и объединителя, поскольку государственный суверенитет провозглашался в интересах всех народов, проживающих на его территории: «Татарская ССР гарантирует всем проживающим на ее территории гражданам независимо от их национальности, социального происхождения, вероисповедания, политических убеждений, других различий равные права и свободы человека. В Татарской ССР гарантируется равноправное функционирование татарского и русского языков в качестве государственных, сохранение и развитие языков других национальностей»[3].

Следует отметить, что условием и итогом модернизационных процессов во всем мире являлось формирование социальной однородности (реализуемой под политическим лозунгом социального равенства). Наличие же разнообразных этносистем в обществе было и остается фактором неоднородности. В рамках этой политики объективное требование национально-региональной однородности воспринималось молодежью как приведение всего разнообразия этносистем к единому образцу общероссийской государственности с ее упором на русско-православный компонент. Контент-анализ косвенно подтверждает этот тезис: за последние годы усилия органов государственной власти были направлены на воспитательную деятельность общефедерального уровня, а в рамках отдельных народов (наций) она существенно снизилась.

Тенденция формирования надэтнической социальной системы («россиян») выражалась в росте проблемно-информационных материалов и преподносилась через призму молодежной политики и политической субъектности молодежи.

Приоритетным направлением для газеты «Татарстан яшьлере» в рамках изучаемого периода являлись вопросы культуры, истории татарского народа, проблемы родного языка, тесно связанные с общеполитической проблематикой. Национальная тематика отличалась большим разнообразием: историко-этнографические материалы; социально-политическая информация о положении народов в современном мире; экономические, социальные и политические аспекты государственной национальной политики; культурные дискурсы о религии, образовании, литературе и искусстве.

Преобладание политической информации вполне объяснимо официальным характером и целями газеты. Резкий рост объема информации культурного характера вызван, вероятно, тем, что государство, исчерпав традиционные политические рычаги регулирования обществом, на рубеже 90-х гг. XX в. вынуждено было обратиться к той сфере, в которой национальный вопрос в тот период был наиболее актуализирован. Трансформация этносистем (этнообразование), как правило, происходит сначала в сфере культуры. Формирование «высокой культуры» появляется как выдвижение первичных требований: развитие и защита родного языка, литературы и искусства, сохранение религиозной составляющей духовной жизни народа, создание каналов общенациональной коммуникации (прессы, национальной системы образования), то есть того, что в этнополитологии обозначается как культурная автономия. Именно эти проблемы встали на повестку дня в ходе суверенизации Татарстана и поиска путей договорных отношений в системе «центр — регионы». Вот на этот «вызов» времени и пыталось ответить республиканское руководство реформами в национально-культурной сфере. Отсюда и количественные показатели проблемно-информационных и проблемно-политических (дискуссионных) материалов (рис. 4).

Расширение национального вопроса в прошлое и будущее является, по нашему мнению, проявлением формирования национального сознания. Система «прошлое — настоящее — будущее» создает основания для притязаний в национальной сфере, как корни, ствол и ветви для существования дерева. Заслуги прошлого становятся обоснова-

Рис. 4. Публикации по отдельным темам в газете «Татарстан яшьлере»

нием современных притязаний, а будущее — гарантией сохранности этносистемы. В данном случае небольшой объем публикаций в аспектах молодежной политики и вопросов избирательного процесса говорит о стабильности существования татарской этносистемы в Республике Татарстан и относительной независимости ее политической элиты от молодежи как субъекта политических отношений.

Таким образом, республиканская периодическая пресса, ориентированная на общественный интерес, позволяет сделать ряд выводов об особенностях восприятия общественно-политических проблем молодежным сознанием. В целом итоги контент-анализа газет «Молодежь Татарстана» и «Татарстан яшьлере» демонстрируют развернутость и многоплановость политических процессов в Татарстане. Национально-государственная политика в культурном и социальном аспектах имела на страницах молодежной прессы высокие показатели, как по объему, так и по качеству информации. Превалирование культурной доминанты было связано не только с традиционно-досуговой ориентацией

газет как общественных изданий, но и с сущностью поднимаемых проблем.

В целом становление и реализация республиканской молодежной политики выступали частью формирования политической субъектности региона. Детерминантами становления и реализации региональной молодежной политики, по данным прессы, являлись появление и быстрое развитие региональной нормативно-правовой базы, способствующей формированию собственного ювенального законодательства; оперативное научно-информационное обеспечение государственной молодежной политики региона; наличие высокого уровня социально-политической активности молодежи в агрегировании и реализации своих потребностей и интересов в рамках традиционных институтов политического процесса; заложенный в основу государственности Татарстана принцип равносуверенитета, утверждающий в качестве государственных два языка, обеспечивающий поддержку основных социальных сил общества, в том числе молодежи.

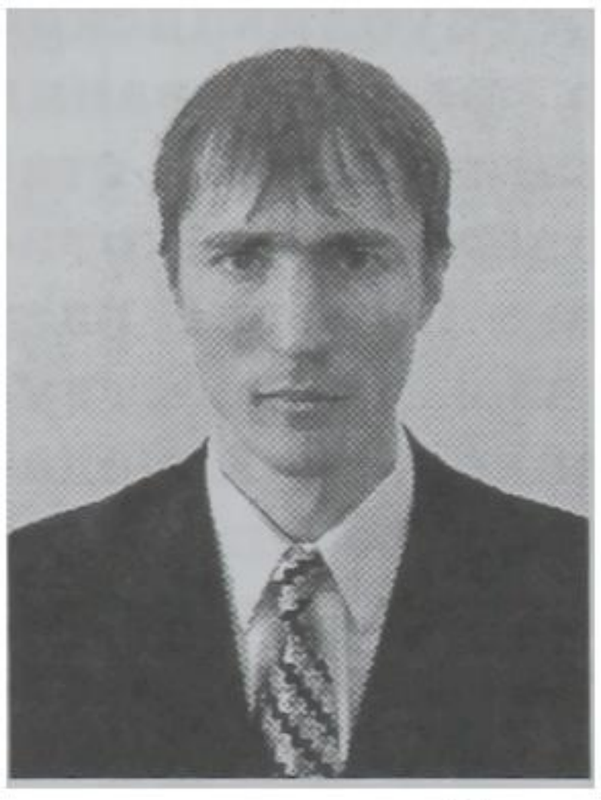
ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Славко Т. И.* Математико-статистические методы в исторических исследованиях. М., 1981. С. 60.

[2] См.: Современные этнокультурные процессы в молодежной среде Татарстана: язык, религия, этничность (по материалам этносоциологического исследования). Казань, 2000. С. 72.

[3] Декларация о государственном суверенитете ТССР // Коммунист Татарии. 1990. № 10. С. 3.

Поступила 11.09.06.



А. А. РОЗУВАЕВ

УПРАВЛЕНИЕ БЮДЖЕТНЫМИ РАСХОДАМИ РЕГИОНА[1]

Действующая практика формирования и исполнения бюджета любого уровня подразумевает контроль за целевым использованием государственных финансовых ресурсов, в котором значительную роль сыграл переход на казначейское исполнение бюджета. Однако эта система не уделяет внимания эффективности распределения финансовых ресурсов. Принцип эффективности управления бюджетными расходами заключается в достижении поставленной цели управления, в частности предоставление бюджетных услуг наилучшего качества при минимальных затратах. На сегодняшний день процесс бюджетирования базируется на принципе планирования и целеполагания «от достигнутого», что не гарантирует эффективность распределения выделяемых ресурсов с точки зрения реализации целей государственной политики и максимального удовлетворения потребностей населения.

Была разработана Концепция реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004—2006 гг., утвержденная Постановлением Правительства РФ от 22 мая 2004 г. № 249 «О мерах по повышению результативности бюджетных расходов». Суть реформы состоит в смещении акцентов бюджетного процесса от «управления бюджетными ресурсами (затратами)» на «управление результатами» путем повышения ответственности и расширения самостоятельности участников бюджетного процесса и администраторов бюджетных средств в рамках четких среднесрочных ориентиров[2].

В рамках концепции «управления ресурсами» бюджет в основном формируется путем индексации сложившихся

РОЗУВАЕВ Александр Александрович, преподаватель кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета.

расходов с детальной разбивкой их по статьям бюджетной классификации РФ. При соблюдении жестких бюджетных ограничений такой подход обеспечивает сбалансированность бюджета и выполнение его проектировок. В то же время ожидаемые результаты бюджетных расходов не обосновываются, а управление бюджетом сводится, главным образом, к контролю соответствия фактических и плановых показателей.

В рамках концепции «управления результатами» бюджет формируется исходя из целей и планируемых результатов государственной политики. Бюджетные ассигнования имеют четкую «привязку» к функциям (услугам, видам деятельности), при их планировании основное внимание уделяется обоснованию конечных результатов в рамках бюджетных программ. Расширяется самостоятельность и ответственность администраторов бюджетных средств. При этом приоритет отдается внутреннему контролю, а ответственность за принятие решений делегируется на нижние уровни. Проводится мониторинг, а также последующий внешний аудит финансов и результатов деятельности; оценка деятельности администраторов бюджетных средств ведется по достигнутым результатам.

Ядром новой организации бюджетного процесса должна стать концепция (модель) «бюджетирования, ориентированного на результаты в рамках среднесрочного финансового планирования». Ее суть состоит в распределении бюджетных ресурсов между администраторами бюджетных средств и (или) реализуемыми ими бюджетными программами с учетом или в прямой зависимости от достижения конкретных результатов (предоставления услуг) в соответствии со среднесрочными приоритетами социально-экономической политики и в пределах прогнозируемых на долгосрочную перспективу объемов бюджетных ресурсов.

Концепция реформирования государственных и муниципальных финансов Республики Мордовия направлена на повышение результативности бюджетных расходов и оптимизацию управления бюджетными средствами на всех уровнях бюджетной системы. Сложившаяся организация бюджетного процесса в Мордовии ограничивает возможности повышения эффективности управления республиканскими финансами и переориентации деятельности admini-

страторов бюджетных средств с освоения выделенных им ассигнований на достижение конечных общественно значимых и измеримых результатов.

В республике имеется достаточно развитый сектор оказания общественных услуг. Жители Мордовии обеспечены медицинскими, образовательными услугами, а также сферы культуры и искусства. При этом эффективность общественного сектора недостаточно высока. В республике имеются противоречия, выражающиеся в несоответствии технического, финансового потенциала учреждений социальной сферы и качества общественных услуг в условиях постоянно повышающихся требований населения. При этом доходная часть республиканского бюджета не может обеспечить в полном объеме потребность финансирования расходов социальной направленности. Руководством региона проводится политика эффективного использования финансовых ресурсов, в том числе за счет экономии бюджетных средств. Однако эти резервы ограничены, а интенсификация деятельности в этом направлении приведет к негативным социальным последствиям.

В Мордовии складываются благоприятные условия реформирования государственных и муниципальных финансов. В рамках реализации Указа Главы РМ «О бюджетной политике на 2006 г.» заложены элементы новых направлений, обеспечивающих стимулирование экономического роста, снижение социального неравенства путем совершенствования методов и форм социальной поддержки населения, повышение эффективности использования бюджетных средств путем применения механизмов программно-целевого бюджетирования, формирования бюджета исходя из целей и планируемых результатов государственной политики, четкой увязки бюджетных ассигнований с результатами.

Реализация программы «Реформирование региональных финансов РМ на 2006—2007 гг.», утвержденной Постановлением Правительства РМ от 31 октября 2005 г. № 412, имеет значимость в связи с сохранением особой системы межбюджетных отношений, сложившихся в республике, позволяющей стимулировать инициативу местного самоуправления в увеличении собираемости налогов, поступлении собственных доходов. Реализация программы имеет большое значение в увеличении инвестиционного потенциала республики.

Бюджет Республики Мордовия является достаточно устойчивым, сбалансированным и относительно независимым от внешних источников. Доходы и расходы имеют устойчивую тенденцию роста, статьи доходов бюджета систематически перевыполняются. Долговая политика, проводимая Правительством РМ, может быть оценена как ответственная. В результате этой политики показатели объема государственного долга в республике в сравнении с другими регионами находятся на высоком уровне и составляют 17,0 % доходов бюджета республики без учета финансовой помощи из федерального бюджета. В течение последних лет предельный размер государственного долга и расходов на его обслуживание соответствовал требованиям и ограничениям, установленным Бюджетным кодексом РФ.

В Мордовии проводится целенаправленная политика по оздоровлению государственных финансов, наполнению доходной части бюджетов денежными средствами. Анализ кредитоспособности республики позволяет рассчитывать на эффективное использование и соблюдение целевого характера средств Фонда реформирования региональных финансов.

Исходя из сложившегося уровня и качества управления региональными финансами Мордовии, программы комплексного социально-экономического развития и концепции реформирования, можно выделить основные цели реформирования. Во-первых, создание условий для максимально эффективного управления региональными финансами в соответствии с приоритетами государственной политики. Во-вторых, обеспечение сбалансированности, устойчивости, экономической стабильности бюджетной системы республики в увязке с решением задач в социальной сфере и развития инфраструктуры. В-третьих, повышение эффективности деятельности исполнительной и законодательной (представительной) власти на региональном и местном уровнях по стимулированию социально-экономического развития Мордовии и предоставлению населению бюджетных услуг.

Совершенствование бюджетного процесса в Российской Федерации предполагает формирование рынка бюджетных услуг в целях повышения эффективности бюджетного финансирования, развития конкурентной среды и, как следствие, повышения качества оказываемых услуг населению.

В настоящее время финансирование бюджетных учреждений и организаций осуществляется без учета приоритетов социально-экономической политики, количества и качества выполняемых работ. Сложившаяся ситуация приводит к тому, что ограниченные бюджетные ресурсы расходуются нерационально, отдельные, в действительности социально значимые услуги, испытывают дефицит в финансировании. В связи с обозначенной проблемой возникает потребность четкого определения перечня востребованных населением Мордовии бюджетных услуг, ранжирования их по степени социальной значимости, выявления объемов и критериев их качества, а также четких процедур и регламентов их предоставления и финансирования.

Весьма актуальными также представляются разработка и внедрение стандартов качества бюджетных услуг, что позволит осуществить привлечение в сферу оказания социальных услуг негосударственных организаций и, следовательно, частных инвестиций. Формирование конкурентной среды на рынке бюджетных услуг способствует формированию государственного заказа на условиях оптимального соотношения цены и качества предоставляемых услуг.

Существенным фактором повышения эффективности региональной бюджетной политики в социальной сфере является проведение работ, связанных с оптимизацией и реструктуризацией сети региональных бюджетных учреждений, «проработка» механизма перевода части учреждений в форму негосударственных организаций.

В основу нового механизма формирования бюджетных расходов, конструирования годовых финансовых планов республики будут положены результаты среднесрочного социально-экономического планирования. Отметим, что в последние годы республиканский бюджет Республики Мордовия в соответствии с Бюджетным кодексом РФ составлялся на основе среднесрочного плана экономического развития, содержащего прогноз финансовых показателей. В республике определены количественные показатели оценки результатов осуществления функций и задач всех главных распорядителей бюджетных средств. Увязка бюджетных расходов с конечным результатом деятельности министерств и ведомств осуществляется посредством системы премиро-

вания от достижения количественных показателей запланированных целей и задач.

Одним из основных направлений реформирования бюджетного процесса является переход преимущественно к программно-целевым методам бюджетного планирования, обеспечивающим прямую взаимосвязь между распределением бюджетных ресурсов и фактическими результатами их использования в соответствии с приоритетами государственной политики. В республике утвержден порядок разработки, утверждения и реализации ведомственных целевых программ.

Ориентация бюджета на конечные результаты будет обеспечена за счет включения в перспективный финансовый план ежегодно смещаемого на год вперед распределения ассигнований между субъектами бюджетного планирования на трехлетний период. Это создает стимулы для оптимизации бюджетных расходов, повышает объективность оценки деятельности министерств.

Новый подход в управлении расходами определяет необходимость создания системы учета потребности в предоставляемых бюджетных услугах. При этом результат оказания общественной услуги ставится в основу определения величины расходов по различным направлениям бюджетного финансирования. Для определения результата при оказании общественной услуги в первую очередь предполагается оценить потребность в конкретной услуге. Для этого следует составить их перечень, провести оценку необходимости и общественной значимости оплачиваемых из бюджетных средств общественных услуг.

Следующим шагом станет утверждение порядка проведения ежегодной оценки потребности в предоставлении бюджетных услуг и учета результатов оценки при формировании расходов на очередной финансовый год. Порядок проведения ежегодной оценки потребности в предоставлении бюджетных услуг будет представлять собой регламент и график документооборота рассмотрения результатов оценки.

Завершающим мероприятием этого направления является публикация результатов оценки, что позволит жителям республики получить информацию о составе услуг, кото-

рые им могут быть предоставлены с оплатой за счет бюджетных средств, и приоритетах в их финансировании.

В рамках направления разработки стандартов качества предоставления бюджетных услуг предполагается формирование стандартов предоставления общественных услуг населению Мордовии. Разработанные стандарты качества будут играть существенную роль при внедрении механизмов бюджетирования, ориентированного на результат, в процессы формирования среднесрочных ведомственных программ расходов. В рамках этого направления для повышения эффективности разработки и внедрения нового механизма финансирования намечается приобретение программных комплексов по кратко- и среднесрочному результативному финансированию деятельности ведомств и подразделений по оказанию бюджетных услуг населению (в сфере образования, здравоохранения, культуры, транспортного обслуживания и жилищно-коммунального хозяйства). Внедрение программных комплексов позволит выработать количественные показатели результативности предоставления бюджетных услуг в рамках осуществления функций и задач ведомств для всех главных распорядителей бюджетных средств.

В рамках повышения самостоятельности бюджетных учреждений будет проведена работа по формированию основных требований к результатам работы бюджетных учреждений в соответствии со стандартами качества предоставления бюджетных услуг. Кроме того, будут разработаны механизмы, позволяющие оценить выполнение бюджетными учреждениями требуемых результатов и предоставление им права самостоятельного распоряжения полученными бюджетными средствами (изменение формы и сроков предоставления бюджетных средств). Информация о выполнении будет публиковаться в СМИ и сети Интернет на периодической основе.

Неотъемлемой частью механизмов результативного финансирования стало использование среднесрочного финансового планирования. На начальном этапе реформирования следует разработать перечень показателей среднесрочного финансового плана. При этом среди основных будут показатели как финансовые, так и отражающие качество и результативность оказания общественных услуг населению.

Дальнейшие действия будут связаны с необходимостью изменения законодательства и утверждения обязательного порядка учета показателей среднесрочного финансового плана при подготовке решения о бюджете на очередной финансовый год. Кроме того, потребуются разработка и утверждение основополагающего документа — методики формирования среднесрочного финансового плана. Предполагается общественное обсуждение и огласка посредством публикации в СМИ и сети Интернет среднесрочного финансового плана и показателей доходов, расходов по основным статьям бюджетной классификации (функциональной, экономической и ведомственной) и объема долга не менее, чем на 3 года.

В рамках разработки механизма повышения эффективности и контролируемости региональных целевых программ планируется на начальном этапе провести анализ эффективности реализации программ в части оценки направлений финансирования и измерения конечного результата проведения мероприятий программы. На основе анализа предполагается усовершенствование механизма повышения эффективности программ, формализация ориентированности на достижение конкретных результатов социально-экономического развития региона, а также контроля эффективности выполнения целевых программ в целом и на промежуточных этапах. Результатом реформирования станет повышение прозрачности, измеримости, контролируемости и, как следствие, эффективности проводимых мероприятий региональных целевых программ.

Таким образом, экономическая и социальная политика, проводимая руководством Республики Мордовия, направлена на повышение результативности и эффективности расходов регионального бюджета, совершенствование управления бюджетными расходами и повышение благосостояния населения региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Статья опубликована при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Мордовия, проект № 06-02-23201 а/В.

[2] См.: *Лавров А. М.* Бюджетная реформа в России: От управления затратами к управлению результатами. М., 2005.

Поступила 19.07.06.

Я. В. ОЖЕГОВА

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ РЕГИОНА

Одной из важнейших проблем современной России является создание эффективно работающей муниципальной службы. Решение этой проблемы зависит от ряда факторов: подбора компетентных специалистов, системы контроля, правового и материально-технического обеспечения, эффективной системы мотивации персонала[1]. Значительное место здесь занимают вопросы социальной защиты. С них начинают многие специалисты, получившие приглашение на работу в муниципальную службу (уровень заработной платы, льготы, возможность улучшения жилищного положения и др.), ими и заканчивают свою работу (уровень пенсионного обеспечения, льготы)[2].

Социальная защищенность служащих органически связана с особенностями социальных отношений в местном самоуправлении, принципами организации муниципальной службы. В местном самоуправлении сегодня делается акцент на управление муниципальной службы, ее кадрового корпуса[3].

Обсуждая проблему социальной защищенности, следует обратить внимание на характер и специфику деятельности муниципальных служащих. Для работников органов местного самоуправления характерна множественность и многоплановость служебных ролей. Это объясняется, прежде всего, спецификой работы в органе местного самоуправления, где служащий для полноценного выполнения своих функциональных обязанностей должен не только соединять в себе

ОЖЕГОВА Яна Владимировна, соискатель кафедры организации производства и предпринимательства Вятской государственной сельскохозяйственной академии.

ряд различных качеств и профессиональных навыков, но и выполнять виды работ, существенно отличающиеся одна от другой. В связи с этим для современного муниципального служащего основной ценностной ориентацией является направленность на соблюдение интересов местного самоуправления, общества, на достижение поставленных перед органом местного самоуправления социальных целей на основе закона. Эта ориентация и названные ценности, составляющие гражданское самосознание, реализуются не непосредственно, а через профессиональную деятельность[4].

Изучение неблагоприятных факторов, затрудняющих деятельность органов местного самоуправления и побуждающих работников к уходу с работы, рассмотрим на примере типичного муниципального образования — Кирово-Чепецкий район Кировской области. Нами был проведен анкетный опрос служащих этого МО.

Среди многих неблагоприятных факторов, затрудняющих рост профессионального потенциала, необходимо выделить недостаточный уровень оплаты труда, неопределенность прав и обязанностей, конфликты с руководителями. Достаточно ясное представление о роли и месте факторов социальной защищенности и гарантированности прав дают сведения о мотивах поступления на муниципальную службу (таблица).

Таблица

Значение мотива поступления на муниципальную службу

Мотив	Значение			
	Большое	Среднее	Малое	Не имеет значения
Возможность реализовать свои способности	66	23	8	3
Важность работы для общества	44	34	9	—
Возможность решения личных проблем	28	29	20	23
Престиж муниципальной службы в общественном мнении	24	29	25	22

Скорее всего, в наибольшей степени фактор социальной защищенности косвенно фигурирует в 3-й и 4-й позициях. В таком случае социально-правовые аспекты муниципальной службы в сознании чиновников не занимают определяющего места, но весьма значимы.

Среди наиболее острых проблем для работников муниципальной службы фигурируют частные организационные перестройки органов местного самоуправления; недостаточно высокий уровень организации выполнения принимаемых государственных решений; нестабильность нормативно-правовой базы деятельности; межведомственное и внутриведомственное дублирование работы. Многие муниципальные служащие отмечают свою неудовлетворенность уровнем оплаты труда и социальной защищенности. Провинциальные города в современных условиях в отношении организации деятельности муниципальных служащих весьма специфичны[5]. В этих условиях в полной мере реализуется принцип опоры на собственные силы. Вследствие своих ценностных ориентаций, ускоренности механизмов традиционной культуры провинциальный город медленнее следует новым подходам к организации муниципальной службы.

Следует отметить общность условий жизни муниципальных служащих. Большинство опрошенных проживает в муниципальной (34 %) либо приватизированной квартире (32 %); 22 % — в квартире родителей; 12 % — в общежитии, снимают квартиру или комнату. Большинство чиновников проживают в отдельной квартире в семье с одним или двумя детьми.

Опрос показал, что работникам администрации приходится часто жертвовать интересами семьи во имя служебного долга: 43 % опрошенных отметили, что такие случаи бывают; 34 % респондентов указали, что это приходится делать достаточно часто; 13 % — такое бывает, но очень редко; у 7 % потребности в этом не возникает; 3 % респондентов ответили «нет».

Качество жизни людей во многом определяется собственностью и доходом. В современных условиях к реальной собственности служащих можно отнести жилье и земельное владение. Как уже отмечалось, 32 % опрошенных имеют приватизированную квартиру. Этот показатель вряд ли следует учитывать, поскольку приватизация жилья до сих пор была простой и доступной. О земельных владениях чиновников можно судить по следующим данным: 10 % имеют землю и дачу; 40 % — садовый участок; 50 % земли не имеют.

Учитывая инфляцию, в качестве основного показателя доходов служащих была использована потенциальная покупательная возможность чиновников. Лишь у 5 % опрошенных служащих (в том числе у каждого пятого руководителя) уровень денежного дохода позволяет откладывать сбережения, на которые можно приобрести различные виды товаров и услуг.

Большинство служащих (90 %) оценивают свое здоровье как хорошее и нормальное. На вопрос «Если Вы намерены поправить свое здоровье, то каким образом?» 33 % респондентов ответили «в российском санатории»; 18 % — «на даче»; 16 % — «в доме отдыха в России»; 15 % — «в лечебном учреждении по месту жительства»; 9 % — «на курорте, лечебном учреждении за рубежом»; 9 % — «другое». Таким образом, анализ качества жизни муниципальных служащих показывает, что их уровень дохода достаточен для того, чтобы иметь набор бытовой техники, садовый участок, отдохнуть и поправить здоровье в местном санатории.

Общее состояние проблемы мотивации, стимулирование деятельности служащих свидетельствует о незначительном наборе мер стимулирования мотивации. Положительное стимулирование концентрируется на премировании, а отрицательно-оценочные меры — на выговорах и лишениях премий.

Анализ результатов исследования позволяет утверждать: во-первых, проблемы социальной защиты муниципальных служащих должны рассматриваться в совокупности с решением социальных проблем населения, во-вторых, иметь соответствующее информационное сопровождение.

Важное значение в принятии решения об увольнении со службы имеет низкая заработная плата, характер самооценки уровня жизни, неудовлетворенность своей служебной деятельностью.

Среди лиц, не удовлетворенных заработной платой, 63 % высказали намерение уволиться. Число служащих, удовлетворенных заработной платой частично, намеревающихся уволиться, оказалось в 2 раза меньше (29 %). Следует отметить, что субъективная удовлетворенность оплатой труда не всегда совпадает с объективной. Не менее важную

Заказ № 1305

роль в формировании настроя на увольнение со службы играет характер самооценки уровня жизни. Из числа опрошенных 2 % отметили, что живут «в полном достатке». Признали свой уровень жизни как «вполне сносный» 15 % опрошенных. В то же время большинство служащих указывают на то, что «живут от зарплаты до зарплаты» (53 %) или «не могут свести концы с концами» (23 %). Свое максимально неблагополучное состояние («живут в нищете») признали 8 % служащих. Из крайне неудовлетворенных уровнем своей жизни (две последние из названных позиций) число намеревающихся уволиться со службы (52 %) в 1,6 раза превышает соответствующий показатель среди тех, кто более или менее удовлетворен своим материальным положением (34 %). Связь намерения уволиться с муниципальной службы установлена также с другими, нематериальными факторами. Среди них на первом месте фактор неудовлетворенности своей служебной деятельностью. Если среди «удовлетворенных» служащих намереваются уволиться 26 %, то среди «удовлетворенных в какой-то мере» и «неудовлетворенных» число служащих с такими намерениями увеличивается в 2 раза (52 %).

Важное значение в закреплении на службе персонала имеет сознание личного содействия стабилизации обстановки в обществе, стабильность служебного положения. Среди служащих, считающих, что своей службой такого содействия они не оказывают, 65 % высказали намерение уволиться. Утверждение своей социальной полезности уменьшает настрой на увольнение (35 %). При неопределенности своего служебного положения настроение на увольнение варьируется от 57 до 64 %. Среди лиц, уверенных в стабильности, число настроенных на увольнение уменьшается до 36 %. Намерение уволиться возрастает при наличии реальной возможности дальнейшего трудоустройства в негосударственных организациях (77 %).

Определенное влияние на нестабильность кадрового потенциала муниципальной службы оказывают ухудшение материального положения служащих по сравнению с дореформенным периодом (81 %); напряженность служебной деятельности, неадекватная оплата труда (преимущественно руководящий состав); различия в организации медицин-

ской помощи служащим и членам их семей; низкая и неравномерная обеспеченность путевками в санатории и дома отдыха.

Высокая текучесть кадров и значительная неукомплектованность штатных должностей характеризуют низкий уровень социальной защищенности служащих этого уровня управления. Попытки выправить это положение хотя бы в ряде ключевых отделов за счет существенного повышения заработной платы принципиально не решают проблему. Во-первых, разрыв в оплате труда равных по статусу различных ведомственных отделов — нарушение прав граждан и источник социальной напряженности внутри органа местного самоуправления. Во-вторых, более высокая заработная плата не всегда эквивалентна ее удовлетворенности.

В формировании состояния социальной незащищенности проблема оплаты труда и уровня жизни играет важную, но не единственную роль. Неменьшее значение в этом контексте имеют социально-психологические факторы (нестабильность служебного положения, неудовлетворенность служебной деятельностью и т. д.). Неудовлетворительное социальное самочувствие муниципальных служащих поддерживается низкой их правовой защищенностью. Состояние слабой социальной защищенности легче переносится теми служащими, у которых мотивом поступления на службу было стремление реализовать себя в управлении.

Особое внимание следует уделить «системе заслуг», сочетающей социальную, правовую защиту и мотивацию. «Система заслуг» означает, что любое действие в отношении кадров (прием на работу, продвижение по службе, увольнение, понижение в должности и т. п.) должно быть связано только со способностями служащего и качеством выполняемой им работы.

Более того, система социальной защиты муниципальных служащих предполагает ряд направлений: во-первых, продуманная и развитая нормативно-правовая база, сочетающая нормы защиты и системы мотивации труда муниципальных служащих; во-вторых, повышение уровня правовой, профессиональной и нравственной культуры муниципальных служащих; в-третьих, наличие организаций, берущих на себя функции социальной защиты (ассоциации му-

ниципальных служащих) и отслеживающих проблемы социальной защищенности в этой сфере.

Социальная защита должна включать комплекс мер, направленных на компенсацию ограничений, объективно обусловленных характером деятельности; реализацию социальных ожиданий работников, которые легли в основу их профессионального выбора; нейтрализацию факторов, препятствующих эффективной служебной деятельности конкретного лица.

Таким образом, непременным условием нормального социального самочувствия муниципальных служащих является их правовая защищенность. Для этого необходимо соблюдение порядка назначения на должность на конкурсной основе; четкая регламентация должностных обязанностей и практика поручений, связанных с занимаемой должностью; высокая активность и практическое значение аттестационной работы; доверие служащих к традиционным правозащитным структурам; надежные механизмы в защите служащих и членов их семей от насилия, угроз, оскорблений со стороны граждан в связи с исполнением служебных обязанностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Немчинов А. А., Володин А. М.* Муниципальная служба: Справочное пособие. М., 2002.

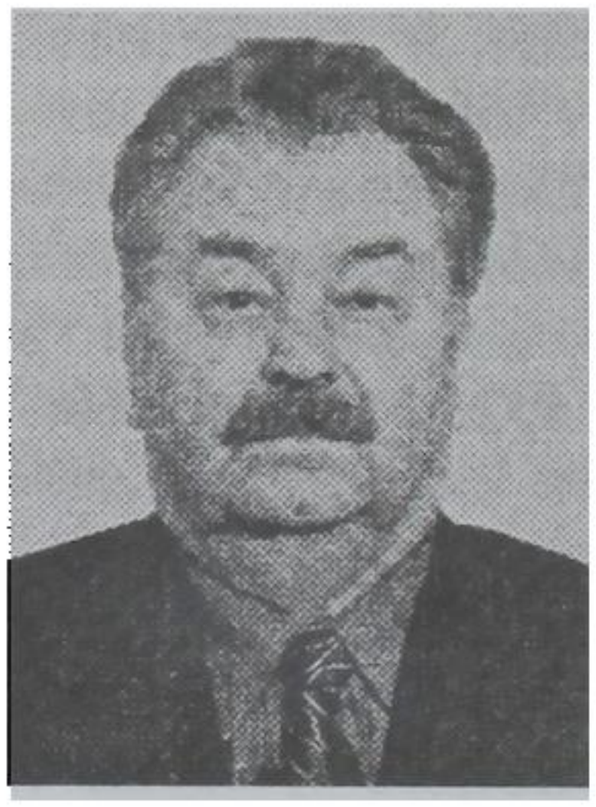
[2] См.: Управление персоналом организации: Учебник / Под ред. А. Я. Кибанова. М., 2004.

[3] См.: Муниципальная кадровая политика: Учеб. пособие для вузов / А. Г. Гладышев, В. Н. Иванов, Е. С. Савченко и др.; Под общ. ред. В. Н. Иванова, В. И. Патрушева; Академия социальных технологий и местного самоуправления. М., 2003.

[4] См.: Муниципальная служба: Учебник / Под ред. В. Г. Игнатова. М., Ростов н/Д, 2004.

[5] См.: *Рохчин В. Е., Жилкин С. Ф., Знаменская К. Н., Тишин Е. В.* Методологические рекомендации по формированию концепции социально-экономического развития муниципального образования. М., 2000.

Поступила 14.06.06.



А. А. АДАМЕСКУ *В. Ю. ВОСКРЕСЕНСКИЙ* *ЦИ ГО ИН*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТУРИЗМ КАК ОТРАСЛЬ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

В конце XX — начале XXI в. наступила новая эра Великих географических открытий. Человечество открывает для себя мир в форме туризма, который стал массовым явлением. Эволюция общества, мирное сосуществование стран на большей части планеты, рост уровня благосостояния населения, увеличение средней продолжительности жизни, развитие мирового процесса урбанизации и другие социально-экономические факторы привели к важным изменениям в жизни мирового сообщества. Одно из них выражается в динамичном развитии международного туризма. Всю систему предпринимательства в туризме разделяют на две основные части: туристическая индустрия и индустрия гостеприимства. Первая включает индустрию развлечений,

---

АДАМЕСКУ Алеко Александрович, советник Председателя Совета по изучению производительных сил (СОПС) при Министерстве экономического развития и торговли Российской Федерации и Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор.

ВОСКРЕСЕНСКИЙ Владимир Юрьевич, доцент кафедры экономических и финансовых дисциплин Московского гуманитарного университета, кандидат экономических наук.

ЦИ ГО ИН, аспирант кафедры экономических и финансовых дисциплин Московского гуманитарного университета.

туроперейтинг, туристические агентства, транспорт, экскурсионно-познавательные организации. Индустрия гостеприимства занимается услугами, размещением и питанием.

Современная мировая экономика — это глобальная система, объединяющая национальные государства, транснациональный капитал, а также крупные города и мегаполисы, блоки стран, международные организации, оффшоры и отдельных бизнесменов (транснационалов). Одной из важнейших современных тенденций является ее *сервисизация*. Сущность этого процесса заключается в том, что все большее число людей оставляют работу в промышленности и переходят в сферу обслуживания — туризм, гостиничное хозяйство, общественное питание, коммунальные услуги и т. п. Туристическая индустрия — одна из наиболее быстро развивающихся отраслей мирового хозяйства. По имеющимся оценкам, международный туризм входит в число трех крупнейших экспортных отраслей, уступая нефтедобывающей промышленности и автомобилестроению.

На рубеже веков мировое сообщество столкнулось с целым комплексом проблем. Одной из причин их возникновения стала социально-экономическая поляризация общества. Из шестимиллиардного населения Земли к концу XX в. выделился так называемый золотой миллиард, который составили жители развитых стран. Большая же часть населения планеты представляет беднейшие слои. Получив политическую самостоятельность, большинство развивающихся стран остались в экономической зависимости от более развитых, которые эксплуатируют с выгодой для себя их исчерпаемые природные, людские, а в последнее время и туристические ресурсы.

Пути решения проблем, вставших перед мировым сообществом, касаются и подходов к развитию отраслей экономики. В связи с этим, начиная с международной конференции в Рио-де-Жанейро (1992 г.), мировое сообщество взяло официальный курс на устойчивое развитие, сочетание экономического прогресса с сохранением природы и поступательным развитием общества. Многими странами был одобрен Киотский протокол, регулирующий объемы выбросов вредных веществ. Каждая отрасль экономики теперь рассматривается в контексте устойчивого развития и экологических стандартов.

Считаем возможным предложить подход, рассматривающий индустрию туризма в формате концепции устойчивого развития. В настоящее время рекреационный фактор оказывает существенное влияние на территориальную и отраслевую структуры хозяйств многих регионов и стран. Можно обозначить ряд проявлений туризма как фактора регионального развития: развитие проблемных районов (отсталых, депрессивных, сельских, приграничных, нового освоения); развитие морских и речных бассейнов; стимулирование экономической интеграции и глобализации.

Выравнивание уровней регионального развития и стимулирование развития отсталых и депрессивных районов являются неотъемлемым элементом социально-экономической политики цивилизованных стран. В 1975 г. был создан Европейский фонд регионального развития для финансирования таких программ. К числу экономически отсталых стран и регионов ЕС относятся Греция, юг Италии, Португалия, Испания, Ирландская Республика и Северная Ирландия. Чтобы исключить произвольный подход при распределении финансовых средств, в ЕС разработана система индикаторов выделения отсталых регионов: показатели уровня безработицы, доход на душу населения, удельный вес продукции сельского хозяйства и депрессивных отраслей промышленности в ВНП. Фонд оказывает финансовую помощь в строительстве новых промышленных объектов, создании новых рабочих мест.

В последние годы в структурной политике ЕС преимущественное развитие получает селективный подход, направленный на стимулирование деятельности конкретных компаний. Считается, что только частный бизнес может эффективно решать вопросы подъема депрессивных регионов, причем не путем строительства крупных индустриальных предприятий, а главным образом за счет малых и средних предприятий передовых отраслей. Кроме Европейского фонда регионального развития (ЕФРР); решению региональных проблем должны содействовать и другие социальные институты: Европейский социальный фонд (ЕСФ), Европейский фонд ориентации и гарантий сельского хозяйства (ЕФОГА), Фонд (финансовый инструмент) содействия рыболовству. В последние десятилетия в европейской региональной политике присутствует туристиче-

ская составляющая. Для ее поддержки применяются дотации из европейских фондов, займы Европейского инвестиционного банка.

ЕС может оказывать *помощь сельскохозяйственным регионам* (а часто именно они являются структурно-слабыми) в поиске дополнительных рабочих мест. Аграрный туризм сейчас популярен в Европе. Средства на эти цели, в частности, может выделять Европейский фонд ориентации и гарантии сельского хозяйства. ЕС реализуется так называемая Интегрированная программа по Средиземноморью, помощью которой воспользовались регионы Южной Италии, Южной Франции и Греции в строительстве и реконструкции туристической инфраструктуры. Кроме рассмотренных выше финансовых инструментов, в ЕС для стимулирования развития туризма реализуются инициативы, которые называются программами действия. Ряд программ сочетает решение региональных проблем и развитие туристической деятельности. Например, «RESIDER» — программа поддержки старопромышленных регионов, в которых доминируют горнодобывающая и металлургическая промышленность и которые охвачены структурной безработицей. Аналогично реализуются программы поддержки сотрудничества приграничных регионов «INTERREG». Таким образом, в странах Европейского сообщества туризм рассматривается как важная альтернатива экономического роста отсталых и депрессивных районов и поддерживается на наднациональном уровне.

В развивающихся странах также осознают преимущества, связанные с развитием туризма. Однако чаще всего здесь отсутствует скоординированная региональная политика, в том числе в области туризма. Поэтому преимущества от развития туристической деятельности используют в основном органы местного самоуправления в виде взимания дополнительной платы с иностранцев с целью решения локальных проблем. Так, в округе Хумма (Непал) с каждого туриста взимается два доллара на уход за горными тропами. Туризм используется и для развития пустынных территорий. Интересен в этом плане опыт организации туров по Сахаре (Алжир) и пустыне Гоби (Монголия). Отдельные города экстремальных районов разрастаются и развиваются за счет туризма.

В России до недавнего времени на национальном уровне развитие туризма как приоритетной отрасли регионального развития не рассматривалось. Однако интерес к этому направлению усилился в связи с инициативой Правительства РФ о создании сети туристско-рекреационных зон на территории страны.

В качестве фактора развития сельских районов может использоваться аграрный туризм. Его можно определить как сектор туристической индустрии, ориентированный на использование природных, культурно-исторических, иных ресурсов сельской местности и иную ее специфику для создания комплексного туристического продукта. Обязательным условием для развития аграрного туризма является то, что средства размещения туристов должны находиться в сельской местности. При этом обслуживание туристов берет на себя принимающая семья. Родиной агротуризма не случайно является Западная Европа. Европейцам нужны были серьезные социальные амортизаторы, чтобы при создании ЕС сохранить свою «деревню». Надо было показать, что в сельской местности можно зарабатывать деньги не только выращиванием сельскохозяйственных культур и разведением скота. Агротуризм выполняет ряд важных функций, способствуя улучшению условий занятости в сельской местности, обеспечивая приток гостей в сельскую местность, способствуя развитию сельских районов и сохранению уникальных сельских ремесел и фольклорного наследия.

Развитие агротуризма невозможно без поддержки со стороны государства. Так, в Италии в 1985 г. был принят закон о развитии агротуризма, после чего он стал важным сектором национальной экономики. Одним из эффективных рычагов развития агротуризма является создание ассоциаций. Перед ассоциациями производителей агротуристического продукта стоит задача защиты общих интересов агротуристических сфер: категоризация, стандартизация и сертификация агротуристических услуг; поддержание стандарта качества туруслуг, а значит, развития конкурентоспособности агротуризма в целом.

Велика роль туризма как *фактора развития приграничных районов*. Одним из факторов развития международного туризма в приграничных районах выступает изве-

стный в экономике эффект «ценовой дискриминации», когда за один и тот же товар в разных местах предлагают разную цену. Так, жители приграничных областей Австрии, где цены на товары и услуги существенно выше, чем в соседней Словакии, часто совершают шоп-туры в Братиславу. Другой пример — Калининградская область и Дальний Восток. Приграничная торговля в этих районах во многом способствует развитию туризма, что, в свою очередь, оказывает существенное влияние на развитие местной инфраструктуры.

Возможное совместное освоение с Норвегией шельфа Баренцева моря одновременно может способствовать развитию туризма в виде шоп-туров. Чтобы реализовать преимущества геополитического положения на стыке стран Скандинавии и РФ, в Мурманской области намечается создать свободные туристические зоны на Кольском полуострове.

Другим важным фактором развития туризма в приграничных районах является наличие уникальных туристических ресурсов, исследовать которые можно лишь совершив путешествие из приграничной области соседней страны. Так, из Мурманска практикуются туры по Северной Норвегии.

О возрастании влияния туристических потоков на развитие приграничных районов России свидетельствует также тот факт, что значительная часть поездок осуществляется в пределах соседних с Россией стран. Следует отметить, что с 2000 г. по числу граждан, пересекших с различными целями, в том числе и туристскими, государственную границу России, лидировали приграничные государства: Финляндия, Польша, Литва, Китай, Эстония.

Можно найти позитивные стороны в туризме как *факторе развития районов нового освоения*. Благодаря наличию нетронутой природы важным фактором их развития может стать популярный сегодня экологический туризм, поступления от которого могут быть направлены на развитие местной инфраструктуры. Подобные районы в большом количестве имеются в России, в частности на Алтае. Отсюда осуществлялся массовый отток жителей, и некоторые села потеряли население. В настоящее время возмож-

ность реализации туристических проектов может восстановить здесь экономическую активность. Характерный пример — проектируемый туристический комплекс «Бирюзовая Катунь» — первый претендент в Алтайском крае на получение статуса особой зоны туристско-рекреационного типа. Здесь планируется создать гостиничный, горнолыжный комплексы, охотничью базу.

Специфична роль туризма в *развитии морских и речных бассейнов*. Динамичное развитие круизов началось с середины 70-х гг. XX в. Появилось несколько круизных регионов, расположенных недалеко от развитых государств: Средиземноморье, Балтийское море и Северная Европа, острова южной части Тихого океана, Карибский бассейн и др.

Следует отметить, что в мировой транспортной системе речной транспорт в настоящее время является самым слабым звеном. Речные круизы могли бы существенным образом оживить его работу. Наиболее широкое распространение речные круизы получили в Западной Европе. Здесь популярны водные путешествия по Рейну, Дунаю, Сене, Эльбе, Роне, Мозелю и др. Речные круизы популярны и на других континентах: в Африке — по Нилу, в Северной Америке — по Миссисипи, в Южной Америке — по Амазонке, в Азии — по рекам Янцзы, Меконг, Амур. В России для организации речных круизов используются Волга, Обь, Енисей, Нева. Одним из наиболее популярных речных круизных маршрутов является маршрут по Волге: Москва — Волгоград — Астрахань. Водные круизы совершенствуют туристическую инфраструктуру в морских и речных бассейнах. Они могут дать толчок развитию пришедших в упадок портов, формированию новых туристических маршрутов.

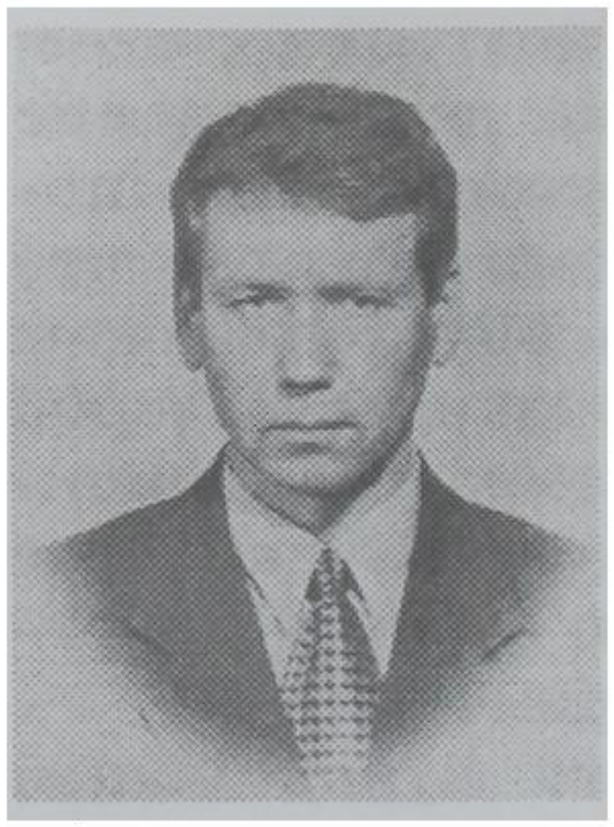
Международный туризм стал важным фактором экономической интеграции и глобализации. Правила, которые принимаются в его рамках, — часть интеграционных процессов. 14 июня 1985 г. в г. Шенген ряд европейских стран подписали соглашение о поэтапной отмене контроля на общих границах, основной целью которого стало облегчение перемещения граждан через общие границы стран — участниц соглашения. До конца 90-х гг. XX в. шенгенское соглашение осуществлялось параллельно с процессом экономической интеграции. Однако затем страны-члены ЕС

приняли их за основные для себя, так как большинство стран и так стали членами Шенгенского союза.

Говоря о воздействии международного туризма на *развитие пространственных процессов*, нельзя не отметить такой феномен, как глобализация. Она становится явлением, под знаком которого будет происходить эволюция человечества в XXI в. Глобализацию можно определить как ряд процессов, приводящих к взаимосвязи общества в политическом, экономическом, культурном аспектах, что изменяет само качество фундаментальных исторических процессов, формирует в них новые движущие силы, механизмы и направления. «Агентами» современной культурной глобализации являются транспортные и коммуникационные корпорации, средства медиа, глобальные сети, а также международный туризм. Характерным проявлением элементов глобализации в международном туризме является появление и распространение по всему миру гостиничных и ресторанных цепей, представляющих собой объединение в единый консорциум однотипных гостиниц и ресторанов, расположенных в разных странах, чтобы обеспечить одинаковый уровень комфорта международным путешественникам в любой точке мира, где бы они не находились. С одной стороны, международный туризм может способствовать процессу сохранения культурной идентичности отдельных регионов и стран, а с другой — открывает возможности обогащения культур, выступает движущей силой их вхождения в новое глобальное пространство, несет в туристические регионы нововведения, созданные в передовых государствах. Право на туризм — это не только право на отдых, развлечения и сохранение культурной самобытности, но и право на создание более справедливого международного политического и экономического порядка, право на свободу передвижений и путешествий.

Таким образом, можно сделать вывод, что международный туризм способствует формированию нового типа пространственных связей, а также культурному и техническому обогащению стран и народов.

Поступила 25.07.06.



С. В. АЛЕКСАНДРОВ

МИРОВЫЕ СУДЬИ И ПРОБЛЕМА ДОСТУПНОСТИ МЕСТНОГО СУДА

Мировая юстиция представляет собой фундамент всего здания правосудия, поскольку именно от результата действий мировых судей зависит действенность всей системы правосудия, именно с мировыми судьями сталкивается население, обращаясь к судебной власти. Поэтому от того, как организованы и действуют местные суды, насколько они доступны, складывается представление народа о правосудии.

Задача создания местного суда, максимально приближенного к населению, всегда была приоритетной в истории судебных реформ в России.

Концепция судебной реформы 1991 г. закрепила в качестве важнейшего направления реформирования судебной системы образование мировых судов как судов первой инстанции. Возрождение в Российской Федерации института мировых судей связано с принятием Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»[1] и Федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации»[2]. Мировые судьи стали реальностью национальной системы правосудия.

Мировые судьи представляют единоличную власть, распространяющуюся на территориях судебных участков, которые создаются из расчета численности населения от 15 до 30 тыс. чел. В административно-территориальных образованиях с численностью населения менее 15 тыс. чел. создается один судебный участок.

Мировые судьи как суды субъектов РФ максимально приближены к населению, однако стали ли они доступными для населения?

АЛЕКСАНДРОВ Сергей Васильевич, заместитель Председателя Верховного суда Республики Мордовия.

Доступность правосудия как общепризнанный стандарт цивилизованного государства означает не только территориальную близость судов, удобное их расположение, но и беспристрастное, справедливое рассмотрение дел, создание эффективных и действенных процедур, составляющих понятие «надлежащее правосудие». Следует отметить, что введение института мировых судей было обусловлено, в частности, необходимостью снижения нагрузки, с которой столкнулись районные суды при неограниченности принципа на судебную защиту. Осуществлено выделение наиболее простых, несложных дел, рассматриваемых в более короткие сроки, с применением упрощенных процедур.

С созданием мировых судей подсистема судов общей юрисдикции увеличилась на одно звено. Таким образом, Россия пошла по пути расширения судебной системы, параллельно увеличивая штаты в федеральных судах. Такой путь решения проблемы обеспечения права на судебную защиту явился, по сути, экстенсивным. Вместе с тем недостаточно были использованы процессуальные механизмы, позволяющие применять при производстве у мирового судьи упрощенные процедуры, что позволяет ускорять производство по несложным делам, упрощать тяжеловесность судебных процедур. Это облегчило бы доступ граждан к правосудию и снизило бы загруженность мировых судей.

Национальная система правосудия, разрешив проблему снижения объема работы районных судов, столкнулась с другой, не менее сложной. Сегодня мировые судьи рассматривают 1/3 уголовных, 3/4 гражданских и почти все административные дела, приходящиеся на всех судей судов общей юрисдикции, хотя количество мировых судей почти в два раза меньше, чем судей федеральных судов. Следует констатировать, что в России возникла проблема чрезмерной загруженности мирового судьи, и если последний разгрузил районный суд, то кто разгрузит его?

Чрезмерная нагрузка на мирового судью является серьезным препятствием к эффективному правосудию. Причем количество дел, поступающих на рассмотрение мировому судье, продолжает увеличиваться. Так, при отмеченном снижении нагрузки на районное звено в I полугодии 2005 г. возрос объем работы мировых судей по рассмотрению

гражданских дел на 17 % по сравнению с аналогичным периодом 2004 г. За I полугодие 2005 г. принято к производству 2 млн 166 тыс. исков и заявлений, что на 350,5 тыс. больше, чем за I полугодие 2004 г[3].

Нагрузка мирового судьи в Республике Мордовия выросла с 47,6 дел в месяц в 2001 г. до 139,2 дел в 2006 г., или почти в три раза. В последние годы значителен рост гражданских дел, рассмотренных мировыми судьями. Если районными судами Республики Мордовия за 2005 г. было рассмотрено 10 633 гражданских дела, то мировыми судьями за тот же период — 27 127, что составило 72 % от их общего количества за год в судах республики. В 2004 г. статистика гражданских дел выглядела следующим образом: районными судами РМ было рассмотрено 10 294 гражданских дела, мировыми судьями — 20 582, или 67 % от общего количества рассмотренных дел. При этом мировые судьи в Мордовии в 2005 г. рассмотрели 27 092 административных дела (в 2004 г. — 27 027), районные суды — 1 513 (в 2004 г. — 1 491)[4]

Россия отказалась идти по пути максимального упрощения судебных процедур, применяемых мировыми судьями, не стала создавать аналоги «судов мелких исков», где малодоступный гражданский процесс заменен быстрыми и менее формальными процедурами с активным участием суда в доказывании. Между тем при том объеме работы, который фиксирует статистика, мировые судьи, физически с ним не справляясь, вынуждены применять процессуальное упрощенчество.

В качестве направлений решения проблемы создания эффективной мировой юстиции, обеспечения доступности местного суда необходимы *разработка и применение упрощенных процедур в производстве мирового судьи*. Анализ работы мировых судей Республики Мордовия по рассмотрению гражданских дел позволяет сделать вывод о том, что примерно 50 % всех рассмотренных гражданских дел разрешается в порядке приказного производства. Так, в 2005 г. мировыми судьями Мордовии было рассмотрено 27 127 гражданских дел, из них судебных приказов — 16 714, что составило 61,61 % от общего числа рассмотренных дел. За 6 месяцев 2006 г. мировыми судьями было рассмотрено

13 949 гражданских дел, в том числе вынесено 7 112 судебных приказов, что составило 50,99 % от общего числа дел.

В настоящее время не ведется статистика, позволяющая выявить категории гражданских дел, рассматриваемых в порядке приказного производства. Анализ изученной практики деятельности мировых судей в Пролетарском районе г. Саранска приводит к выводу, что до 80 % всех дел, рассмотренных в приказном порядке, составляют дела о взыскании начисленной, но не выплаченной заработной платы. Оставшиеся 20 % составляют дела о взыскании алиментов и недоимок по налогам и сборам и другим обязательным платежам.

Совершенно очевидно, что с решением проблемы неплатежей по заработной плате и стабилизацией экономической ситуации в стране дела о взыскании начисленной, но не выплаченной заработной платы в порядке приказного производства будут иметь тенденцию к убыванию. Это приведет к сокращению упрощенных процедур. Следует активизировать исследования по изучению зарубежного опыта внедрения упрощенных процедур, а также национальной практики рассмотрения дел у мировых судей с целью внесения соответствующих предложений по усилению доступности и эффективности производства у мировых судей.

Необходимо *изменение границ судебных участков, создание их из расчета численности населения на одном участке от 15 до 23 тыс. чел.* Поскольку мировые судьи приняли на себя основную ношу по разрешению социальных конфликтов с участием граждан, Российская Федерация должна гарантировать высокий уровень эффективности правосудия, осуществляемый этими учреждениями, независимо от того, в каком субъекте Федерации они находятся, в каком судебном участке.

Считаем опасным предоставление субъектам РФ права решать вопрос о создании или несоздании судебных участков. Так, по мнению первого заместителя председателя Вологодского областного суда, необходимо создавать более гибкую правовую юстицию[5]. В. Шепель считает, что вопрос о создании судебных участков следует оставить на усмот-

рение субъекта РФ, и там, где в судебном районе создан один судебный участок и соответственно работает один мировой судья при наличии не менее трех судей федерального районного суда, будет правильным судебные участки не создавать. А дела, подсудные мировым судьям, передавать в этом случае федеральным судам. Эта схема позволила бы, по его мнению, освободившиеся штатные должности мировых судей вводить в тех городах и районах, где у судей большая нагрузка.

Показательно, что эти предложения, по сути пересматривающие закрепленную федеральным конституционным законом звенную и инстанционную модель системы судов общей юрисдикции, опубликованы в Парламентской газете и, более того, помещены на официальном сайте Верховного суда Российской Федерации[6]. Эти факты не случайны. Полагаю, что многим специалистам, в первую очередь судьям, близки размышления о перераспределении существующей сегодня судебной нагрузки по рассмотрению и разрешению дел по первой инстанции, которая различается порой в разы как между мировыми и федеральными судьями (районных судов), так и между самими мировыми судьями, особенно в городских и сельских населенных пунктах.

Действительно, неравномерность судебной нагрузки является серьезным препятствием к эффективному правосудию. Однако полагаем, что реализация подобных предложений самым негативным образом скажется на равенстве каждого перед законом и судом, приведет к рассмотрению одинаковых категорий дел в зависимости от местности в одних случаях мировыми судьями, а в других — районными судами. В таком случае граждане и организации окажутся в неравном положении относительно доступа к правосудию: в одних регионах исправление судебных ошибок будет осуществляться в апелляционном порядке, а в других — в кассационном. Очевидно, что апелляционный порядок, позволяющий предоставлять в суд апелляционной инстанции новые доказательства без их ограничения, а также возможности апелляционного суда рассмотреть дело повторно по правилам суда первой инстанции являются важной процессуальной гарантией исправления судебной ошибки, вызванной, в том числе правовой неграмотностью

Заказ № 1305

населения и отсутствием должной активности в обосновании собственной позиции. Лишение права на апелляцию следует рассматривать как серьезный удар по правам граждан.

Мировые суды, и только они, должны рассматривать и разрешать все отнесенные к их ведению федеральными законами категории уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях. Думается, что любые предложения по совершенствованию организации мировых судей могут рассматриваться лишь при условии стабильности существующей логики и характера инстанционного движения дела.

Одним из способов решения вопроса чрезмерной загруженности мировых судей может быть формирование судебных участков с меньшей численностью проживающих, чем первоначально закрепил законодатель.

Федеральным законом от 11 марта 2006 г. № 36-ФЗ «О внесении изменения в статью 4 Федерального закона „О мировых судьях в Российской Федерации“»[7] изменен принцип судебного межевания. С 1 января 2007 г. судебные участки должны будут создаваться исходя из меньшей численности проживающих на одном участке — от 15 до 23 тыс. чел. Данный принцип изменит территориальную «нарезку» участков в сторону их уменьшения, что, несомненно, скажется на уменьшении количества дел, приходящихся на одного мирового судью. Это и позволит сформировать новые судебные участки, что приведет к расширению корпуса мировых судей.

Полагаем, целесообразно в городах формировать судебные участки с меньшей численностью населения в пределах обозначенной «вилки», а в сельских районах — с большей численностью. Подобная «нарезка» предусмотрена федеральным законом, именно субъекты РФ должны определять границы судебных участков с числом жителей от 15 до 23 тыс. чел. В связи с этим создание большего числа судебных участков может сдерживаться субъектами РФ из-за экономии средств на их содержание. В этом случае эффективность правосудия будет зависеть от финансового состояния региона.

Назрела *необходимость перераспределения компетенции между мировыми судьями и районными судами.* Сфор-

мированная в российском законодательстве модель мирового суда видится как низовое звено судов общей юрисдикции, вписанное в единую судебную систему Российской Федерации. Показательно, что многие представители судейского сообщества не видят в мировых судьях особой инстанции, принципиально отличающейся от суда первой инстанции районных судов. Скорее, наоборот, мировые судьи видятся как продолжение районного суда, способ его разгрузки. Поэтому вполне логично предлагается решение обратного рода: если необходимо, то районные суды могут принять на себя нагрузку от мировых судей обратно, распределяя более равномерно «судейские услуги».

Рассматривая мировые суды в таком контексте, они видятся, наряду с районными судами, как структуры основного звена. Мировой судья есть суд субъекта РФ, обладающий ограниченной юрисдикцией. Юрисдикция мировых судей ограничена в двух отношениях. Первым ограничением является то, что к их компетенции отнесены несложные категории гражданских и уголовных дел, а также дел об административных правонарушениях. На это указывают четко «прописанные» в федеральном законе формальные критерии подсудности. Так, к ведению мирового судьи отнесены имущественные споры при цене иска, не превышающей 500 МРОТ, а также уголовные дела о преступлениях, за совершение которых может быть назначено максимальное наказание, не превышающее трех лет лишения свободы. Второй вид ограничений компетенции сводится к определению категорий дел, отнесенных к ведению мировых судей. Так, компетенция мирового судьи по гражданским делам обозначается через перечень конкретных категорий дел, которые подлежат рассмотрению мировым судьей.

Мировые судьи призваны разрешать мелкие гражданские иски и малозначительные уголовные дела. В связи с этим было бы целесообразно из подсудности мировых судей изъять отдельные категории гражданских дел и отнести их к подсудности районных судов. Речь идет, в частности, о трудовых делах, которые не могут быть малозначимыми, поскольку определяют социальный статус гражданина. Кроме того, считаем необходимым отнести к подсудности районного суда любые споры о признании права

собственности на недвижимое имущество, поскольку трудно представить себе такое недвижимое имущество, рыночная цена которого была бы ниже 500 МРОТ. Однако при оценке данного имущества по инвентаризационной стоимости такие споры относятся к подсудности мирового судьи. Как правило, речь идет о признании права собственности на гаражи и дачные домики.

Говоря о создании эффективной мировой юстиции и обеспечении доступности местного суда, нельзя не сказать о *необходимости повышения уровня организационного обеспечения мировых судей и увеличения аппарата мирового судьи*. Организационное обеспечение деятельности мировых судей, в том числе финансирование их аппарата, материально-техническое обеспечение, осуществляют органы исполнительной власти соответствующего субъекта Российской Федерации в порядке, установленном законом соответствующего субъекта Российской Федерации.

Анализ законов субъектов РФ, входящих в Приволжский федеральный округ, выявил неэффективную, на наш взгляд, структуру аппарата мировых судей, где, как правило, предусмотрено введение штатных единиц секретаря и помощника судьи. При значительной нагрузке, приходящейся на мирового судью, необходимо укомплектовать вспомогательный аппарат техническими работниками канцелярии, архива и др. Мировым судьям требуются надлежащие условия для осуществления правосудия. Речь идет не только о помещениях, где расположился бы мировой судья, но и о помещениях для персонала, свидетелей, архива, зала судебных заседаний и прочих помещениях судебного предназначения. На сегодняшний день эти проблемы не решены. Тем не менее следует приветствовать попытки законодателей отдельных субъектов Федерации закрепить гарантии организационного и ресурсного обеспечения мировой юстиции. Так, Закон Нижегородской области от 5 ноября 1999 г. № 72-З «О мировых судьях Нижегородской области» содержит правило, согласно которому помещение мирового судьи и его аппарата должно быть обеспечено охраной, соответствовать санитарно-техническим нормам, нормам пожарной безопасности, иным требованиям, позволяющим обеспечивать осуществление правосудия, иметь зал судебного

заседания, кабинеты для судьи, канцелярии, архива, участников судебного заседания, комнату для конвойной службы (ст. 10).

Назрела *необходимость создания автономной апелляционной инстанции, обособленной от районного суда.* Действующим судоустройственным законодательством не закреплены полномочия районного суда как суда апелляционной инстанции по обобщению практики рассмотрения дел мировыми судьями с целью ее единообразия в пределах судебного района. Так, анализ судебной практики по делам о выдаче судебного приказа на территории Мордовии убеждает в наличии трудностей, испытываемых мировыми судьями, в решении вопроса о возбуждении приказного производства.

Судебная практика не единообразна по делам о выдаче судебного приказа на взыскание задолженности за услуги связи. Например, определением мирового судьи от 2 сентября 2005 г. кредитору ОАО «Мобильные ТелеСистемы» было отказано в принятии заявления о вынесении судебного приказа на взыскание задолженности в сумме 853 руб. 51 коп. с должника за предоставленные услуги радиотелефонной связи «Джинс». Правовым основанием для отказа в принятии заявления в порядке приказного производства явилось правило п. 4 ч. 1 ст. 125 ГПК РФ, согласно которому суд отказывает в принятии заявления, если из него и предоставленных документов усматривается наличие спора о праве. Между тем по заявлению ОАО «ВолгаТелеком» о выдаче судебного приказа на взыскание в упрощенном порядке задолженности за услуги связи был выдан судебный приказ, наличие спора о праве усмотрено не было. Такая неоднородная практика складывается в пределах одного судебного района, что, несомненно, сказывается на уровне защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

В юридической литературе высказаны предложения по созданию завершенных судебных систем субъектов РФ общей юрисдикции. Предлагается создать в качестве мировых установлений суды апелляционной инстанции, возрождая опыт Судебных уставов 1864 г., тем самым освобождая федеральные суды от функций рассмотрения дел в апелляционном порядке[8].

Созданная таким образом судебная система общей юрисдикции субъектов РФ будет иметь процессуальную автономность. В этом предложении есть, на наш взгляд, рациональное зерно, поскольку реализация этого предложения позволит осуществлять более действенный судебный контроль за единообразием судебной практики, складывающейся у мировых судей, что повысит ее эффективность.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

[2] См.: О мировых судьях: Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 51. Ст. 6270.

[3] См.: Судебная статистика. Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в первом полугодии 2005 года // Российская юстиция. 2006. № 1.

[4] См.: Бюллетень Верховного суда Республики Мордовия. 2006. № 11.

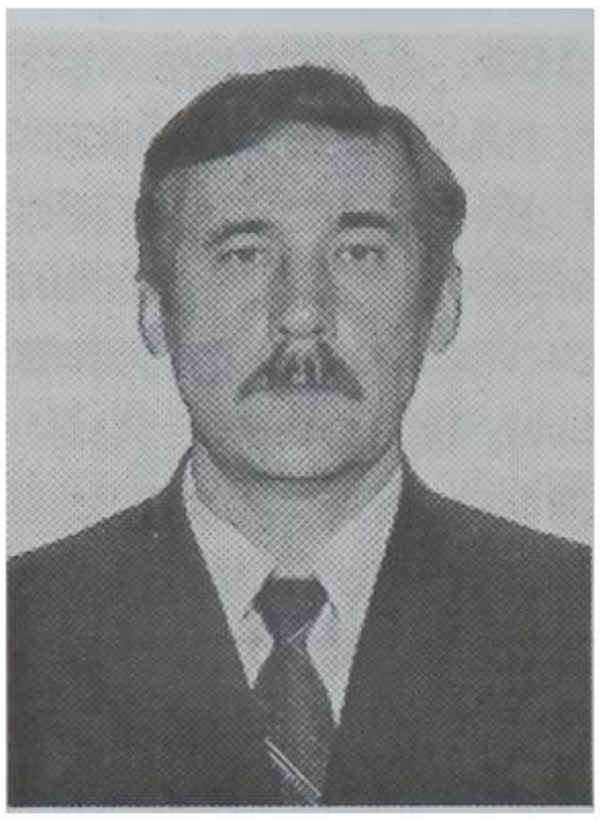
[5] См.: *Шепель В.* Плотность права на один квадратный метр // Парламентская газета. 2005. 12 июля.

[6] http: // www.supcourt.ru

[7] См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1147.

[8] См.: *Жуйков В. М.* Судебная реформа: проблема доступа к правосудию. М., 2006. С. 24.

Поступила 30.11.06.



В. Н. ЛАЗАРЕВ

ИНФЛЯЦИОННО-ДЕФЛЯЦИОННЫЙ ПОДХОД ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Ключевым вопросом исследования закономерностей развития социально-экономической системы является модельное представление структуры ее организации. В данном случае мы солидарны с мнением о том, что: «Теоретический анализ, а также исследование материальных и идеальных самоорганизующихся систем показали, что ядерно-сферическая их организация является оптимальной, так как в полной мере удовлетворяет требованию системообразующего фактора»[1] Ядро социально-экономической системы, по нашему мнению, составляют две «полусферы»: человеческий и денежный капиталы. Любая социально-экономическая система без денежного капитала есть социальная система, без человеческого капитала — экономическая система. Поэтому денежный капитал в чистом виде следует признать как наиболее упорядоченную экономическую систему, а человеческий капитал — как наиболее упорядоченную социальную систему. В зависимости от поставленных исследователем целей акценты могут быть расставлены тем или иным способом. Тем не менее принятие в качестве определяющей той или иной «полусферы» ядра социально-экономической системы и исследование закономерностей ее развития невозможно без учета диалектического единства человеческого и денежного капиталов. Раздельное их рассмотрение рано или поздно выводит исследователя на неразрешимые проблемы.

ЛАЗАРЕВ Владимир Николаевич, профессор кафедры экономики и менеджмента Ульяновского государственного технического университета, кандидат экономических наук.

Инфляционно-дефляционное описание поведения системы не позволяет получить исчерпывающего ответа о причинах возникновения различных процессов. Отправным пунктом получения ответа на данный вопрос является общее понимание содержания процессов развития и конкуренции. Если прогресс, в широком его смысле, принять в качестве формы проявления развития, то вполне обоснованно можно утверждать, что одной из фундаментальных причин, инициирующих инфляционно-дефляционные процессы в социально-экономических системах, является научно-технический прогресс. Оборотная сторона научно-технического прогресса как процесса заключается в отрицании существующего его уровня. В экономической практике это находит свое выражение в категории морального износа, связанного с полной или частичной потерей стоимости того или иного вида капитала.

Несмотря на то что процедуры оценки стоимости бизнеса, имущества, трудовых ресурсов сейчас активно развиваются, существующие методические подходы не основаны на комплексном подходе, а представляют собой частные фрагменты общей оценки состояния системы. Поэтому одной из ключевых проблем управления социально-экономической системой является «распознавание» степени морального износа ее капитала.

Неустойчивость состояния экономической среды в целом характеризуется широким распространением слияний, поглощений, разделений, обособлений хозяйствующих субъектов. С экономической точки зрения эти процессы означают слияние и деление капитала, что предполагает регулярность процедур его оценки или, в более широком понимании, оценки бизнеса, представляющей собой интегральную оценку элементов внутренней среды предприятия.

Применение инноваций является основным источником высокой рентабельности производства, увеличения нормы прибыли, создающих необходимые предпосылки возрастания стоимости капитала, т. е., в нашем понимании, развития дефляционных процессов. М. Кастельс пишет: «Добавленная стоимость создается главным образом инновацией, как в процессах, так и в продуктах»[2]. Если согласиться с этим положением, отвергающим подходы К. Маркса к по-

ниманию источников происхождения прибавочной стоимости, то следует принять и другое предположение о том, что применение инноваций на одних предприятиях является источником морального износа, обесценивания традиционных технологий — на других предприятиях. Предприятия-инноваторы, как правило, занимают монопольное положение на рынке, и это позволяет им обеспечить существенный разрыв между ценами продукции и затратами на ее производство. Ф. Найт справедливо отмечает: «Экономическая рентабельность идеи ограничена временем, необходимым конкурентам, чтобы ее скопировать»[3]. Поэтому трудно согласиться с мнением С. И. Лушина: «Если производитель создал ажиотажный спрос на какой-то модный товар, и цены на него выросли, или они повысились на изделие в связи с улучшением его качества, то это не инфляция, а нормальная реакция на технико-экономические сдвиги в производстве и реализации продукции»[4]. По нашему мнению, именно моральный износ того, что и на основе чего производилось, приводит к концентрации на локальном рынке новых изделий при одинаковой денежной массе, а это идеальные условия для роста цен, т. е. инфляции. Неконкурентоспособность старых изделий приводит к тому, что не цены на них, а объемы реализации и норма прибыли снижаются. По нашему мнению, это свидетельствует о развитии инфляционных процессов в системе.

Если норма прибыли ниже нормы инфляции, то теряется смысл экономической деятельности. Экономическая система должна либо прекратить свое существование, либо перестроиться и найти возможности своего возвращения на традиционный рынок с новой продукцией, либо искать новые ниши, либо снижать издержки производства, либо снижать цены. Если исходить из предположения о том, что рыночная ниша изначально была сбалансирована по спросу и предложению, то возможности снижения цен в условиях уменьшения спроса крайне ограничены. Система может просто перейти в режим убыточного функционирования, или «простого воспроизводства».

Возвращение на традиционный рынок означает тиражирование инноваций и в итоге изменение монопольного положения предприятия-инноватора. Казалось бы, что в

этих условиях норма прибыли также должна стремительно снижаться, и ее нижним пределом вновь должна стать величина инфляции. Однако это не так. Скорее всего, следует ожидать стабилизации цен на готовую продукцию. Рентабельность производства будет сокращаться в основном за счет роста издержек производства, в основе которого лежит повышенный спрос на исходные ресурсы, необходимые для производства новой продукции.

Итак, источником инфляции является научно-технический прогресс, приводящий к возникновению инновационных предприятий монополистов и существенному отрыву цен на новую продукцию от издержек на ее производство. Рост массы прибыли создает для него новые возможности в совершенствовании производства и росте доходов на потребление. Напротив, менее конкурентоспособные предприятия теряют прибыль, снижаются инвестиционные возможности совершенствования производственных процессов, обостряются проблемы уплаты процентов за кредиты, уплаты налогов и т. д. Своеобразной становится взаимосвязь банковского процента и уровня общей рентабельности. Высокорентабельное производство на предприятиях-инноваторах провоцирует повышение банковских процентов, которые являются «губительными» для неконкурентоспособных предприятий. Банковские ресурсы становятся для них недоступными, что еще более усугубляет их положение. Создается искусственный, но вполне реальный дефицит денежных ресурсов.

Положение можно спасти двумя способами. Первый связан с нормированием рентабельности на монопольных рынках и изъятием сверхприбыли. Этот подход нельзя считать оптимальным, так как при его реализации теряется инвестиционная привлекательность «ниши», и замедляется процесс проникновения на рынок новых экономических субъектов. Другой путь предполагает создание дополнительных условий трансформации монопольного рынка в рынок свободной конкуренции, который и обеспечивает стабилизацию цен, а следовательно, снижает темпы инфляции. Данный подход отмечает экономическую ценность инфляционных процессов как необходимое условие экономического прогресса. Длительность и масштаб инфляционных процессов определяют два возможных состояния экономической

системы. Первое связано с регулярностью возникновения фундаментальных инноваций, но вряд ли следует ожидать частое их возникновение. Второе — с монопольным характером инновационной экономики, препятствующим проникновению бизнеса в высокорентабельные сектора экономики.

Безусловно, не вся совокупность частных процессов в социально-экономической системе может быть количественно оценена с позиций инфляционно-дефляционных процессов, но такая цель и не преследуется. В ряде случаев более ценным является общее представление о направленности развития процессов. Следуя логике экономической целесообразности, производственное использование капитала должно обеспечить как минимум нейтрализацию негативного влияния инфляционных процессов, как максимум — обеспечить его возрастание, т. е. норма прибыли на вложенный капитал должна включать процент инфляции и возрастания капитала:

$$Н_{пр} = Н_{и} + Н_{в}, \quad (1)$$

где $Н_{пр}$ — норма прибыли, %; $Н_{и}$ — процент инфляции; $Н_{в}$ — процент возрастания капитала.

Интересным является сравнение инфляционно-дефляционных процессов относительно денег, включенных и не включенных в процесс их производственного использования. Деньги без их использования подвержены инфляции, через определенный промежуток времени их состояние описывается выражением:

$$Д = Д \quad К_{и}, \quad (2)$$

где $К_{и}$ — коэффициент дисконтирования.

$$К_{и} = 1 - Н_{и}, \quad (3)$$

где $Н_{и}$ — норма инфляции, дол. ед.

Если предположить, что целью производственного использования капитала является противодействие инфляции, то через аналогичный промежуток времени его состояние описывается выражением:

$$К = К \quad К_{и}, \quad (4)$$

где $К_{и}$ — коэффициент дисконтирования.

$$К_{и} = 1 + Н_{и}, \quad (5)$$

где $Н_{и}$ — норма инфляции, дол. ед.

Таким образом, разница денег, включенных и не включенных в процесс их производственного использования, по абсолютной величине составляет норму инфляции в квад-

ратной степени. Отсюда в итоге можно записать следующее равенство:

$$Д = К \quad Н^2_и. \qquad (6)$$

Верно и иное представление зависимости денег и денежного капитала:

$$К = Д \quad (1 + Н_{пр})^2, \qquad (7)$$

где $Н_{пр}$ — норма прибыли, дол. ед.

Мы далеки от мысли проведения прямых аналогий, но представляется, что многое в поведении социально-экономических систем станет объяснимым, если вспомнить известное выражение:

$$E = M \quad C^2, \qquad (8)$$

где E — энергия покоя, M — масса покоящегося тела, C — скорость распространения света.

Функциональная тождественность формул 6 и 8 подтверждается тождественностью зависимостей между энергией—массой и деньгами—капиталом. Признавая общность закономерностей экономических и физических процессов, можно предположить существование некоторой константы, характеризующей постоянство инфляционных процессов. Естественные науки достигли существенных результатов в экспериментальном исчислении фундаментальных констант. Достаточно вспомнить о так называемых постоянных Планка, Больцмана, гравитационной постоянной и т. д. Среди математиков имеется точка зрения, согласно которой «золотое сечение» есть универсальная мировая энтропийная константа. Исчисление инфляционной константы находится в плоскости изучения мировой экономики в целом. В случае постановки такой задачи ее решение осложняется многочисленностью и одновременно взаимной зависимостью государственных валют, необходимостью сплошного, а не выборочного наблюдения изменения цен, наличием фактов изготовления фальшивых денег, несанкционированной добычи золота и т. д. В то же время следует отметить существующую тенденцию формирования единой системы денежных знаков, основу которых, по нашему мнению, составляют современные процессы глобализации. Формирование единой денежной мировой системы позволит перевести проблему исчисления инфляционной константы в практическую плоскость.

Для реальной социально-экономической системы чрезвычайно важным является исследование соотношения норм прибыли и инфляции:

$$S = H_{пр} / H_{и}. \quad (9)$$

Если отношение меньше 1, то это свидетельство инфляции капитала, если больше 1 — дефляции капитала. Отношение, равное 1, показывает взаимную компенсацию инфляции и дефляции капитала. Величину S, по нашему мнению, следует считать мерой развития инфляционно-дефляционных процессов в социально-экономической системе. Для соответствующих специалистов в области математического моделирования задача количественного описания инфляционно-дефляционных процессов и оценки состояния систем, исходя из обозначенных содержательных посылов, особых затруднений не вызывает. Знание значений этого коэффициента в разрезе, например, территориальных образований открывает широкие возможности повышения эффективности текущего управления и перспективного планирования. Другие направления применения этого показателя достаточно очевидны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Котельников Г. А., Поддубный Н. В.* Современное российское общество: феноменология нестабильности // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. М., 2003. С. 167.

[2] *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. / Под науч. ред. О. И. Шкаратана. М., 2000. С. 235.

[3] *Найт Ф. Х.* Риск, неопределенность и прибыль: Пер. с англ. М., 2003. С. 323.

[4] *Лушин С. И.* Роль инфляции в экономике // Инфляция и антиинфляционная политика в России / Под ред. Л. Н. Красавиной. М., 2000. С. 54.

Поступила 21.04.06.

С. Е. ЛАРИНА

А. Р. ВАГАПОВА

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ БЮДЖЕТОВ И РАЗВИТИЕ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Одним из основных экономических механизмов государственного регулирования территориального развития является бюджетная система. Развитие бюджетного федерализма в России, новации бюджетного процесса последних лет приводят к новому конструированию бюджетов всех уровней. При этом вектор развития межбюджетных отношений, формы и методы предоставления межбюджетных трансфертов предопределяются бюджетно-налоговой автономией, самостоятельностью бюджетов в бюджетной системе федеративного государства.

Принцип самостоятельности бюджетов имеет приоритетное значение для организации бюджетной деятельности на уровне субъектов Федерации и местного самоуправления. В то же время признаки самостоятельности, обособленности, независимости могут иметь в своем проявлении

ЛАРИНА Светлана Евгеньевна, доцент кафедры конкретной экономики и финансов Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат экономических наук.

ВАГАПОВА Алсу Рашидовна, соискатель кафедры конкретной экономики и финансов Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

только относительный характер, который выражается как в содержательной нагрузке данного принципа, так и характере бюджетных ограничений, действующих в бюджетной системе страны. Позиция федеральных органов государственной власти в вопросах построения бюджетной системы направлена на обеспечение единства этой системы, использование эффективных методов ее функционирования. Органы нижестоящих уровней власти имеют право самостоятельно осуществлять бюджетную деятельность при условии соблюдения общих установленных федеральным центром правил.

Бюджетный кодекс Российской Федерации (далее — БК РФ), развивая конституционные положения о самостоятельном осуществлении государственной власти субъектами Федерации (за пределами исключительного и совместного ведения с федеральным центром) и самостоятельном решении вопросов местного значения органами местного самоуправления, закрепил самостоятельность бюджетов в качестве основополагающего принципа построения и функционирования бюджетной системы России. По действующей редакции БК РФ (Федеральный закон № 120-ФЗ от 20 августа 2004 г. «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования межбюджетных отношений») принцип самостоятельности бюджетов означает совокупность прав и обязанностей органов государственной власти и органов местного самоуправления по самостоятельному осуществлению бюджетного процесса, обеспечению сбалансированности бюджетов, определению форм и направлений расходования бюджетных средств и эффективному их использованию, права субнациональных органов власти устанавливать в соответствии с федеральным законодательством о налогах и сборах соответственно региональные и муниципальные налоги и сборы. Кроме того, принцип самостоятельности предусматривает недопустимость установления расходных обязательств, подлежащих исполнению одновременно за счет средств бюджетов двух и более уровней бюджетной системы Российской Федерации, недопустимость непосредственного исполнения расходных обязательств одного уровня власти за счет средств бюджетов других уровней.

Нормативное толкование принципа самостоятельности имеет ряд объяснений и последствий для субнациональных бюджетов. Во-первых, процесс разграничения расходных обязательств по уровням бюджетной системы обусловливает формирование автономии в расходах, которая проявляется в реализации позиции «кто устанавливает расходное обязательство, тот его и финансирует». Во-вторых, исключается сама возможность расходов, совместно осуществляемых из бюджетов разного уровня, без выделения «зон и ответственности» в финансировании. В условиях ограниченности бюджетных ресурсов данная жесткая позиция предопределяет высокую ответственность органов власти каждого уровня за исполнение установленных обязательств.

Важнейшие аспекты самостоятельности бюджетов — расходная и доходная ее составляющие, а также система ограничений, действующая на каждую составляющую.

Расходная составляющая самостоятельности бюджетов предполагает соответствие расходования бюджетных средств объему и видам полномочий, возложенных на государственные (муниципальные) органы власти. Определяющим элементом здесь является состав этих полномочий и расходных обязательств, обусловленный нормативно-правовой базой. Самостоятельное осуществление в рамках действующего разграничения обязательств по расходам предопределяется финансовой возможностью их реализации.

Особенность расходных ограничений заключается в изначальной «заданности» расходов (БК РФ, гл. 11). Органы государственной власти и управления каждого уровня бюджетной системы имеют свой «набор» функций (расходных обязательств), которые определяются Конституцией РФ, принятыми на ее основе федеральными законами, а также собственными решениями властных структур соответствующего уровня. При этом дополнительные расходы можно нести только при наличии собственных средств соответствующих бюджетов. На практике это тождественно требованию соответствия бюджетных расходов государственным (муниципальным) функциям, определенным федеральным законодательством. При существующей дифференциации бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации и муниципальных образований исполнение расходных

обязательств напрямую зависит от форм и размеров межбюджетных трансфертов.

Действующая модель самостоятельности в расходах и ограничения, накладывающиеся на этот процесс, имеют еще один важный аспект. Речь идет о социальных услугах, исполнение которых в условиях отсутствия системы их стандартизации может привести к серьезным проблемам с точки зрения как бюджетной системы, так и социально-экономических диспропорций в развитии территорий.

В логике разграничения расходных обязательств между уровнями власти стандартизация социальных услуг должна осуществляться самостоятельно каждым уровнем власти в пределах соответствующих обязательств и полномочий. Отметим противоречивый характер данного аспекта самостоятельности. С одной стороны, возможности конкуренции территорий объективно ограничены разными исходными условиями формирования бюджетного потенциала. Поэтому самостоятельное установление стандартов социальных услуг субъектами Федерации и муниципальными образованиями, исходя из возможностей их финансирования из бюджета соответствующего уровня, может привести к тому, что вся территория страны условно будет разделена на зоны «социального благополучия» и «социального провала». С другой стороны, складывающаяся модель «автономии в расходах» не допускает вмешательства в расходные обязательства одного уровня властных структур другого уровня. Поэтому стандартизация социальных услуг вышестоящим органом власти возможна только по отношению к делегированным расходным обязательствам. В других случаях она может носить лишь рекомендательный характер. Очевидно противоречие между невозможностью единой стандартизации социальных услуг по всей стране и необходимостью обеспечения равного доступа к конституционно гарантированным социальным правам граждан независимо от места их проживания.

Решение этой проблемы возможно по нескольким (реализуемым одновременно) направлениям. Во-первых, через разработку и принятие федерального закона о конституционно гарантированном минимальном уровне потребления социальных услуг гражданами. Во-вторых, через повыше-

Заказ № 1305

ние качества управления государственными и муниципальными финансами. В-третьих, через активное использование межбюджетных трансфертов в формах дотаций и софинансирования социальных расходов. Именно на второе и третье направления в настоящее время сделан акцент в развитии межбюджетных отношений в Российской Федерации.

Доходная составляющая принципа самостоятельности бюджетов включает закрепление на определенных условиях за Российской Федерацией, ее субъектами и муниципальными образованиями части доходов от всех доходов бюджетной системы. Особенностью бюджетной системы России является формирование основной части бюджетных доходов путем закрепления за нижестоящими бюджетами долей доходных источников, активное использование инструментов межбюджетного регулирования.

Самостоятельность в доходах бюджетов должна реализовываться через проявление автономии видов и объемов получаемых доходов. Нормативно новое толкование собственных доходов бюджета выражается в разделении источников доходов бюджетов в зависимости от вида расходных полномочий. Идея реформирования бюджетных отношений в части разграничения доходов бюджетов оформилась в схему «собственные полномочия — собственные доходы; переданные полномочия — переданные субвенции».

Собственные налоговые доходы в контексте налоговой автономии должны составлять основу любого бюджета и обеспечивать его стабильность. При этом собственными налогами необходимо признавать такие платежи, которые полностью зачисляются в доход соответствующего бюджета и не распределяются вышестоящим уровнем власти с целью достижения сбалансированности бюджетной системы. Включение финансовой помощи в собственные доходы бюджетов затушевывает остроту проблемы низкой самостоятельности бюджетов. Более того, факт получения финансовой помощи из вышестоящего бюджета «сужает» самостоятельность бюджета, так как бюджетный процесс на уровне бюджета-получателя финансовой помощи автоматически подпадает под контроль вышестоящего органа власти. При проведении бюджетной реформы следует исходить не только из констатации наличия собственных доходов в составе бюджетов, но и из их размера и уровня в общей сумме доходов.

Получение субнациональными бюджетами финансовой помощи на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности способно привести к серьезному снижению самостоятельности бюджетов. Так, Концепцией повышения эффективности межбюджетных отношений и качества управления государственными и муниципальными финансами в Российской Федерации в 2006—2008 гг. предлагается установление на основе законодательных норм различных условий осуществления бюджетного процесса в субъектах Российской Федерации в зависимости от уровня их дотационности. Введение дополнительного режима бюджетных ограничений предусматривается для субъектов Федерации, в бюджетах которых доля финансовой помощи из федерального бюджета (за исключением субвенций на исполнение делегированных полномочий) находится в интервале от 20 до 60 % или составляет более 60 % объема собственных доходов. Анализ уровня дотационности региональных бюджетов по итогам 2004—2005 гг. показывает, что если такой «сценарий» вводить уже сейчас, то 69 субъектов Российской Федерации подпадают под режим дополнительных бюджетных ограничений.

Ограничения самостоятельности бюджетов в условиях современного этапа бюджетной реформы в России получило еще одно новое «качество». Речь идет об уровне местных бюджетов (городских и сельских поселений). Действующее законодательство позволяет полномочия местных администраций поселений по формированию, исполнению и контролю за соответствующим местным бюджетом полностью или частично передавать муниципальному району. При всей актуальности этой нормы с точки зрения различного экономического потенциала территорий, кадрового и финансового обеспечения бюджетов поселений данная норма не определяет условия, при которых возможно сокращение организационной составляющей самостоятельности местных бюджетов.

Усиливаются новые требования к прозрачности бюджетов, их аудиту, формированию финансовых органов управления. Использование таких способов регулирования бюджетных отношений (при всей их важности и необходимости) в современных условиях России может привести к масштабной ситуации «несостоятельности» бюджетов, при-

чинами которой могут являться не только несовершенный бюджетный менеджмент соответствующего уровня власти, но и груз накопившихся проблем и противоречий, в том числе в сфере самостоятельности бюджетов и межбюджетного регулирования.

Принцип самостоятельности проявляется и в запрете изъятия остатка бюджетных средств на момент завершения исполнения бюджета. Этот аспект проявления самостоятельности вызывает в ряде случаев труднорешаемые проблемы. Речь идет о профицитных местных бюджетах, когда избыток бюджетных средств образуется не в результате разумной и целенаправленной деятельности органов местного самоуправления, а из-за «перекосов» налоговой системы или отсутствия возможности осуществления бюджетных расходов. В результате формальная, техническая оценка профицита определяется как следствие экономического благополучия территории.

Современной бюджетной системе России свойственно сочетание иерархичности и централизации[1]. Такое сочетание обеспечивает единство бюджетной системы и позволяет учитывать особенности территориального развития регионов. Вместе с тем современная российская бюджетная практика показывает, что реальная нормативная и финансовая база реализации принципа самостоятельности пока не создана, и это предопределяет особую роль межбюджетных отношений в региональном развитии.

Принцип самостоятельности каждого уровня бюджетной системы в Российской Федерации сводится к обоснованию бюджетных прав, но при этом не оценивается способность регионов и территорий к самообеспечению, саморазвитию экономического потенциала. Определенный задел учета стимулов к саморазвитию лег в методику расчета дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности регионов при формировании проекта федерального бюджета на 2007 г. Так, для регионов с динамично растущей экономикой за базу расчета дотаций принимается не достигнутый ими высокий уровень, а среднероссийский показатель роста.

Возможности самообеспечения территорий могут быть реализованы в рамках экономического курса, позволяющего не только предотвратить ухудшение финансовой и эконо-

мической ситуации, но и обеспечить самогенерирующий рост экономики и региона, и муниципалитета. Основным звеном финансового механизма регионального саморазвития являются финансовые стимулы и рычаги, способствующие росту производства и повышению доходов хозяйствующих субъектов на региональном уровне. Переход региона на режим саморазвития требует осуществления финансовой политики, которая ориентирована на доходы, создаваемые экономикой региона, при одновременном обеспечении сбалансированности с объемами располагаемых финансовых ресурсов, формируемых на основе этих доходов. Даже самый поверхностный анализ свидетельствует, что регионы России не используют полностью возможности пополнения финансовых ресурсов из ряда источников. Это касается как недоимки по сбору налогов, нерациональных льгот по налогам, неоправданных бюджетных расходов, так и недостаточного внимания развитию межрегиональных торгово-производственных связей.

Региональное развитие связано с серьезной внутренней дифференциацией социально-экономического развития. Налоговый потенциал субъектов Федерации сосредоточен в основном в наиболее крупных муниципальных образованиях. Так, на долю городских округов приходится более 60 % всего доходного потенциала местного самоуправления[2] При этом очевидно, что именно в городах аккумулируются основные источники налогов и сборов, именно города являются основой формирования налогового потенциала региона. Федеральное законодательство определяет использование и отрицательных трансфертов, и права городских округов на налоговое регулирование. Эти инструменты неизбежно будут срабатывать как антистимул к наращиванию собственного налогового потенциала.

Процессы развития межбюджетных отношений имеют глубокое экономическое содержание, заключающееся, в частности, в формировании экономического статуса субъектов Федерации и муниципальных образований, который должен характеризоваться обязательной минимальной «экономической самодостаточностью» территорий.

Сбалансированная бюджетная политика и эффективная система межбюджетных отношений — это база новых

финансовых взаимоотношений между федеральным центром и регионами, региона и муниципалитета, основанных на неукоснительном выполнении взаимных обязательств.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Шевелева Н. А.* Бюджетная система России. Опыт и перспективы правового регулирования в период социально-экономических реформ. СПб., 2004. С. 19.

[2] См.: Анализ реформы межбюджетных отношений и проблемы обеспечения сбалансированности консолидированных бюджетов субъектов РФ в условиях разграничения расходных полномочий. М., 2006.

Поступила 19.10.06.

Е. В. СОЛДАТОВА

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ

Существенные изменения условий функционирования коммерческих банков, произошедшие в последнее десятилетие, привели к необходимости качественной перестройки систем управления банками. Преобразование корпоративного управления банковской деятельностью — одно из основных направлений реформирования банковской системы Российской Федерации. Цели и содержание реформирования отражают мировые тенденции в подходах к банковскому бизнесу и направлены на повышение доверия клиентов к коммерческим банкам, обеспечение прозрачности банковской системы, совершенствование механизмов защиты прав и интересов инвесторов. Стратегическим фактором структурных изменений становится повышение эффективности банковской деятельности.

Сегодня «целью предпринимательской деятельности становится не максимизация прибыли через минимизацию расходов, а нахождение стратегического преимущества на базе технологических, продуктовых и организационных инноваций»[1].

В западной практике банковского управления при оценке эффективности используется более сложный и менее однозначный в русском переводе термин «performance», подразумевающий интегрированный результат деятельности, включающий в себя финансовые и нефинансовые параметры. Таким образом, традиционная трактовка оценки бизнеса как результатов современной деятельности (прошлых результатов) дополняется характеристикой результативности деятельности в будущем.

СОЛДАТОВА Елена Владимировна, аспирант кафедры маркетинга Мордовского государственного университета.

Главным критерием долгосрочной эффективности становится максимизация стоимости банка. Как отмечает С. Н. Кошман, эффективность в банковской сфере служит отражением одной из главных задач коммерческого банка по максимизации стоимости его средств, внесенных акционерами, при соблюдении допустимого уровня риска и отражает степень использования полезных свойств финансового капитала и человеческих ресурсов[2]. Рост стоимости банка как цель и критерий эффективности бизнеса используется для принятия управленческих решений, оценки качества корпоративного управления, эффективности реализуемых стратегий и т. д.

Основными слагаемыми роста рыночной стоимости современного банка являются коммуникации, включая информационные, достаточность капитала, динамические способности, интеллектуальный капитал и показатели надежности.

В практике отечественного бизнеса до сих пор основной акцент в целевых установках банка делается на максимизацию прибыли. Однако уже есть примеры стратегически ориентированного подхода к управлению эффективностью как ростом стоимости коммерческого банка. Необходимость перехода региональных коммерческих банков Республики Мордовия к оценке эффективности своей деятельности с позиции максимизации стоимости бизнеса, на наш взгляд, обусловлена несколькими причинами. Первой и главной является потребность экономики региона в «длинных» деньгах, где роль коммерческого банка сегодня — одна из определяющих. Мордовия принимает участие в реализации более 20 федеральных целевых программ и 35 республиканских. Получить финансирование производственного проекта при помощи российского рынка ценных бумаг практически невозможно, поэтому реальным источником финансирования остаются банки. Доля банковского сектора в объеме инвестиций в экономику повысилась с 3,3 % в 2001 г. до 16,0 % в 2005 г. Результаты проведенного Национальным банком РМ мониторинга предприятий свидетельствуют о том, что в качестве источника инвестиций кредиты банков были использованы каждым пятым предприятием.

Второй причиной является повышение прогнозируемости внешней среды банка. Экономическая и политическая ста-

бильность — одни из определяющих факторов увеличения горизонта планирования в банке. По мнению специалистов, для российской действительности он может быть расширен до 4—5 лет.

Третья причина — наличие у банков отлаженного оперативного планирования и осознание руководством банков необходимости оценки и учета долгосрочных ориентиров развития. Как отмечает А. Б. Идрисов, банк без стратегии — это набор активов, обремененных обязательствами[3]. Систему внутреннего хозрасчета и бюджетирования уже внедрили АККСБ «КС Банк» и АКБ «Актив Банк». Несмотря на все ее достоинства и ярко выраженный результат в повышении эффективности их работы, она обладает существенным недостатком — переориентирует банк на достижение оперативных и краткосрочных целей, что способствует упущению стратегических преимуществ в конкурентной борьбе.

Четвертая причина — соответствие мировым тенденциям. Опираясь на историю функционирования зарубежных банков, эволюцию которых повторяет современная российская банковская система (в т. ч. и региональные банки), можно утверждать, что оперативная составляющая управления является первым закономерным этапом в повышении эффективности работы коммерческого банка, его организованности и адаптации к внешним условиям. Вторым этапом, обеспечивающим осознанность и целенаправленность развития банка, является постановка системы стратегического менеджмента.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что каждый рынок, в том числе банковский, с течением времени стремится к олигополии. Это происходит потому, что олигополия — более эффективная структура рынка, чем «свободная» конкуренция и монополия. Олигополизация рынка банковских услуг также соответствует стратегии ЦБ РФ и Правительства РФ, предусматривающей универсализацию двух-трех десятков ведущих банков и превращение малых (особенно региональных) в их филиалы. В силу неизбежности олигополизации банковского рынка каждый владелец и руководитель коммерческого банка должен четко представлять себе объективную возможность превращения в олигополи-

ста на этом рынке, для чего необходимо иметь долгосрочную стратегию. Если в силу объективных причин банк «обречен» быть приобретенным более сильным конкурентом, в этом случае также необходимо иметь соответствующую стратегию с тем, чтобы создать максимальную ценность своего банка и тем самым выручить как можно большую сумму от продажи бизнеса стратегическому покупателю.

По состоянию на 1 января 2006 г. в Мордовии функционировали 22 кредитные организации, в том числе 4 самостоятельных коммерческих банка и 6 их филиалов, 12 филиалов кредитных организаций других регионов, из них 9 филиалов Мордовского отделения Волго-Вятского Сбербанка РФ.

Несмотря на то что региональные банки были образованы примерно в одно и то же время, они имели разные стартовые условия. АКБ «Мордовпромстройбанк» был создан на основе бывшего Промстройбанка СССР, АКБ «Актив Банк» — филиала АКБ «Финист Банк», сохранив при этом клиентскую базу и квалифицированный персонал. В 2005 г. они достигли размера капитала, превышающего 5 млн евро. Тем не менее эти банки пока не в полной мере используют имеющийся в их распоряжении финансовый потенциал для дальнейшего наращивания своей деятельности, о чем свидетельствуют значительные остатки свободных средств на корреспондентских счетах — 17,8 % у АКБ «Мордовпромстройбанк» и 30,6 % у АКБ «Актив Банк».

АККСБ «КС Банк» и АКБ «Мордовсоцбанк» начинали свою деятельность «с нуля». Однако АККСБ «КС Банк» на данный момент наиболее успешно и динамично развивается, имеет самый высокий показатель рентабельности капитала (10,7 %) благодаря гибкой политике по управлению привлеченными ресурсами и более оптимальной структуре активов (более 70 % «работающих»). АКБ «Мордовсоцбанк» является аутсайдером, демонстрируя самые низкие показатели.

Банки, зарегистрированные на территории республики, осуществляют операции преимущественно на региональном уровне. Совокупная доля размещенных средств региональных банков в других регионах РФ составляет всего 2,4 % валюты баланса. Осуществление деятельности в одном

регионе с основными контрагентами позволяет банку владеть более полной информацией о деятельности хозяйствующих субъектов и своевременно управлять своими рисками. Концентрация операций в разрезе иностранных валют также невелика и в 2006 г. составила 3,8 % совокупных активов банковского сектора; вложения в ценные бумаги — 5,8 % от величины совокупных активов. Таким образом, в деятельности кредитных организаций Республики Мордовия превалируют риски: кредитный и потери ликвидности.

Политика управления рисками имеет существенные отличия по трем крупнейшим банкам Мордовии. АКБ «Актив Банк» проводит самую консервативную политику: ограничивает размер риска на одного заемщика, осторожно выдает крупные суммы кредитов, а также ограничивает объемы кредитования своих акционеров и инсайдеров. АККСБ «КС Банк» выдает крупные кредиты, в том числе одному заемщику или группе связанных заемщиков, кредитует своих акционеров. Этот банк наиболее активно кредитует своих инсайдеров. АКБ «Мордовпромстройбанк» также активно выдает крупные кредиты, но концентрирует при этом внимание на своих акционерах, поэтому его политику управления рисками активов можно назвать неосторожной.

К отрицательным моментам, характеризующим ликвидность самостоятельных кредитных организаций, следует отнести несбалансированность активов и пассивов банков по срокам востребования активов и погашения обязательств. Снижение сбалансированности активов и пассивов произошло за счет «удлинения» сроков размещения ресурсов. Данные о состоянии ликвидности самостоятельных кредитных организаций на 2006 г. показывают, что активы, размещенные на срок свыше 1 года, на 44,8 % сформированы из краткосрочных ресурсов. Анализ ликвидности самостоятельных кредитных организаций свидетельствует о неразвитости в республике рынка краткосрочных инвестиций и отсутствии рыночных механизмов поддержания ликвидности банковских учреждений через рынки межбанковского кредитования и ценных бумаг.

В условиях быстро развивающихся рынков и острейшей конкуренции нефинансовая информация, базирующаяся на оценке нематериальных активов, приобретает все большее

значение. Нематериальные активы играют все возрастающую роль в бизнесе и определяют до 60 % стоимости коммерческого банка. Лояльность клиентов, способность банка обеспечить их удержание, прогрессивность технологии и отлаженность бизнес-процессов, мощный и высококвалифицированный кадровый состав — факторы, которые имеют огромное значение и оказывают влияние на стоимость компании в будущем.

Одними из наиболее значимых факторов, определяющих рост стоимости в будущем, являются диверсификация и развитость рыночных позиций коммерческого банка. Участники банковского рынка РМ предоставляют своим клиентам широкий спектр финансовых услуг и предлагают современные банковские продукты, учитывающие специфику целевых категорий клиентов. Возрастает интенсивность конкуренции, т. к. 90 % ассортимента банковских продуктов характеризуется незначительной степенью дифференциации. Конкурентные стратегии почти не имеют фундаментальных различий и заключаются в маневрировании располагаемыми ресурсами, кооперации с союзниками в лице государственных структур (министерств и ведомств) в рамках государственных программ поддержки малого предпринимательства и ипотечного кредитования. Ассортиментный ряд банковских продуктов включает близкие по потребительским характеристикам банковские услуги, а именно: диверсифицированные кредитные и депозитные предложения физическим лицам, кредитные линии и расчетные счета юридическим лицам, предпринимателям и т. д.

По оценкам экспертов Министерства по антимонопольной политике РФ, рынок банковских услуг Мордовии отличается высоким уровнем концентрации на значимых сегментах (CR3 > 70 %)[4]. Значительную долю на рынке занимает Мордовское отделение Сбербанка РФ — чуть менее 50 % всех вкладов населения, 44 % от общей суммы средств на счетах юридических лиц, почти 50 % кредитных вложений банков РМ. Кроме того, в последнее время активизировались филиалы других московских банков, проводя агрессивную политику в сфере потребительского кредитования, а также кредитования средних и малых предприятий. Региональным банкам приходится проводить достаточно

гибкую политику для удержания и роста конкурентных позиций на рынке.

Усиление конкуренции на региональном рынке приводит к тому, что ключевым фактором, определяющим жизнеспособность банка, становится качество продуктов и способность наиболее полно удовлетворять потребности своих клиентов. Как утверждал П. Друкер, существует лишь одно правомерное обоснование цели бизнеса: создание удовлетворенного клиента[5]. Компании могут увеличить прибыль почти на 100 %, удерживая всего на 5 % больше своих клиентов.

По данным мониторинга, проведенного Национальным банком, среди кредитных организаций и филиалов, расположенных в регионе, предприятия более часто использовали услуги местных кредитных организаций и их филиалов, чем из других регионов. К услугам банков в других регионах никогда не обращались 77,8 % предприятий. Большинство предприятий (99,3 %) сохранило тот состав кредитных организаций, с которыми они сотрудничали. Среди факторов, определивших решение предприятий сохранить неизменным состав коммерческих банков, с которыми они взаимодействовали, в большей мере являются опыт сотрудничества, уверенность в их финансовом положении, удобное расположение, знакомство с руководителями, уровень квалификации персонала. Выявлены значительные резервы сокращения времени обслуживания в отделениях банков.

Дополнительную стоимость для владельцев банков в последнее время представляют лицензии и участие банка в системе страхования вкладов, поскольку иначе банк лишается возможности работать со средствами физических лиц, что дает существенные преимущества его конкурентам в борьбе за клиентов и ресурсы рынка. Из 4 коммерческих банков региона 3 — участники системы страхования вкладов, имеют лицензии на совершение операций с ценными бумагами, 4 банка — лицензии на совершение операций в иностранной валюте.

Проведенный анализ эффективности деятельности региональных банков Республики Мордовия и возможных источников повышения их стоимости позволил сделать вывод, что на сегодняшний день они в основном конкурентоспособ-

ны и обладают рядом преимуществ перед филиалами крупных московских банков: хорошее знание своей клиентуры, сложившиеся отношения, наличие развитой сети внутри региона, возможность и умение лоббировать интересы в местных и региональных органах власти. Наиболее успешным и динамичным является АККСБ «КС Банк», реализующий достаточно грамотную финансовую политику, которая позволяет поддерживать оптимальное соотношение «доходность — риск», обеспечивая самый высокий среди региональных банков показатель рентабельности капитала. Гибкая маркетинговая политика позволяет банку удерживать устойчивые позиции в традиционных сегментах регионального рынка и завоевывать новые благодаря развитой инфраструктуре. В перспективе основные усилия региональных банков, на наш взгляд, должны быть сконцентрированы на разработке и реализации стратегии, базирующейся на более широком и умелом использовании нематериальных активов, что способствует наращиванию стоимости их бизнеса.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Лаврушин О. И.* От теории банка к современным проблемам его развития в экономике // Банковское дело. 2003. № 7. С. 4.

[2] См.: *Кошман С. Н.* Эффективность работы коммерческого банка и ее оценка в современных условиях: Дис. ... канд. экон. наук. М., 2002. С. 15.

[3] Цит. по: *Никонова И. А., Шамгунов Р. Н.* Стратегия и стоимость коммерческого банка. М., 2004. С. 22.

[4] См.: *Мехряков В. Д.* О некоторых аспектах регулирования конкурентных отношений на рынке банковских услуг // Банковское дело. 2003. № 12. С. 25.

[5] См.: *Друкер П.* Задачи менеджмента в XXI веке. М., 2003. С. 133.

Поступила 23.10.06.

Н. А. ЯНЧУК

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АУДИТОРСКОГО РЫНКА

Изменение подходов к регулированию аудиторской деятельности России актуализировало вопрос о региональных аудиторских рынках. Аудит относится к молодой и потому малоизученной отрасли российской экономики. На сегодня отсутствует даже официальная статистика отрасли. О масштабах деятельности аудиторов можно судить лишь по ежегодным рейтингам 150 аудиторско-консалтинговых групп (АКГ) и компаний, публикуемым журналом «Эксперт».

За свою 15-летнюю историю отечественный рынок аудиторских услуг (РАУ) продемонстрировал высокие темпы развития. Общий фон аудиторского сектора создают АКГ, базирующиеся в центральной части России и обслуживающие крупный бизнес. Средний и малый бизнес пользуются услугами местных аудиторских компаний. Эта тенденция отчетливо прослеживается в Приморском крае с момента появления первых аудиторских компаний (1992 г.). За последние 9 лет количество действующих аудиторских фирм Приморья увеличилось в 1,3 раза и на 1 января 2005 г. составило 59 организаций, из которых 44 — во Владивостоке[1]

Аудиторский бизнес региона — это малый бизнес, масштабы деятельности аудиторских организаций невелики и в основном не выходят за его пределы. В отрасли занято 0,02 % населения Приморья. Среднесписочная численность работников аудиторских организаций по состоянию на 1 января 2005 г. составила 490 чел. (включая совместителей). При этом средняя численность персонала на одну органи-

---

ЯНЧУК Наталья Александровна, старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета и аудита Дальрыбвтуза (г. Владивосток).

зацию с 1996 по 2002 г. оставалась неизменной — 6 чел., в 2003—2004 гг. увеличилась на 2 единицы.

В отличие от российского РАУ приморский рынок характеризуется неравномерностью развития. Совокупная выручка аудиторских организаций колеблется в соответствии со спросом на аудиторские услуги. Максимального объема рынок достиг в 2004 г. — 106 127 тыс. руб. (1 799 тыс. руб. на 1 аудиторскую организацию), по количеству заключенных договоров наиболее благоприятным следует считать 2002 г. — 1 357 договоров (18 договоров на 1 аудиторскую организацию). Такой существенный рост доходов (на 40 % по сравнению с предыдущим годом), эффективности труда аудиторов и аудиторских организаций и незначительная, но стабильно увеличивающаяся доля отрасли в ВРП — 0,09 % в 2003 г., 0,08 % в 2002 г., говорят об укреплении позиций аудиторской деятельности на региональном рынке. Однако удельный вес выручки приморских аудиторов в общем объеме доходов 100 (позже 150) крупнейших АКГ России незначителен, в среднем за последние 9 лет он составляет 1,5 % с тенденцией к сокращению.

Основными видами услуг, оказываемых приморскими аудиторскими фирмами, являются независимая проверка и консалтинг в области налогообложения. Рост общих доходов аудиторов связан в первую очередь с ростом выручки от проведения собственно *аудита,* доля которого в 2004 г. в общем объеме услуг составила 66,3 %, тогда как в 2002 и 2003 гг. — 59,7 и 56 % соответственно.

Вторым по уровню доходности видом услуг остается консалтинг, преимущественно в области бухгалтерского учета и налогообложения. Его удельный вес с 2002 по 2004 г. непрерывно снижался, составляя 18,5; 18,2; 15,9 % соответственно. Третьим по уровню доходности можно считать услуги в области постановки, восстановления и ведения бухгалтерского учета, составления финансовой (бухгалтерской) отчетности (без налоговых деклараций), их доля колеблется от 8,8 % в 2002 г. до 12,1 % в 2004 г.

Ассортимент услуг, предоставляемых аудиторскими фирмами Приморского края, не отличается разнообразием. Обобщение их в группы по методике Бостонской консуль-

тационной группы американской ассоциации маркетинга позволяет сделать вывод о том, что региональные фирмы не практикуют внедрение так называемых трудных детей, перспективных услуг, требующих значительных инвестиций. Избегается предоставление услуг, относимых к группе «изгоняемые собаки», как малодоходных.

Действия аудиторских организаций направлены на оказание услуг второй и третьей группам, т.е. традиционных услуг с четко отработанной технологией, приносящих основную прибыль и занимающих устойчивые рыночные позиции.

Исследуя качественный состав участников рынка аудиторских услуг Приморья, следует отметить большое количество действующих аудиторских организаций, каждой из которых принадлежит небольшая доля рынка. Лидерами аудиторского рынка Приморья стали «Моор Стивенс Владивосток», ООО «Фирма „Аудит-Эксперт“», ЗАО «Дальаудит» и ООО «Аудиторская фирма „Эксперт“», чьи доходы за 2004 г. превысили 10 млн руб., а доля рынка соответствует 51,5 %.

Оценка степени монополизации рынка осуществляется на основе показателей рыночной концентрации. Коэффициент рыночной концентрации трех крупнейших аудиторских компаний Приморья CR3 составляет 41,5 %, т.е. рынок относится к низкоконцентрированному; индекс Херфиндаля-Хиршмана HHI — 759, что также является показателем низкоконцентрированного типа.

Аудиторские организации не взаимозависимы, их доли на рынке сравнимы по размеру, а поведение близко к деятельности конкурентных предприятий, чем к поведению олигополистического типа. Образованные вновь аудиторские организации сравнительно легко выходят на рынок, поскольку отсутствуют значимые барьеры: не требуется больших первоначальных капиталов, трудовых и материальных ресурсов. Прекращение деятельности аудиторской фирмы или ряда фирм также может происходить сравнительно легко, не приводя к оголению этого сектора рынка региона.

Наблюдается довольно напряженная конкурентная борьба среди аудиторских фирм, поскольку предлагается функ-

ционально-однородная услуга — аудиторская проверка и стандартный набор сопутствующих ей услуг, удовлетворяющих одну и ту же потребность клиента. Существует дифференциация сопутствующих услуг: они отличаются качеством, наличием дополнительных скидок и льгот. Персонифицированность услуг дает право аудиторским организациям использовать определенные приемы рыночной власти при назначении цены. Примечательно то, что лишь 32 % специалистов предприятий и организаций Приморского края, опрошенных нами в ходе исследования и пользующихся услугами аудиторов, указали, что основа при выборе аудиторской организации для них — ценовая политика последних. Опрошенные специалисты 60 организаций г. Владивостока и Приморского края представлены главными бухгалтерами, заместителями главных бухгалтеров и рядовыми бухгалтерами. В выборку вошли крупные, средние и малые организации. Целью опроса было выяснение причин, побуждающих обращаться к услугам аудиторов, мотивов выбора определенной аудиторской фирмы или аудитора, регулярности обращений, значимых качественных характеристик аудиторских услуг. 91 % опрошенных пользуется услугами аудиторов, из них 16 % — на регулярной основе по контрактам на абонентское обслуживание, остальные организации прибегают к услугам аудиторов по мере необходимости.

Как видно, ценовая конкуренция постепенно отходит на второй план, уступая место неценовой, использующей конкуренцию ассортимента, положительную репутацию и брэнд фирмы, рекламу. 68 % респондентов отметили безупречную деловую репутацию в сочетании с полной независимостью, профессионализм, компетентность аудитора и строгое соблюдение им условий конфиденциальности, а также положительные отзывы своих партнеров о предоставленных им услугах. 89 % опрошенных указали на удовлетворенность услугами аудиторов, претензий к качеству у них нет.

Остальные опрошенные чаще всего недовольны отсутствием индивидуального подхода к клиенту («поточное» обслуживание); предложением стандартных решений за большие деньги; игнорированием мнения клиента.

Крупные клиенты аудиторских организаций Приморья предпочитают оплачивать полный комплекс услуг. Они не

склонны менять партнеров, что дает возможность аудиторам легко определять востребованность видов аудиторских услуг в ближайшее время и готовность представить их по первому требованию.

К причинам формирования узкого перечня сопутствующих классическому аудиту услуг следует, на наш взгляд, отнести отсутствие эффективных предложений для среднего и малого бизнеса; нацеленность аудиторов на обслуживание интересов «обеспеченных» отраслей и крупных клиентов; отсутствие в поле зрения руководителей организаций адекватных их потребностям предложений; закрытость информации о предоставляемых аудиторами услугах, их содержании и результатах их реализации.

Таким образом, полезность аудиторских услуг для региональных менеджеров определяется как качеством их предоставления, надежностью предлагаемой информации, так и открытостью, прозрачностью РАУ. В связи с этим А. Н. Зевайкина права относительно направления реформирования аудиторской деятельности в России. Отечественному аудиту необходимо одно негосударственное профессиональное аудиторское объединение, наделенное функциями управления этой отраслью, с отделениями на региональных уровнях и обязательным членством в них аудиторских организаций и индивидуальных аудиторов, зарегистрированных на данной территории[2]. Только такой подход оптимален в условиях недостаточной зрелости саморегулирования, с одной стороны, и некомпетентности, коррумпированности чиновничества — с другой. Он способствует сохранению малого аудиторского бизнеса в субъектах Федерации и обеспечивает информацией об участниках регионального РАУ всех заинтересованных пользователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее приводятся данные Госкомстата России.

[2] См.: *Зевайкина А. Н.* Проблемы организации аудиторской деятельности в Российской Федерации // Аудитор. 2005. № 7. С. 28—38.

Поступила 30.05.06.

Р. С. ИВЕНИН

СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕГИОНА

Результаты социально-экономических преобразований, происходящих в Российской Федерации и Республике Мордовия, в значительной степени зависят от эффективности научно-инновационной деятельности. В Послании Главы Республики Мордовия Н. И. Меркушкина Государственному Собранию республики отмечается: «...будущее есть только у того, кто сможет создавать наукоемкий конкурентоспособный продукт»[1] Времена, когда главным инструментом управления территорией служили годовой бюджет, краткосрочные, среднесрочные прогнозы и планы, уже прошли. Об этом свидетельствует и опыт Мордовии. Сегодня требуются совсем иные стратегические горизонты прогнозирования и управления для решения проблем и задач, стоящих перед регионом.

Существуют различные классификации и определения видов инновационных стратегий[2], анализ которых позволяет сделать вывод об использовании авторами различных определений одного и того же вида стратегии при единой точке зрения на их содержание. Например, наряду с понятием «оборонительная» используется категория «пассивная» и т.п. Поэтому достаточно упорядоченным нам представляется подход к типологии инновационных стратегий, использующий следующие категории: «наступательная стратегия» (активная, умеренная), включающая активные НИОКР, слияние и приобретение фирм, ориентация на маркетинг; «оборонительная стратегия» (защитная, зависимая, остаточная) — лицензирование, выжидание, инновационная

ИВЕНИН Роман Станиславович, аспирант кафедры статистики Мордовского государственного университета.

имитация, реагирование на запросы потребителей; «комбинированная стратегия», объединяющая признаки первых двух стратегий[3].

В условиях реального производства трудно привести пример, который характеризовал бы выбор какого-либо одного, четко обозначенного типа стратегий. Обычно в разных вариациях используют все три. В этом контексте весьма перспективным представляется анализ результатов экономической деятельности промышленных предприятий и организаций Мордовии относительно использования инновационных стратегий. Политика поддержки республиканских производителей, выпускающих конкурентоспособные товары, реализуемая в конце 1990-х — первой половине 2000-х гг., обусловила некоторый экономический рост и активизацию инновационных процессов в регионе. Успешно реализуются задачи технического перевооружения базовых бюджетообразующих предприятий — ОАО «Рузхиммаш», ОАО «Саранский завод „Резинотехника”», ОАО «Мордовцемент», ОАО «Завод „Саранскккабель”», ФЛ ОАО «СанИнтербрю» в г. Саранске, ОАО «Электровыпрямитель», ОАО «Орбита» и др.[4]

В этом отношении весьма показательны сводные индексы инновационной активности предприятий по отраслям экономики и источники появления инноваций на предприятиях отрасли[5]. Анализ и сравнение инновационной активности предприятий по отраслям в 2001, 2004 и 2005 гг. выявляют общее снижение количества инновационных предприятий в республике. Это снижение произошло в основном за счет промышленных предприятий «прочих» отраслей, т.е. стратегические и бюджетообразующие предприятия в республике в общей массе не снижают инновационную активность, а в отраслях транспорта и связи количество инновационных предприятий осталось неизменным. Если рассматривать качественный объем инвестиций в инновации, то видно, что суммарные инвестиции в инновационную деятельность предприятий Мордовии не только не уменьшились, но и значительно выросли. Это свидетельствует о более точной и целенаправленной стратегии промышленных предприятий республики, направленной на «глубокие» и капиталоемкие инновационные проекты.

В общем затраты на технологические инновации увеличились с 2001 по 2004 г. в 3 раза и в 1,65 раза в 2005 г. Важно отметить увеличение инвестиций на исследование и разработку новых продуктов в 2,2 раза в 2004 г. по сравнению с 2001 г., причем затраты на оплату услуг сторонних организаций выросли всего в 1,5 раза, а в 2005 г. даже незначительно снизились, что свидетельствует о более интенсивной инновационной деятельности собственных научно-технологических подразделений предприятий и подтверждает наличие долгосрочных стратегических планов на предприятиях республики. Значительно выросли затраты на приобретение машин и оборудования, связанных с технологическими инновациями, — в 7,6 раза в 2005 г. к 2001 г. Эта тенденция указывает на наличие стратегии обновления технологической базы инновационно-активных промышленных предприятий.

Положительные изменения отмечены в производственном проектировании и других видах подготовки производства для выпуска новых продуктов, внедрения новых услуг или методов производства. В этом направлении инвестиции увеличились в 2,9 раза в 2005 г. по сравнению с 2001 г., в том числе затраты на оплату услуг сторонних организаций выросли в 7,5 раза, что свидетельствует о более интенсивном привлечении знаний технологий производственных процессов из внешних источников. Это дает дополнительный импульс для существующих и будущих собственных НИОКР и последующего их внедрения.

На фоне общего увеличения инвестиций в инновационную деятельность в 2001, 2004 и 2005 гг. затраты на прочие технологические инновации по оплате услуг сторонних организаций уменьшились на 30 % с 2001 по 2005 г., что может свидетельствовать о более прозрачных схемах расходов на инновационные инвестиции.

Рассматривая затраты промышленных предприятий по типам инноваций, четко просматривается тенденция к значительным процессным инновациям. Так, увеличение в продуктовых инновациях с 2001 по 2004 г. произошло в 2,4 раза, в 2005 г. — еще в 1,5 раза, а увеличение процессных инноваций произошло в 7,9 раза за три года и за 2005 г. — в 1,8 раза (таблица). Это говорит о понимании руковод-

ством ряда промышленных предприятий необходимости перехода к более активным инновационным стратегиям и осуществлению соответствующей инвестиционной политики.

Таблица

Затраты промышленных предприятий по типам инноваций, тыс. руб.

Показатель	Общие (капитальные) и текущие затраты		
	2001 г.	2004 г.	2005 г.
Продуктовые инновации	176336,0	417401,3	608049,2
Процессные инновации	14999,6	118158,7	216763,0

По данным центра Карнеги и Института экономики переходного периода в 2003 г. в среднем в России соотношение продуктовых и процессных инноваций было равно 1,7[6] Для Мордовии это соотношение в 2004 г. составляло 3,5; в 2005 г. — 2,8, что свидетельствует о значительном отставании в процессных инновациях республиканских инновационных промышленных предприятий от российских. Большинство производственных инноваций — модификации уже выпускаемых продуктов.

По данным ЦИСН, в 2002 г. доля инновационно-активных промышленных предприятий по России составляла 10 %[7] Сравнивая аналогичные показатели по Мордовии в 2001 г. (8 %) и 2004 г. (9 %), необходимо отметить, что в целом по республике происходили позитивные изменения в промышленности с точки зрения активизации инновационной деятельности, но при этом сохранялось отставание от среднего российского показателя доли инновационно-активных предприятий и значительное отставание от развитых стран, где такой показатель составляет 25—30 %. Это означает, что несмотря на смену стратегии развития промышленности республики от пассивных форм к более активным, эти изменения еще недостаточны. Однако при грамотном подходе к составлению инновационной стратегии развития успехи Мордовии в целом и ее предприятий в частности могут быть более значительными.

Для оценки видов и эффективности инновационных стратегий, реализуемых на промышленных предприятиях республики, необходимо проанализировать долю инновацион-

ной продукции на предприятиях Мордовии и долю экспортной инновационной продукции, т.е. конкурентной на международных рынках. В 2001 г. доля инновационной продукции составляла 20,4 %, в 2004 г. — 16,5, а в 2005 г. — 6,5 %, однако в целом увеличение продукции промышленного производства произошло в 1,8 раза с 2001 по 2004 г. (в России с 2000 по 2004 г. в 1,4 раза[8]) и в 5,9 раза за 2005 г., т.е. несмотря на более высокие показатели роста объема промышленного производства в республике, чем по России, рост объема инновационной продукции отстает от среднероссийского. Это свидетельствует о нереализованном потенциале предприятий с точки зрения активной инновационной стратегии.

За пределы РФ инновационно-активные организации отгрузили всего 1 % инновационной продукции, причем 98 % из них — в государства СНГ в 2005 г. Доли инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции за пределы РФ составили 7,9 % (2004 г.) и 5,9 % (2005 г.). Все это указывает на недостаточно развитые службы маркетинга на предприятиях республики и/или на низкую конкурентоспособность продукции, что требует изменения не только производственной, но и маркетинговой инновационной стратегии.

Анализируя общие затраты на технологические инновации в 2001, 2004 и 2005 гг. видно, что в целом финансирование увеличилось в 4,9 раза. Следует отметить увеличение в 3 раза собственных финансовых средств, направленных на технологические инновации, а также значительное увеличение финансирования из федерального бюджета в 2005 г. инновационных проектов в области промышленности. Одновременно увеличилось финансирование технологических инноваций из местного бюджета в 2,4 раза, что показывает участие республиканского правительства в социально-экономической политике в области технологических инноваций. Основному и значительному изменению подверглись «прочие» источники финансирования, увеличение которых произошло за счет высокого рейтинга политической стабильности и инвестиционной привлекательности, создания системы финансовых институтов, позволяющих осуществлять финансирование с помощью международных и российских капиталов.

В структуре инновационных расходов наибольший удельный вес занимали затраты на приобретение машин и оборудования, связанные с технологическими инновациями (70 % в 2005 г.). Около 5 % затрат направлено на разработку новых видов продукции и услуг, подготовку производства новой продукции. Крайне незначительными были расходы на приобретение новых технологий, в том числе прав на патенты, лицензии (0,003 %), маркетинговые исследования (0,25 %), обучение и подготовку персонала (0,16 %), т.е. расходы, увеличивающие интеллектуальную составляющую инновационного потенциала промышленных предприятий республики. Такая структура расходов свидетельствует о краткосрочности целей инновационной деятельности в промышленном комплексе Мордовии, ориентации на удовлетворение текущего платежеспособного спроса, реализации преимущественно новшеств-имитаций, новых только для российского рынка. Можно сделать вывод об *оборонительной (пассивной) стратегии инновационной деятельности большинства предприятий Республики Мордовия.*

Характер инновационной деятельности наиболее инновационно-активных предприятий Мордовии основывается на разнообразных стратегиях. Так, ОАО «Орбита» внедрило систему менеджмента качества ИСО 9001:2001, что позволило повысить управляемость предприятия. Оно постепенно уходит от производства компонентов и отдает приоритет изделиям с более высокой добавленной стоимостью. В 2004 г. удельный вес продукции, освоенной за последние 4 года, составил 68,9 %, а в 2005 г. — 77 %. Стратегию предприятия можно охарактеризовать как комбинированную.

ОАО «Электровыпрямитель» — одно из наиболее инновационно-активных предприятий республики. В 2004 г. инвестиции на реализацию процессных инноваций составили 40 % от общего числа инвестиций на технологические инновации, которые на предприятии соответствуют мировому уровню, что позволят создавать самую современную преобразовательную технику. В последние годы ежегодный прирост объемов производства за счет выпуска новых изделий и расширения рынков сбыта составляет более 25 %[9].

ОАО «Завод „Саранскккабель”» характеризуется исключительной для республики стратегией в области процессных инноваций, которые в 2004 г. составили 98 %. Все инновации на предприятии соответствуют современным разработкам. Предприятие постоянно расширяет рынки сбыта за счет появления новых продуктов и расширения каналов продаж уже зарекомендовавшей себя продукции[10]. Стратегию инновационной деятельности предприятия можно определить как переходную от комбинированной к наступательной.

Таким образом, можно констатировать, что в Республике Мордовия созданы благоприятные предпосылки для активизации инновационной деятельности. Ряд промышленных предприятий и организаций демонстрируют умеренно-наступательные стратегии при реализации инновационных проектов, но в основном промышленные предприятия и организации республики в целом имеют относительно низкие показатели эффективности инвестиционно-инновационной деятельности. Очевидно, что в Мордовии нет единой стратегии инновационной деятельности. Каждое предприятие и отрасль выбирает стратегию, которая, по их мнению, соответствует финансовым, организационным и кадровым возможностям.

Создаваемая в республике инновационная структура пока не дала существенных результатов, слабо налажена система координации действий и интеграция различных предприятий и организаций, реализующих инновационные проекты.

Для устранения этих недостатков, на наш взгляд, необходимо стимулировать инновационную деятельность во всех отраслях экономики республики, а не только высокотехнологичных; обеспечить создание региональной инновационной системы стратегического развития региона, отвечающей требованиям рыночной экономики; способствовать повышению научно-технического потенциала республики; анализировать возможности выхода ряда предприятий Мордовии на российский и мировой рынки; развивать систему кадрового обеспечения предприятий и организаций; координировать действия предприятий и организаций республики при выполнении крупных инновационных проектов;

способствовать перепрофилированию некоторых предприятий на выпуск новой, наукоемкой, конкурентной продукции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию Республики Мордовия от 20 декабря 2005 г. // Изв. Мордовии. 2005. 23 дек.

[2] См.: *Евдокимов Т. Г., Моховикова Г. А., Ефимова Н. Ф.* Инновационный менеджмент. СПб., 2005. С. 91; *Фатхутдинов Р. А.* Инновационный менеджмент: Учебник для вузов. СПб., 2005. С. 309.

[3] См.: *Марабаева Л.В.* Основы инновационного менеджмента: Учеб. пособие / Л. В. Марабаева, В. Н. Кечемайкин, О. А. Соколов. Саранск, 2004. С. 128.

[4] См.: Мордовия: наука, инновации, новые технологии. 2004. № 1. С. 4—7; 2004. № 2. С. 5—11; № 4. С. 4—13; 2005. № 1. С. 42—44; 2005. № 3. С. 16—18; 32—33.

[5] См.: Наука в Республике Мордовия в 2001 году: Стат. сб. / Мордовиястат. Саранск, 2002. С. 29; Наука в Республике Мордовия в 2004 году: Стат. сб. / Мордовиястат. Саранск, 2005. С. 20; Наука в Республике Мордовия в 2005 году: Стат. сб. / Мордовиястат. Саранск, 2006. С. 27.

[6] См.: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации в 2004 году / Под ред. С. Н. Бобылева. М., 2004. С. 22.

[7] См.: Наука России в цифрах — 2003 / ЦИСН. М., 2003. С. 80.

[8] См.: Доклад о развитии человеческого потенциала... С. 30.

[9] См.: *Чибиркин В. В.* Развитие силовой электроники как одно из основных направлений энергосбережения // Наука и инновации в Республике Мордовия: Материалы IV Республиканской науч.-практ. конф. Саранск, 2005. С. 11—17.

[10] См.: Мордовия: Энцикл.: В 2 т. Т. 2. Саранск, 2004. С. 299; Кабельный завод удвоит ВВП досрочно, к концу года // Изв. Мордовии. 2005. 17 июня. С. 3.

Поступила 24.08.06.

В. А. ЧИКНАЙКИНА

УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯМИ НА ОСНОВЕ ПРОЦЕССНОГО ПОДХОДА

Процессный подход в России пока не получил такого распространения, как в западном корпоративном секторе. Его внедрение требует пересмотра устоявшихся взглядов на управление иерархической структуры предприятия, ломки стереотипов. Это одна из проблем, с которыми сталкиваются российские предприятия в попытках перехода на процессное управление.

Весьма показательной представляется оценка степени ориентации на бизнес-процессы предприятий пищевой промышленности Республики Мордовия, выявленной в результате анкетирования, проведенного в 2006 г. Это предприятия малого и среднего бизнеса с численностью 300—500 чел. В анкетировании участвовали по 70 сотрудников различных уровней управления, инженерно-технические работники, рабочие и служащие ОАО «Ламзурь», ОАО «Хлебозавод», ОАО «Консервный завод „Саранский“». Результаты исследования показали, что уровень процессной ориентации невысок. Но в последнее время интерес компаний к совершенствованию своих бизнес-процессов растет. О процессном управлении «для всех» заговорили около 20 лет назад. С каждым годом стоимость процессной инновации в США, Японии, Великобритании и Германии снижается, и процессное управление оказывается все более привлекательным для бизнеса. Вопрос о том, какой идеологии управления придерживаться, перед ведущими западными компаниями уже не стоит. Сегодня речь идет не только о процессном управлении внутри компании, но и о «соединении» ее бизнес-процессов с бизнес-процессами

ЧИКНАЙКИНА Вера Александровна, аспирант кафедры управления качеством Мордовского государственного университета.

клиентов, поставщиков, партнеров по рынку, о так называемом процессно-ориентированном партнерстве[1]. В основе процессного подхода к управлению организацией лежит выделение бизнес-процессов и управление ими. Последние представляют собой систему взаимосвязанных и взаимодействующих видов деятельности хозяйствующих субъектов. Преимущества процессного подхода проявляются в снижении операционных издержек, сокращении временных затрат на выполнение процедур и повышении точности их исполнения, увеличении скорости реакции на изменения, улучшении использования основных фондов, повышении чувства ответственности сотрудников. Работа, организованная вокруг процессов, повышает управляемость бизнеса, заставляет организацию думать о том, что она делает с позиции клиента и конечного результата, способствует правильной расстановке сил.

Выбор процессной системы управления позволит предприятию уйти от стихийных или узкоориентированных решений в области реструктуризации и, как следствие, от формирования разнообразных «гибридных» форм хозяйствования и управления, состоящих из разнородных элементов, часто взаимозаключающихся подходов, содержащих массу внутренних противоречий, избыточных или нефункциональных связей.

Для производственных предприятий характерна ситуация, когда в подчинении начальника цеха находятся не только рабочие, но и технологи, ремонтники. С точки зрения управления это означает, что максимум достоверной информации, которую может получить руководство о производственной деятельности, — это объем и стоимость произведенной продукции. Все процессы в таком подразделении будут подчинены задаче выполнения плана производства. Оценить эффективность эксплуатации оборудования, обоснованность объемов расхода материалов руководителю будет невозможно. Нормативы расходования ресурсов всегда будут выше, чем необходимо на самом деле. Особенно актуальна эта проблема для предприятий с непрерывным производственным циклом (в пищевой промышленности). То же касается и ремонтов оборудования. Ремонтные бригады, находящиеся в подчинении начальника производственного подразделения, вряд ли будут соблю-

дать нормативы ремонтов и профилактики, т. к. главная цель — объем произведенного. В итоге затраты на ремонт оборудования будут постоянно расти по непонятным для руководства причинам.

Не менее существенной ошибкой производственников является подчинение служб контроля качества директору по производству. У последнего всегда будет наличествовать желание нивелировать объем брака и снизить нормативы качества для достижения лучших производственных результатов. Контроль качества подчиняется производственным показателям, так как это основной параметр, по которому руководство судит о работе директора по производству.

Типичной структурной ошибкой является тот факт, что главный бухгалтер не подчиняется финансовому директору или, как вариант, руководит всем финансовым блоком. Исходя из основных задач бухгалтера, все финансовые службы переориентируются на задачи учета, а требования со стороны руководства наладить планирование и организовать информационные потоки в соответствии с необходимыми компании критериями встречают стойкое сопротивление и жалобы на большую загруженность налоговой отчетностью. В лучшем случае (если его можно назвать «лучшим»), задачи, не связанные с учетом, будут решаться путем дублирования учетных данных и документации.

Такой немаловажный аспект деятельности, как автоматизация, не должен находиться в ведении финансовых служб. К сожалению, на предприятиях чаще всего автоматизация начиналась, как правило, с бухгалтерии, и IT-специалисты оказывались в подчинении у главного бухгалтера. Остальные департаменты в этой ситуации внедряют информационные системы, действуя через топ-менеджеров, и в итоге на предприятии появляется каскад информационных систем. Не говоря об эффективности такого варианта автоматизации для предприятия, простое обслуживание всего «парка» систем осуществляется различными людьми и приводит к значительному росту издержек на информационные технологии.

Руководство большинства предприятий считает, что они могут выжить и эффективно развиваться без радикального

изменения системы управления. Но такую «роскошь» могут себе до поры до времени позволить лишь компании, получившие по тем или иным причинам доступ к «специфическим» ресурсам: источникам уникального сырья, энергоносителям, источникам внешнего финансирования или всевозможным льготам, а также ставшие в данный момент монополистами в своем сегменте рынка. Даже полная неэффективность управления такими предприятиями с избытком покрывается преимуществами от использования этих факторов.

Структурные патологии и неэффективные связи между структурными подразделениями «обходятся» предприятиям очень дорого. Попытка решать проблемы управления путем прямого давления на руководителей подразделений, которые, в свою очередь, вынуждены давить на подчиненный персонал, — не лучший способ. Причины неудовлетворенности руководителей работой своих подчиненных заключаются в неадекватном решении одной их двух задач, лежащих в основе реализации выбранной предприятием стратегии развития в условиях рынка: как сформировать кадровый потенциал предприятия и как сделать труд этих «кадров» производительным. Однако прежде чем осваивать какие-то уникальные методы управления или менять сотрудников, топ-менеджер должен задать себе вопрос: «А знают ли мои подчиненные, что от них хотят в смысле „производственного поведения“?». В условиях бывшей централизованной системы управления экономикой с доминированием структурного менеджмента на каждом предприятии ответ был вполне очевиден: в каждом директивно созданном структурном подразделении руководством и кадровой службой разрабатывались должностные инструкции работникам, согласно директивно предписанному штатному расписанию. Поэтому созданные таким образом основные организационно-распорядительные документы во многом расходятся с действительностью, и реальные требования руководителей к деятельности своих сотрудников остаются неформализованными.

Основной целью бизнеса предприятия на уровне операционной деятельности является максимизация показателя рентабельности активов ($К_{ра}$):

$$К_{ра} = \text{операционная прибыль} / \text{активы}, \% \qquad (1)$$

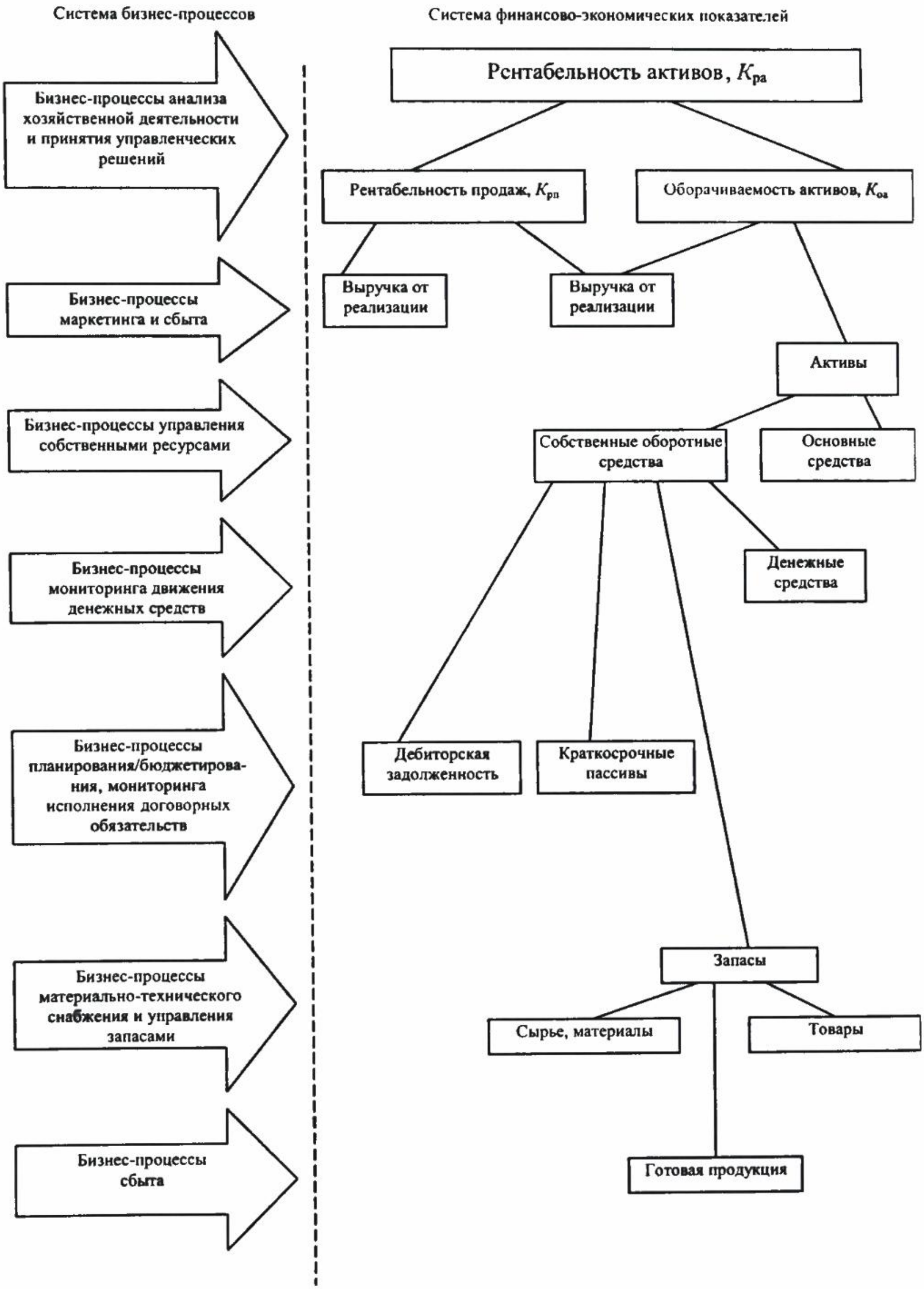


Рисунок. Дерево финансово-экономических показателей

Организация должна выбрать, за счет чего этот показатель будет улучшаться: повышения оборачиваемости активов, например, более эффективного управления материальными запасами и денежными средствами (совершенствование процессов управления дебиторской и кредиторской задолженностями); снижения издержек и повышения тем самым рентабельности оборота (совершенствование управления внутренними производственными процессами и взаимодействия с внешним бизнес-окружением). В свою очередь,

$$К_{ра} = К_{оа} \quad К_{рп}, \qquad (2)$$

где $К_{оа}$ = выручка/активы — показатель оборачиваемости активов, $К_{рп}$ = операционная прибыль/выручка — показатель рентабельности продаж.

Продолжая дальнейшую детализацию показателей $К_{оа}$ и $К_{рп}$, можно найти критерии успешности достижения поставленных целей менеджмента собственного бизнеса (рисунок).

Таким образом, основная задача в рамках постановки управленческого учета с помощью дерева финансово-экономических показателей — это определение структуры целевых показателей эффективности операционной деятельности предприятия и выбор стратегий их достижения. В свою очередь, это дает возможность синтезировать карту сбалансированной системы показателей эффективности предприятия по известной технологии BSC[2].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Хаммер М., Чампи Д.* Реинжиниринг корпорации: Манифест революции в бизнесе: Пер. с англ. СПб., 1997.

[2] См.: Внедрение BSC: советы от автора концепции // Генеральный директор. 2006. № 8. С. 32—34.

Поступила 30.11.06.

Заказ № 1305

Е. Г. ВОРОБЬЕВА

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В СИСТЕМЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОЙ КООПЕРАЦИИ РЕГИОНА

Для становления системы агропромышленной кооперации в Мордовии необходимо развитие и совершенствование ее организационных форм, т. е. экономического механизма взаимоотношений.

Существующие в АПК РФ отношения сельхозтоваропроизводителей и перерабатывающих предприятий, торговли, промышленности, производящей средства производства для сельского хозяйства, несовершенны, не отвечают их взаимным интересам. Монополизированная перерабатывающая промышленность строит свои взаимоотношения с сельхозтоваропроизводителями неравноправно, компенсируя свои растущие затраты, занижая закупочные цены на сельскохозяйственное сырье[1].

Экономический механизм взаимоотношений сельхозтоваропроизводителей с перерабатывающими предприятиями Мордовии носит договорной, контрактный характер. Важным в этом случае является то, что уровень развития кооперационных процессов представляется недостаточным. В современной системе хозяйственно-экономических отношений продовольственного рынка превалируют формы реализации интересов на основе корпоративного поведения взамен реализации хозяйственно-экономических интересов на основе интеграции организационно-экономических процессов и кооперирования взаимной заинтересованности в рамках функционально-отраслевой структуры АПК.

Наиболее системно механизм экономических взаимоотношений можно проследить на примере ОАО «МК „Саран-

---

ВОРОБЬЕВА Елена Геннадьевна, аспирант кафедры экономики кооперации и предпринимательства Саранского кооперативного института.

ский"» и его поставщиков сырья (сельских товаропроизводителей). ОАО «МК „Саранский"» занимает одно из ведущих мест в перерабатывающей промышленности республики и производит около 50 видов традиционных молочных и кисломолочных продуктов. Тем не менее предприятие находится в сложном финансовом положении из-за убытков прошлых лет, частично возникших в результате приобретения современного оборудования в лизинг и не вышедшего еще на проектную мощность.

В целом ситуация на комбинате складывается таким образом, что в структуре акционеров сельхозтоваропроизводители занимают всего около 5 %. Отстраненность от управления производством, а также несоответствие закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию интересам сельских товаропроизводителей меняет потоки сбыта продукции.

Многие хозяйства сами занимаются первичной переработкой сельскохозяйственной продукции, что в силу многих причин неэффективно для экономики в целом, когда в стране имеются крупные предприятия с незагруженными производственными мощностями. Так, производственные мощности почти всех предприятий переработки в АПК республики используются только на 50 %. Например, ОАО «МК „Саранский"» в состоянии переработать 200 т сырья в сутки[2] Тем не менее его производственные мощности используются лишь на 60—70 %.

При рассмотрении механизма взаимоотношений сельскохозяйственных товаропроизводителей с перерабатывающими предприятиями РФ видно, что сельхозтоваропроизводители, поставляющие сырье, находятся в зависимом положении и не могут влиять на процессы формирования прибыли (например, через цены на свою продукцию). За 5 лет (2000—2006 гг.) средняя закупочная цена выросла только в 1,67 раза, тогда как объемы производства — в 5 раз.

Существующий механизм экономических взаимоотношений сельхозтоваропроизводителей и перерабатывающих предприятий несовершенен, поэтому поиск и создание новых форм взаимоотношений между сельскохозяйственными товаропроизводителями и перерабатывающими предприятиями являются важной проблемой. В условиях дефицита

финансирования предпочтительнее, на наш взгляд, кооперативная форма агропромышленного формирования. Актуально постепенное преобразование интегрированных структур акционерного типа в кооперативные формирования.

Предлагается решать эту проблему с помощью создания единой для всех сельхозтоваропроизводителей и отраслей АПК организационно-экономической структуры агропромышленной интеграции — *агропромышленного кооператива*. Он должен соединить в себе весь положительный российский и мировой опыт развития и функционирования организационно-хозяйственных форм в АПК, сельхозкооперации; взгляды на организационное строение и экономические взаимоотношения в интегрированных структурах АПК. Это подразумевает объединение сельхозтоваропроизводителей в агропромышленные кооперативы на уровне муниципального образования (первого уровня). В республике почти в каждом районе есть молокозаводы или маслосырзаводы, поэтому создание в районах агропромышленных кооперативов первого уровня на базе действующих молокозаводов является логичным и эффективным.

Затем они могут объединяться в кооперативы второго уровня — *республиканские агропромышленные кооперативы*, которые также будут специализироваться на одном или нескольких видах сельскохозяйственной продукции, как и районные. Например, в РМ можно создать агропромышленные кооперативы — «Картофель», «Зерно», «Овощи», «Фрукты», «Мясо», «Молоко», которые в дальнейшем могут войти в уже созданные: Молочный, Сахарный, Чайный, Мясной российские союзы и т. д., или создать свои агропромышленные кооперативные союзы, сотрудничающие с ними.

Члены агропромышленного кооператива сохраняют юридическую и экономическую независимость. В таком формировании все звенья выполняют свои функции. Управление агропромышленным кооперативом могут осуществлять общее собрание членов агропромышленного кооператива, наблюдательный совет и правление кооператива во главе с председателем.

Важную роль в развитии экономического механизма взаимоотношений играет механизм распределения прибыли кооператива, который должен обеспечивать взаимный интерес его участников, особенно товаропроизводителей, сти-

мулировать увеличение производства сельскохозяйственной продукции и объемов ее поставок на переработку.

Задача состоит в выравнивании уровней рентабельности всех участников замкнутого цикла интегрированного формирования. Для этого необходимо определить их вклад в конечный продукт, под которым принято понимать выручку от реализации продукции перерабатывающих и торговых предприятий. Это сложно, когда речь идет об агропромышленном интегрированном формировании, включающем в себя разнородных участников.

Если агропромышленное формирование функционирует в виде кооператива, можно, по нашему мнению, дифференцированно распределять выручку и прибыль, применяя две распределительные модели, в зависимости от характера деятельности кооператива. Первая — услуги, выполняемые для посторонних клиентов, носят характер коммерческой деятельности. Вторая — услуги, выполняемые для своих членов, будут выполняться на некоммерческой основе.

При обслуживании посторонних клиентов, то есть осуществлении коммерческой деятельности, кооперативы включают в расценки не только прямые издержки, но и определенную норму рентабельности, обеспечивающую получение прибыли, которая распределяется между членами кооператива пропорционально их участию в хозяйственной деятельности формирования. Здесь можно применять прямую затратную схему распределения или нормативно-затратную. Полученная прибыль распределяется между членами кооператива согласно существующему законодательству.

Отличие будет заключаться в том, что для своих членов у товаропроизводителей сохраняется право собственности на свою продукцию при передаче ее для переработки в созданный ими кооператив (по трансфертным ценам), который перерабатывает ее по себестоимости и реализует. Прибыль товаропроизводителей в этом случае образуется за счет удешевления услуг по переработке и реализации.

Таким образом, для учредителей кооператива будет применяться нормативная форма распределительных отношений с использованием трансфертных цен, взаиморасчетами по конечному результату, а для внешних клиентов — ценовая (затратная) прямая. Сельхозтоваропроизводителям

в этом случае выгоднее будет становиться членами агропромышленного кооператива.

Распределение прибыли в кооперативе пропорционально совокупным издержкам на производство и переработку не будет стимулировать снижение издержек на предприятии. В итоге большую прибыль получит тот, у кого издержки производства или переработки будут выше. Между тем прибыль должна распределяться в зависимости от величины вклада.

Сводить проблему распределительных отношений (в том числе ценовых) только к определению вклада сельскохозяйственных товаропроизводителей или других членов кооператива в конечный результат нельзя. Конечная цель распределительных отношений участников агропромышленной кооперации — не распределение совместно произведенного продукта, а создание условий для его роста. На распределительных отношениях следует строить взаимодействия между партнерами в АПК. Проблема в том, как обеспечить условия, позволяющие всем предприятиям АПК (особенно сельскохозяйственным) функционировать наиболее эффективно.

Сегодня неоспоримым фактом является то, что именно агропромышленная кооперация — наиболее эффективная и перспективная форма хозяйственной деятельности АПК, развитие которой необходимо для решения многих наболевших проблем. Развитие и совершенствование экономического механизма в системе агропромышленной кооперации — важный фактор, способствующий решению поставленных Правительством РФ задач: развитие АПК, сельского хозяйства, решение проблемы «продовольственной безопасности» в стране и других экономических и социальных проблем.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Голубев А. В.* Современная модель сельхозпредприятия // Аграрная наука. 2003. № 7. С. 2.

[2] См.: ОАО «Молочный комбинат „Саранский“»: Портрет предприятия: дела и люди / Авт.-сост. Т. М. Осипова, Н. В. Зевайкин; Редкол.: А. В. Кольбов и др. Саранск, 2004.

Поступила 20.09.06.

Н. З. МАЗУР

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Стимулирование развития инновационной инфраструктуры в Самарской области происходит в соответствии с проведением конкурса проектов развития инновационной инфраструктуры региона. Целью конкурса является создание условий для активизации работ по формированию благоприятной рыночно-ориентированной среды в Самарской области для коммерциализации новых научно-технических разработок организаций научно-образовательного и промышленного комплексов[1]. Конкурс проводился осенью 2005 г. Сроки реализации проектов, получивших поддержку, датировались с мая по декабрь 2006 г.

Нами был проведен анализ проектов, поданых на рассмотрение в конкурсную комиссию, и произведено их распределение по видам обслуживания, на реализацию которого они направлены. Некоторые из них предполагают информационное обслуживание субъектов инновационной деятельности, другие ориентированы на технологическую поддержку, направлены на повышение образовательного уровня инновационной грамотности[2].

При этом из представленных 32 проектов только 4 ориентированы на создание и развитие инфраструктуры системы управления интеллектуальной собственностью, предусматривая информационный, технологический и образовательный виды обслуживания. Такое распределение заявок подтверждает высокую вероятность стремительного

МАЗУР Наталья Зиновьевна, начальник патентно-лицензионного отдела Тольяттинского института технического творчества и патентоведения, кандидат экономических наук.

развития информационного и технологического сектора инфраструктуры и явное отставание образовательного и финансового (по которому не было представлено ни одного проекта) секторов. Следует также отметить пренебрежение заявителей к вопросам инфраструктуры интеллектуальной собственности, в то время как именно она является «элитным» результатом инновационной деятельности.

Проекты подавались только из двух наиболее промышленно развитых и патентно-активных городов — Самары и Тольятти, что свидетельствует об отставании в уровне развития инфраструктурных элементов остальных территориальных образований региона и низком уровне информационной поддержки конкурса.

Среди организаций, подающих проекты, менее половины составляют государственные учреждения, а остальные — негосударственные структуры, из них 8 обществ с ограниченной ответственностью, 5 акционерных обществ, 2 общественные организации и 2 некоммерческих образовательных учреждения. При этом нет явной зависимости между основным направлением деятельности заявителей и видами обслуживания предлагаемых проектов. Это свидетельствует о готовности инновационных предприятий и элементов инновационной инфраструктуры расширять спектры своей деятельности в различных направлениях развития, то есть о наличии достаточно подготовленных специалистов для реализации поставленных задач.

В то же время, ориентируясь на собственные знания и анализируя деятельность заявителей в Самарской области, напрашивается вывод, что не все предприятия обладают достаточным кадровым и информационным потенциалом для реализации проектов и подают проекты для поддержания своего имиджа, надеясь на субъективное мнение экспертизы и пытаясь за счет бюджетных средств решить свои проблемы.

В ходе проведения экспертизы проектов и по результатам анализа решений Инновационного совета Самарской области нами был выявлен ряд противоречий и проблем. Несмотря на то что срок экспертизы проектов установлен в 1 месяц, решение о победителях было вынесено только через полгода. При рассмотрении явное предпочтение от-

давалось государственным предприятиям и общественным организациям. По всей видимости, значительную роль сыграло бюрократическое представление о собственнических интересах негосударственных организаций. В то же время такая поддержка будет оправдана и со стороны общественности. Таким образом, форма собственности заявителя оказала большее влияние, чем его кадровый потенциал и значимость проекта. Несмотря на ранее заявленный безвозвратный характер бюджетной поддержки, была предпринята попытка перехода на возвратную основу для заявителей частной формы собственности. Решение о выборе проектов и распределение средств на их реализацию носят во многом субъективный характер, что свидетельствует о неискорененных до сих пор недостатках бюрократического и чиновнического подходов. Интеграция проектов не несет под собой функциональной или предметной основы. При этом механизм такой интеграции не имеет под собой теоретической или практической «проработки». Достаточно серьезная финансовая поддержка оказана проектам, носящим теоретический характер (разработка концепций и механизмов). Такой подход можно оправдать только интересом субъекта управления инновационной деятельностью к теоретическим исследованиям в этом направлении в силу их важности и отсутствия путей решения заявленных проблем на региональном уровне.

Таким образом, для реализации информационного вида обслуживания поддержано 2 проекта, технологического вида — 8, образовательного — 2.

Из общего объема финансирования на поддержку проектов, ориентированных на работу с объектами интеллектуальной собственности, несмотря на всю их значимость, предусматривается 8 % от общего объема финансирования. В то же время, исходя из понимания того, что инновационная инфраструктура ориентирована на удовлетворение потребностей субъектов инновационной деятельности, в том числе субъектов рынка интеллектуальной собственности, и опираясь на анализ факторов, препятствующих развитию инновационной деятельности предприятий, следует отметить, что 40 % предприятий в качестве фактора назвали недостаточное развитие инновационной инфраструктуры,

35 % указали на недостаток информации о рынках сбыта и новых технологиях, а 24 % — на низкий уровень инновационной грамотности специалистов.

Основной проблемой при создании и внедрении предприятиями объектов интеллектуальной собственности является отсутствие свободных денежных средств (собственных и привлеченных). В то же время ни один проект не был направлен на финансовый вид обслуживания. Отсюда можно сделать вывод, что на уровне региональных властей необходимо «проработать» механизм вовлечения финансовых структур в инновационную сферу в качестве элементов ее инфраструктуры.

В силу того, что инновационная инфраструктура рассматривается нами как условия, в которых функционируют субъекты инновационной деятельности, необходимо выявить их потребности, провести анализ существующих возможностей их удовлетворения и, сопоставив результаты этих исследований, делать выводы о направлениях в развитии инновационной инфраструктуры, которые необходимо поддерживать.

Таким образом, нами предлагается внести следующие предложения для поддержки проектов развития инновационной инфраструктуры региона. Поддержка должна быть направлена на развитие существующих элементов инфраструктуры, показавших реальные результаты собственной деятельности в регионе и наличие достаточного кадрового обеспечения, а также на расширение сфер их деятельности, создание новых элементов, удовлетворяющих потребности инновационных предприятий. Особое внимание должно уделяться структурам, оказывающим услуги в области интеллектуальной собственности, способствующим повышению изобретательской и инновационной активности региона, в том числе разрабатывающим концепции и стратегии управления интеллектуальной собственностью на предприятиях, грамотный учет нематериальных активов, механизмы стимулирования изобретательской и рационализаторской деятельности и т. п.

Перед началом конкурса следует проводить анализ потребностей субъектов инновационной деятельности и элементов инфраструктуры, эффективности их функциониро-

вания с учетом деятельности в сфере интеллектуальной собственности. Следует также предусмотреть возможность заявителям самостоятельно определять направления деятельности, кроме заранее предусмотренных.

Так как сами элементы инфраструктуры в большинстве своем определены, то основной задачей является отработка механизма их взаимодействия. Для этого предлагается рассматривать механизм интеграции проектов как самими заявителями, тем самым предусматривая возможность объединения ресурсов организаций для реализации проекта, так и административными властями, перед вынесением решения, в случае если такое объединение дает очевидный синергетический эффект.

С целью повышения заинтересованности заявителей проектов можно предусмотреть возможность повторной подачи проектов на последующий конкурс с доработкой «слабых мест» и обоснованием отказа в финансировании.

Таким образом, можно выделить основные принципы формирования региональной инновационной инфраструктуры: она должна носить комплексный характер, оказывать услуги на всех этапах инновационного процесса; быстро адаптироваться к изменениям спроса на инфраструктурные услуги по объему, составу и качеству; координировать свои действия при оказании услуг (работать не как отдельные организации, а как единый механизм), а также взаимодействовать с аналогичными организациями из других регионов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Положение о конкурсе проектов развития инновационной инфраструктуры Самарской области. Самара, 2005.

[2] Здесь и далее: Наука региона. Материалы Самараоблстата. Самара, 2004.

Поступила 19.06.06.

В. Ю. ПЕТРОВ,
Н. Н. МАТУШКИН,
А. А. ТАШКИНОВ,
Т А. КУЗНЕЦОВА,
В. Д. ЧЕРКАСОВ,
С. И. ПАХОМОВ

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ НА ОСНОВЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОДХОДОВ

Реализация положений Болонской декларации в контексте приоритетных направлений развития российского образования — одно из направлений государственной политики в сфере высшего профессионального образования. Наиболее значимыми задачами в связи с этим являются повышение качества подготовки специалистов, увеличение профессиональной ценности и общественного признания российских дипломов всех уровней, развитие научных школ и создание благоприятных условий для становления перспективных научных коллективов в российских вузах, ведущих исследования по приоритетным научным направлениям, в интересах развития экономики, техники и технологий. При этом методология модернизации системы подготовки кадров высшей квалификации должна быть ориентирована на использование внутренних резервов академического и на-

ПЕТРОВ Василий Юрьевич, ректор Пермского государственного технического университета, доктор технических наук, профессор.

МАТУШКИН Николай Николаевич, проректор по учебной работе Пермского государственного технического университета, доктор технических наук, профессор.

ТАШКИНОВ Анатолий Александрович, первый проректор — проректор по учебной работе Пермского государственного технического университета, доктор физико-математических наук, профессор.

КУЗНЕЦОВА Татьяна Александровна, доцент кафедры конструирования радиоэлектронных средств Пермского государственного технического университета, кандидат технических наук.

ЧЕРКАСОВ Василий Дмитриевич, проректор по научной работе Мордовского государственного университета, доктор технических наук, профессор.

ПАХОМОВ Сергей Иванович, начальник отдела Департамента научно-технической и инновационной политики Министерства образования и науки Российской Федерации, кандидат химических наук.

учного потенциала вузов, их структурную перестройку, изменение образовательных технологий, необходимое обновление нормативно-правовой базы в этой сфере.

Важное условие при разработке стратегии совершенствования системы подготовки кадров высшей квалификации — изучение международного опыта, помогающего понять закономерности развития современной системы образования, позиционировать российскую вузовскую науку в мировом пространстве научных исследований.

Основополагающими принципами методологии построения образовательных программ в мировой образовательной практике являются научно-практическая обоснованность фундаментальной подготовки (принцип А. Гумбольдта); индивидуализация обучения; применение системы передачи и накопления зачетных единиц (кредитов); модульность и модульно-рейтинговая оценка качества образования; формирование требований к уровню подготовки выпускников на основе компетентностного подхода; реализация принципа доминирования научно-исследовательской составляющей.

Важный фактор повышения качества зарубежных образовательных программ — применение компетентностного подхода при выработке квалификационных требований к выпускнику, в соответствии с которым под результатами обучения понимаются наборы компетенций, включающие знания, понимание и навыки обучаемого, определяемые для каждого блока (модуля) программы и программы в целом[1] Условием эффективности функционирования системы подготовки, реализующей цели, интерпретированные в терминах компетенций, является правильное определение совокупности профессионально значимых компетенций, поэтому решение этой задачи осуществляется представителями вузов, профессионального сообщества и рынка труда. При определении компетенций кадров высшей квалификации наибольшую приоритетность имеют профессионально-деятельностные и познавательные компетенции, включающие в себя, кроме знаний, практических умений и навыков, креативные способности.

В связи с децентрализацией в США системы образования там отсутствует государственное регулирование формирования учебных программ. Эту функцию выполняют

представители профессионального сообщества, причем регламентируется только базовый (додипломный) уровень программ подготовки, являющийся фундаментом, на котором строится дальнейшая образовательная траектория, направленная на подготовку кадров высшей квалификации, осуществляемую через систему магистратуры и докторантуры. Учебные программы в США характеризуются гибкостью, постоянно обновляются (10—15 % дисциплин ежегодно), в индивидуальные планы включено обязательное посещение научно-практических конференций и семинаров, проводимых университетами по итогам текущей научной и опытно-конструкторской работы.

Формирование программ последипломного уровня (graduate programs) производится вузами с учетом основных принципов учебной программы, роль которой на додипломном и последипломном уровнях выполняет генеральный учебный план, одобренный профессиональным сообществом[2]

Предметное поле генерального учебного плана[3] образовательной программы составляет множество дисциплин и (или) модулей (интегральных предметных курсов, включающих несколько дисциплин или их разделов), распределенных по предметным областям, которые, в свою очередь, ранжируются по уровням сложности. К каждому уровню предъявляются определенные требования, регламентирующие набор логически последовательных результатов обучения, дополненных критериями их оценки. Стандартная система классификации дисциплин, эффективно действующая в США (система DEAS), включает дисциплины базового (basic), промежуточного (intermediate), продвинутого (advanced) уровней и дисциплины специализации (special).

Распределение трудоемкости между дисциплинами (модулями) производится в зависимости от образовательного уровня (выбранной компетентностной шкалы, определяемой целями подготовки) и смысловой нагрузки данной дисциплины в формировании конкретной компетенции; измерение трудоемкости программ подготовки — в зачетных единицах (кредитах ECTS — страны Европы, USCS — США, CATS — Великобритания). Следует подчеркнуть комплексность и многомерность проблемы использования системы зачетных

единиц. Введение этой системы не ограничивается внедрением технологии определения трудоемкости конкретного модуля учебной программы, а ставит перед вузом более широкие вопросы рациональной организации учебного процесса и самостоятельной работы студентов, использования интерактивных методов, новых педагогических технологий, повышения качества обучения.

Сформированное в генеральном учебном плане множество дисциплин обеспечивает подготовку специалистов, претендующих на получение степеней: бакалавра (BS) — 90—120 кредитов USCS / 180-240 ECTS (3—4 года); магистра (MS) — не менее 150 USCS / 300 ECTS (5 лет), из них на магистерском уровне: 30—45 кредитов USCS / 90 ECTS (1,5—2 года); доктора (PhD) — дополнительно к кредитам, накопленным на предыдущих уровнях, не менее 90 кредитов USCS / 180 ECTS докторской программы подготовки (3 года). Для получения конкретной степени должна быть выбрана (установлена) определенная совокупность дисциплин (модулей) и последовательность их изучения, обеспечивающая получение необходимого числа кредитов (зачетных единиц) при выполнении обучающимся определенных требований (дескрипторы уровня дисциплин, GPA, оценка). Для студента это означает построение индивидуального учебного плана (индивидуальной образовательной траектории). Выбор дисциплин производится в процессе консультаций с советниками в офисе регистрации и научными руководителями программ (направлений).

В связи с тем что дисциплины имеют признаки значимости, сложности, широты и глубины, применяемой педагогической стратегии, а также устанавливаются связи с другими элементами программы подготовки (строится дерево пререквизитов), каждая дисциплина может быть включена в индивидуальную программу на определенном этапе ее выполнения, и ей присваивается определенное количество зачетных единиц. Как правило, один модуль оценивается в 3 зачетные единицы USCS (или 6 ESCS). В них оцениваются также модули по подготовке диссертаций, участие в работе научных семинаров и т. д. Важными составляющими программ подготовки являются самостоятельные научные исследования, в том числе в междисцип-

линарной области, объем которых для магистров составляет 36—42 кредита ECTS, для докторантов — 60—90 кредитов ECTS.

Как показывает анализ, зарубежные образовательные программы включают 5 укрупненных блоков, объединяющих базовые и дополнительные дисциплины, соответствующие профилю программы подготовки; дисциплины специализации, как правило, продвинутого уровня, изучение которых предполагает большой объем самостоятельной, в том числе научно-исследовательской работы, примерно в соотношении 1:3 (аудиторная/самостоятельная); междисциплинарное научное исследование; обязательную НИР по научной тематике кафедры (факультета), участие в регулярных научно-исследовательских семинарах и исследовательскую работу в ходе подготовки диссертации; педагогическую подготовку[4].

Следует отметить, что формирование содержания образовательных программ производится самим магистрантом (докторантом) при участии научного руководителя в соответствии с индивидуальными целями. Тем самым обеспечивается неразрывная связь и согласованность программ теоретической подготовки и НИР При этом дисциплины специализации образовательной компоненты позволяют увеличить «глубину», а фундаментальная подготовка и междисциплинарные исследования — «широту» научных знаний. Все уровни учебных программ предусматривают наряду с изучением профильных дисциплин, направленных на приобретение знаний в области специализации, формирование фундаментальной теоретической базы в области математики, статистики и теории инженерного эксперимента, а также лингвистики, философии и психологии.

Обобщенные данные произведенных исследований, позволяющие оценить структуру и содержательное наполнение зарубежных программ подготовки (на примере магистерских и докторских программ, реализуемых в Стендфорском университете, США, в соответствии с Stanford Bulletin — 2005—2006)[5], а также преемственность и согласованность их отдельных компонент, приведены на рис. 1.

Анализ полученных результатов показал:

— НИР на уровне магистратуры составляет около 30—35 %, на уровне докторантуры — 60—65 % общего объема подготовки соответственно;

— в НИР существенное значение придается независимым междисциплинарным исследованиям (по объему сопоставимо с образовательной компонентой PhD и составляет более 40 % общего объема НИР в непрерывной интегральной программе подготовки в системе «магистратура — докторантура»).

Таким образом, в зарубежных вузах образовательная и научно-исследовательская компоненты зарубежных программ подготовки кадров высшей квалификации сбалансированы по объему (соотношение, приблизительно: для магистратуры — 2:1, для докторантуры — 1:2), причем НИР, как в программах подготовки магистров, так и в докторских программах, является системообразующей составляющей, определяющей их эффективность.

Необходимо отметить, что высокое качество образования магистров-исследователей (а также выпускников всех образовательных уровней), обеспечиваемое в ведущих уни-

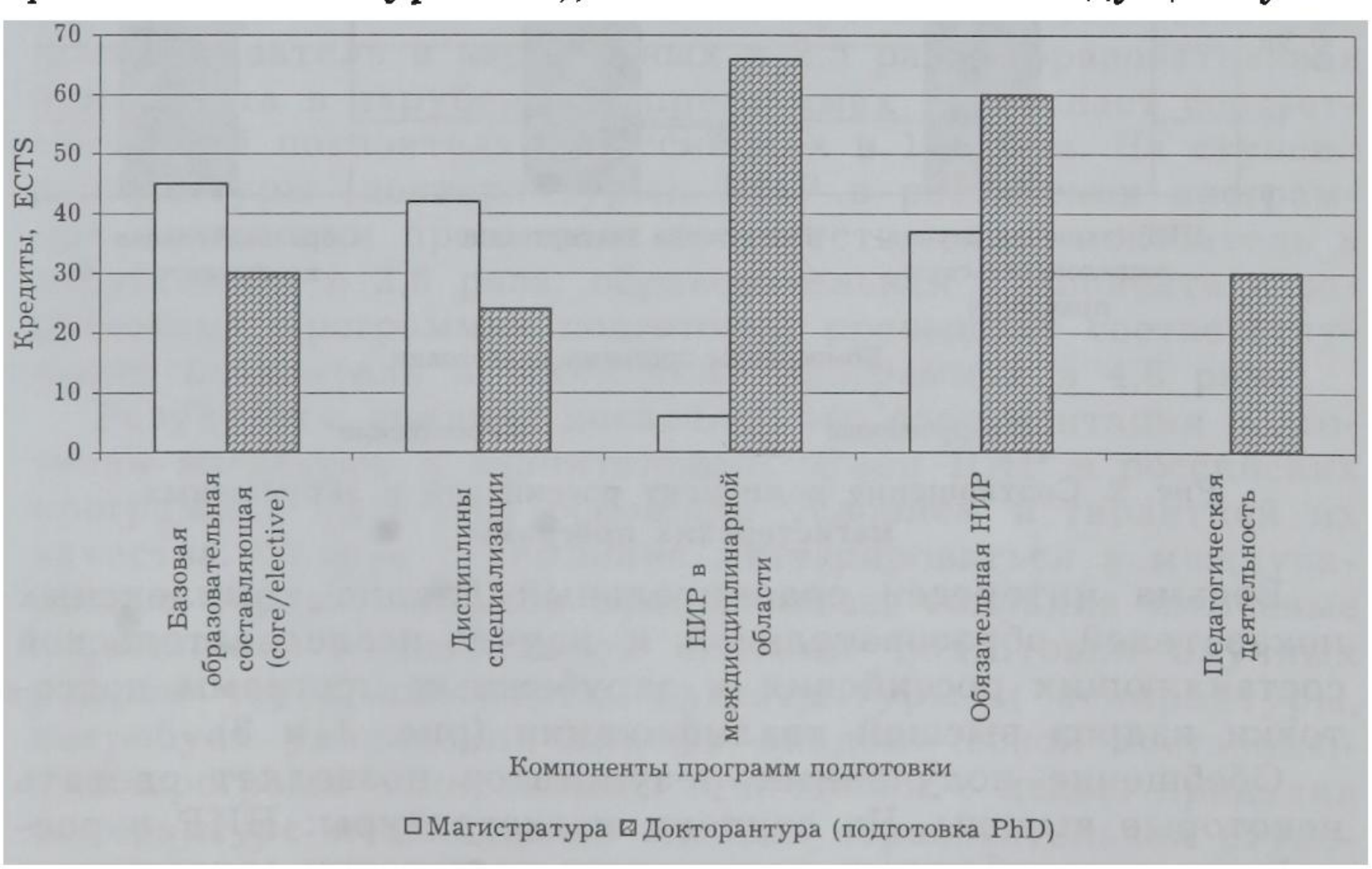


Рис. 1. Структура зарубежных программ подготовки магистров и PhD

Заказ № 1305

верситетах мира, обусловлено их активным взаимодействием с научно-инновационными структурами (научными парками, технопарками, инкубаторами технологий и т. д.), широко распространенными за рубежом. В частности, высокое качество образования выпускников всех образовательных уровней Стендфорского университета (занимающего первые позиции практически во всех рейтинг-оценках мирового уровня) обусловлено, в том числе, тем обстоятельством, что вуз является основателем и базой знаменитого технопарка Silicon Valley, специализирующегося на высоких IT-технологиях, электронике и компьютинге.

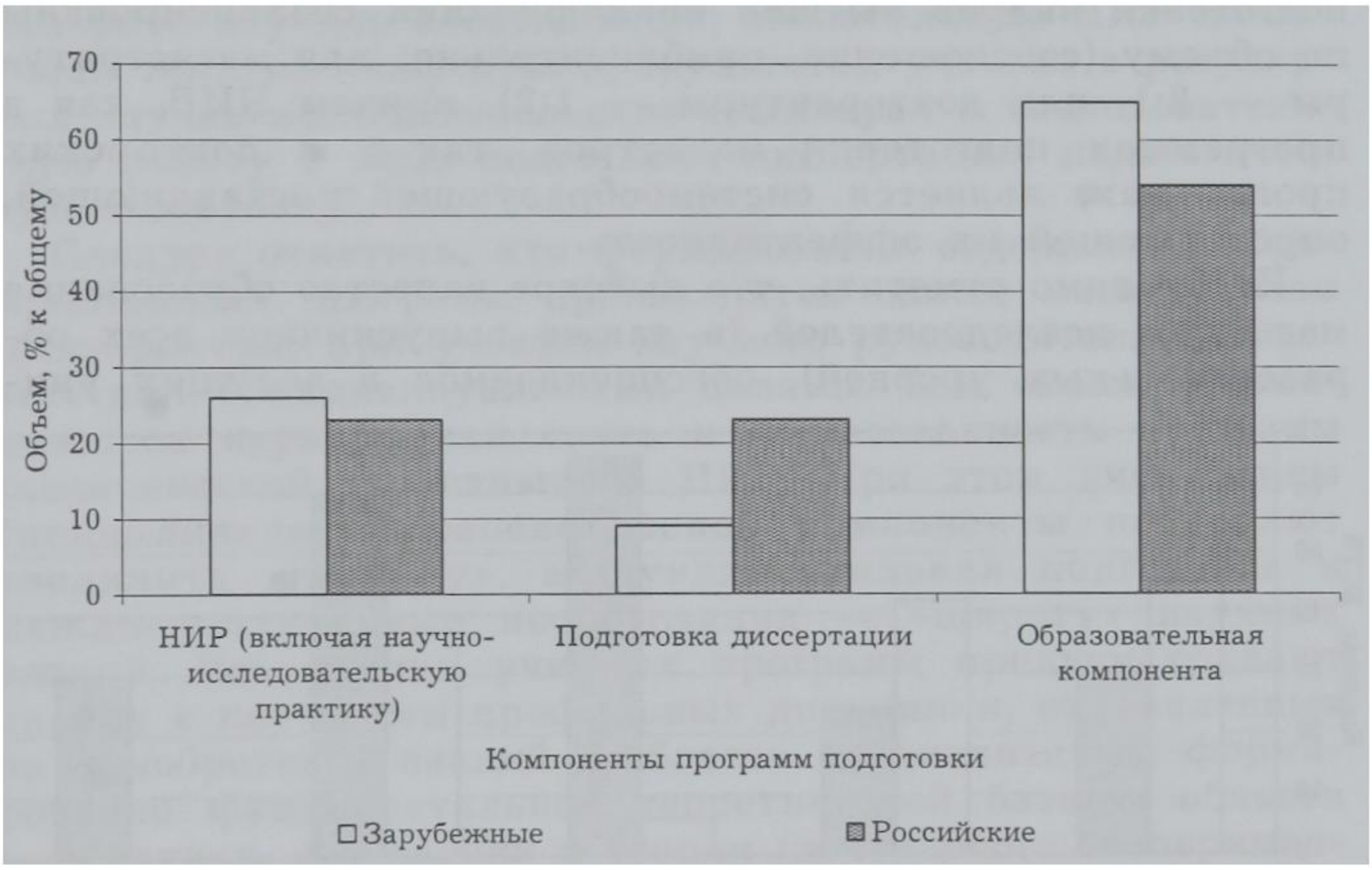


Рис. 2. Соотношение компонент российской и зарубежных магистерских программ

Весьма интересен сравнительный анализ комплексных показателей образовательной и научно-исследовательской составляющих российских и зарубежных программ подготовки кадров высшей квалификации (рис. 2 и 3).

Обобщение полученных результатов позволяет сделать некоторые выводы. На ступени магистратуры: НИР в российских и зарубежных программах подготовки сопоставима по объему (в %); объем диссертационных научных исследо-

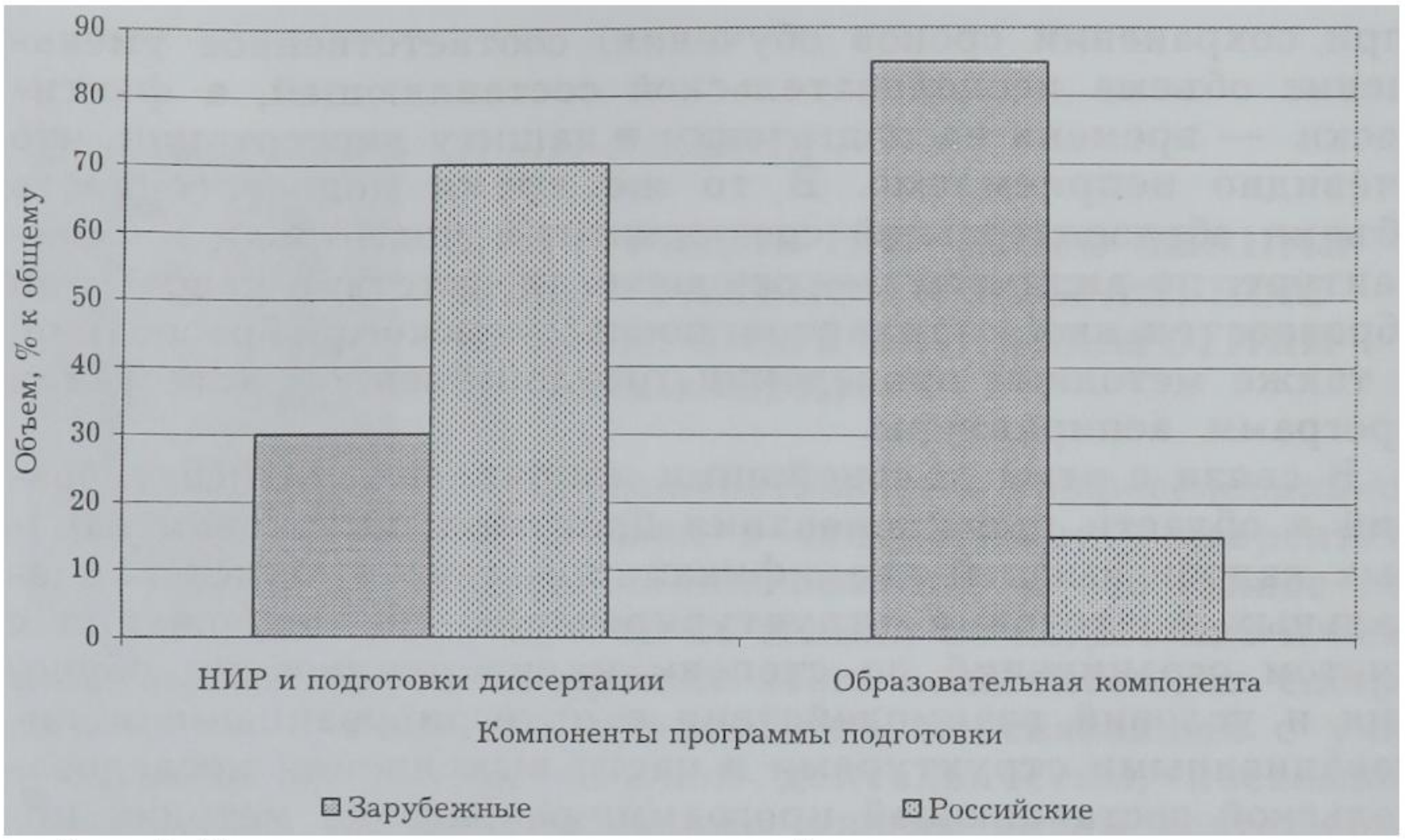


Рис. 3. Соотношение компонент российских программ аспирантуры и зарубежных программ PhD

ваний в российских программах превышает соответствующий показатель в зарубежных в 2,5 раза; образовательная компонента в зарубежных программах превышает соответствующий показатель в российских в 1,2 раза. На ступени аспирантуры (докторантуры): НИР в российских программах подготовки превышает соответствующий показатель в зарубежных в 2,6 раза; образовательная компонента в зарубежных программах подготовки превышает соответствующий показатель в российских программах в 4,8 раза[6]

Результаты анализа показали, что регламентация подготовки магистров и значительный объем НИР в российских программах являются основным условием и гарантией их качества. Однако стремление интегрироваться в международное образовательное пространство, сохранив ключевые особенности национальной системы подготовки научных кадров через институты магистратуры и аспирантуры, потребует увеличения объема академической составляющей программ аспирантской подготовки с целью придания аспирантуре необходимых свойств образовательной ступени. Тем не менее формальное увеличение объема академической (образовательной) составляющей повлечет за собой

(при сохранении сроков обучения) соответственное уменьшение объема исследовательской составляющей, а фактически — времени на подготовку и защиту диссертации, что очевидно неприемлемо. В то же время недостаточность объема образовательной составляющей подготовки в аспирантуре, по-видимому, — основное препятствие разработки образовательных стандартов послевузовского образования, а также методики проведения государственной аттестации программ аспирантуры.

В связи с этим дальнейшими направлениями исследований в области проектирования программ подготовки научных кадров высшей квалификации являются поиск рациональных подходов к структурированию их содержания с учетом ограничений по степени индивидуализации обучения и условий взаимодействия с интегрированными и инновационными структурами в части выполнения исследовательской составляющей программ; разработка методик мониторинга качества усвоения материала на основе рейтинговых технологий и применения системы кредитных единиц; создание методик формирования диагностических и оценочных средств качества выполнения научно-исследовательских работ и итоговой государственной аттестации выпускников магистратуры и аспирантуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Зимняя И. А.* Ключевые компетенции — новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34—42.

[2] См.: *Перекатов В. И.* Компьютерные дисциплины в представлении профессиональных обществ США: вехи академилогии // Информационные технологии и вычислительные системы. 2002. № 1. С. 11—28.

[3] См.: Computing curricula 2001. Computer Science Volume // Электрон. ресурс [режим доступа: http://www.acm.org/education/cc2001/final].

[4] Там же.

[5] См.: Stanford Bulletin 2005—2006 // Электрон. ресурс [режим доступа: http://www.stanford.edu/dept/registrar/bulletin/current/index.html].

[6] Временные требования к основной образовательной программе послевузовского профессионального образования по отрасли 05.00.00 «Технические науки», присуждаемая ученая степень — кандидат наук, утв. 2002 г., Рег. номер 05.00.00 ВТ ППО-2002; Государственный образовательный стандарт (2-го поколения) высшего профессионального образования: Направление 230100 «Информатика и вычислительная техника», степень (квалификация) — магистр техники и технологии, утв. 13.03.2000 г., Рег. номер 36 тех/маг.

Поступила 12.11.06.

Н. Н. ПАЧИНА

ИНТЕГРАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ: ОПЫТ НИИ ПЕДАГОГИКИ И ПСИХОЛОГИИ

Совершенствование профессиональной подготовки в современном университете предполагает освоение и осознанное использование знаний по педагогике и психологии. Это касается прежде всего педагогических специальностей, а также специальностей, не связанных с учительской, преподавательской деятельностью, поскольку такого рода знания необходимы многим видам деятельности, в которых предполагается общение, взаимодействие, сотрудничество. Поэтому не случайно педагогика и психология включены в государственный стандарт высшего профессионального образования.

Несмотря на процессы дифференциации, педагогика и психология всегда оставались родственными науками. Объединение кафедр педагогики и психологии прошло в ряде зарубежных стран в последней трети XX в. С одной стороны, это явилось отражением тенденций интеграции этих наук, с другой — потребностью в повышении качества профессиональной подготовки, прежде всего будущих педагогов. В немецких университетах институты педагогики и психологии координируют научно-исследовательскую деятельность преподавателей и студентов, отдавая приоритет межпредметным исследованиям и поощряя в процессе обучения проведение межпредметных связей вплоть до интеграции педагогики и психологии в ходе отдельных учебных занятий, изучения определенных тем и курсов. Поскольку в Германии нет государственных стандартов, то институты педагогики и психологии координируют работу кафедр по

ПАЧИНА Наталья Николаевна, ассистент кафедры психологии Елецкого государственного университета.

разработке учебных планов, программ, диагностических и экзаменационных материалов, учитывая потребности Европейского союза, своей страны и конкретного региона.

Опыт зарубежных университетов, в частности Германии, показывает, что педагогика и психология занимают достойное место в перечне их специальностей. В российских же университетах все чаще прослеживается ситуация, когда кафедры педагогики и психологии оказываются на вторых, если не на третьих ролях. В организационно-структурном отношении модель функционирования современных университетов — это конгломерат слабо связанных факультетов и институтов, выстроенных в «казарменную пирамиду» отношений, замыкающихся на уровне ректората[1]

Вопрос организации психолого-педагогического образования в российских университетах в настоящее время решается по-разному. В одних университетах психолого-педагогические кафедры имеют некоторую самостоятельность, в других создается объединение, координирующее их работу. Подобный опыт имеется в Центральном федеральном округе, например, в Белгородском и Тамбовском государственных университетах. Возникают вопросы: какая из форм организации наиболее эффективна? В чем их преимущества и недостатки с точки зрения целостности содержания педагогики и психологии в образовательном процессе университета? На наш взгляд, важно определить, чему способствуют такие объединения, какой положительный опыт можно извлечь из разного рода образований. Для решения этой проблемы был исследован опыт функционирования разных форм организации психолого-педагогического образования на примере Елецкого, Тамбовского и Белгородского государственных университетов.

В 1994 г. по решению ректората Белгородского государственного университета было создано межкафедральное объединение психолого-педагогических дисциплин — Научно-исследовательский институт педагогики и психологии. В его состав вошли кафедры педагогики, психологии, практической психологии, теории и практики педагогического мастерства, педагогики начального обучения, межвузовский научно-методический центр «Педагогика М. Монтессори»[2].

По инициативе кафедры педагогики при поддержке ректората и деканатов использовался интегративный под-

ход в разработке учебных планов с сохранением в них полного объема психолого-педагогической и методической подготовки студентов. Методологическая база, наличие реальных связей между педагогической и психологической составляющими способствовали высокому уровню взаимодействия. Результатом деятельности НИИ было возникновение и длительное существование экспериментальных площадок школ, деятельность лаборатории по педагогике и психологии, лаборатории межпредметности. В 1998 г. был открыт диссертационный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по специальности 13.00.01 — «Общая педагогика» и 13.00.08 — «Теория и методика профессионального образования», что активизировало процесс подготовки научно-педагогических кадров из числа преподавателей университета, учителей школ, работников органов образования. Определилось несколько перспективных научных направлений, в числе которых «Профессионально-педагогическая культура преподавателя», «Индивидуализация учебно-воспитательной работы в школе», «Рефлексивное управление школой», «Проблема социально-экологического образования школьников», «Исследовательская деятельность учителя».

В связи с реструктуризацией университета в 2002 г. НИИ педагогики и психологии Белгородского государственного университета был реорганизован в лабораторию профессионально-педагогической культуры. Сейчас такой тесной связи между психолого-педагогическими кафедрами нет, и кафедра педагогики вновь прилагает усилия для создания института, тем более что такой опыт существует и в других университетах, таких как Тамбовский, Ярославский и др.

Интеграционные тенденции ярко выражены в создании объединений (институтов, академий) в Тамбовском государственном университете. В 2001 г. на базе психологического и педагогического факультетов было создано новое структурное подразделение — Институт психологии и педагогики. В состав института вошли кафедры педагогической и возрастной психологии, общей психологии, социальной психологии, общей педагогики, теории и методики начального образования. Общее руководство институтом, как и в Белгороде, осуществляет выборный представительный орган — Ученый совет института.

С момента создания института проводится работа, направленная на популяризацию педагогических и психологических знаний в регионе, проведение профориентационной работы, предварительный отбор абитуриентов, нацеленных на получение профессий «Учитель начальных классов» и «Психолог. Преподаватель». Помимо этого институт является инициатором проведения ежегодных областных олимпиад, победители которых имеют льготы при поступлении в вуз. В институте открыты и функционируют лаборатории «Комплексные исследования человека», «Судебно-психологическая экспертиза»[3].

Результат деятельности института — открытие аспирантуры по психологии и педагогике. Научная деятельность психолого-педагогических кафедр отражена в различных направлениях. Среди них «Разработка психолого-педагогической концепции отношений в процессе профессиональной подготовки специалистов», «Психолого-педагогические основы развития профессионально-личностного потенциала в условиях модернизации российского образования», «Проблемы психологии потребностей и мотивации», «Духовное развитие в современном обществе», «Психическое здоровье в современном обществе», «Развивающие технологии в обучении младших школьников и в подготовке учителя для начальных классов».

С 2002 г. в Тамбовском государственном университете издается психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». По мнению главного редактора журнала, ни в одном из классических университетов нет журналов, посвященных психолого-педагогическому образованию[4]

На базе психолого-педагогического института создана ассоциация студентов психологов и педагогов (АСПП). Целью создания ассоциации были самоорганизация и самовоспитание студентов. В рамках АСПП обсуждаются возникающие проблемы и выносятся на рассмотрение директората института. В планах ассоциации — создание центра по профилактике наркомании, летней психологической школы для студентов и молодых преподавателей, психологического музея. Деятельность Института психологии и педагогики развивается стремительными темпами.

Координация деятельности кафедр педагогики, психологии, педагогики начального образования, коррекционной

педагогики, возрастной и педагогической психологии в Елецком государственном университете осуществляется Советом университета. Это достаточно самостоятельные структуры, подверженные процессам интеграции и дифференциации.

Примером интегративной деятельности в Елецком государственном университете является функционирование лаборатории «Культурно-образовательная среда Липецкой области Института усовершенствования учителей», организованной на базе кафедры педагогики в структуре университета, где сотрудничают преподаватели кафедр философии, педагогики, психологии, историко-культурного наследия. К проблемам взаимодействия следует отнести недостаток учебной нагрузки, работу на разных кафедрах, не позволяющую более эффективно осуществлять интеграцию на уровне рабочих программ. Ярким примером процесса дифференциации является образование в структуре факультета дошкольной педагогики и психологии кафедр возрастной и педагогической психологии и коррекционной педагогики.

Все преобразования, происходящие в университете, связаны со стратегией его развития. С одной стороны, она должна позволять в полной мере раскрыться специфике и творческому потенциалу каждой кафедры и факультета, а с другой — служить интеграции науки и учебно-воспитательного процесса, т. е. создавать предпосылки для плодотворного сотрудничества, в том числе на междисциплинарном уровне, профессоров и преподавателей, аспирантов, студентов, учителей школ, деятелей культуры.

За время функционирования университета образовались новые кафедры, создано психологическое отделение, открыт совет по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора педагогических наук. Развиваются научные направления: теоретические и практические основы создания и развития университетского комплекса в условиях традиционной культуры; исследование духовной традиции отечественного образования; культурно-образовательная среда как педагогический феномен; становление и развитие отечественного педагогического образования; профессиональное воспитание: история, методология, современная практика; инновации и традиции в отечественном дошкольном

образовании; принципы использования психологических методик в диагностических и научно-исследовательских целях.

В настоящее время преобладающую роль в университете играют процессы дифференциации, способствующие его развитию, но, как только психологические и педагогические составляющие достигнут соответствующего уровня развития, возникнет объективная необходимость создания НИИ педагогики и психологии в Елецком государственном университете.

Опыт интеграции педагогики и психологии в рамках Института педагогики и психологии, накопленный в Центральном федеральном округе, свидетельствует о том, что в условиях именно такой организационной структуры создаются реальные предпосылки для интеграции психолого-педагогического знания. В рамках положений Болонского процесса, Копенгагенской декларации, Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2006—2010 гг. дальнейшие перспективы развития конкретного вуза видятся довольно призрачными и туманными[5] Будет ли это исследовательский университет, интегрированное учебное заведение, базовый вуз или общенациональный университет, в каждом конкретном случае структура, состав, управление, координация научной и учебной деятельности в объединениях создадут реальные условия для интеграции научного знания в образовательном процессе университета.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Кузовлев В. П.* Университетский комплекс на Елецкой земле // Высшее образование в России. 2004. № 6. С. 39—40.

[2] См.: Кафедра педагогики: становление и этапы развития / Под ред. И. Ф. Исаева. Белгород, 2001.

[3] См.: Отчет по учебной работе института психологии и педагогики. Тамбов, 2003.

[4] См.: Интервью с профессором Л. Н. Макаровой. Тамбов, 2004.

[5] См.: Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2006—2010 годы // Высшее образование. 2005. № 10. С. II—X.

Поступила 04.07.06.

Л. М. МУХАРЯМОВА,
И. Б. КУЗНЕЦОВА-МОРЕНКО,
Р. Г. ПЕТРОВА,
Л. Н. САЛАХАТДИНОВА,
А. Р АНДРЕЕВА

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В РОССИИ

В последнее время в российских СМИ все чаще фигурируют материалы, посвященные национальной школе. Весьма характерны их заголовки: «Москва — столица диаспор, или Как не повторить судьбу Франции»[1], «Национальные школы: гетто или диалог культур?»[2] и др. Журналисты и эксперты, мнения которых приводят авторы, выдвигают целый перечень проблем. Какое место в системе реформирования образования занимает национальная школа? Каковы перспективы ее развития? Какова будет роль национальных школ в городе диаспор, не станут ли они сосредоточием моноэтнической культуры, моноконфессиональной образовательной среды? Не приведет ли развитие национальных школ к разрушению гражданской культуры и единого пространства? Смогут ли ученики, замкнутые на собственной национальной культуре, конкурировать на рынке труда с учениками других школ?

МУХАРЯМОВА Лайсан Музиповна, доктор политических наук, заведующая кафедрой истории, философии, социологии и политологии Казанского государственного медицинского университета.

КУЗНЕЦОВА-МОРЕНКО Ирина Борисовна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры истории, философии, социологии и политологии Казанского государственного медицинского университета.

ПЕТРОВА Расиля Галиахметовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии, социологии и политологии Казанского государственного медицинского университета.

САЛАХАТДИНОВА Лейсан Наилевна, кандидат социологических наук, старший преподаватель истории, философии, социологии и политологии Казанского государственного медицинского университета.

АНДРЕЕВА Алсу Радиковна, научный сотрудник кафедры истории, философии, социологии и политологии Казанского государственного медицинского университета.

Введение единого государственного экзамена, который предполагает унифицированное тестирование выпускников на русском языке, безотносительно языка обучения, усиливает дискуссионность вокруг национальных школ. Есть ли будущее у учреждений, выпускники которых должны проходить дополнительную языковую подготовку для итоговой аттестации?

В стране сложилось словосочетание «татарстанская модель», подразумевающее одну из ведущих ролей республики в создании договорных отношений с федеральным центром, а также особую национальную политику, стабилизирующую интересы мультиконфессионального и мультиэтничного региона. Титульный этнос (татары) составляют чуть более 50 % населения Республики Татарстан и выступают вторым по численности этносом в РФ. Сегодня татарский язык среди миноритарных («младших») языков России обладает наибольшим коммуникативным потенциалом, а 1/3 российского общеобразовательного пространства, где обучение ведется на нерусских языках, приходится на татарский язык.

Процессы, связанные с приобретением суверенитета в большинстве национальных республик на территории бывшего СССР, повлекли за собой повышенное внимание властей к росту этнического самосознания. На территории этнических субъектов Российской Федерации с начала 90-х гг. XX в. существенно активизировалась работа по возрождению этнической культуры, искусства и религии. Особое значение в процессах этнической консолидации имела новая языковая политика. Если во второй половине 80-х гг. XX в. преподавание в общеобразовательных школах велось на 18 языках, то в настоящее время — на 38. Уже в 1994 г. в Российской Федерации функционировало 3 180 общеобразовательных учреждений с русским и нерусским языком обучения (939 тыс. чел.) и 3 550 учреждений с нерусским языком обучения (252 тыс. учащихся)[3]

Проведенный анализ научных работ показал, что в России недостаточно исследований, выполненных с точки зрения оценки национальной школы с позиций потребителей, т. е. в контексте того, насколько полно национальная школа удовлетворяет потребности ребенка в современных знани-

ях, не является ли она барьером к получению качественного образования, равные ли стартовые условия у выпускников русскоязычных и национальных школ. На наш взгляд, необходимо провести анализ национальной школы с позиций выполнения институтом образования своих основных функций, важнейшей из которых в современных обществах является *достиженческая*.

Несомненный научно-практический интерес представляют результаты исследования, проведенного в два этапа в 2002—2006 гг.: первый — 2002—2003 гг., второй — 2005—2006 гг.[4] В ходе выполнения проектов решались задачи выявления жизненных шансов выпускников школ с татарским языком обучения; ценностных ориентаций и карьерных притязаний выпускников татарских школ и отличий по этим позициям от сверстников, учившихся на русском языке; исследования жизненных стратегий выпускников татарских школ в контексте ориентаций на интеграцию в «большую» Россию и формирование общероссийской гражданской идентичности или сохранение и воспроизводство республиканской и этнической идентичности.

Исследования, проведенные нами, впервые представляют портрет молодежи, обучающейся в национальной школе Татарстана. Результаты проекта позволяют преодолеть ряд стереотипов об учащихся этих школ как об отдельной гражданской общности, а также выявить проблемы социальной мобильности, возникающие у выпускников татарских школ. Эмпирической базой исследования послужили индивидуальные глубинные и фокусированные групповые интервью, анализ баз данных и включенные наблюдения в приемных комиссиях одиннадцати вузов Казани в период приемной кампании 2003 г., анкетный опрос 609 выпускников школ в 2002 г. и 490 выпускников в 2006 г., обучающихся на русском и татарском языках в крупных, средних, малых городах и сельской местности республики по месту учебы.

В 2006 г. исследование выявило значительно большую степень этнической идентичности у учащихся татарских школ по сравнению с учащимися школ с русским языком обучения. Отвечая на вопрос «В какой степени для Вас значима национальная принадлежность?», «очень значима»

ответили 34,2 % учащихся татарских школ и 13,4 % школьников, обучающихся на русском языке. Совсем не значимой национальность оказалась лишь для 1,4 % первой группы и для 13 % второй.

Среди учащихся татарских школ уровень религиозности заметно выше. Так, если 8,4 % опрошенных данной группы ответили, что обращаются к религии только в критических ситуациях, то в группе учащихся с русским языком обучения подобных ответов было почти в два раза больше (15,7 %). 38,4 % первой категории респондентов регулярно посещают храм, тогда как среди учащихся русских школ такого поведения придерживаются 19 % опрошенных.

Причины глубины этнической идентичности учащихся из татарских школ разнообразны. Во-первых, это влияние родителей, считающих приоритетным национальное образование. Во-вторых, это может быть вызвано влиянием татароязычной среды. В-третьих, этническая идентичность воспитывается в рамках образовательной программы с помощью особого стиля коммуникаций, принятого у татар, уроков, посвященных татарской культуре, т. е. своеобразного «скрытого учебного плана» школы.

В то же время подчеркнутое отношение к татарскому дополняется обязательным межкультурным компонентом, присутствующим в татарских школах в соответствии с общероссийскими программами и согласно внутренним правилам. Так, в татарской гимназии № 2 г. Казани, исполняющей роль своеобразного методического центра для всех татарских школ республики, несмотря на однородность национального состава, межкультурная коммуникация рассматривается как одна из стратегических линий национально-культурного образования. Руководство гимназии полагает, что «полноценное национально-культурное образование возможно при условии социально-культурной идентификации личности, которая предполагает у нас формирование национально-культурного самосознания, основанного как на ценностях уважения иных этнических общностей, так и способности критического их изучения»[5].

Согласно результатам опроса 2002 г., выпускники, планирующие поступать в специальные группы, обучающиеся на татарском языке, имеют более низкий доход. Так, в этой

категории школьников почти на 20 % меньше выходцев из семей с удовлетворительным доходом и на 8 % больше тех, кто признал, что семья живет «от зарплаты до зарплаты». Таким образом, образование на татарском языке охватывает и привлекает в большей степени детей из семей с невысоким экономическим потенциалом.

Подобная тенденция была выявлена и в 2006 г. — ученики татарских школ оказались на более низкой позиции, чем ученики школ с русским языком обучения. Например, 55,3 % учащихся татарских школ отметили, что никогда не выезжали за пределы соседних городов, тогда как в русских подобный уровень мобильности был отмечен у 37 % школьников. Семьи учащихся татарских школ имеют более низкую интеллектуальную базу — 30 % респондентов в 2006 г. отметили, что в их семье нет домашней библиотеки (среди учащихся русских школ было выявлено в два раза меньше подобных утверждений).

Важным показателем гражданской идентичности выступает ориентация на службу в армии. В этом вопросе учащиеся татарских школ в 2006 г. показали себя более лояльными, чем школьники с русским языком обучения. 50 % школьников из татарских школ выразили стойкое убеждение в необходимости прохождения армейской службы, 26 % — ответили «скорее да, чем нет». Среди «контрольной» группы респондентов лишь 28 % высказались за службу в армии и 14 % — «скорее да». Таким образом, опасения в «скрытом плане» национальных школ, якобы исключающих общероссийскую гражданственность в воспитании, не оправданы.

Весьма интересны, на наш взгляд, оценки выпускников относительно своих шансов поступления в вуз. Подавляющее большинство выпускников татарских гимназий и общеобразовательных школ оценивают их как «средние». Число выпускников татарских общеобразовательных школ, выбравших эту позицию, составляет 81,3 %, среди всех выпускников татарских гимназий данный ответ выбрали 54 %. Следует отметить, что 20 % выпускников татарских гимназий оценили свои шансы как высокие. Респонденты, обучающиеся в татарских школах, менее уверены в своих силах, и среди них эту позицию выбрал лишь 1 %.

Результаты исследования свидетельствуют: несмотря на то что в татарских национальных учебных заведениях обучение ведется на татарском языке, для выпускников выгоднее сдавать вступительные экзамены на русском языке (51,4 % выпускников татарских гимназий и 52,2 % выпускников татарских школ).

Осознавая языковые барьеры при поступлении в вуз, учащиеся татарских школ воспринимают обучение в таких учреждениях, скорее, ценностно-рационально: 56,3 % выпускников выбрали позицию «это возможность развивать и поддерживать язык»; 41,6 % отметили роль образования на татарском языке в «сохранении языка национальности». Лишь небольшое число опрошенных (5,5 % учащихся) воспринимают образование в таких школах как шанс утроиться на работу.

Предпочтение учащихся сдавать вступительные экзамены на татарском языке является важнейшим индикатором языкового барьера. Результаты опроса показывают, что в наиболее выгодном свете представить свои знания при поступлении в вуз на татарском языке могли бы многие респонденты: в 2002 г. — каждый пятый, в 2006 г. — каждый шестой выпускник. 90 % из них составляют одиннадцатиклассники татарских школ. Однако доля тех, кто собирается сдавать вступительные экзамены в вуз на татарском языке, меньше — 13,6 % в 2002 г. и 10,3 % в 2006 г. Это примерно каждый третий воспитанник татарской школы. Половина из них — выпускники сельских национальных школ, около одной трети — казанские выпускники татарских гимназий и школ. Лишь одну десятую часть составляют выпускники татарских гимназий и школ из городов республики.

Результаты опроса позволяют с уверенностью говорить о том, что плохое знание русского языка является фактором выбора специальности и формы обучения в вузе для учащихся татарских школ из сельских районов республики. В совокупности с падением качества школьного образования на селе плохое знание русского языка понижает их возможности социальной мобильности.

По исходному замыслу ЕГЭ обеспечивает совмещение государственной итоговой аттестации выпускников и всту-

пительных испытаний для поступления в образовательные учреждения высшего и среднего профессионального образования. Эксперимент по введению ЕГЭ в России начался в 2001 г., Татарстан участвует в эксперименте с 2005 г. Как ожидается, с 1 января 2008 г. ЕГЭ будет обязательным во всех регионах и для всех выпускников, желающих продолжить образование.

Система ЕГЭ, дающая возможность направить в любой вуз оригинал или заверенную копию свидетельства о сдаче ЕГЭ вместе с заявлением о приеме, в том числе по почте заказным письмом, должна повысить доступность качественного высшего образования для детей из сельской местности и отдаленных регионов. По утверждению А. Фурсенко, с началом эксперимента количество детей из села, ставших студентами вузов, выросло на 10 %[6] Социологи отмечают, что доступность высшего образования для сельских жителей и детей из малообеспеченных семей существенно не изменилась[7].

Гораздо больше вопросов вызывает ЕГЭ в контексте развития национального образования, прежде всего татарской школы, реализующей полное общее образование.

На существование самой проблемы на федеральном уровне первым обратил внимание Президент Татарстана М. Ш. Шаймиев. Во время заседания Государственного совета по вопросам развития системы российского образования Президент РТ подчеркнул, что введение ЕГЭ только на русском языке может привести к сокращению доступности высшего образования для выпускников национальных школ, особенно из сельской местности[8]. Федеральные власти в ответ на озабоченность М. Ш. Шаймиева ответили предложением создать развернутую систему дополнительных курсов по русскому языку.

В Республике Татарстан проблема в некоторой степени решается за счет мер, предусмотренных Постановлением Кабинета Министров РТ № 39 от 6 февраля 2006 г. «О проведении в 2006 г. единого государственного экзамена и единого республиканского экзамена». Этот документ предписывает провести в 2006 г. эксперимент по введению единого республиканского экзамена по татарскому языку, математике, физике, химии и биологии с использованием

Заказ № 1305

форм и аналогов материалов единого государственного экзамена на татарском языке для обеспечения совмещения государственной (итоговой) аттестации выпускников общеобразовательных учреждений с татарским языком обучения и вступительных испытаний для поступления в образовательные учреждения высшего и среднего профессионального образования, расположенные на территории республики. Таким образом, некоторые барьеры для поступления выпускника татарской школы в вузы Татарстана в этом году преодолены. Будут ли подтверждены полномочия высших учебных заведений, являющихся в подавляющем большинстве федеральными учреждениями, по приему на обучение по результатам республиканского экзамена органами управления образованием России в будущем, неизвестно.

О результатах эксперимента по сдаче ЕГЭ в Татарстане пока трудно говорить. В открытых источниках нам не удалось обнаружить результатов по ЕГЭ и ЕРЭ выпускников русскоязычных и татарских школ. Однако некоторые наблюдения в приемных комиссиях казанских вузов дают повод для размышления. Например, наши интервью с выпускниками татарских школ 2006 г. показывают, что многие из них сдавали ЕГЭ (а не единый республиканский экзамен) на русском языке «потому что так посоветовали учителя, они сказали, что на татарском вообще не сдадите, плохие переводы тестов». Вторая (вузовская) волна единого республиканского экзамена на татарском языке показала неожиданно высокие результаты выпускников. И самое главное: выпускники русскоязычных и татарских школ сдавали ЕГЭ по русскому языку по одним и тем же контрольно-измерительным вариантам, без каких-либо модификаций для выпускников татарских школ. Для оценки результатов применялась одна и та же шкала соответствия баллов, набранных на ЕГЭ, — пятибалльная система.

Основные направления реформирования школы, процессы обновления национального образования, начавшиеся в 90-е гг. XX в., закрепили позиции возрождения и развития национального образования.

Анализ исторически сложившейся системы национального образования позволяет сформулировать ряд характерологических особенностей модели национальной школы.

Во-первых, национальная школа рассматривается как один из главных факторов возрождения родных языков, развития культур, самосохранения народов; обеспечивающий конституционное право учащихся на получение образования на родном языке; создающий равноправные условия изучения языка коренной национальности и языка межнационального общения, роль которого выполняет русский язык.

Во-вторых, роль национальной школы смещается «...с обслуживания интересов государства на удовлетворение потребностей личности, общества и социальных групп». Как отмечает И. Тагиров, «....через школьную систему мы укрепляем единость татарского мира»[9] Семья и школа рассматриваются как социальные институты, формирующие носителей родного языка, самобытных людей, готовых к национальному творчеству.

В-третьих, в модели школы в той или иной мере отражается «жизнь татарского народа». Народные традиции, фольклор, национальный этнос, музыка и живопись, художественные промыслы и ремесла, этнопедагогика и религиозные традиции — составная часть содержания образования, учебных планов и программ национальной школы.

В-четвертых, национальная школа, по сути, возрождает гуманизирующую и культуроформирующую функции образования, осваивая полинациональную и поликультурную среду.

При уникальности своих самобытных корней татарская национальная школа должна входить в общую культуру российской цивилизации, которая смыкается с мировой культурой и мировым образовательным пространством. Включение насущных проблем национального образования в разработку национальной доктрины российского образования имеет большое практическое и теоретическое значение для развития национальной школы и педагогической мысли, в воспитании конкурентоспособного выпускника, самоутверждение которого происходит в новых экономических и социальных реалиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Молодцова В.* Москва — столица диаспор, или Как не повторить судьбу Франции // Учит. газ. 2006. 1 окт.

[2] См.: *Рохлин З.* Национальные школы: гетто или диалог культур? // ИА «Росбалт» // Электрон. ресурс [режим доступа: http:www.rosbalt.ru/2005/10/10/229938.html].

[3] См.: Распределение населения России по владению языками (по данным микропереписи населения 1994 г.). М., 1995.

[4] Первый этап исследования проведен при финансовой поддержке Фонда Форда в рамках программы «Анализ доступности высшего образования в России» (проект № 1035-0256); второй — при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Жизненные стратегии выпускников национальных школ (на примере Республики Татарстан)» (проект № 06-03-00528а).

[5] *Хамидуллина К. З., Бушуева А. Д.* Межкультурное образование в условиях татарской гимназии // Материалы науч.-метод. конф. М.; Казань, 2002. С. 30.

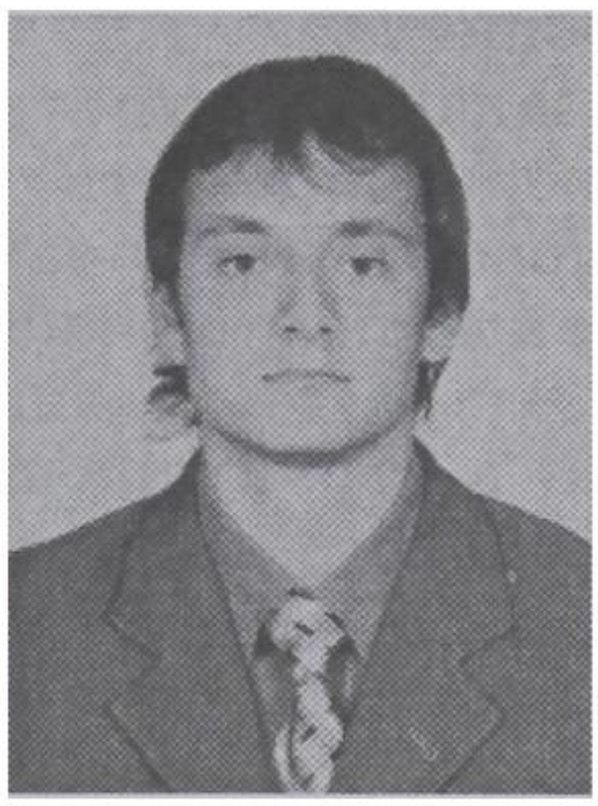
[6] См.: *Кузьмин В.* Кремлевский педсовет решил, что качественное образование должно быть доступным // Рос. газ. 2006. 25 марта.

[7] См.: Высшее образование в России: правила и реальность / А. С. Заборовская, Т. Л. Клячко, И. Б. Королев и др. М., 2004. С. 348—351.

[8] См.: *Кузьмин В.* Указ. соч.

[9] *Тагиров И.* Через школьную систему мы укрепляем единость татарского мира // Татар иле. 2002. Март. С. 1.

Поступила 15.09.06.



Л. В. СТАРОДУБЦЕВА *П. В. ЗАМКИН*

РЕГИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ РАЗВИВАЮЩЕЙ ФУНКЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Необходимость повышения качества профессиональной подготовки педагога в сфере развивающей работы с детьми обусловлена реформами, происходящими в системе образования. Современные социально-экономические преобразования в обществе порождают потребность в предприимчивых людях, способных принимать решения в ситуации выбора, отличающихся творческим мышлением, инициативностью, трудолюбием и ответственностью за себя, свою семью и будущее страны. Это определяет развитие личности ребенка как первостепенный приоритет в образовании, важнейший индикатор его качества, что было отмечено в Концепции модернизации образования на период до 2010 г., где среди важнейших задач воспитания выделены формирование гражданской ответственности и правового самосозна-

---

СТАРОДУБЦЕВА Любовь Викторовна, доцент кафедры дошкольной педагогики и психологии Мордовского государственного педагогического института, кандидат социологических наук.

ЗАМКИН Петр Васильевич, аспирант кафедры психологии Мордовского государственного педагогического института.

ния, развитие духовности, культуры, инициативности, самостоятельности, толерантности, способности к успешной социализации в обществе.

Решение этих задач начинается в рамках дошкольного образования. Дошкольное детство рассматривается как период развития человека, когда закладывается базис личности, идет интенсивное психофизическое и социальное развитие. В связи с этим развивающая функция приобретает приоритетную роль в структуре педагогической деятельности педагога дошкольного образования.

Современная система отечественного дошкольного образования строится на принципах динамизма, вариативности организационных форм, гибкого реагирования на потребности общества и личности, характеризуется возникновением новых видов воспитательно-образовательных учреждений для детей, разнообразием педагогических услуг. В настоящее время дошкольные образовательные учреждения (ДОУ) официально работают по 12 комплексным базисным, 25 парциальным, 2 специальным образовательным программам. Кроме того, в соответствии с приложением 3 к приказу Министерства образования РФ от 22 августа 1996 г. № 448 в российском образовательном пространстве «прописаны» 3 категории и 6 видов ДОУ. Поиск и самостоятельный выбор конкретных форм образовательной работы стали нормой деятельности педагогов. Инновационное движение в дошкольном образовании по своему масштабу не уступает школьным инновациям. Однако, как и вся система образования, ее дошкольное звено функционирует сегодня в условиях демографического кризиса.

Республика Мордовия в демографическом отношении повторяет общероссийскую динамику. Исправление существующей ситуации — важное направление деятельности российского и республиканского правительств. Одной из форм социальной поддержки семей, воспитывающих детей, является обеспечение доступным дошкольным образованием. Так, всего по республике в 2005 г. насчитывалось 39 812 детей в возрасте от 1 года до 6 лет. Из них охвачено всеми формами дошкольного образования 25 187 детей, что составляет 63,3 %[1]. При сокращении общей численности детей объем их охвата дошкольным образованием год от года увеличивается.

В настоящее время в Мордовии функционируют 238 дошкольных образовательных учреждений, из которых 229 — муниципальные. В республике образовано 18 комплексов «школа — детский сад». Функционируют 4 учреждения компенсирующего типа для детей с нарушениями интеллекта, речи, зрения, слуха. Ежегодно увеличивается число групп в дошкольных образовательных учреждениях для детей с нарушениями речи и часто болеющих.

Сегодня главным фактором в решении основных задач, стоящих перед дошкольным учреждением, выступает кадровое обеспечение педагогического процесса. Воспитатель — это человек, профессионально берущий на себя ответственность за развитие другого человека — воспитанника. Таким образом, педагог дошкольного образования должен иметь соответствующий уровень подготовки к выполнению своих функций. Педагогические кадры для дошкольного образования на территории Мордовии готовят Мордовский государственный педагогический институт и два педагогических училища-колледжа. В этих учебных заведениях ведется подготовка воспитателей для национальных детских садов, педагогов-психологов, воспитателей с дополнительной специальностью (физическая культура, иностранный язык). По состоянию на 2005 г. в республике насчитывалось 2 063 педагогических работника дошкольного образования. Из воспитателей 46 % имеют высшее образование.

Реализация развивающей функции предполагает наличие у педагога осознанного отношения к профессиональной деятельности, принятие им гуманистической позиции, приобретение соответствующих знаний и умений. Анализ работ, посвященных вопросам профессионального обучения специалиста дошкольного образования, позволил сделать вывод, что *вопрос формирования готовности будущего воспитателя к осуществлению развивающей функции в профессиональной деятельности не ставился как самостоятельная проблема, а рассматривался в контексте общепедагогической подготовки.*

Проведенный анализ теории и практики дошкольного образования выявил существенное противоречие между потребностью практики во внедрении и реализации развивающих технологий и недостаточной методической разра-

боткой этого вопроса в теории. Несмотря на широкое распространение идей развивающего образования и наличие множества соответствующих образовательных программ для ДОУ. их реализация часто носит локальный, фрагментарный характер. Мы полагаем, что основными причинами такого положения выступают, с одной стороны, недостаточная научно-методическая разработанность основ развивающей деятельности воспитателя, с другой — низкая готовность специалистов ДОУ к ее осуществлению.

В 2005/2006 учебном году нами было проведено исследование, направленное на выявление уровня готовности воспитателей ДОУ и студентов — будущих педагогов, к осуществлению развивающей функции в профессиональной деятельности. Было обследовано 140 чел., из них 84 — воспитатели дошкольных образовательных учреждений г. Саранска и 56 — студенты IV курса факультета дошкольного воспитания Мордовского государственного педагогического института. В качестве инструментария использовались письменная психолого-педагогическая диагностика (дидактические тесты, анкетирование, наблюдение по карте «Педагогическая оценка и самооценка готовности к осуществлению развивающей деятельности»), методики «Самоанализ развивающей деятельности», «Самооценка умений и способностей к осуществлению развивающей деятельности» (модификация методик В. А. Сластенина); самоактуализационный тест; контент-анализ сочинений на заданную тему.

Результаты исследования показывают, что педагоги-практики и студенты-выпускники факультета дошкольного воспитания Мордовского государственного педагогического института осознают значимость развивающей функции в структуре педагогической деятельности, признают ее приоритетность среди других функций педагога, верно понимают основное назначение этой функции. Однако в своей практической деятельности целенаправленно и систематически работают над разносторонним психическим и личностным развитием дошкольника только около 20 % воспитателей. 74 % опрошенных воспитателей ограничиваются эпизодическим использованием отдельных развивающих игр и упражнений. Кроме того, около 80 % воспитателей испытывают те или иные трудности при организации и осуще-

ствлении развивающей работы с детьми, что связано с недостатком теоретических знаний в области развивающей деятельности, а также с полной или абсолютной несформированностью необходимых умений.

Пытаясь пополнить знания по вопросам теории и технологии развивающей деятельности, воспитатели в основном используют специальную литературу, намного меньшее число практикующих специалистов курсы повышения квалификации как источник пополнения знаний. К сожалению, многие педагоги относятся к таким курсам как к формальной обязанности. Студенты дошкольного факультета получают знания о развивающей функции в профессиональной деятельности в рамках психолого-педагогического и методического блоков учебных дисциплин, а также на специальных курсах и факультативах. Практические умения и навыки отрабатываются на психолого-педагогических и методических практиках. Однако в целом результаты исследования показывают, что существующая практика подготовки будущего педагога не способствует формированию целостного, системного представления и владения теорией и технологией развивающей деятельности.

Таким образом, с одной стороны, мы выявили потребность будущих и настоящих воспитателей ДОУ в освоении и осуществлении развивающей функции в своей педагогической деятельности, с другой — недостаточную теоретическую и методическую разработанность системы специальной подготовки будущих специалистов к данному виду профессиональной деятельности.

Возможным выходом из создавшегося положения, на наш взгляд, могут быть разработка модели развивающей функции педагога ДОУ; разработка и реализация в образовательном процессе факультета дошкольного воспитания модели формирования готовности будущего педагога к осуществлению развивающей функции в профессиональной деятельности.

В психолого-педагогической литературе развивающая деятельность понимается как научно обоснованный вид (направление и содержание) профессиональной деятельности педагога, направленный на стимулирование, обогащение и оптимизацию субъектно-деятельностных, личностных

и индивидуальных свойств ребенка-дошкольника, разностороннее развитие его психической сферы.

В качестве теоретической базы определения содержательного и технологического аспектов модели развивающей функции в нашем исследовании мы избрали систему психолого-педагогической поддержки развития субъектности и индивидуальности ребенка[2] Разрабатывая модель развивающей деятельности, мы опирались на положения системного подхода и метода моделирования[3]; общие принципы моделирования профессиональной деятельности специалиста[4]; практический опыт моделирования развивающей функции воспитателя дошкольного образовательного учреждения[5].

Структурно модель развивающей функции (психолого-педагогической поддержки субъектности дошкольника) представляет собой совокупность взаимосвязанных компонентов, которые образуют две подсистемы: «технология психолого-педагогической поддержки» и «готовность к осуществлению психолого-педагогической поддержки». Первая подсистема характеризуется через структурный (совокупность цели, предмета, условий, результата психолого-педагогической поддержки); содержательный (направления поддержки и решаемые в ее ходе типовые профессиональные задачи) и процессуальный (этапы осуществления поддержки) компоненты. Вторая — отражает соответствующие требования, предъявляемые к будущему педагогу ДОУ Между этими подсистемами существуют прямая и обратная связи.

Под готовностью будущего педагога к осуществлению психолого-педагогической поддержки мы понимаем системное качество студента, состоящее из трех взаимосвязанных компонентов (теоретического, операционного, мотивационного), сформированных в результате целенаправленного профессионального обучения данному виду развивающей деятельности. Готовность проявляется в способности студента ставить и решать развивающие задачи в условиях квазипрофессиональной или реальной профессиональной работы с дошкольниками.

Теоретическая готовность предполагает определенный уровень овладения студентом совокупности знаний, касающихся теории и методики развивающей деятельности, — психолого-педагогической поддержки субъектности дошколь-

ника. Операционная готовность выражается в сформированности определенных умений, обеспечивающих реализацию поддержки развития субъектности дошкольника, мотивационная готовность — в наличии осознанного положительного отношения к развивающей работе с дошкольниками и в познавательной активности студентов при подготовке к ее осуществлению.

Модель развивающей функции (психолого-педагогической поддержки) необходима не только как обобщенный образ одного из видов деятельности педагога ДОУ. но и как основа моделирования системы специальной подготовки к осуществлению этой деятельности. Построение исследования на основе связи «модель деятельности — модель подготовки к деятельности» является одним из признанных в области профессионального обучения подходов. Придерживаясь этого подхода, мы разработали вторую модель — формирование готовности к осуществлению психолого-педагогической поддержки субъектности дошкольника.

Модель формирования готовности к осуществлению развивающей функции строится на основе структурно-функционального анализа. Изучение морфологического, структурного и функционального аспектов модели позволило вычленить в ее составе несколько уровней, компонентов, связей. Первый включает цель как системообразующий фактор и заключается в формировании мотивационной, теоретической и операционной готовности студентов к осуществлению психолого-педагогической поддержки субъектности дошкольника. Второй уровень объединяет содержательный и организационно-методический компоненты. Содержание профессионального обучения строится на основе анализа типовых профессиональных задач, решаемых педагогом в процессе осуществления поддержки развития субъектности дошкольника, и на их основе создается комплекс учебно-профессиональных задач, моделирующих различные аспекты этой деятельности в образовательном процессе ДОУ. Результативный компонент модели непосредственно связан со всеми перечисленными компонентами и выражается в способности студентов ставить и решать развивающие задачи в условиях квазипрофессиональной или реальной профессиональной ситуации.

Внедрение и реализация модели формирования готовности будущего специалиста к осуществлению психолого-педагогической поддержки субъектности старшего дошкольника предполагали решение двух задач. Во-первых, создание образовательных условий для освоения и реализации студентами теории и технологии развивающей деятельности — психолого-педагогической поддержки субъектности дошкольника в условиях моделируемой и реально-профессиональной ситуации. Во-вторых, выявление психолого-педагогических условий зависимости развития субъектных качеств старшего дошкольника от содержания, структуры и уровня профессионально-личностной готовности выпускника педагогического вуза к психолого-педагогической поддержке субъектности ребенка.

На базе факультета дошкольного воспитания Мордовского государственного педагогического института были созданы две группы: контрольная и экспериментальная. Деятельность экспериментальной группы включала теоретическую работу со студентами в период изучения курса «Психолого-педагогическая поддержка субъектности старшего дошкольника», а также поисково-созидательную и исследовательскую деятельность студента во время пятинедельной психолого-педагогической практики в дошкольных образовательных учреждениях. В содержании спецкурса были выделены два тематических модуля: теоретико-методологический и теоретико-методический. Проведение спецкурса имело целью формирование, актуализацию и систематизацию профессионально важных знаний, умений и навыков, познавательной мотивации, творческого отношения к профессиональной деятельности как основы теоретической и практической готовности будущего педагога к осуществлению психолого-педагогической поддержки субъектности старшего дошкольника.

Изучение теоретико-методологического модуля спецкурса предполагало использование лекционных форм организации работы со студентами (лекции с элементами проблемного изложения, лекции с включением мини-сообщений студентов), а также семинарских занятий и самостоятельной работы студентов. Работа по изучению теоретико-методического блока осуществлялась на лабораторных за-

нятиях, активно использовались тренировочные занятия и микроисследования на базе дошкольных образовательных учреждений.

В период психолого-педагогической практики студенты выполняли задания по диагностике субъектности старшего дошкольника и ее развитию в рамках индивидуальной программы психолого-педагогической поддержки. Основными задачами этого этапа экспериментального обучения студентов были овладение методами, приемами и тактиками психолого-педагогической поддержки субъектности старшего дошкольника; приобретение практических умений и навыков диагностической, аналитической, проектировочно-конструктивной и организационной деятельности в процессе построения и реализации программы психолого-педагогической поддержки.

Для достижения обозначенных задач нами использовался специально подобранный комплекс методов обучающего взаимодействия в экспериментальной группе, включающий информирующее и проблемное изложение, метод проблемных ситуаций, исследовательский метод; методики активного обучения; имитационные и организационно-деятельностные игры; составление индивидуальных программ психолого-педагогической поддержки, метод поэтапной отработки умений в реальных профессиональных ситуациях, индивидуально-дифференцированные учебные задания, анализ различных авторских технологий психолого-педагогической поддержки.

Нами выявлено, что освоение развивающей деятельности — психолого-педагогической поддержки — может происходить на трех уровнях: низком (узнавание и частичное воспроизведение), среднем (воспроизведение материала, алгоритмическая деятельность), высоком (творческая проблематизация материала, эвристическая деятельность).

На завершающем этапе мы провели контрольное исследование динамики изменения уровня готовности студента к осуществлению психолого-педагогической поддержки субъектности старшего дошкольника. Сравнительный анализ результатов экспериментальной и контрольной групп показал, что в экспериментальной группе имеется разница между показателями знаниево-действенного и диагностико-развивающего компонентов до и после обучения: у всех

студентов экспериментальной группы они выросли. При этом в контрольной группе не произошли существенные изменения в вышеуказанных компонентах.

Дошкольный возраст исключительно важен в плане психического и личностного развития человека, что обусловливает необходимость качественной реализации педагогом развивающей функции. Проведенное исследование выявило зависимость профессионально-личностной готовности студента к ее осуществлению от реализации специальной дидактической системы подготовки к этому виду профессиональной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Образование, наука и культура в Республике Мордовия: Стат. сб. Саранск, 2005. С. 5—42.

[2] См.: *Михайлова Н. Н., Юсфин С. М.* Педагогика поддержки. М., 2002; *Анохина Т. В., Валстром К., МакЛафлин К. и др.* Идея и технология педагогической поддержки в образовании США, Великобритании, Голландии // Воспитание и педагогическая поддержка детей в образовании. М., 1996. С. 57—72; *Александрова Е. А.* Педагогическое сопровождение индивидуального образования и идея свободного воспитания // Новые ценности образования. 2003. № 3. С. 71—82; *Бедерханова В. П.* Педагогическая поддержка индивидуализации ребенка // Классный руководитель. 2000. № 3. С. 39—51.

[3] См.: *Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г.* Системный подход в современной науке // Проблемы методологии современных исследований. М., 1970. С. 7—48.

[4] См.: *Маркова А. К.* Психология труда учителя. М., 1993; *Сластенин В. А., Подымова Л. С.* Педагогика: инновационная деятельность. М., 1997; *Митина Л. М.* Психология профессионального развития учителя. М., 1998; *Чернилевский Д. В.* Дидактические технологии в высшей школе. М., 2002.

[5] См.: *Бездетко О. В.* Формирование готовности студентов дошкольного факультета к осуществлению развивающей функции в педагогической деятельности: Автореф. ... канд. пед. наук. Магнитогорск, 2002.

Поступила 10.07.06.

Н. Б. СМИРНОВА

ЛИЧНОСТНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ХУДОЖНИКА-ПЕДАГОГА СРЕДСТВАМИ НАРОДНОГО ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА

Растущий интерес к использованию национальной культуры, искусства в формировании личности не случаен. На современном этапе развития общества формирование профессионалов, использующих народное декоративно-прикладное искусство в педагогической деятельности, — одна из центральных задач профессионального образования. Особенно важно включение потенциала народного декоративно-прикладного искусства в профессиональную деятельность художников-педагогов. В связи с этим, проектируя систему непрерывного художественного образования Республики Чувашия, необходимо остановиться на создании модели личностного становления художника-педагога, использующего потенциал народного декоративно-прикладного искусства (ДПИ) в профессиональной деятельности.

Модель личностного становления художника-педагога, использующего народное ДПИ в профессиональной деятельности, включает в себя профессионализм деятельности, профессионализм личности, нормативность деятельности и поведения, продуктивную Я-концепцию. Она представляется нами как процесс и результат преобразований личности, которые включают в себя взаимосвязанные прогрессивные изменения отмеченных компонентов.

Так, профессионализм деятельности включает профессионально-педагогическую компетентность, профессионально-педагогические навыки и умения, общие акмеологические инварианты профессионализма.

СМИРНОВА Наталья Борисовна, доцент кафедры дизайна Чувашского государственного педагогического университета, кандидат педагогических наук.

Профессиональная компетентность как интегральная характеристика деловых и личностных качеств художника-педагога отражает уровень знаний, умений, опыт, достаточные для осуществления цели профессионально-педагогической деятельности, а также его нравственную позицию и состоит из операционального, мотивационного и рефлексивного компонентов. В составе операционального компонента необходимо рассматривать владение системой знаний: теорией и историей народного искусства, определять его место и роль в мировой культуре; педагогическими технологиями, применяющимися при использовании потенциала народного ДПИ; технологическими приемами изготовления произведений различных видов народного ДПИ, алгоритмом выполнения предметов народного ДПИ; устройством станков и приспособлений, используемых в процессе изготовления отдельных предметов народного ДПИ.

Мотивационный компонент как часть мотивационной сферы личности определяется характером используемой системы психологических условий и средств включения потенциала народного ДПИ в педагогическую и профессионально-художественную деятельность. Это предполагает наличие понимания роли народного ДПИ в современной культуре, образовании, обществе; понимания необходимости использования народного ДПИ в художественно-творческой и педагогической деятельности в рамках сохранения эстетических начал прошлого родного народа.

Рефлексивный компонент включает самооценку и самоконтроль результатов профессионально-педагогической и творческой деятельности по использованию народного ДПИ. К нему относятся наличие поэтапного самоконтроля результатов педагогической и профессионально-творческой деятельности с использованием народного ДПИ; объективная самооценка результатов деятельности.

К профессиональным навыкам и умениям необходимо отнести глубокое овладение традиционными приемами работы по изготовлению изделий народного ДПИ; наличие навыков проектирования образцов народного ДПИ; наличие системы умений и навыков по применению изученных традиционных технологий в профессионально-педагогической и творческой деятельности в области ДПИ, народных

промыслов и художественных ремесел; использование современных технических средств в деятельности по конструированию и выполнению изделий с элементами народного ДПИ.

Составляющая подструктуры профессионализма (общие акмеологические инварианты профессионализма) предполагает наличие у художников-педагогов определенных качеств, позволяющих осуществлять прогноз, планировать результат профессиональной деятельности; принимать ответственные и эффективные решения; осуществлять самоконтроль и саморегуляцию на всех этапах деятельности; применять систему специальных умений и навыков по созданию предметов народного ДПИ.

Второй подсистемой модели личностного становления педагога-художника, использующего народное ДПИ, является профессионализм личности, содержащий ряд компонентов, а именно: развитие способностей личности, их обогащение; формирование профессионально важных качеств личности; акмеологические инварианты профессионализма.

Профессионализм личности формируется и совершенствуется в процессе развития способностей. Способности человека определяются диапазоном возможностей освоения новых знаний, их применением и творческим развитием, которые открывает освоение этих знаний[1]. Развитие способностей имеет оперативный характер, который может характеризоваться тонким приспособлением свойств личности к требованиям деятельности. К компонентам профессионализма личности художника-педагога мы относим также и профессионально важные качества личности — «индивидуальные качества субъекта деятельности, влияющие на эффективность деятельности и успешность ее освоения»[2]. Опираясь на исследования А. А. Деркача, В. Д. Шадрикова[3], к профессионально важным качествам личности художника-педагога следует отнести интегральные свойства личности (ощущение, восприятие, память, представление, воображение, мышление, внимание); психологические характеристики (эмоциональность, терпеливость); личностно-деловые качества личности (организованность, ответственность, дисциплинированность, инициативность, внимательность).

Заказ № 1305

Важной составляющей подсистемы профессионализма личности являются акмеологические инварианты профессионализма. К ним относятся способность к предвидению и прогнозированию; саморегуляции и принятию самостоятельных решений; раскрытие творческого потенциала личности через активизацию мотивов самосовершенствования и профессиональных достижений на основе использования народного ДПИ; развитие инновационного потенциала через использование народного ДПИ в новых качествах, освоение новых алгоритмов создания художественных объектов на основе традиционных; формирование мотивов профессиональных достижений и самореализации посредством опоры на потенциал народного ДПИ.

Третьим компонентом модели личностного становления художника-педагога стала подсистема *нормативности деятельности и поведения*. Эта подсистема — одна из важных составляющих модели, так как только сформированный педагог-художник ставит себя в рамки нормативной регуляции, побуждающей его придерживаться выработанных стандартов норм деятельности и поведения. К его компонентам относится мотивационный компонент (положительное отношение к использованию народного ДПИ в профессионально-педагогической и творческой деятельности; стремление к самовыражению и самореализации через использование народного ДПИ; вхождение в круг профессионально-нравственных установок по использованию потенциала народного ДПИ и формирование интереса его использования); когнитивный компонент (наличие знаний о профессионально-педагогической этике, представлений о нравственности и нравственных нормах); гностический компонент (владение способами и приемами, необходимыми для понимания смысла профессионально направленных нравственных норм и предписаний); регулятивный компонент (положительное отношение к коллегам и лицам, осуществляющим профессиональное взаимодействие, проявление обязательности и ответственности в процессе профессионально-педагогической деятельности); эмоционально-волевой компонент (способность к нравственному сопереживанию, способность чувствовать удовлетворение от творческого процесса, инициативность); оценочный компонент (способность

осуществлять нравственную самооценку своей профессионально-педагогической подготовки, результатов творческой деятельности и осуществляющихся при этом отношений).

Одним из важных компонентов модели личностного становления художника-педагога, использующего народное ДПИ в профессионально-педагогической и творческой деятельности, является подсистема *формирования продуктивной Я-концепции* — «устойчивой, осознанной и переживаемой как неповторимой системы представлений субъекта о самом себе, на основе чего он строит свои отношения и взаимодействия»[4]. В основе формирования продуктивной Я-концепции художника-педагога лежат такие компоненты: когнитивный (осознание образа своих качеств, специальных способностей, социальной значимости и др.); эмоционально-оценочный (самоуважение, самокритичность, себялюбие, самоуничтожение и др.); волевой (стремление завоевать уважение, быть понятым, повысить свой статус, скрыть свои недостатки и др.).

Представленная модель личностного становления художника-педагога, использующего народное декоративно-прикладное искусство в профессиональной деятельности, позволит выявить основные направления его становления в качестве субъекта профессиональной деятельности, сформировать специалиста, обладающего высокой квалификацией, зрелую личность, активного участника акме-процесса.

ПРИМЕЧАНИЯ

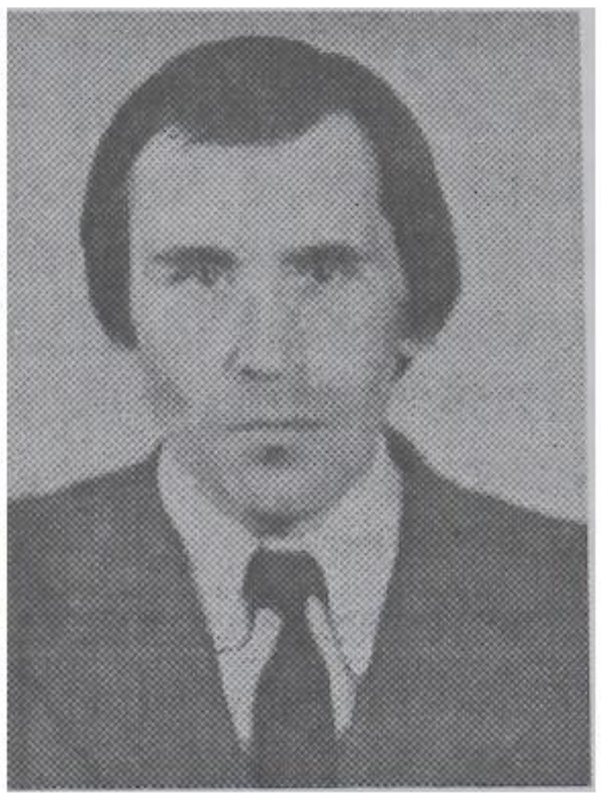
[1] См.: *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 136.

[2] *Шадриков В. Д.* Деятельность и способности. М., 2004. С. 349.

[3] См.: *Деркач А. А.* Акмеологические основы развития профессионала. М., 2004. С. 262; *Шадриков В. Д.* Указ. раб.

[4] *Москаленко О. В.* Развитие профессионального самосознания руководителей образовательных учреждений: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2000. С. 76.

Поступила 25.01.006.



И. В. ВЕРШИНИНА *М. А. ЯКУНЧЕВ*

НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЙ «ЗДОРОВЬЕ» И «ЦЕННОСТЬ ЗДОРОВЬЯ» В СТРУКТУРЕ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

Происходящие в современном российском обществе преобразования значительно изменили его социокультурную жизнедеятельность. Наблюдаются ухудшение качества жизни населения, отчуждение подрастающего поколения от институтов воспитания, изменение духовных ориентиров, а также падение его нравственных устоев. Эти и другие факторы оказали отрицательное воздействие на физическое, психическое, духовное здоровье людей и особенно школьников. В целом по России лишь 34 % детей здоровы. При этом среди детей школьного возраста абсолютно здоровыми признаны 10 % учащихся начальных классов и 3—5 % старшеклассников. Выяснено, что около 40 % детей страдают депрессиями, психозами, стрессами, социальными фобиями в разных проявлениях и поэтому нуждаются в постоянной психологической и психиатрической помощи[1]

ВЕРШИНИНА Инна Вячеславовна, соискатель кафедры педагогики Мордовского государственного педагогического института.

ЯКУНЧЕВ Михаил Александрович, заведующий кафедрой зоологии и экологии Мордовского государственного педагогического института, доктор педагогических наук, доцент.

В возникшей ситуации укрепление здоровья подрастающего поколения — одна из приоритетных национальных проблем. Особую значимость ее решение приобретает в общеобразовательной школе. Важно, чтобы в ней учащиеся получили адекватные представления о здоровье, здоровом образе жизни и основных способах его культивирования. При этом пристальное внимание должно обращаться на ценности жизни и здоровья, а также на их осмысление. Сохранение здоровья на основе признания его ценности и идеи ответственности каждого человека за свое здоровье перед обществом и общества перед человеком в настоящее время признается как новая социокультурная стратегия[2]. Высшие, или абсолютные ценности, включая здоровье, обладают неутилитарным характером. Они являются ценностями не потому, что служат для того или чего-либо иного, а напротив, все иное приобретает значимость лишь в контексте высших ценностей.

Приоритет формирования ценностей здоровья определяется и тем, что они выступают в качестве высших смыслов человеческой жизни и выполняют функцию регулятора поведения человека. Вместе с тем они охватывают все стороны человеческого бытия, а значит, включаются в ценности личности, семьи, общества и государства. Ценности здоровья имеют общечеловеческий характер, ибо они принимаются и развиваются всеми людьми в разные периоды общественно-исторических преобразований. Они пронизывают все другие виды ценностей, обогащая их и придавая деятельности людей эмоциональную окраску, а самое главное, гуманитарный и гуманистический смыслы.

В формировании здоровья и его ценностей у школьников особое значение имеет национально-региональный компонент (НРК) содержания учебного материала. Именно он может обеспечить потребности и интересы в изучении учащимися организма человека и его здоровья на основе гуманитарного и гуманистического отношений.

Анализ научно-педагогической литературы показал, что в ней нет однозначного определения понятия НРК образования. А. В. Даринский утверждает: «региональный компонент содержания образования — это часть общего образования, которая отражает географическое положение, ис-

торические судьбы народов, культурные традиции, природные условия и связанные с ними направления экономического развития и характер хозяйственной деятельности»[3]. По мнению Л. Ф. Греханкиной, национально-региональный компонент — это отражение в содержании образования особенностей своего региона: национальных — традиций, менталитета, культуры народа, а также региональных — исторических, природных, социальных, экономических и др.[4] По мнению Т. С. Буториной, национально-региональный компонент в образовании есть совокупность природных, экономических, экологических, историко-социокультурных, демографических, медицинских, этнопсихологических особенностей региона, отраженных в содержании образования и воспитания[5]. И. П. Малютин утверждает, что региональный компонент — составная часть содержания образования, учитывающая особенности народного хозяйства, экологии, природных ресурсов, опыт региона в различных сферах социально-экономической и общественной деятельности[6].

Анализируя содержание приведенных определений, можно сформулировать несколько выводов. НРК представляется как составная часть общего образования; существенными признаками понятия о НРК являются учет в содержании образования национального своеобразия и выделение региональной специфики, сформировавшейся на территории региона в течение длительного времени. Ключевыми словами и словосочетаниями, с помощью которых «наполнены» указанные признаки, являются культура, традиции народа, региональные особенности (природные, социальные, экономические, экологические, исторические и др.).

Таким образом, национально-региональный компонент — это составная часть содержания образования, которая отражает национальное и региональное своеобразие культуры, проявляющееся в языке, литературе, искусстве, религии, природопользовании, ценностях народной жизни, познании физико-географических, социально-экономических, историко-политических, экологических, демографических, медицинских особенностей региона, а также обеспечивает насущные потребности, удовлетворяет интересы, устойчивое развитие его народов.

В литературе, посвященной образованию, также нет однозначного определения НРК содержания учебного материала и понятия о ценностях здоровья. Ф. Ф. Харисов утверждает, что национально-региональная составляющая образования в области здоровья — это материал о специфических факторах и условиях (природных, экологических, исторических, культурных, социальных и медицинских), оказывающих существенное воздействие на состояние здоровья отдельного человека и группы людей[7]. Л. И. Сверлова представляет понятие о НРК как разнообразный материал о здравоохранительных, медицинских, специальных, экологических особенностях, проявляющихся в каждом конкретном регионе[8] По мнению Ф. Ф. Харисова, региональный компонент содержания образования в сфере здоровья устанавливается единством природных, социальных, медицинских, демографических и культурных факторов, развивается и обновляется по мере появления новых образовательных интересов и потребностей школьников, проживающих в определенной местности[9].

Эти формулировки нам представляются ценными, ибо они ориентированы на конкретизацию изучаемого школьниками материала о здоровье в контексте регионального содержания. Вместе с тем анализ приведенных определений позволяет сделать выводы: во-первых, содержательно они слабо связаны с определением, данным в Общей концепции федеральных компонентов государственного образовательного стандарта общего образования, который признается как нормативный документ, во-вторых, в них нет четкого выражения мысли о сути национальных и региональных особенностей, влияющих на состояние здоровья человека.

Учитывая изложенное, понятие о НРК содержания школьного образования в области здоровья можно выразить следующим образом: *НРК образования в области здоровья* — это составная часть образования, отражающая национальное и региональное своеобразие культуры отношения людей к здоровью, выраженное в виде социальных, экономических, экологических, биологических, медицинских, валеологических и культурологических знаний, оздоровительных способов действия, нравственных норм поведения, ценност-

ных ориентаций и народных традиций, усвоение которых способствует выживанию человека и устойчивому развитию общества.

В структуре представленного понятия имеются две смысловые единицы, которые можно выразить словосочетаниями «национально-культурная» и «регионально-культурная» составляющие содержания НРК школьного образования. Регионально-культурная составляющая НРК образования в области здоровья отражает специфические особенности региона как исторически эволюционирующей, компактной, полифункциональной структуры, характеризующейся многомерным пространственным составом. К этим особенностям относятся физико-географические (территориальное расположение, природно-климатические условия: режимы изменения температуры воздуха и колебания атмосферного давления, число теплых и холодных дней в году и др.); экономические (наличие природных и трудовых ресурсов, уровень экономического развития по сравнению с другими регионами, средний уровень заработной платы населения, качество жизни); социально-демографические (численность населения, его социальный и национальный состав, показатели рождаемости, смертности, изменения общей численности населения); политические (отношение власти к решению проблем сохранения здоровья населения, профилактики заболеваний, особенно инфекционных, укреплению здоровья детей, предупреждению инвалидности и др.); экологические (своеобразие функционирования системы «человек — общество — природа» в регионе, факторы, формирующие жизнепригодную среду и изменяющие здоровье человека, эндемические экологические явления, связанные со здоровьем); медицинские (уровень здравоохранения в регионе и финансовые вложения в эту сферу, организация системы профилактики сердечно-сосудистых, инфекционных и других заболеваний); физкультурно-оздоровительные (уровень организации физической культуры в регионе, оздоровительная работа среди школьников и учащейся молодежи).

Национально-культурная составляющая НРК содержания образования в области здоровья отражает культуру отношений народов к организму человека, его здоровью и

образу жизни. В этом контексте Г. Н. Волков считает, что эту культуру отношений можно рассматривать по нескольким аспектам, ведущими среди которых являются этнокультурный, этновалеологический и особенно этнопедагогический[10]. В. И. Козлов особое внимание обращает на этноэкологический аспект[11] Его изучение позволяет обобщенно представить школьникам специфику человека как социально-биологического существа, ведущую роль экологических факторов в его развитии, важность культуры как основного средства небиологической адаптации к среде обитания. Этноэкологический аспект содержания образования учитывает также важность этносов как естественных, исторически возникших общностей людей, этническую специфику культуры и бытовых традиций в процессах адаптации и жизнеобеспечения социальных групп. Понятие о жизнеобеспеченности в этом случае чрезвычайно важно, ибо оно выражает комплекс факторов, обусловливающих выживание, а также непрерывное и длительное существование этносов. По мнению В. И. Козлова, «жизнеобеспечение — это процесс удовлетворения жизненно важных материальных и духовных потребностей индивида или группы путем адаптации к природной и социально-культурной среде обитания для обеспечения воспроизводства людей и их сообществ»[12]

Основным механизмом небиологической адаптации является трудовая деятельность и связанные с ней виды материальной культуры (жилище, одежда, пища, орудия труда и др.), посредством которой люди не только приспосабливались к той или иной природной среде, но и преобразовывали ее, превращая в среду социокультурную. В систему жизнеобеспечения входят и различные виды духовной культуры. Из них можно выделить те, которые непосредственно участвуют в жизнеобеспечении этносов: опыт традиционного природопользования, народные способы сохранения здоровья, обычаи воспитания полноценного нового поколения и др., а также участвуют в жизнеобеспечении опосредованно: общепринятые правила, религиозные установки, обряды и т. п.[13]

Таким образом, включение в структуру НРК содержания образования в области здоровья различных этнических аспектов может служить одним из мощных каналов станов-

ления личности школьников. «Региональная специфика, культурное и этническое своеобразие — однопорядковые явления в том смысле, что непосредственно влияют на формирование личности в процессе социализации и адаптации к объективным условиям ее существования. Врожденные этнические признаки — лишь повод к включению ребенка в определенную социокультурную среду, возможность формирования собственного образа как представителя нации, это почва для выстраивания определенных общественных отношений», — справедливо утверждают П. Р. Атутов и М. М. Будаева[14].

Учитывая вышеизложенное, этнический аспект НРК содержания образования в области здоровья можно представить в нескольких составляющих. *Этнокультурная составляющая* — общее представление о прошлых и современных достижениях в сохранении здоровья у одного или нескольких этносов, проживающих в регионе (культура жилища, питания, сохранения природы, труда, отношений между людьми). *Этномедицинская* — представления о профилактике и лечении различных заболеваний при использовании физио- и психотерапевтических, хирургических, а также биологических средств и методов. *Этновалеологическая* — представления об образе жизни этносов, различных способов оптимального выживания и жизнеобеспечения в сформировавшихся природных, социокультурных и социальных условиях. *Этноэкологическая* — представления о совокупности взаимодействий этносов с факторами и условиями среды жизни для обеспечения себя жильем, продуктами питания, одеждой, природными ресурсами, отображение воздействия экологических факторов на здоровье этносов. *Этногигиеническая* — представления о совокупности условий сохранения здоровья, а также системы мер, направленных на поддержание чистоты тела и жилища, соблюдение технологии приготовления пищи и напитков, предупреждение различных заболеваний. *Этнорелигиозная* — представления о совокупности мистических образов (божеств, богов), управляющих миром в целом, умственными, эмоциональными и практическими действиями человека, в частности, направленными на веру, включая веру в выздоровление, освобождение от вредных привычек.

Этнопедагогическая — представления о воспитании новых поколений людей на основе культурных традиций народа, включая традиции сохранения здоровья и ведения здорового образа жизни.

Обозначенные аспекты НРК в сфере здоровья школьников, на наш взгляд, необходимо рассматривать в контексте ценностей здоровья. Поэтому для раскрытия смысла ценности здоровья мы выделяем биологические, социальные, экономические, эстетические, этические и этнические аспекты: биологическая ценность проявляется в генетической полноценности человека, этносов и общества; социальная — в нормальном функционировании социумов, этносов и общества при наличии признаков физического, психического и духовного здоровья; экономическая — здоровье как гарант производственных отношений в государстве, выживания людей, этносов; эстетическая — здоровье как фактор, определяющий внешнюю и внутреннюю красоту человека; этическая — здоровье как фактор нравственного поведения человека, социумов и этносов; этническая — здоровье как фактор устойчивости популяций у различных этносов.

Итак, целенаправленное формирование здоровья будущих поколений российских граждан мы связываем с осмыслением понятий «здоровье» и «ценность здоровья». Это комплексные и междисциплинарные умозаключения. Их содержание, усиленное положениями о национальных и региональных особенностях территории проживания, составляет основу создания системы формирования ценностей здоровья и здорового образа жизни у школьников.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Государственный доклад «О санитарно-эпидемиологической обстановке в России в 2002 году». М., 2003.

[2] См.: *Вайнер Э. Н.* Валеология: Учебник для вузов. М., 2002; *Казначеев В. П.* Здоровье нации — феномен экологии XXI века // Материалы I Всерос. форума «III тысячелетие. Пути к здоровью нации», Москва, 15—17 мая 2001 г. М., 2001. С. 160—163.

[3] *Даринский А. В.* Региональный компонент содержания образования // Педагогика. 1996. № 1. С. 18—20.

[4] См.: *Греханкина Л. Ф.* Региональный компонент содержания учебного предмета в системе непрерывного образования учителей географии: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1996. С. 16.

[5] См.: *Буторина Т. С.* Национально-региональный компонент в образовании (для школ Архангельской области). Архангельск, 1994. С. 81.

[6] См.: *Малютин И. П.* О новой концепции национального образования в Республике Башкортостан // Регионология. 1999. № 3. С. 108—114.

[7] См.: *Харисов Ф. Ф.* Образование и здоровье. М., 2003.

[8] См.: *Сверлова Л. И.* Экология. Программа курса и методические материалы для учителей средних общеобразовательных учебных заведений (по непрерывному экологическому образованию в 5—11 классах). Хабаровск, 1996.

[9] См.: *Харисов Ф. Ф.* Указ. раб.

[10] См.: *Волков Г. Н.* Этнопедагогика. М., 2001.

[11] См.: *Козлов В. И.* Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты // Этническая экология: теория и практика / АН СССР. Ин-т экологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1991. С. 14—42.

[12] Там же.

[13] См.: *Конаков Н. Д.* Этноэкология народов коми // Финно-угорский мир: состояние природы и региональная стратегия защиты окружающей среды: Материалы Междунар. конф. Сыктывкар, 2000. С. 145—158.

[14] См.: *Атутов П. Р., Будаева М. М.* Методологические проблемы национально-регионального образования // Педагогика. 2001. № 2. С. 25—32.

[15] См.: *Шилов М. П.* Приобщение детей и подростков к народным здравоохранительным традициям. Н. Новгород, 1996.

Поступила 15.06.06.

Г. А. КУРШЕВА

ЛИКВИДАЦИЯ НЕГРАМОТНОСТИ В РЕГИОНЕ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Историческое развитие XX в. характеризуется бурными модернизационными процессами. Значительные успехи были продемонстрированы социалистической моделью развития. Молодые государства, возникшие в середине XX в. в результате распада колониальных империй, столкнулись с проблемой выбора моделей развития. Экологические последствия колоссального роста производительных сил заставили существенно откорректировать ориентиры дальнейшей эволюции. Конец XX в. ознаменовался новыми трансформациями, в результате которых изменился мировой порядок, бывшие страны социалистического лагеря переосмыслили перспективы своего дальнейшего развития.

В определениях термина «модернизация» обращает на себя внимание многовариантность[1]. Исследователи подчеркивают особую роль государства в проведении модернизации в России, пишут об имперской модели, существовавшей под иными лозунгами в Советском Союзе. При этом модернизация выступала как коренная ломка всего социального и культурного уклада, процесс, потрясший все основы жизни.

Характерной чертой советского этапа модернизации является ее двойственность по отношению к Западу. Преобразования советских времен, с одной стороны, были направлены на то, чтобы «догнать и перегнать» развитые капиталистические страны в экономической сфере, с другой — все эти годы велась идеологическая кампания, предрекавшая скорый и окончательный крах капитализма.

Советская модернизация имеет консервативный имперский характер, она внутренне противоречива, поэтому,

---

КУРШЕВА Галина Александровна, заместитель директора по научной работе Института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, кандидат педагогических наук, доцент.

несмотря на определенные достижения, не завершена. Причины тому следует искать в состоянии российского общества начала XX в., которое было расколото на две части: одна защищала старый мир, другая была готова к его штурму. Именно это обусловило то, что советская модернизация более или менее успешно решила индустриальные проблемы, но не смогла создать новых социальных механизмов (гражданское общество, рыночная экономика, политическая демократия). Существенными факторами, повлиявшими на незавершенность модернизации в Советском Союзе, были его территориальная неоднородность, естественные для подобных территорий диспропорции развития и образа жизни различных ее частей. В конечном счете модернизация сыграла свою роль в распаде страны. «Консервативный характер советской модернизации ограничил возможности роста центростремительных сил и связанного с ними федерализма и, напротив, создал благоприятные предпосылки для укрепления центробежных сил, национализма и сепаратизма»[2]

30-е гг. XX в. вошли в историю России как годы ускоренной модернизации страны, в ходе которой, помимо чисто экономических критериев, огромную роль играли политические реалии, при этом факторы внешнего «раздражения» — доминирующую роль. И. В. Сталин отмечал: «Нельзя не подгонять страну, которая отстала на сто лет и которой угрожает из-за ее отсталости смертельная опасность. Только таким образом можно было дать стране возможность наскоро перевооружиться на базе новой техники и выйти, наконец, на широкую дорогу»[3]

Составной частью форсированной реконструкции советского общества является ликвидация культурной отсталости народов многонациональной страны, в том числе в Мордовии. Попытки ее решения предпринимались уже в первые годы установления советской власти. Однако по-настоящему к ликвидации культурной отсталости народов Советское государство смогло приступить только в 30-е гг. XX в.

Первостепенное внимание в рассматриваемый период уделялось преодолению неграмотности. Было издано несколько постановлений ЦИК и СНК СССР, направленных на

активизацию работы по обучению неграмотных и малограмотных. 18 января 1936 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О завершении ликвидации неграмотности среди трудящихся в возрасте от 16 до 50 лет». В нем были отмечены некоторые успехи, но главным образом указывалось на продолжающееся бездействие культурно-просветительских учреждений, партийных, советских, профсоюзных организаций краев, областей и республик по ликвидации неграмотности. ЦК ВКП(б) и Правительство СССР поставили задачу перед организациями, участвующими в ликвидации неграмотности, решить проблему в конце 1937 г.

В соответствии с этими жесткими установками в Мордовии прошли республиканские совещания культурно-просветительских работников, собрания рабочих и служащих предприятий, учреждений, совхозов, МТС с повесткой дня о ликвидации неграмотности. Повсеместно проводился учет неграмотных, определялось количество культармейцев для этой работы, помещений для занятий, учебных принадлежностей. Был утвержден план, согласно которому завершение ликвидации неграмотности и малограмотности в республике было намечено к концу 1937 г.

Партийное и советское руководство Мордовии решило также во всех горсоветах, райисполкомах и сельсоветах организовать специальные секции по ликвидации неграмотности и малограмотности. Однако реализовать это решение на местах удалось не везде. Так, в 1938 г. из 609 сельских советов секции были созданы в 199, из них работали 150, а остальные существовали только на бумаге. Однако были и определенные успехи.

Вместе с тем в процессе ликвидации неграмотности и малограмотности Мордовия отставала в темпах и результатах от средних показателей по РСФСР. Так, Н. К. Крупская в своем письме первому секретарю мордовского обкома ВКП(б) И. А. Кузнецову и председателю Совнаркома МАССР В. В. Верендякину отмечала, что в республике срывался последний срок завершения ликвидации неграмотности и малограмотности — 1 мая 1939 г. Среди причин этого срыва Н. К. Крупская назвала слабую работу Наркомпроса, районо, отсутствие со стороны райкомов партии и риков необходимого внимания к этому важнейшему и трудному участку работы.

Состояние общеобразовательной школы Мордовии было весьма тяжелым. Особой проблемой были школьные помещения. Даже в г. Саранске в 1937/38 учебном году необходимо было срочно заменить ряд школьных зданий, совершенно непригодных к дальнейшему использованию. Причем одна из школ в промышленном районе Саранска размещалась в бывшей конюшне пригородного совхоза[4]. Между тем Госплан РСФСР планировал в 1938 г. строительство всего одной школы в Саранске на 400 мест и одной сельской на 400 мест общей площадью 8,0 тыс. м². Партийное и советское руководство Мордовии сообщало секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву и председателю СНК РСФСР Н. А. Булганину, что это крайне недостаточно. В Саранске срочно необходимо строить несколько школ общей площадью 20,0 тыс. м², в сельской местности — 201,6[5]. Обком ВКП(б) и СНК Мордовской АССР также сообщали в Москву, что школы республики недопустимо перегружены. В Саранске на один класс приходится до 53 учеников. В Рузаевке всего 5 школ, и все они работают в две смены. Из общего контингента учащихся Мордовии (221,2 тыс. чел.) 36,4 тыс. занимаются во вторую смену[6] Ставился вопрос о дополнительных ассигнованиях, отмечалось, что Мордовский обком ВКП(б) и СНК Мордовской АССР настаивают на этом[7]

Это была достаточно рискованная и несколько дерзкая постановка вопроса, т. к. в стране и в Мордовии нарастала волна репрессий, в ходе которых нетерпимо относились к тем, кто «настаивает». Кроме того, бюджет на народное просвещение и так неуклонно рос и за десятилетие увеличился в 17,6 раза[8]

Процессы модернизации приобретали своеобразие, неповторимость, обусловленные временем и местом их протекания: географического положения региона, его исторического наследия, уровня социально-экономического, политического и культурного развития, национального менталитета и т. д. Это особенно значимо для России, всегда характеризовавшейся существенной вариативностью исторической динамики составляющих ее регионов и социокультурных «ниш». Неравномерность регионального развития обусловливает специфику пространственных эффектов, связанных с осуществлением политики модернизации. Концент-

рация и деконцентрация (дисперсия) производства во многом являются следствием модернизационных стратегий, нацеленных на достижение максимального социально-экономического эффекта в ограниченных масштабах. Иногда высказывается мысль о том, что революционные по своему значению технологические и научные инновации могут приобретать зримые и достаточно быстрые экономические результаты лишь в небольших по размерам территории странах или вообще в масштабе отдельных городских агломераций. В связи с этим степень незавершенности модернизации, характерная для всего советского общества конца XX в., была неодинаковой у разных его частей, ибо неодинаковым было преобразующее воздействие на них индустриализации, урбанизации, демографической или культурной революций и многих других инновационных процессов. Советское общество как нечто целостное было, до известной степени, мифом. На деле оно состояло из множества субобществ, пребывавших в разных временных пространствах, в различных исторических эпохах и к тому же территориально локализованных.

Территориальные импликации политики модернизации, служившей инструментом ускоренного преодоления экономической, социальной и культурной отсталости страны, носили на всем протяжении российской истории неравномерный, «маятниковый» характер. Как правило, расширение участия государства в реализации политики территориального размещения производительных сил могло происходить в основном за счет ослабления роли рыночных регуляторов развития экономики, нарушения базовых соотношений между затратами и результатами. В долговременной исторической перспективе необходимая мера «рассеяния» индустриального потенциала создавала предпосылки расширения общего территориального базиса развития общества, но краткосрочные эффекты такой политики страдали отсутствием экономической рациональности, усиливая механизмы блокирования технологического и социального прогресса. В условиях модернизации новые районы стали втягиваться в переход к промышленно-городскому обществу, а так как и исходные уровни развития, и скорости движения у них были разными, к межрегиональным или

Заказ № 1305

межэтническим различиям, существовавшим всегда, добавились новые, связанные с разной степенью продвинутости по пути модернизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Вебер М.* Протестанская этика и дух капитализма // Избр. произведения. М., 1990. С. 61—272; *Цапф В.* Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социс. 1998. № 8. С. 14—26; *Black C.* The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History. N.Y., 1975; *Eisenstadt S. N.* Modernization: Protest and Change. Prentice-Hall, 1966; *Алексеев В. В., Алексеева Е. В.* Распад СССР в контексте теории модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5; *Vago S.* Social Change. Prentice-Hall, 1989; *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003; *Apter D. E.* Political Systems and Developmental Change // Comparative Politics: A Reader / Ed. By H. Eckstein, D. E. Apter. Glencoe, 1963; *Красильщиков В. А.* Вдогонку за уходящим веком: развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998; *Lerner D.* The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. N.Y.; L., 1965; *Therborn G.* European Modernity and Beyond: The Trajectory of European Societies, 1945—2000. L., 1995; *Федотова В. Г.* Модернизация «другой» Европы. М., 1997; *Eisenstadt S. N.* Introduction: Historical Traditions, Modernization and Development // Patterns of Modernity. Vol. 1. L., 1987; Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 3—39; Опыт российских модернизаций XVIII—XX веков. М., 2000.

[2] *Вишневский А. Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 419.

[3] *Сталин И. В.* Объединенный Пленум ЦК и ЦК ВКП(б). 7—12 января 1933 г. Итоги первой пятилетки. Доклад 7 января 1933 г. // Соч. Т. 13. М., 1951. С. 183.

[4] ЦГА РМ, ф. 269, оп. 2, д. 309, л. 2.

[5] Там же, л. 1.

[6] Там же.

[7] Там же, л. 2.

[8] ЦГА РМ, ф. 269, оп. 2, д. 295, л. 6; Советская Мордовия: Стат.-экон. очерк. Саранск, 1940. С. 56.

Поступила 19.05.06.

В. А. КИЖЕВАТОВА

СРЕДНИЙ КЛАСС КАК РЕСУРС ВОСПРОИЗВОДСТВА ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБЩЕСТВА

Величайшим благополучием для государства является то, чтобы его граждане обладали собственностью средней, но достаточной.

Аристотель

Реформирование российского общества невозможно без экономически сильных регионов. Проводя социально-экономические реформы, необходимо разрабатывать и реализовывать программы по улучшению уровня и качества жизни населения, т. е. по развитию человеческого капитала. По оценкам Всемирного банка, в середине 1990-х гг. 64 % мирового богатства составлял человеческий капитал, 21 — физический капитал, 15 % — природные ресурсы. В США, Китае, Германии, Великобритании на долю человеческих ресурсов приходится 75—80 % национального богатства, тогда как в России — лишь 50 %[1]

Переход к рыночной экономике в России вызвал изменения социальной структуры, выразившиеся в значительной поляризации общества по уровню жизни и другим признакам жизнеобеспеченности. Сегодня социальная структура российского общества продолжает изменяться и характеризуется крайней неустойчивостью, идет процесс «размывания» социальных групп, сложившихся к моменту начала реформ, и одновременно происходит становление ряда новых общественных страт.

Средний класс как новое явление для российского общества вызывает интерес в научной среде. К настоящему

КИЖЕВАТОВА Валентина Александровна, доцент кафедры социологии и политологии Ульяновского государственного университета, кандидат социологических наук.

времени сформировалось несколько подходов к выделению среднего класса. Дополнительную трудность представляет теневой характер российской экономики, не позволяющий в полной мере полагаться на один из важнейших критериев, выделяемых западными исследователями, — определение среднего класса по уровню среднедушевого дохода. Научное осмысление концепций среднего класса, а также описание наиболее эффективных и продуктивных концепций по его выделению в России становится темой научных исследований многих российских ученых. Однако данную проблему нельзя считать окончательно разработанной из-за множества подходов в определении приоритетности критериев. Это подтверждает и разброс оценок различных исследователей, показывающих, что от 7 до 70 % российского населения принадлежат к среднему классу.

В условиях перехода к рыночной экономике важное значение приобретает как само существование среднего класса, его масштабы и стабильность, так и эффективность выполнения присущих ему социальных функций. Появление мощного среднего класса, осуществляющего функции экономического донора и стабилизатора общества, многие исследователи рассматривают в качестве критерия эффективности реформ и залога социальной, экономической и политической стабильности. В силу высокой социально-экономической активности по материальным, образовательным, квалификационным признакам он — еще и основа формирования качественного трудового потенциала.

Отечественные исследователи среднего класса считают, что при его изучении и выделении можно применить интегральные показатели: материально-имущественный капитал (уровень дохода и имущественная обеспеченность и др.); образовательный капитал (уровень образования; профессионально-квалификационный и должностной статус и др.); самоидентификацию (самооценка адаптации к современным условиям жизни); соотнесение своего уровня жизни с другими и др.

Экспертный опрос домохозяйств, проведенный в 2005 г. в г. Ульяновске, показал, что лишь 6 % населения по среднедушевому доходу можно отнести к российскому среднему классу (среднедушевой доход составляет 6—10 тыс. руб.).

Однако статистика не отражает истинного положения имущественного состояния, т. к., по разным источникам, от 40 до 80 % доходов в России не учтены статистикой. Поэтому характеристики уровня и качества жизни населения были изучены по другим показателям.

В качестве показателя материально-имущественной обеспеченности рассматривалось наличие сбережений, или остаток и размер средств после ежемесячных трат. Так, 64,6 % домохозяйств заявили, что у них не остаются деньги после ежемесячных расходов, имеют сбережения лишь 35,4 % домохозяйств. В среднем остаток средств составил 2,7 тыс. руб. (от 150 руб. до 20 тыс. руб.). Наиболее часто в качестве суммы остатка после ежемесячных трат называлась 1 тыс. руб.

Рассматривалась обеспеченность домохозяйств движимым имуществом, которая признается важной характеристикой уровня жизни. При этом учитывалось владение распространенными и «инновационными» предметами длительного пользования и автомобилем.

Владение автомобилем рассматривается как важное свидетельство отнесения к среднему слою по материально-имущественным показателям. Так, легковым автомобилем обладает менее трети опрошенных домохозяйств. В России один телефон приходится примерно на 5 чел., а в странах ЕС — 2 телефонных аппарата на троих (Швеция, Германия) или примерно один телефон на двоих. По автомобилям в России за последнее десятилетие отмечен существенный прогресс: в настоящее время личным транспортом обеспечено до 2/5 семей (37 из 100), что соответствует уровню Венгрии и Болгарии, но уступает развитым странам ЕС в 2,5—3 раза. По обеспеченности радиоприемными устройствами Россия отстает от сопоставляемых стран в 2—2,4 раза, по телевизорам находится на уровне Швеции и отстает от Франции и Чехии в 1,3 раза. По обеспеченности холодильниками и морозильными камерами Россия уступает развитым странам по меньшей мере в 1,5 раза[2].

Анализировались необходимость и степень экономии, которые тесно связаны с материальной обеспеченностью социальных групп. Так, чем ниже ступень на лестнице

доходов, тем на большем количестве потребностей приходится экономить.

По данным исследования, лишь 2,1 % домохозяйств не экономят. Практически все домохозяйства экономят «на расходах на кино, театр, культурные развлечения» — 47,9 %; «на покупке одежды/обуви» — 45,8; «на всем» — 37,5 % и т. д. Среди бедных — массовая экономия на одежде, отдыхе, питании. Средний класс начинается там, где прекращается экономия на продуктах питания, покупке остро необходимых предметов домашнего обихода и приеме гостей или родственников. С другой стороны, экономия на покупке одежды и обуви, отдыхе, проведении отпуска обычна для российского среднего класса. Самые бедные часто вынуждены экономить на необходимых, жизненно важных расходах (питании, одежде, лечении, воспитании и обучении детей), а от некоторых предметов, услуг и видов деятельности полностью отказываются (платные услуги, полноценный отдых, досуг). В структуре расходов домохозяйств преобладают затраты на питание, что является показателем их материального неблагополучия. Процент семейного бюджета, ежемесячно «уходящий» на питание, составляет в основном от 1/3 до 2/3 семейного бюджета. Очевидно, что по сравнению с западными средними классами это недопустимо много, где данный показатель составляет 16—33 %.

Развитие сектора услуг — показатель степени зрелости индустриального общества. Платные услуги широкого спектра доступны, как правило, верхнему слою среднего класса. Только платными медицинскими услугами пользуется существенно больше половины населения. Что касается остальных видов платных услуг, то их использование определяется, помимо материальных возможностей, составом семьи (наличие детей соответствующего возраста), состоянием здоровья, уровнем образования.

Самоидентификация — один из базовых стратификационных критериев. Стоит отметить, что в общественном сознании еще не выработалось общепризнанных критериев имущественного расслоения и соотнесения себя с определенной стратой.

При рассмотрении данных о среднедушевом доходе с самооценкой положения своего домохозяйства были полу-

чены следующие результаты: к *«богатым»* ни одно домохозяйство себя не отнесло; *«выше среднего»* (2,1 %) свой уровень жизни оценивают респонденты, чей среднедушевой доход домохозяйства составил от 6 до 10 тыс. руб. в месяц; *«средними»* (45,8 %) посчитали себя две категории домохозяйств: имеющие доход от 3 до 4,5 тыс. руб. (29,2 %) и от 4,5 тыс. руб. (14,6 %); *«ниже среднего»* (43,7 %) оценили свой уровень жизни три категории семей: с доходами от 3 до 4,5 тыс. руб. (37,4 %); ниже 2 тыс. руб. (8,4 %); от 4,5 до 6 тыс. руб. в месяц (2,1 %); *«бедными»* (8,3 %) посчитали себя две категории домохозяйств: имеющие доход до 2 тыс. руб. в месяц на человека (6,3 %); от 4,5 до 6 тыс. руб. (2,1 %).

Исследование зафиксировало следующую самооценку домохозяйствами своего финансового положения: «живем без материальных забот» — 4,2 % (среднедушевой месячный доход — от 6 тыс. руб.); «живем более или менее прилично» — 52,1 % (20,1 % респондентов с доходом до 3 тыс. руб. на человека в месяц; 18,7 % — до 4,5 тыс. руб.; 8,3 % респондентов — выше 4,5 тыс. руб. в месяц на человека). 4,2 % опрошенных оценивают свое финансовое положение как достойное, они имеют доход до 2 тыс. руб. на человека в месяц. Едва сводят «концы с концами» 33,3 % респондентов и живут за гранью бедности 6,3 %.

Обеспеченность жизненными благами ниже нормы, принятой в обществе, рассматривается как малообеспеченность. С какого уровня доходов начинается богатство? А где «черта бедности»?

По мнению респондентов, в Ульяновске средний уровень начинается от 2—30 тыс. руб., а в России от 3—50 тыс. руб. По мнению опрошенных, богатство начинается в Ульяновске с 4—100 тыс. руб., в России — с 5,5—250 тыс. руб. Доход от 0,5—500 руб. в Ульяновске обозначен чертой бедности, в России — от 1—10 тыс. руб. Субъективное представление о доходе в категории «средний» для Ульяновска составляет от 2 до 30 тыс. руб., и это представление зависит от дохода самих домохозяйств, их окружения и др.

Весьма различна стоимость жизни в регионах. Так, если 2 тыс. руб. в Москве — скромный достаток, то в Ульяновске — терпимый уровень жизни. Надо учесть и то, что в России еще значительным остается масштаб социальных

трансфертов, которые получают все слои населения независимо от уровня дохода.

Сопоставление оценки уровня жизни и финансового положения с заявленными доходами показывает, что малообеспеченные, но обладающие высоким образовательным или профессиональным статусом, стремятся отнести себя к более высокой социальной ступени, чем позволяет формально их доход. Это может говорить о том, что образованные пока еще не научились зарабатывать.

Результаты социологического исследования позволили нам в общих чертах нарисовать портрет представителя среднего слоя в провинции, что предполагает наличие высокооплачиваемой и престижной работы; стабильного заработка (от 5 до 10 тыс. руб.), позволяющего совершать крупные покупки и свободно проводить отпуск; собственного жилья и личного автомобиля. Под этот критерий подходит 6 % домохозяйств.

Материальные блага в первую очередь становятся важнейшими генераторами социального неравенства. Они, с одной стороны, удовлетворяют необходимые жизненные потребности в питании, одежде, жилье и т. п., а с другой — их можно обменять на власть и другие блага.

В силу сравнительно невысокого жизненного уровня население провинции располагает низкими жизненными шансами на рынке труда и потребления.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2004 года / Под общ. ред. С. Н. Бобылева. М., 2004. С. 51, 107.

[2] См.: *Мстиславский П. С.* Социальные параметры России в сопоставлении с европейскими странами // Уровень жизни населения регионов России. 2003. № 2. С. 35—36.

Поступила 13.10.06.

Л. Д. ЕРОХИНА

ТЕНДЕНЦИИ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ РОССИИ

По состоянию на 1 января 1991 г., максимальная численность жителей на Дальнем Востоке составляла 8 056,6 тыс. чел.[1] С этого времени Дальневосточный федеральный округ (ДФО) стабильно теряет человеческий ресурс. Уже более 10 лет продолжается процесс депопуляции региона. По прогнозу, к 2010 г. численность жителей в Дальневосточном регионе может составить 4,3 млн чел. Однако уже сегодня в ДФО следует позаботиться о создании 2,4 млн рабочих мест, привлечь работников, дать им жилье, социальные гарантии, платить достойную заработную плату. Власти краев и областей Дальневосточного региона, испытывая недостаток в рабочей силе, в большинстве не могут определиться, нужно ли и можно ли приглашать на территорию края требуемую численность иностранцев, либо же это недопустимо по соображениям национальной безопасности.

По-видимому, решая тактические задачи подъема экономики ДФО, следует пойти на привлечение в регион иностранной рабочей силы в размере около 20 % от имеющихся в наличии трудовых ресурсов. Эту проблему можно решить за счет перераспределения квот. Так, в связи с необходимостью привлечения трудовой силы в экономику в 2005 г. администрацией Приморского края утверждены квоты на выдачу иностранным гражданам 15 тыс. приглашений на въезд для осуществления трудовой деятельности.

В 2004 г. органами службы занятости края зарегистрировано 65 340 свободных рабочих мест, в том числе в

ЕРОХИНА Людмила Дмитриевна, заведующая кафедрой философии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, кандидат философских наук, профессор.

промышленности — 10 103, сельском хозяйстве — 2 198, строительстве — 5 490, торговле и общественном питании — 7 528, жилищно-коммунальном хозяйстве и бытовом обслуживании — 4 061. Среди заявленных вакансий доминирует спрос на рабочие профессии (52 305, или 80,1 %)[2]. Наиболее емкими по количеству свободных рабочих мест являются предприятия г. Владивостока (25 453), на долю которых приходится 39 % общего количества заявленных вакансий, а также Уссурийска (7 735), Находки (2 819), Спасска-Дальнего (1 512), Партизанска (1 513). В сельской местности сосредоточено 21,3 % общего количества заявленных вакансий. В этой ситуации заполняемость рабочих мест иностранными рабочими выглядит как частичное решение проблем экономики края. Недостаток должного количества квот вызван, по словам представителей администрации Приморского края, тем, что до сих пор отсутствует стратегия развития ДФО. В то же время заполняемость рабочих мест в таких областях региона, как Республика Саха (Якутия), Камчатка и Чукотка, осуществляется на 90 % и менее. Например, от установленной Правительством РФ квоты на 3 066 иностранных рабочих на Чукотке выбрано лишь 1 189 чел.[3]

Постепенно все больше специалистов, хозяйственников и политиков склоняются к мысли, что использования дешевой рабочей силы в любом случае не избежать. Но пока администрация решает вопросы квот, иностранные рабочие продолжают прибывать в Дальневосточный регион. По данным, озвученным сотрудниками УВД Приморского края, 11,5 % всех мигрантов, находящихся на территории России, работают на Дальнем Востоке. Темпы прироста мигрантов прогрессируют. Если в 2000 г. численность мигрантов по Дальнему Востоку составляла 25 тыс., то в 2005 — 39 тыс.[4] По демографическому составу около 90 % из них — мужчины. От всей численности гастарбайтеров 70 % работают в строительстве, сельском хозяйстве и промышленности[5]

Устойчивая трудовая миграция в Дальневосточный регион за несколько последних десятилетий привела к относительно новому экономическому явлению, связанному с сегментацией рынка труда и выделением видов работ, которыми преимущественно заняты мигранты. Например, граж-

дане из КНДР и Южной Кореи работают в основном по строительным специальностям, в бизнесе, на лесозаготовках. По оценкам экспертов, численность корейских мигрантов в России, сохраняющих иностранное гражданство, составляет около 50 тыс. чел., в том числе около 35—40 тыс. на Дальнем Востоке России (в Приморье и Приамурье).

Важную организующую роль в миграции корейцев, в том числе нелегальной, играют религиозные миссионерские организации. Они контролируют значительную часть мелкого бизнеса и активно пытаются вовлечь в сферу своей деятельности миграционные потоки корейцев из других стран, прежде всего из среднеазиатских республик.

Мигранты из Вьетнама заняты продажей товаров народного потребления вьетнамского производства и перепродажей китайского товара, активно занимаются скупкой-продажей иностранной валюты.

Китайские граждане в основном задействованы в торговле, бытовом обслуживании, общественном питании, гостиничном бизнесе, а также в пищевом производстве, игорном, туристическом бизнесе, деревообработке, сельском хозяйстве, строительстве, оптовой торговле и судоремонте. Работают они и в швейном производстве на предприятиях с южнокорейским капиталом. По некоторым официальным оценкам, их численность в России составляет около 400 тыс. чел.[6]

Рабочие из Центрально-Азиатских республик пополняют вторичный рынок и неквалифицированного труда, обычно полулегального, с тяжелыми условиями и низкой оплатой.

Выходцы из Кавказа и Закавказья освоили рынки в качестве держателей овощных и продуктовых киосков, имеют сеть продуктовых магазинов в городах Дальнего Востока, а в последнее время активно занимают «ниши» владельцев городской транспортной системы.

Основную рабочую силу для нефте-, газо- и золотодобывающей отраслей составляют выходцы из Украины, Белоруссии, Молдовы, так же как и для сферы образования и здравоохранения (машинисты бульдозеров, слесари, токари, водители, горнорабочие, плотники, инженеры, повара, сантехники, учителя, врачи, средний медперсонал). Высока их численность на Сахалине, в Чукотском АО. Руководите-

ли службы занятости населения Сахалинской области отмечают, что иностранцы в этот регион прибывают на работу по программам добычи нефти и газа на шельфе острова, где общее число занятых выросло до 11 тыс. чел.

Немногочисленную группу иностранцев составляют высококвалифицированные специалисты из высокоразвитых стран (Нидерланды, США, Германия, Турция и др.), работающие в сфере образования, разработки промышленных ресурсов.

Уровень заработной платы неквалифицированных иностранных работников невелик, поэтому те вакансии, на которые они трудоустраиваются, для россиян непривлекательны. Так, например, в одном из фермерских хозяйств заработная плата китайского рабочего составляет 1 200 руб. в месяц. В строительной отрасли иностранные рабочие из КНР и КНДР получают в основном работы, не пользующиеся спросом у российских граждан, и, следовательно, они не лишают их занятости. В некоторых случаях необходимость иностранных специалистов в этой отрасли диктуется недостатком местных высококвалифицированных кадров. При низкой заработной плате они готовы работать в любых условиях, выполняя работы в сжатые сроки.

Несмотря на внушительный масштаб миграции, официально доля иностранной рабочей силы в ДФО не велика. Можно предположить, что большая часть иностранных рабочих не отражена в официальной статистике и является нелегальной. При этом численность нелегальных мигрантов возрастает. Только на территории Приморского края численность мигрантов из дальнего зарубежья (КНР, Вьетнам, Корея) увеличилась в 1,5 раза, а из СНГ — в 12 раз.

Нелегальные потоки мигрантов формируются стихийно и не регулируются государством. Иностранцы въезжают на работу без предварительного заключения контрактов и договоров. Так, по некоторым оценкам Хабаровского УВД, 90 % трудовых мигрантов в Дальневосточном регионе не имеют разрешения на работу, более 50 % — регистрации по месту пребывания, 9 из 10 мигрантов заняты в теневой экономике. Около 80 % трудовых мигрантов не имеют трудовых контрактов[7].

За последние десять лет для граждан постсоветского пространства и ряда Юго-Восточных стран Россия стала

преимущественной страной назначения. Современные тенденции развития миграционных процессов позволяют с уверенностью утверждать, что принимающим государством РФ останется на долгое время. Страны исхода заинтересованы в том, чтобы их граждане любыми способами, в том числе нелегальными, оседали в России как транзитной стране или в странах назначения. По оценкам некоторых исследователей, около 30 % незаконных мигрантов, направляющихся на Запад, как правило, задерживаются на территории стран транзита, т. е. в России, а 30 % достигают страны назначения[8].

Основную роль в формировании такой ситуации играют, с одной стороны, наличие почти открытой границы со среднеазиатскими странами, через которую идет большой поток нелегальных мигрантов в Сибирь, а оттуда на Дальний Восток, а с другой — безвизовый въезд в Россию со стороны Китая.

Масштабы нелегальной миграции определить очень сложно, так как она, как и многие другие явления, характеризуется высокой степенью латентности. По подсчетам специалистов, на территории РФ находятся от 1,5 до 15 млн нелегальных мигрантов, число которых продолжает неуклонно расти[9].

Аналогичная ситуация с определением численности нелегальных трудовых мигрантов наблюдается и в Дальневосточном регионе. Например, на брифинге для СМИ в УВД Сахалинской области было заявлено, что на каждого официально приглашенного для работы на острове иностранца приходится по одному иностранцу-«нелегалу». Учитывая, что, по данным областной паспортно-визовой службы, на Сахалине в настоящее время легально находится около 300 граждан КНР, можно предположить, что нелегальных мигрантов в два раза больше. Ежегодно, считает В. В. Соболь-ников, границу Приморского края незаконно пересекают до 80 тыс. граждан КНР (около 80 % общего числа нелегальных мигрантов). Разница между въехавшими и выехавшими составляет более 10 тыс. чел. ежегодно[10]

Другой точки зрения придерживаются сотрудники государственных органов власти. Такие данные они считают необоснованными. По данным администрации Приморского края, только каждый пятый въезжающий на территорию

мигрант делает это нелегально. Столь скромные цифры по нелегальной миграции подтверждаются статистикой пограничных переходов и результатами милицейских спецопераций.

Третья точка зрения — у сотрудников правоохранительных структур. По данным Управления по делам миграции УВД Приморского края, на каждого легального мигранта приходится 3—5 нелегальных. Следовательно, численность нелегальных мигрантов только в Приморском крае колеблется от 300 до 500 тыс. чел. Однако по количеству административных правонарушений цифры расходятся: только в ходе двух спецопераций «Режим» и «Нелегальный мигрант» к административной ответственности были привлечены более 90 тыс. иностранных нарушителей, а по данным паспортно-визового управления УВД Приморского края, за 6 месяцев 2005 г. к административной ответственности привлечены 10 697 иностранцев за отсутствие соответствующих разрешений на жительство и трудоустройство. При этом и эксперты, и сотрудники властных органов признают, что исправить ситуацию практически невозможно.

Миграция стала неотъемлемой частью региональной экономики. Биполярность, разделение стран по уровню жизни и безработицы повлекли за собой активизацию миграции. Перспективы на ближайшие 30—50 лет не позволяют надеяться на приближение бедных стран к уровню богатых, а, следовательно, на снижение темпов миграции, и, по мнению А. И. Уткина, «даже самые суровые иммиграционные законы не остановят этот процесс»[11]

Изменение направлений внутренней миграции по сравнению с предыдущими десятилетиями приводит к сокращению населения на Дальневосточных территориях, богатых сырьевыми ресурсами. В результате оттока русского населения прослеживается изменение этнической структуры региона, которая выражается в абсолютном и относительном росте численности представителей иностранцев. Причем в приграничных районах, таких как Дальний Восток, происходит интенсивное формирование иностранных общин, по своей численности и влиянию постепенно приближающихся к коренному населению. Массовое неконтролируемое

переселение иностранных граждан и лиц без гражданства из государств Закавказья, Центральной и Восточной Азии, их незаконное пребывание в этих районах ухудшают социальную обстановку, создает базу для формирования террористических организаций и политического экстремизма, является угрозой безопасности Российской Федерации. Эффективный же государственный контроль над миграционными процессами отсутствует.

Экономические и демографические проблемы в ближайшем будущем могут быть компенсированы за счет внешней миграции иностранцев. В связи с этим ни у кого не вызывает сомнения необходимость привлечения дополнительных людских ресурсов за счет иммиграции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Приморский край: Стат. ежегодник. Владивосток, 1992.

[2] Там же. С. 16.

[3] См.: *Далакян А.* Интервью зам. председателя Правительства Чукотского АО журналу // Дальневосточный капитал. 2004. № 11. С. 24.

[4] См.: Материалы международного семинара «Криминальные рынки АТР». Владивосток, 2005. Июль.

[5] См.: *Кудинов В.* Дальневосточный арбайт // Дальневосточный капитал. 2004. № 11. С. 14—22.

[6] См.: *Далакян А.* Указ. соч.

[7] См.: *Волков К. А.* Противодействие торговле людьми как направление современной уголовной политики. Доклад, представленный на международном семинаре «Вопросы профилактики и борьбы с торговлей людьми» (Хабаровск, 11—15 июля 2005 г.).

[8] См.: *Номоконов В. А.* Некоторые аспекты взаимосвязи миграции и преступности // Новые криминальные реалии и реагирование на них. М., 2005. С. 83; Принудительный труд в современной России. Нерегулируемая миграция и торговля людьми. М., 2004.

[9] См.: *Носатов В.* Ситуация на российских границах // Проблема незаконной миграции в России. М., 2004. С. 226.

[10] См.: *Собольников В. В.* Миграционная преступность. Новосибирск, 2004.

[11] *Уткин А. И.* Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001. С. 151.

Поступила 17.10.06.

О. К. КЛОПОВА

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ РЕСУРС КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Социально-политические и экономические преобразования в России и Республике Мордовия сопровождаются рядом изменений в экономической сфере. Предприятия Мордовии как субъекты производственных отношений стремительно вошли в жесткие конкурентные принципы экономики. Проводимые исследования показывают, что большинство российских организаций пока еще не смогли адаптироваться к новым условиям и стать серьезными конкурентами западным компаниям. Одной из важных составляющих в повышении конкурентоспособности российских предприятий и организаций становится человеческий ресурс (профессиональные знания, умения и навыки сотрудников). Управление персоналом в успешных организациях признается важнейшим фактором, способным многократно повысить их эффективность.

В мировом менеджменте распространяется новый подход к сотруднику. Если ранее идеальным работником традиционно считался «квалифицированный работник — исполнитель», то современный бизнес требует «работника — инициатора, обладающего знаниями». По-новому трактуется и целевая функция менеджмента. Классическую схему — «доставку нужных людей на нужные места в нужное время» — сменяет новая целевая функция: организация эффективного взаимодействия человека и организации.

Руководители предприятий концентрируют основное внимание на управлении производством, финансами, марке-

---

КЛОПОВА Ольга Константиновна, заместитель директора по управлению персоналом Торгового дома «Вектор-С», кандидат педагогических наук.

тингом, в то время как совершенствование управления человеческими ресурсами по-прежнему недооценивается.

Проведенные исследования показывают, что в организациях Республики Мордовия методы управления персоналом, позволяющие конкурировать на современном уровне, практически не применяются. В ходе опросов, проводимых в 2005—2006 гг., была предпринята попытка выявить степень соответствия кадровых подразделений предприятий республики новым требованиям. В исследовании участвовало 30 предприятий, среди них крупные организации, а также организации малого и среднего бизнеса. В опросе приняли участие руководители предприятий и специалисты их кадровых служб (отделов кадров). Результаты исследования позволяют выявить наиболее характерные причины слабого соответствия кадровых подразделений современной практике.

Недооценка собственниками и руководителями организаций значения развития человеческих ресурсов для развития бизнеса. В большинстве изученных предприятий вообще отсутствуют специальные структуры по работе с персоналом. На вопрос «Существует ли в вашей организации специальная структура по управлению персоналом (отдел кадров, служба управления персоналом)?» положительно ответили 37 % опрошенных, отрицательно — 63 %.

В малых и средних организациях кадровыми вопросами, как правило, занимаются первые лица. Это позитивно. Однако при их большой загрузке и недостаточной подготовке в области управления персоналом этот ресурс используется неэффективно. При интервью с руководителями типичным было мнение, что «работа с персоналом — это ряд конкретных действий, направленных на постоянное управление работниками» (61 %). Человек рассматривается как один из элементов формальной структуры, что ярко демонстрирует слабое знакомство руководителей с современными концепциями управления человеческими ресурсами. Характерно, что при этом лишь 3,7 % руководителей регулярно знакомятся с информационными материалами по управлению персоналом.

Неоптимальное распределение ответственности за развитие человеческих ресурсов между линейными руково-

дителями и специалистами по управлению персоналом. В подавляющем большинстве обследованных организаций, имеющих подразделения по работе с персоналом (отделы кадров), за кадровыми службами, как правило, закреплены лишь регистрационно-учетные функции: подбор персонала (чаще всего на рядовые позиции); учет движения персонала (приказы о приеме, повышении, увольнении); обучение персонала (в основном по рабочим специальностям, не уделяя должного внимания обучению специалистов и руководителей); ведение документации по кадрам.

Практически ни в одном из обследованных предприятий к компетенции кадровых служб не относятся вопросы планирования человеческих ресурсов в рамках стратегии развития организации, создания резерва персонала, профориентации и адаптации работников в новой должности, определения оплаты труда и льгот, управления дисциплиной и другие важнейшие аспекты стратегического управления человеческими ресурсами.

В больших компаниях перечень обязанностей линейных менеджеров дифференцирован. В маленьких организациях линейные менеджеры могут выполнять все обязанности, связанные с персоналом без какой-либо помощи. Но с ростом организации они нуждаются в помощи, специальных знаниях и советах менеджеров по персоналу, занимающихся человеческими ресурсами.

По определению кадрового менеджмента, сформулированному Международным институтом кадрового менеджмента (IPM), кадровый менеджмент — это сфера ответственности всех тех, кто имеет отношение к руководству людьми, а также профессиональных специалистов по кадрам. Это часть менеджмента, занимающаяся людьми в трудовой деятельности и взаимоотношениями людей на предприятии. Управление кадрами направлено на обеспечение эффективности работы и справедливости, и ни одна из этих целей не может быть успешно достигнута без учета другой.

Низкая компетентность и уровень знаний в данной сфере субъектов управления персоналом. В подавляющем большинстве исследуемых организаций сотрудники отдела кадров не обладают знаниями, опытом, представлениями по

использованию современных технологий управления персоналом (рисунок). Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по специальности 062100 «Управление персоналом» утвержден только в 2000 г., и первый выпуск таких специалистов был в 2005 г.

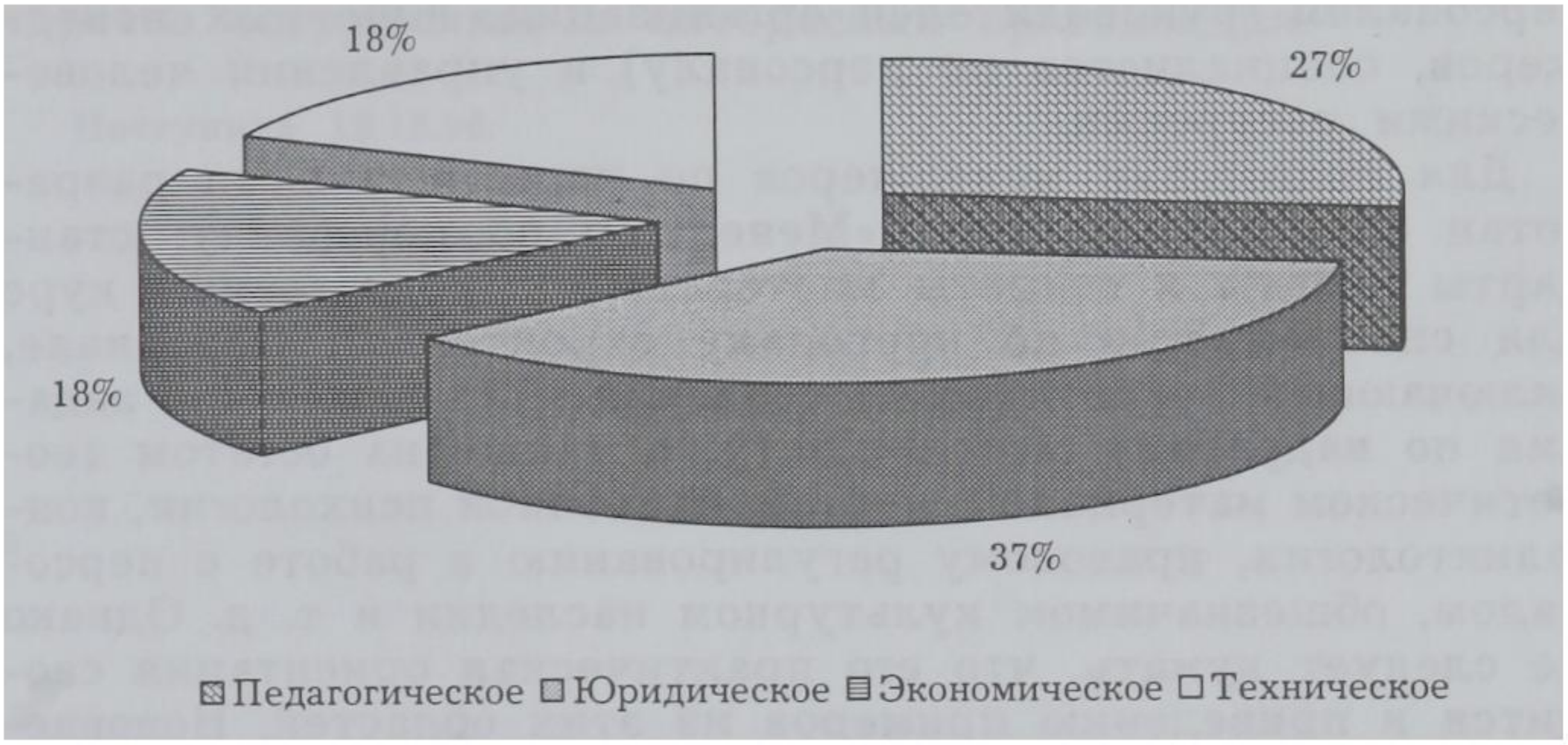


Рис. Базовое образование специалистов, работающих в отделе кадров

Специалистам по кадрам приходится самостоятельно получать необходимые знания по управлению персоналом. Этим специалистам полезно и участие в семинарах, круглых столах, профессиональных клубах, дающих возможность пополнить свой багаж знаний и отработать навыки, обменяться опытом с коллегами или попросить у них помощи. Однако одно- и двухдневные тренинги, а также заседания клубов для менеджеров по персоналу не могут решить вопроса их системной подготовки.

В Мордовии в настоящее время нет ни одного курса повышения квалификации по специальности «Управление персоналом». В Самарской области такие курсы появились уже в конце 90-х гг. XX в. Их программы реализуются шестью вузами. Только на базе Центра делового образования Самарского института управления ежегодно с 2003 г. проходят обучение около 40 руководителей служб и менеджеров по персоналу. Мониторинг рынка труда в экономи-

чески развитых регионах указывает на растущую потребность в «кадровиках» нового поколения, «кадровиках-стратегах», в подготовке высококвалифицированных менеджеров по управлению персоналом.

Выход их создавшейся ситуации предлагается искать в повышении компетентности всех субъектов управления персоналом (руководителей организаций, линейных менеджеров, специалистов по персоналу) в управлении человеческими ресурсами.

Для подготовки менеджеров по персоналу нами разработан специальный курс «Менеджер по персоналу: стандарты работы и секреты мастерства». Предлагаемый курс для специалистов по персоналу строится на материале, включающем теоретические сведения и практические задания по кадровому менеджменту, а также на богатом теоретическом материале по организационной психологии, конфликтологии, правовому регулированию в работе с персоналом, общезначимом культурном наследии и т. д. Однако не следует думать, что его практическая ориентация сводится к приведению примеров из этих областей. Нововведения отражены в содержании и структуре курса, прежде всего в ориентации на овладение теми знаниями, умениями и навыками, кадровыми технологиями, которые важны для современного специалиста в области управления персоналом. Обучающиеся имеют возможность обсудить в группе, с коллегами и профессионалами ситуации, возникающие в работе, освоить новые методы и стратегии работы с персоналом организации.

Успешные международные и российские организации оценивают важность эффективного использования человеческого ресурса. Развитие и управление персоналом становятся важнейшими вопросами для рассмотрения на советах директоров таких предприятий. В связи с этим возникает необходимость подготовки руководящего звена в области управления персоналом. Однако для менеджеров разного уровня управления тематика курса «Управление персоналом» должна рассматриваться менее глубоко, чем это необходимо для специалистов по управлению кадрами, акцент должен быть поставлен на те навыки, которые им как менеджерам-практикам необходимы в повседневной работе.

Глобальная конкуренция, интенсивная дерегуляция, технический прогресс вызвали лавину изменений, приведших многие организации к банкротству. В этих условиях в Республике Мордовия будущее принадлежит тем руководителям (менеджерам), которые смогут управлять в условиях социально-экономических перемен при сочетании интересов сотрудников с интересами организации.

Поступила 16.10.06.

С. В. КОЖЕВНИКОВ

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Практически все сферы жизнедеятельности человека в России подвержены тем или иным изменениям. Система сельского расселения Смоленской области — не исключение. С конца 90-х гг. XX в. на систему расселения огромное влияние оказывают многочисленные факторы: уменьшается число сельских жителей, сокращается количество сельских населенных пунктов (хотя часть городских поселений Смоленской области переведена в сельские населенные пункты), снижается уровень жизни на селе, существующие сельские населенные пункты (СНП) теряют свои сельскохозяйственные функции. Кроме того, система сельского расселения реагирует на современные процессы реформирования и трансформации различных сфер жизни людей.

Существенное значение на внутриобластные миграции сельского населения оказывает проводимая реструктуризация системы образования. К современным процессам в сельской местности следует отнести и увеличение количества особо охраняемых природных территорий, охотничьих хозяйств, перевод сельскохозяйственных земель в несельскохозяйственные, рост количества личных подсобных хозяйств, индивидуальных садов и огородов. Для Смоленской области характерно снижение количества крестьянских (фермерских) хозяйств. Это существенно влияет на систему расселения и подвергает ее катастрофической трансформации. Система сельского расселения Смоленской области,

---

КОЖЕВНИКОВ Сергей Владимирович, ассистент кафедры социально-экономической географии и природопользования Смоленского государственного университета.

трансформируясь, приспосабливается к современным условиям существования.

В 2005 г. систему сельского расселения Смоленской области составили 4 889 сельских населенных пунктов, в них проживает 298,2 тыс. чел. (29 % жителей области). Большую часть сельских населенных пунктов составляют сверхмалые поселения с числом жителей до 5 чел. — 1 150 (23,5 %) и малые от 11 до 25 чел. — 1 000 (20 % всех сельских населенных пунктов). Происходит укрупнение СНП за счет исчезновения мелких и увеличения населения крупных[1].

В настоящее время для всех районов Смоленской области характерна естественная убыль населения. Наиболее высокие показатели естественной убыли сельского населения отмечаются в Демидовском (39,5 на 1 тыс. жителей), Угранском (31,8), Ельнинском (30,6) и Велижском (30,0) районах. Наименьшие значения естественной убыли зафиксированы в Вяземском (14,9), Сафоновском (16,0) и Сычевском (16,2) районах[2].

Высокие показатели смертности на селе объясняются тем, что в возрастной структуре населения сельской местности значительную часть составляют люди, относящиеся к возрастной группе 60 и более лет (в возрасте старше трудоспособного находится каждый третий сельский житель). В Велижском районе в возрастную группу 60 и более лет входят 29,8 % всех сельских жителей района; в Гагаринском районе — 23,3; в Духовщинском — 30,1; в Угранском — 34,1 %. Причем в данной возрастной группе преобладают жители, имеющие возраст 70 и более лет.

Территория Смоленской области заселена неравномерно. Большая часть сельского населения (45,7 %) в 2005 г. концентрировалась в 5 районах области: Смоленском (15,0 %), Починковском (9,5 %), Вяземском (8,0 %), Рославльском (7,6 %), Гагаринском (6,0 %). Наименьшее число сельских жителей отмечается в Угранском (1,8 %), Велижском (2,0 %), Глинковском (2,1 %), Дорогобужском (2,1 %), Ельнинском (2,1 %) районах (в них сосредоточено всего 9,5 % сельского населения Смоленской области). В остальных 15 районах края проживает 44,8 % сельского населения[3].

Рассматривая плотность сельского населения, следует акцентировать внимание на ее уменьшении. Средняя плот-

ность за период с 1996 по 2005 г. снизилась с 7 до 6. Если в 1996 г. в области 16 районов имели плотность сельского населения 6 чел. и более, то в 2005 г. таких районов осталось лишь 10. Соответственно увеличилось количество районов с плотностью сельского населения 4 чел./кв. км с 3 в 1996 г. (Демидовский, Духовщинский, Угранский) до 7 (к предыдущим добавились Велижский, Дорогобужский, Ельнинский и Темкинский районы). Если ранее это были только периферийные районы, то теперь к ним присоединились внутренние (Дорогобужский район — 3,2 чел./кв. км). Согласно новому Федеральному закону № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», под категорию территорий с высокой плотностью сельского населения (более чем в 3 раза выше средней плотности сельского населения в РФ) подпадают 6 районов Смоленской области, а в 1996 г. таковых было 13. В целом плотность сельского населения Смоленской области постепенно снижается, и в скором времени могут появиться зоны, которые попадут в категорию территорий с низкой плотностью сельского населения.

Средняя людность сельских поселений Смоленской области в 2005 г. составила 71,7 чел. Максимальные показатели людности СНП отмечаются в Починковском, Смоленском и Ершичском районах (100 и более чел.). В восточной части области наиболее высокие показатели людности СНП отмечаются в Вяземском и Темкинском районах, наименьшие показатели — в районах, расположенных по периферии области, либо между районами-лидерами в социально-экономическом развитии Смоленской области (Смоленском, Вяземском и Рославльском). В целом людность СНП Смоленской области снижается. В 1992 г. к категории СНП с людностью 60 и менее чел. относилось 8 районов области, в 2005 г. — уже 9. Анализ людности СНП подтверждает факт наличия кризисной ситуации в системе сельского расселения Смоленской области в начале XXI в. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о поляризации территории между центром и периферийными районами области.

В области сложилась кризисная ситуация и с СНП с численностью населения до 3 чел. В 2005 г. к данной категории СНП относилось 15,5 % всех СНП области. Наи-

большее количество районов с СНП с числом жителей до 3 чел. отмечается в восточных районах Смоленской области (более 20 % СНП). В западной части, наоборот, не превышает 15 %.

Снижается доля сельскохозяйственных земель, находящихся в пользовании сельхозорганизаций. Увеличивается доля земель, принадлежащих гражданам (личные подсобные хозяйства). Возрастает доля горожан, имеющих земельные участки. В таких районах, как Велижский, Демидовский, Ярцевский, абсолютное большинство семей имеют индивидуальные земельные участки, но более 50 % из них приходится на семьи, проживающие в городе. В других 8 районах Смоленской области этот показатель в 2006 г. соответственно составил от 30 до 49 %. Это свидетельствует о том, что горожане вынуждены самостоятельно производить сельскохозяйственные продукты.

Для многих сельских жителей наличие личного подсобного хозяйства является значительным источником доходов. В 2005 г. в рамках проекта РГНФ (№ 05-02-58202 а/Ц «Сельское расселение Смоленской области: прошлое, настоящее, будущее») нами были исследованы два района Смоленской области — Руднянский и Угранский. Анализ результатов показал: основными источниками доходов населения являются заработная плата и доходы от личных подсобных хозяйств. В Угранском районе эти показатели охватывают 60 % от всех опрошенных, в Руднянском — 63 %. Для пенсионеров, кроме заработной платы и личных подсобных хозяйств, важным источником доходов являются, несомненно, пенсии. Личные подсобные хозяйства обеспечивают более или менее стабильные доходы населения за счет выручки, полученной от сдачи молока. Нереализованные остатки молока используются для выкармливания поросят. По современным сдаточным ценам среднемесячный надой от 1 коровы дает чистого дохода 1 тыс. руб. в месяц, и, как следствие, 49 % хозяйств Руднянского района (где расположен молокозавод) либо увеличили поголовье крупного рогатого скота (КРС), либо не изменили его, оставив на прежнем уровне. В Угранском районе таких хозяйств только 19 %.

Прямая товарность личных подсобных хозяйств составила 40 % в Руднянском районе, т. к. значительную часть

молока жители поставляют родственникам в город (45 % хозяйств). В Угранском районе ситуация несколько иная: только 14 % молока идет на продажу, и, как следствие, хозяйство становится более натуральным, хотя 63 % ЛПХ поставляют продукцию родственникам в город за услуги (косьбу, пахоту и т. п.).

В личных подсобных хозяйствах выращивают преимущественно картофель (для посева и КРС): в Руднянском — 46 %, а в Угранском — 63 % от всех хозяйств; овощи (в основном свеклу) для откорма свиней: 21 % хозяйств — в Руднянском, лишь 5 % — в Угранском. В Угранском районе большое значение приобрело промысловое хозяйство (84 % домохозяйств занимаются сбором ягод, грибов и т. п.). В Руднянском районе таких хозяйств гораздо меньше — 34 %. Эти сведения говорят о наличии свободного времени и о возможности эксплуатации лесных угодий жителями Угранского района.

Близость Руднянского района к Республике Беларусь дает возможность покупать более дешевые белорусские товары, чем отечественные, что высвобождает сэкономленные материальные средства. В Угранском районе высока доля трудовой миграции, особенно мужчин, числившихся как постоянное население района, но нелегально работающих в столичном регионе. Причем большая часть из них числятся безработными.

Анализ сложившейся ситуации позволяет сделать вывод о наличии в Смоленской области деградирующих территорий. Причем их количество постепенно увеличивается, и имеются особенности в их проявлении. Наиболее ярким примером такой территории выступает Угранский район. Здесь наблюдается наименьшая плотность сельского населения и людность СНП, 22 % СНП района без населения, высок процент СНП с числом жителей до 3 чел. В настоящее время сельскохозяйственные земли этого района активно переводятся в несельскохозяйственное использование (открываются охотничьи хозяйства, земля переходит к лесхозам, территория используется как рекреационная зона). К группе деградирующих территорий Смоленской области можно отнести Холм-Жирковский, Духовщинский, Дорогобужский, Ельнинский, Глинковский, Велижский районы. Их

объединяют низкая плотность сельского населения и низкая людность, высокая доля СНП с числом жителей до 3 чел. и без населения.

Проанализировав динамику изменения численности населения в городах области с 1989 по 2005 г., можно сделать вывод, что городские поселения восточной части Смоленщины более медленными темпами теряют население (т. е. более устойчивы), чем города западной части. На наш взгляд, это показатель большей социально-экономической стабильности. Восточная территория Смоленской области граничит с Московской областью, что благоприятно сказывается на ее социально-экономическом развитии.

Процесс перевода городских поселений в статус сельских не решит проблему полностью, так как эти поселения по своим функциям остаются городскими и являются сельскими лишь на бумаге. Не решает проблему села и переезд в сельскую местность беженцев из государств СНГ. Активный отток молодежи из села в город только усугубляет ситуацию. В дальнейшем население Смоленской области все чаще будет вынуждено вести личные подсобные хозяйства (как сельские, так и городские жители). Программы развития села (например, программа «Социальное развитие села до 2010 года») пытаются решить эти проблемы, но, к сожалению, локально, а не по всей сельской местности.

Таким образом, можно констатировать факт усиления поляризации территории сельской местности Смоленской области, которая проявляется в увеличении крупных и мелких СНП, доли пригородных территорий (за счет увеличения дачных участков, ЛПХ и т. п.) и снижении доли периферийных территорий. Сельская местность постепенно трансформируется на богатые и бедные части, что также является подтверждением поляризации. Отмечается поляризация и в системе образования на селе. Ликвидация школ негативно влияет на отток молодежи из села в более крупные населенные пункты.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Социально-экономическое положение городов и районов Смоленской области / Смоленский областной комитет государственной статистики. Смоленск, 2006.

[2] См.: Естественное движение населения Смоленской области в 2004 году: Стат. бюл. / Смоленский областной комитет государственной статистики. Смоленск, 2005.

[3] См.: Численность постоянного населения по каждому сельскому населенному пункту Смоленской области на 1 января 2005 года: Стат. бюл. / Смоленский областной комитет государственной статистики. Смоленск, 2005.

[4] См.: Социально-экономические показатели развития городов и районов Смоленской области: Стат. сб. / Смоленский областной комитет государственной статистики. Смоленск, 2005. С. 12—13; 1997. С. 28.

Поступила 15.11.06.

Е. И. МОРОЗОВ *Е. П. ГАЛКИНА*

СОЦИОЛОГО-МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ АНАЛИЗА РЕГИОНАЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ

Расширение информационного пространства в настоящее время привело к тому, что в больших количествах и с огромной быстротой продуцируются социальные, политические, художественные, религиозные мифы в виде факторов, влияющих на жизнь общества. Мифы, несмотря на свой иллюзорный характер, оказывают вполне реальное воздействие на социальное поведение.

Современная мифология может выступать в виде сложной мобилизующей структуры, способной вписывать индивидуума и массы в социальную реальность, создавая при этом у своих адептов впечатление истинности и состояние психологического комфорта. Информация, оформленная в оболочку мифологических представлений, приобретает чувственно-выразительную конкретность, легко запоминается и направляет социум в «объятия» иллюзий, делая его объектом различных манипуляций.

МОРОЗОВ Евгений Иванович, профессор кафедры социологии и политологии Ульяновского государственного университета, доктор социологических наук.

ГАЛКИНА Елена Петровна, ассистент кафедры социологии и политологии Ульяновского государственного университета.

Анализ места и роли мифологии в процессах формирования структуры властных отношений является одним из приоритетных направлений в исследовании и понимании ряда взаимосвязанных между собой социально-политических процессов, происходящих сегодня на федеральном и региональном уровнях.

В контексте заявленной проблематики представляется актуальным построение социолого-математических моделей анализа региональных мифологических конструктов как сложных систем в условиях неопределенности. Под сложной системой будем понимать такую, у которой при удалении некоторых компонентов могут быть утеряны принципиальные свойства, а при добавлении — возникать качественно новые свойства.

Предположим, что в ходе социологического опроса респонденту предложены характеристики, с помощью которых он может ассоциировать некий образ руководителя (например, губернатора). При этом они подобраны таким образом, что половина из них является характеристиками героя мифа, вторая — контрмифа[1]. При обработке анкет подсчитываются относительные частоты встречаемости каждой предложенной характеристики. Если все частоты одинаковы, то никакого противопоставления мифологических героев по отношению друг другу не существует, или вообще нет в данный момент никаких образов мифологических героев, или характеристики подобраны некорректно и все выглядят одинаково привлекательно для образа рассматриваемого лидера.

Когда в обществе существуют некоторые образы мифологических героев, то особенности мифологического сознания человека подсказывают, что отмеченные характеристики у каждого респондента будут поляризованы в соответствии с его предпочтениями. Разбиваем характеристики на две группы: первая — характеристики героя мифа, причем максимальное значение частоты для них должно приходиться на середину этой группы; вторая, со следующими номерами — характеристики героя контрмифа. Прочие характеристики мифологического героя располагаются симметрично относительно максимумов частот. Тогда они представляют собой гистограмму эмпирического распределения

некоторой случайной величины, которую можно назвать «популярность мифологических героев в идеальном образе руководителя». Обозначим эту случайную величину G

Примеры сглаженных гистограмм такого типа имеют отчетливый вид бимодального распределения, где максимумы располагаются в точках с фиксированными абсциссами $x = 0{,}25$ и $x = 0{,}75$. Это определяется особенностями построения гистограмм, отвечающих представлениям об управлении социальными системами в условиях неопределенности с помощью нечетких множеств. Задача состоит в том, чтобы дать теоретическое описание бимодальной переменной, выявить ее параметры и законы ее изменения.

Обращают на себя внимание три параметра таких распределений. Это величины двух максимумов в точках $x = 0{,}25$ и $x = 0{,}75$. Они характеризуют популярность героев мифа и контрмифа. Третий параметр введем как

— площадь левой половины подграфика гистограммы. Этот параметр характеризует долю количества респондентов, готовых проголосовать за носителя черт героя мифа. Величина $(1-\mu)$ характеризует то же самое для героя контрмифа.

В связи с этим несомненный интерес представляет теоретико-вероятностная модель случайной величины G^2 Возьмем за основу функцию плотности распределения усеченной нормальной случайной величины с параметрами a — математическое ожидание и σ — среднее квадратическое отклонение. Тогда, если взять две такие функции $\tilde{\varphi}_1(x)$ с $a = 0{,}25$ и $\tilde{\varphi}_2(x)$ с $a = 0{,}75$ и составить из них линейную комбинацию

$$f(x) = \mu\tilde{\varphi}_1(x) + (1-\mu)\tilde{\varphi}_2(x), \qquad (1)$$

где $\mu \in [0;1]$, σ_1, σ_2 — параметры $(\sigma_{1,2} > 0)$, то получим основную для нас в дальнейшем функцию плотности распределения некоторой случайной величины X. При малых σ_1, σ_2 функция плотности обладает свойством бимодальности, причем ее максимумы близки к $x = 0{,}25$ и $x = 0{,}75$. Значения $f(x)$ в точках максимума обратно пропорциональны соответствующим σ_1, σ_2.

Трудно переоценить значения адекватности результатов социологического опроса и его теоретико-вероятностной

модели. Приведем обоснование того, что гистограмма, полученная по результатам социологического опроса, описанного выше, должна быть близка к теоретическому распределению (1) при некоторых значениях параметров σ_1, σ_2, μ. Для этого сопоставим социологический опрос и статистическую процедуру моделирования. «Элементом» выборки здесь являются ответы респондента. Пусть было опрошено N респондентов. Среди них, предположим, n_1 — сторонников героя мифа, $n_2 = N - n_1$ — сторонников героя контрмифа. Предпочтения респондентов первой группы, по нашему построению, сгруппированы на гистограмме вокруг точки $x = 0{,}25$, что не мешает этому респонденту указывать отдельные характеристики, присущие герою контрмифа.

Внутри же «своей» группы предпочтений характеристики могут быть подобраны так, чтобы они имели причинную связь с главной (главными) характеристикой, и при этом связь убывала бы по мере удаления вдоль оси OX. В средней части гистограммы ($x = 0{,}5$) должны располагаться характеристики, имеющие отдаленную (относительно малую) причинную связь с каждой из главных характеристик.

Поскольку выбор той или иной характеристики в сознании человека обусловлен большим количеством различных причин, часто малозначимых по отдельности и независимых друг от друга, то становится правдоподобным, что наша гистограмма внутри каждой группы характеристик будет похожа на график плотности распределения случайной величины. Тем самым приходим к теоретическому распределению (1). При малом σ_1 почти вся «энергия» интереса к идеям героя мифа сконцентрирована в одной или двух характеристиках, по-видимому, ярких и привлекательных для его сторонников. При больших σ_1 интерес к идеям героя распределен по многим характеристикам его группы.

Значение μ выражает долю сторонников идей героя мифа, $(1-\mu)$ — доля героя контрмифа. Если мы примем, что среди респондентов нет сторонников «третьей силы» или равнодушных людей, не способных сделать выбор между двумя героями, то μ есть рейтинг героя мифа или вероятность того, что случайно выбранный респондент отдаст свой голос именно за него. Величину μ можно вычислить,

используя свойства нормального распределения. Тогда она будет функцией, сложным и нелинейным способом зависящей от σ_1 и σ_2. Для выражения этой зависимости построим номограмму линий уровня функции $\mu(\sigma_1,\sigma_2)$. На ней кривые, помеченные значением функции μ, есть множество точек (σ_1,σ_2), на которых величина μ постоянна. Легко заметить, что все эти кривые располагаются симметрично относительно диагонали квадрата, на которой $\sigma_1=\sigma_2$, а значение $\mu=0{,}5$.

Не менее важное значение имеют траектории социальных изменений. Номограмма зависимости $\mu(\sigma_1,\sigma_2)$ является удобным инструментом для описания изменений значений бимодальной переменной G, а, следовательно, изменений состояния социальной системы властных отношений. Под значением бимодальной переменной будем понимать точку на номограмме с координатами (σ_1,σ_2) и значением рейтинга μ.

Выделяются две зоны социальной устойчивости: левый верхний угол — для героя первого мифа, правый нижний — для второго. Нахождение точки в одной из этих зон означает безраздельное господство на социальной арене одного героя. По временному интервалу в таких зонах герой может находиться годами и даже десятилетиями. Однако общественное сознание, в том числе выраженное в мифологических образах, рано или поздно требует новых ярких личностей, идей, которые стараются привлечь сторонников.

Тогда с течением времени точка начинает «перемещаться» по номограмме. Если при этом «движение» направлено вдоль некоторой линии уровня к левому нижнему углу номограммы, то происходит обострение столкновения мифа и контрмифа героев, поляризация мнения общества о них. Если движение направлено к правому краю, то происходит диссипация (рассеивание) мифов.

Перемещение точки перпендикулярно линиям уровня означает быстрое изменение рейтингов героев, хотя величины σ_1 и σ_2 нашей бимодальной переменной при этом изменяются мало. Причинами перемещения могут быть появление «третьей силы», выброс компромата и т. п., или накопленная в ходе предыдущих шагов инерция.

Расположение точки вблизи диагонали номограммы (где $\sigma_1=\sigma_2$) следует признать неустойчивым положением рав-

Заказ № 1305

новесия, причем степень неустойчивости растет с приближением точки к левому нижнему углу. При этом любое внешнее воздействие, даже небольшое и случайное, приводит к существенному изменению ситуации. Здесь возможно два исхода: побеждающая сторона развивает успех, и через некоторое время точка попадает в зону устойчивости; проигрывающая сторона отбивает атаку и возвращается в прежнее состояние. Например, к середине 1999 г. в Ульяновской области сложилась стабильная социально-политическая ситуация. Областью более десяти лет руководил Ю. Ф. Горячев, который за эти годы приобрел образ героя, характеризующегося как «хозяйственник», «защитник простого народа» и т. п. Достойных противников у него не было (ситуация *A*) (рисунок). Однако уже летом 1999 г. появился новый мифологический герой (генерал В. А. Шаманов) с характеристиками «защитник отечества», «воитель», «воплощение дисциплины и порядка» и т. п. В течение двух месяцев (сентябрь-октябрь) он приобретал популярность в обществе (траектория от *A* до *B*). При полном бездействии команды Ю. Ф. Горячева произошла недооценка притягательности нового мифологического образа, обладающего яркими характеристиками, которые резко отличались от присущих Ю. Ф. Горячеву.

В ноябре-декабре 1999 г. изменилась траектория (от *B* до *C*), то есть ситуация быстро перешла зону неустойчивости и, не встречая организованного сопротивления противника, достигла точки *C* в день выборов (21 декабря 1999 г.).

На пике успеха произошло дальнейшее движение перпендикулярно линиям уровня и в 2003 г. достигло точки *D* нашей номограммы. Однако до зоны стабильности (*E*) новый миф не дошел. Яркие характеристики тускнели, команда не оправдала надежд избирателей. Произошла диссипация мифа, то есть рассредоточение тех, кто разделял данный миф, а также снижение концентрации тех, кто продолжал его поддерживать, прослеживалась поляризация мифа и контрмифа в малом количестве тех, кто готов поддерживать контрмиф.

Далее траектория движется к точке *F*. В этот момент возникает другой миф, который, используя положительные характеристики Ю. Ф. Горячева и апеллируя к ностальгическим чувствам населения, побеждает на новых выборах.

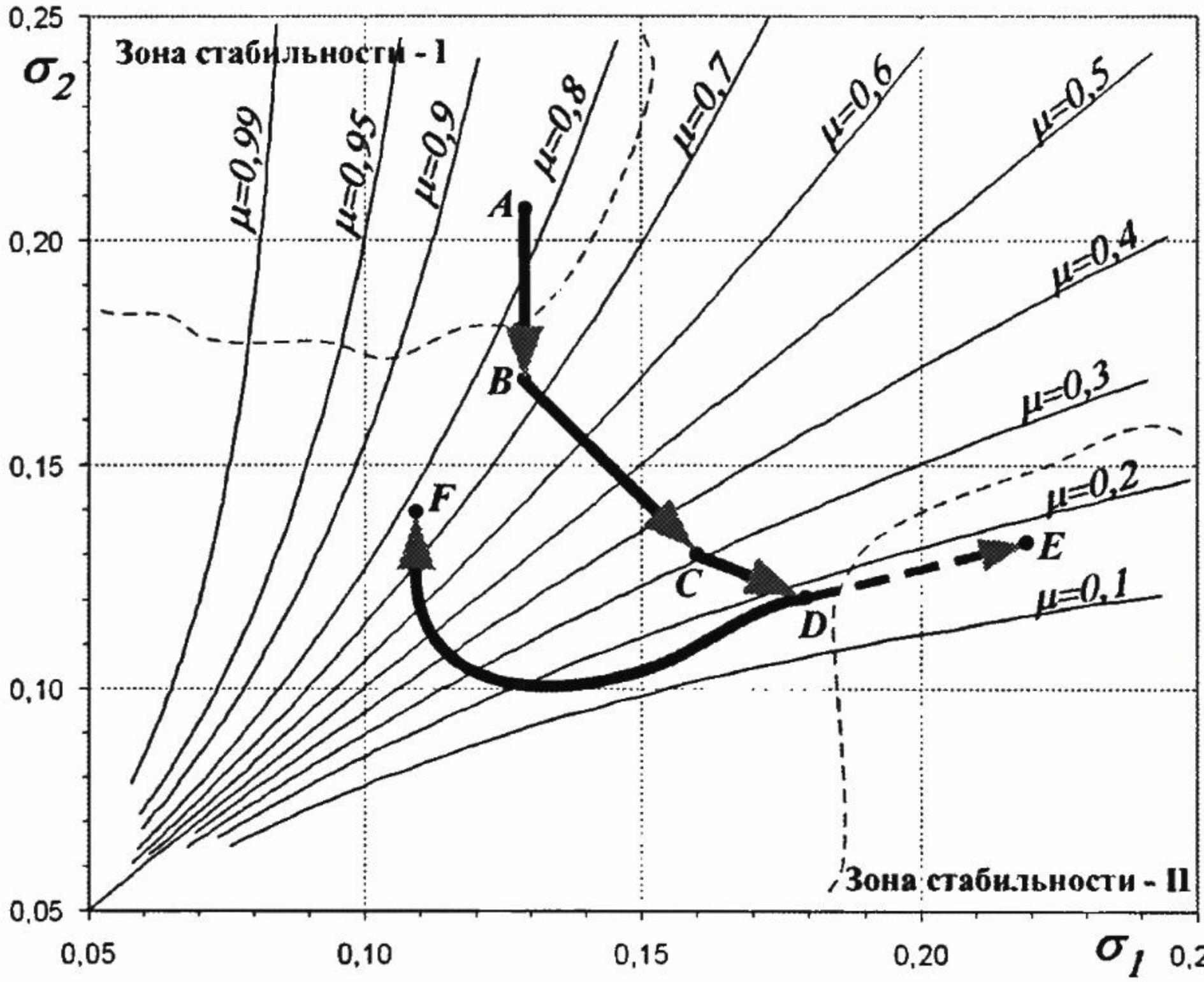


Рис. Траектория динамики региональных мифа и контрмифа

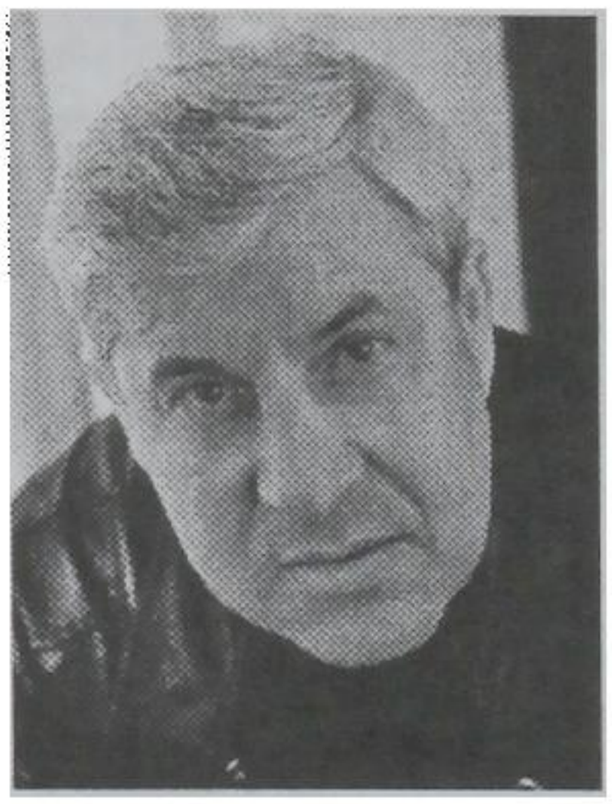
Таким образом, предложенная математическая модель позволяет анализировать сложную социальную систему, действующую в условиях неопределенности, трансформацию мифа, выявлять контрмиф, когда еще ничего не указывает на какие-то проблемы с рейтингом, а также обнаруживать те моменты времени, когда возможно максимально воздействовать на рейтинг мифологического образа.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Минаев Ю. Н., Филимонова О. Ю., Лиес Б.* Методы и алгоритмы идентификации и прогнозирования в условиях неопределенности в нейросетевом логическом базисе. М., 2003.

[2] См.: *Гайдышев И.* Анализ и обработка данных: специальный справочник. СПб., 2001.

Поступила 06.07.06.



А. И. КИСЛОВ

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ

Современное российское общество является неотъемлимым звеном сети глобальных массовых коммуникаций. Массовая коммуникация служит источником и средством распространения информации, необходимой для функционирования социальных институтов. Она представляет собой важнейший источник нормативных образцов, определений и средств формирования образов социальной реальности. Термин «массовая коммуникация» введен в научный обиход на рубеже 30—40-х гг. XX в. Однако период становления масс-медиа берет свое начало значительно раньше. При этом ее развитие в России имеет свою историю.

Параллельно процессу глобализации в мире развивается фрагментация целостной картины на пространственные зоны и регионы. Регионализация приводит к образованию зон, существенно различающихся по протяженности и масштабам. Обширные по своей протяженности зоны охватывают большие участки пространства и времени. «Говоря о регионализации, — пишет Э. Гидденс, — мы будем иметь в виду не только локализацию или установление местонахождения в пространстве, но и зонирование общепринятых социальных практик в пространстве-времени»[1]. Общепризнанные и наиболее авторитетные попытки описания системы массовых коммуникаций стали возможными в рамках плюралистичского подхода, при компаративном описании существующих практик. Так, американские исследователи Ф. Сиберт, У. Шрамм и Т. Питерсон осуществили компаративное описание основных нормативных моделей прессы, которое и сегодня считается наиболее полным[2]. Ими выде-

---

КИСЛОВ Александр Иванович, начальник Департамента информационной политики и СМИ Пензенской области.

лены и рассмотрены четыре теории прессы: авторитарная, либертарианская, советская коммунистическая и социальной ответственности. Позже эта классификация была дополнена так называемой партиципаторной моделью (Маккуэйл), характерной для медиа, периодов развития и демократического участия.

Демократические преобразования в российской истории и опыт развития ее прессы имеют более узкую региональную фрагментацию, которая представлена в истории становления различных моделей масс-медиа, в том числе Пензенского края, мозаичная картина которых отражается в прошлых и современных СМИ.

В 1838 г. вышел первый номер газеты «Пензенские губернские ведомости», издаваемой до 1917 г. С выходом газеты началось развитие СМИ в этом регионе. Это было официальное издание, отражавшее позицию губернской администрации. В 1992 г. нами газета с этим названием была возрождена. В 2000 г. она была вновь учреждена и стала органом, предназначенным для публикации официальных документов Законодательного собрания и Правительства Пензенской области.

В 1854 г. начался выпуск журнала «Памятные книжки Пензенской губернии» — издания губернского статистического комитета. В 1866 г. увидели свет «Пензенские епархиальные ведомости», в которых публиковались материалы по истории края.

Период с 1917 по 1922 г. — время создания множества СМИ разной политической направленности. В Пензе выходила газета партии кадетов и народных социалистов «Пензенская речь», орган пензенской группы РСДРП «Борьба», эсеро-меньшевистская газета «Наш путь» и другие издания. В эти же годы вышли первые номера газет «Пензенская правда» и «Молодой ленинец».

В 1918 г. в Пензе была установлена первая принимающая радиостанция. Об этом писала центральная газета «Известия». Во время мятежа белочехов 29—30 мая 1918 г. радиостанция была разгромлена. Однако в июле этого года вновь заработала. Передачи областного радио начались с 1927 г., когда из Народного дома была проведена трансляция торжественного заседания Пензенского совета и пред-

ставителей трудящихся города. 19 ноября этого года началась регулярная трансляция радиопрограмм.

Период 1922—1941 гг. отмечен стабилизацией развития СМИ. Это пора расцвета городских и районных газет, учредителями которых являлись местные райкомы ВКП(б) и райисполкомы, а также многотиражных газет на заводах и фабриках. Начали выходить журналы «Товарищ» и «Под знаменем ленинизма», юмористический журнал «Барабан». Явлением в культурной жизни края стал литературный журнал «Перевал». В эти годы выходили издания и на национальных языках. Самые заметные из них — татарская газета «Сабанче» («Пахарь») и мокша-мордовская «Од веле» («Новая деревня»).

Период 1945—1991 гг. характеризуется стабильным развитием изданий. Это было лучшее время в истории областных газет «Пензенская правда» и «Молодой ленинец». Например, ежедневный тираж «Пензенской правды», выходившей пять раз в неделю, в 1987—1989 гг. составлял 175 тыс. экз. Сегодня тираж этой газеты составляет 18 тыс. экз.

Областное телевидение берет свое начало в марте 1958 г., а в октябре 1958 г. начались регулярные передачи Пензенского телецентра. Развитие демократии в обществе способствовало появлению множества новых изданий.

В отличие от информационного пространства в закрытом обществе, где оно функционирует по вертикали, в обществе открытом таковое формируется горизонтально и складывается из совокупности разнонаправленных информационных полей. Здесь нет иерархии, а политика присутствует лишь как объект исследования.

К 1991 г. скрытые противоречия стали реальностью, обернулись открытыми политическими выступлениями, митингами и акциями неповиновения властям. В такие периоды значительно повышается роль СМИ, они часто берут на себя политические функции и могут определять дальнейшее развитие событий и характер новой политической подсистемы.

Именно в этот период (март 1991 г.) в Пензе вышел первый номер межрегиональной газеты «Поволжье», учредителями которой выступили Министерство печати и информации РСФСР и информационно-издательская фирма

«Поволжье». Газета стала центром притяжения демократических сил региона. «Поволжье» выступило организатором проведения первого Конгресса демократических сил Пензенской области, решения которого определили развитие региона на период до апреля 1993 г. Область возглавил рыночник А. А. Кондратьев, который начал демократические преобразования. В этом ему активно помогала газета «Поволжье», переименованная в «Пензенские вести» и изменившая статус: ее учредителем стала областная администрация. Была вновь учреждена «Биржевая газета», направленная на формирование нового экономического мышления с целью создания в области рыночной инфраструктуры.

Следует отметить, что в этот период «главные» областные газеты «Пензенская правда» и «Молодой ленинец» (вскоре сменившая название на «Мир людей»), а также областной комитет по телевидению и радиовещанию придерживались иных позиций.

Безусловно, критический настрой некоторых СМИ по отношению к новой власти был обусловлен не только и не столько идеологическими соображениями. Сложилась весьма мощная коалиция, противостоять которой неопытные демократы не могли по определению. Но главное, что позволяло оппонентам новой власти ее критиковать, это обстановка свободы слова, гласности, политического плюрализма, уже утвердившаяся в обществе.

Постепенно информационное поле региона стало «упорядочиваться» под новую команду. Однако вопреки этому линейную иерархическую структуру СМИ выстроить не удавалось. Общая тенденция демократизации общества в стране приобрела необратимый характер, журналистов активно защищал прогрессивный Закон «О средствах массовой информации», суды становились все более независимыми от исполнительной и законодательной властей. Эти важнейшие составляющие открытости социальной системы помогли коммунистам области прийти во власть.

«Пензенская правда» становится официальным рупором областной администрации. Эту же «нишу» продолжает занимать газета «Пензенские вести». После этого издание зеркально меняет политическую ориентацию. Тесно сотруд-

ничают с новой администрацией телерадиокомпания «Пенза» (бывший областной телерадиокомитет), газеты «Наша Пенза», «Мир людей», «Пензенский край», «Капитал» и др.

В 1998 г. состоялись очередные выборы губернатора. Несмотря на победу нового кандидата, радикальной перекройки информационного пространства после выборов не произошло. Тенденция «упорядочения» СМИ имела продолжение и после выборов 2002 г., когда В. К. Бочкарев получил мандат доверия избирателей на очередной срок.

Под шум политических «баталий» развивалась до сих пор непопулярная модель СМИ: коммерческих, специализирующихся на подаче материалов информационно-рекламного и развлекательного характера. В 1995 г. образована частная телерадиокомпания «Наш дом», начавшая вещание с двух музыкальных радиопрограмм, а с 1996 г. открыт ежедневный телевизионный канал. Впрочем, и эта компания не избежала участия в политических «битвах». В ее информационной политике присутствовал плюрализм в отличие от ГТРК «Пенза», если эфирное время, предоставленное оппозиции, было оплачено по рекламным расценкам. Спустя примерно год в эфире появился еще один коммерческий телеканал — «Экспресс». В основе его информационной политики лежит принцип семейного телевидения. Канал транслирует на всю область информационные блоки, ряд социально значимых и развлекательных программ, а также популярные фильмы.

Среди печатных изданий появилось много газет и журналов рекламного характера: «Из рук в руки», «Ночной блюз» и др. Появление коммерческих СМИ — важнейший аспект трансформации прессы, ТВ и радио на постсоветском пространстве. Как субъект бизнеса СМИ раньше никогда не рассматривали, но оказалось, что на продаже газетной площади и эфирного времени можно хорошо заработывать. В середине 1990-х гг. становится популярным толкование информации как товара. Это новое обстоятельство положило начало качественно новым подходам к деятельности газет и эфирных каналов. В частности, в ходу стали платные имиджевые материалы, публикации компромата, заказных расследований. Особенно этим отличались «Московский комсомолец в Пензе», «Комсомольская правда в Пензе», ПГТРК «9 канал».

Коммерциализация СМИ, безусловно, является процессом, присущим наступлению рыночных отношений. В случае с рядом изданий и эфирных каналов необходимость «жить на свои» заставила их хозяев и менеджеров определять свою «нишу» на информационном пространстве за счет новых интересных тем, лучшего качества материалов, искать читателя и зрителя, поднимать тиражи и рейтинги и тем самым привлекать рекламодателей. К числу таких изданий, «цивилизованно» освоивших рыночные подходы, можно отнести автономную некоммерческую организацию «Наша Пенза», издающую несколько газет, ТРК «Наш дом» и «Экспресс».

Другой стороной коммерциализации можно считать «пожелтение» ряда традиционно респектабельных СМИ» («КП в Пензе», «МК в Пензе»), а также появление печатных изданий и программ откровенно «на потребу», с постоянными материалами о тайнах жизни московских и местных vip-персон, увеселениях звезд шоу-бизнеса, практическими наставлениями по сексу и сомнительными сенсациями. К таким можно отнести газету «Такси», которая к тому же широко рекламирует услуги подпольных секс-агентств.

В период 1994—2005 гг. было несколько попыток издавать общественно-политические журналы («Региональная политика», «Политклуб», «Мнение», «Товарищ», «Федеральная Пенза»), однако после нескольких выпусков они приостановили свою деятельность.

Особняком стоит от всех областных СМИ газета «Деловая Пенза». Она заняла информационную «нишу», которую демократы отводили «Биржевой газете», не много сделавшей в политическом плане, ставшей рупором рыночных реформ.

Отдельно стоит сказать о районных и городских газетах. Их в области насчитывается в настоящее время 29. Они если и подвергались политическим транформациям, то не в столь явной степени, как основные областные издания. Единственное существенное изменение, которое, кстати, отличает пензенские районные и городские газеты от подобных изданий во многих регионах, произошло в 2003—2005 гг., когда изменилось их учредительство: муниципальные органы власти ушли из числа учредителей, уступив

это право областному правительству в лице департамента СМИ и полиграфии. Это позволило газетам выйти из-под постоянной опеки районных властей, расширить границы критики, обрести больший авторитет у читателя. Будучи наиболее близкими к насущным проблемам жителей региона, они основное внимание уделяли и уделяют вопросам жизнеобеспечения, экономики, социально-культурной жизни. Как самостоятельные субъекты политики никогда не выступали, хотя постоянно участвуют в избирательных кампаниях, предоставляя газетную площадь кандидатам и партиям. Сегодня общий разовый тираж «районок» в Пензенской области составляет свыше 106 тыс. экз.

Если период трансформации региональных СМИ 1991—2000 гг. можно охарактеризовать как *метафизический*, поскольку основными темами в них были отрицание коммунистической идеологии, критика планово-распорядительной экономики, а также жесткие дискуссии сторонников и противников демократии и рыночной экономики, то с начала XXI в. можно считать, что наступил период *позитивный*. Утвердилось единство власти и ее вертикаль. Начался процесс формулирования национальной идеологии. Политические дискуссии постепенно «сходят на нет». Сегодня в регионе работают лишь две оппозиционные газеты — «Любимый город» и «Улица Московская».

Каким нам видится завтра пензенских СМИ? Предполагается бурное развитие телевидения, в частности создание мощной компании так называемого общественного ТВ. Концепция ОРТ заключается в равноудалении редакции от власти и частного бизнеса, в том, что это телевидение будет полностью выполнять заказ зрителей, то есть делать и показывать те программы, которые востребованы обществом. За счет новых информационных технологий, в частности в области передачи телесигнала, можно будет создать несколько каналов, вещающих круглосуточно.

В сфере печатных СМИ развитие продолжится в соответствии с законами конкуренции. В частности, намечены меры по значительному улучшению старейшей газеты области — «Пензенской правды», укомплектованию ее новыми кадрами журналистов с тем, чтобы сделать издание интереснее, повысить ее тираж.

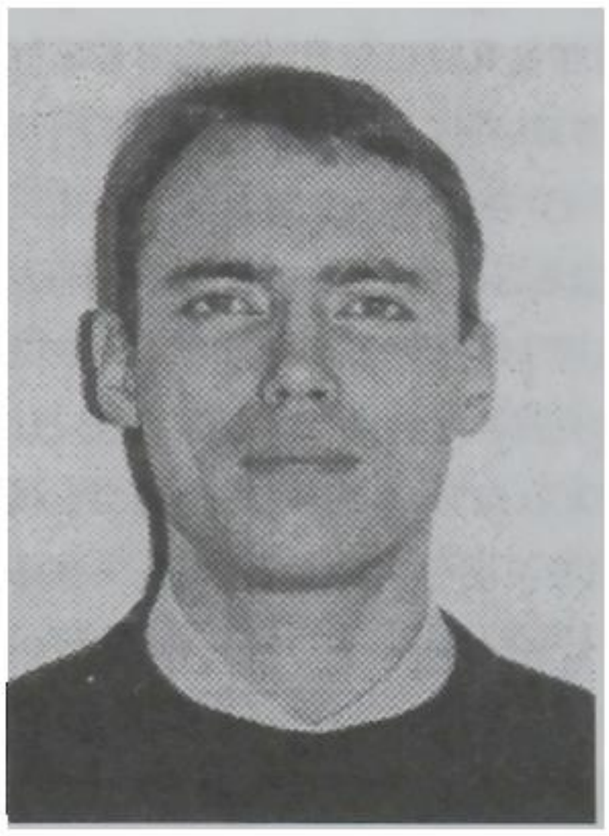
Продолжится реформа в сфере районной печати, начатая в 2003 г. Сегодня в области созданы и работают три современные базовые типографии, печатающие газеты офсетным способом. Все «районки» стали выходить в двух цветах. В настоящее время проводится очередной этап реформирования, задача которого — создание в каждом районе и городе издательского дома. В его структуре, кроме местной газеты, будут современная типография, оснащенная высокопроизводительной офисной техникой, и иные производственно-коммерческие отделы, размещаемые на площадях, освободившихся от морально и физически устаревшего оборудования. Полиграфический и иной бизнес будут пополнять казну издательского дома, что позволит в перспективе всем местным изданиям работать прибыльно, без дотаций из бюджета, выпускать информационные и рекламные приложения, увеличивать тиражи и периодичность.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2003. С. 186.

[2] См.: *Сиберт Ф., Шрамм У., Питерсон Т.* Четыре теории прессы. М., 1998.

Поступила 18.07.06.



И. Г. ЯСАВЕЕВ

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕСТУПНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫМИ СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Одной из социальных проблем, с постоянным успехом выигрывающих конкуренцию с другими проблемами в сфере массовой коммуникации, является преступность. Сообщения о преступлениях — неизменный пункт «повестки дня», особенно в случае с местными телевидением и газетами. Как правило, в любом номере местной (городской или региональной) ежедневной или еженедельной газеты содержатся материалы об убийствах, разбойных нападениях и ограблениях. По большинству общероссийских и региональных телеканалов в вечернее время несколько раз в неделю передаются остросюжетные художественные фильмы и сериалы о преступности, местные и общенациональные новости на криминальную тему, документальные передачи о преступлениях, их расследовании и т. д.

Чем объясняется такое обилие информации о преступности? Почему она — неотъемлемый элемент «медиаландшафта»? Очевидно, это связано с тем, что преступление — это всегда событие, при этом во многих случаях драматичное, оно всегда обладает элементами неожиданности и новизны; его представление средствами массовой коммуникации держит в напряжении зрителей и читателей, вызывая их живую реакцию. Таким образом, в распоряжении журналистов находится непрерывный поток информационных поводов. Кроме того, основным источником информации в данном случае являются официальные органы, что придает сообщениям журналистов столь необходимый им характер объективности и легитимности.

ЯСАВЕЕВ Искэндэр Габдрахманович, доцент кафедры социологии Казанского государственного университета, кандидат социологических наук.

Очевидно, что важны для социологов, криминологов и общественности вопросы: насколько точно средства массовой коммуникации представляют ситуацию с преступностью? Не является ли картина преступности, рисуемая телевидением и газетами, искаженной? А если это так, то что именно искажено?

Некоторые криминологи указывают на то, что основным «поставщиком» новостей о преступности стали местные средства массовой коммуникации — телевидение и газеты[1] В Казани одной из популярных телевизионных программ является «Перехват», выходящая ежедневно на телеканале «Эфир». На наш взгляд, представление ситуации с преступностью этой программой типично для региональных СМИ. «Перехват» сообщает о происшествиях в Казани и Республике Татарстан. Кроме того, в программе демонстрируются фотографии пропавших и разыскиваемых людей и телефоны, по которым предлагается позвонить при наличии какой-либо информации.

В ходе нашего исследования изучались выпуски программы, вышедшие в эфир в течение двух периодов — с 24 октября по 20 ноября 2003 г. и с 1 по 30 ноября 2005 г. Программы записывались с помощью видеотехники, а затем подсчитывалось количество сообщений о преступности, измерялось эфирное время, отведенное для этих сообщений, и изучалось их содержание. Результаты анализа программы «Перехват» сопоставлялись с данными МВД Республики Татарстан о преступлениях, зарегистрированных в республике за этот период.

В течение четырех недель программа «Перехват» сообщила о 57 преступлениях, совершенных в Казани, Набережных Челнах, Нижнекамске и других населенных пунктах Татарстана. Новости о преступности заняли около 40 % эфирного времени. Средняя продолжительность новостей о преступности — 3 мин. 35 с (средняя продолжительность программы в этот период составила 9 мин. 25 с). Между тем, по данным МВД Республики Татарстан, в этот же период в республике было зарегистрировано 3 716 преступлений. В Казани ежемесячно регистрируется в среднем около 1,5 тыс. преступлений[2] Таким образом, очевидна крайне высокая степень избирательности при представле-

нии программой преступности в республике. Такого рода избирательность неизбежна, поскольку в силу ряда ограничений невозможно сообщить о всех регистрируемых преступлениях. Полученные данные свидетельствуют о ряде смещений, характерных для структуры новостей о преступности, которые предлагает программа «Перехват».

Статистика преступности также не является надежной, поскольку правоохранительные органы регистрируют не все преступления. Существует так называемая темная цифра — латентная, скрытая преступность, не учитываемая официальной статистикой. Однако латентность тех или иных видов преступности различна.

Если в статистике МВД РТ преступления, связанные с насилием (убийства, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, грабежи и разбойные нападения) в изучаемый период составили 12,4 % (461 преступление из 3 716), то в программе «Перехват» таким преступлениям посвящено 40,4 % сообщений (23 сообщения из 57). Если судить по доле эфирного времени, отведенного для сообщений о таких преступлениях, то она заняла 39,1 % всего времени, посвященного преступности. Особенно непропорционально представлены убийства. Если в статистике МВД РТ в данный период убийства составили 1 % (37 убийств), то в «Перехвате» этому виду преступности посвящено 8 из 57 сообщений о преступлениях, или 14 %. Если судить по доле эфирного времени, то сообщения об убийствах заняли 16,8 % всего времени, посвященного преступности.

Доля разбойных нападений в статистике МВД РТ — 1,1 % (41 нападение), а в совокупности сообщений в программе «Перехват» — 5,3 % от числа сообщений и 7,2 % всего эфирного времени, отведенного новостям о преступности. Доля грабежей в статистике МВД РТ — 7,8 % (290 случаев), а в совокупности сообщений в программе — соответственно 15,8 и 17,1 %.

Наибольшее число сообщений в данный период — 12 (21 %) — касалось случаев обнаружения наркотических веществ. Доля эфирного времени составила 17,1 %. В то же время, если кражи составляют в статистике преступности 43,5 % (1 616 случаев), то в совокупности сообщений в «Перехвате» их доля — 17,5 % от числа сообщений и 17,4 %

эфирного времени, отведенного новостям о преступности. Еще более несоразмерно представлены преступления в сфере экономической деятельности и мошенничество. В течение всего изучаемого периода программа лишь однажды сообщила о преступлении в сфере экономической деятельности (изготовление поддельных денег) и один раз о мошенничестве. За четыре недели в программе не было ни одного сообщения о коррупционных действиях.

В ноябре 2005 г. смещения в сторону чрезмерного представления убийств, разбойных нападений и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью были более значительны. Каждое пятое сообщение о преступлениях посвящено убийствам, а доля эфирного времени, отведенного для таких сообщений, составила 27 % всего времени новостей о преступности.

Характерно высказывание редактора и ведущей программы «Перехват» о критериях отбора материала: «*У нас работают по ночам — не секрет, что именно ночью вся нечисть вылезает, убивает, чаще случаются ДТП, пожары. Утром мы отбираем самое интересное. По картинке смотрим, где больше крови. Это цинично, но так приходится делать*»[3]

Смещения, возникающие при представлении ситуации с преступностью программой «Перехват», не случайны. Как отмечает Б. Рошье, факторами, определяющими вероятность появления информации о том или ином преступлении в новостях о преступности, являются серьезность правонарушения; «причудливые» обстоятельства — смешные, иронические, необычные; сентиментальные или драматические обстоятельства; причастность известного лица или лица, обладающего высоким статусом, — в любом качестве (хотя особенно часто — в качестве правонарушителя или жертвы)[4].

Как правило, в программе используются выражения «напали двое неизвестных», «неизвестные ограбили» и т. п. Между тем, по данным В. Абрамкина, «в большей части дел по убийству убийца и его жертва раньше хорошо знали друг друга, очень часто это родственники». «Убийство чаще всего совершается не на улице, а в доме. Преступник либо сам приходит сдаваться, либо его ловят на следующий день»[5]. Кроме того, если задержанные ранее

имели судимости, это обстоятельство обычно подчеркивалось корреспондентами и ведущими.

Полученные в ноябре 2005 г. данные свидетельствуют об активном конструировании программой «Перехват» социальной проблемы употребления наркотиков и предполагаемой угрозы безопасности граждан со стороны наркозависимых людей. Сообщения об обнаружении наркотических средств составили 13 % всех сообщений о преступности, при этом еще в 22 % сообщений указывалось, что задержанные по подозрению в совершении грабежей и краж являются наркоманами, и они пошли на преступление ради приобретения наркотиков. Кроме того, в одном из выпусков программы был показан шестиминутный «специальный репортаж», посвященный проблеме употребления наркотиков, в котором наркозависимость напрямую связывалась с преступностью.

В то же время только в 9 % сообщений, занявших 9 % эфирного времени всех новостей о преступности в программе «Перехват», указывалось, что преступное действие было совершено в состоянии алкогольного опьянения. Между тем, согласно официальным данным, в 2003—2004 гг. в состоянии алкогольного опьянения совершили преступления около 25 % от общего числа выявленных лиц, совершивших преступления, а в состоянии наркотического опьянения — около 0,5 %[6] При этом доля лиц, совершающих преступления в состоянии алкогольного опьянения, является гораздо большей в случае с убийствами (70—80 %) и причинением тяжкого вреда здоровью (75—80 %)[7]. Таким образом, можно сделать *вывод о неадекватном представлении программой «Перехват» алкогольного опьянения и употребления наркотиков как факторов, способствующих совершению преступлений, — о несоразмерно слабом внимании к первому и преувеличенном внимании ко второму.* Как отмечает Я. И. Гилинский, только привычной толерантностью к потребителям алкогольных напитков и официальной идеологией «войны с наркотиками» можно объяснить столь «несправедливое» отношение средств массовой коммуникации к потребителям наркотиков (образ хищного преступника) по сравнению с традиционными для России пьяницами[8] С позиций концепции публичных арен С. Хил-

гартнера и Ч. Боска[9] можно утверждать, что тема наркотиков выигрывает «внутрипрограммную» конкуренцию с темой алкоголя в силу соответствия интересам официальных органов, драматичности и относительной новизны для российского общества.

Еще одним заметным смещением стал чрезмерный акцент программы «Перехват» на «раскрытых преступлениях». Если раскрываемость преступлений с 24 октября по 20 ноября 2003 г., по данным МВД РТ, составила 61,2 %, то в программе доля сообщений о «раскрытых преступлениях» — 82,5 % от числа всех сообщений о преступлениях и 85,7 % эфирного времени, отведенного новостям о преступности. В период с 1 по 30 ноября 2005 г. доля сообщений о «раскрытых преступлениях» оказалась еще большей — соответственно 94 и 97 %.

Анализ содержания сообщений о преступлениях выявляет постоянное подчеркивание оперативности и эффективности действий сотрудников милиции. Наиболее часто встречающиеся фразы: «уже через несколько минут злоумышленники были задержаны», «дежурный экипаж приехал на место происшествия уже через несколько минут» или «ровно через минуту после того, как на пульт вневедомственной охраны поступило сообщение, на место происшествия подъехал ближайший экипаж». В двух случаях имела место очевидная «симуляция»: в репортажах сотрудники вневедомственной охраны высаживаются из служебных машин с автоматами в руках и бегут к месту происшествия в светлое время суток, хотя до этого сообщалось, что преступления были совершены ночью. Очевидно, что «Перехват», как и другие телевизионные программы о преступности, создает «полезный для правоохранительных органов PR-контекст, в рамках которого последние изображаются в однозначно позитивном свете»[10].

Заметно, что авторы и корреспонденты программы придерживаются достаточно жестких, репрессивных взглядов в отношении людей, совершивших преступления. Об этом свидетельствует, в частности, материал аналитического характера о преступности детей и подростков (25 октября 2003 г.), в котором корреспондент сожалеет о том, что в спецшколу «с изоляцией» для подростков, совершивших

тяжкие и особо тяжкие преступления, «попадают не все подростки, которые нуждаются в исправлении». При этом такая школа рассматривается как единственный вариант решения проблемы. О репрессивности установок авторов программы свидетельствуют и используемые ими «расхожие» выражения. Так, употребление слова «нечисть» в приведенном выше отрывке из интервью редактора и ведущей программы, очевидно, не является случайностью. Кроме того, использование практически в каждом выпуске программы слов «преступники», «злоумышленники», «взломщики», «грабители», «налетчики» и демонстрация лиц задержанных *являются явными нарушениями принципа презумпции невиновности.*

В большинстве случаев корреспонденты и операторы программы «Перехват» занимают обвинительную позицию по отношению к задержанным. Об этом свидетельствует, например, репортаж о задержании троих подростков по подозрению в совершении грабежа, который вышел в эфир 1 ноября 2005 г. Репортажу предшествовали слова ведущего: «Троих *грабителей* удалось задержать минувшим вечером сотрудникам Кировского РУВД... *Преступников*, напавших на припозднившегося прохожего, нашли по горячим следам (курсив мой. — *И. Я.*)».

Необходимо отметить также, что сотрудники программы совершенно не учитывают сформированные журналистским сообществом этические принципы, касающиеся отношения к жертвам несчастных случаев, преступлений, террористических актов и других происшествий. Так, в этических рекомендациях для сотрудников Би-би-си указывается: «Следует находить баланс между задачей говорить правду и опасностью снизить порог чувствительности аудитории. Без достаточно веских оснований не следует показывать трупы... Равным образом не следует без оснований концентрировать внимание на кровавых последствиях несчастного случая»[11]. В «Правилах профессионального поведения журналистов, освещающих акты терроризма и контртеррористические операции», разработанных Союзом журналистов России, указывается: «Журналист должен... воздерживаться от неподобающей сенсационности и натурализма при показе жестокости и насилия, уважая нравственные и

религиозные чувства представителей аудитории СМИ и прежде всего проявляя должное уважение к страданиям жертв терроризма и чувствам их близких, дабы не усугублять их бестактным освещением событий»[12]. Между тем в течение ноября 2005 г. в программе «Перехват» не менее 26 раз крупным планом показывались мертвые, часто окровавленные тела жертв дорожно-транспортных происшествий, несчастных случаев, пожаров, убийств и самоубийств. Можно предположить, что «Перехват» формирует у аудитории чувство «усталости сострадать»[13].

Таким образом, образ преступности, представляемый программой «Перехват», значительно отличается от образа, рисуемого статистикой МВД, и в еще большей степени — от преступности фактической. Преступность в программе — это преступления, как правило, связанные с насилием (убийства, грабежи, разбойные нападения, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) или наркотиками, совершаемые людьми, часто имеющими ряд судимостей, в отношении случайных, незнакомых людей в вечернее и ночное время на улицах и в других общественных местах.

Разумеется, что программа «Перехват» не претендует на точное отражение структуры преступности. Одна из основных целей программы, о которой заявляют ее авторы, заключается в следующем: «Мы надеемся, что зритель, увидев трагедию, станет впредь более осторожным на дорогах, а водитель не сядет за руль пьяным. Старушка не доверит свои деньги мошенникам, и никто не уснет в постели с сигаретой». Акцент на убийствах, разбойных нападениях, грабежах за счет сообщений о кражах, мошенничестве и других преступлениях может обосновываться тем, что последствия первых для жертв являются гораздо более серьезными. Однако побочный, непреднамеренный эффект такого акцента заключается в том, что у населения формируется искаженное представление о преступности и вследствие этого возникает необоснованный страх стать жертвой преступления. Такой страх, как показывают исследования западных криминологов, помимо психологических последствий, может способствовать поддержке людьми попыток ужесточить законодательство, увеличить меру ответственности за правонарушения вплоть до возврата к

смертной казни. По данным мониторинга общественного мнения, проводимого Аналитическим центром Ю. Левады, около двух третей россиян поддерживает применение смертной казни и только пятая часть является противником этой меры наказания[14].

Криминологи уже достаточно давно выработали рекомендации, касающиеся представления преступности средствами массовой коммуникации. В частности, Г. Шнайдер отмечает следующее: «Как же должны СМИ отражать преступность? Во-первых, ее изображение должно соответствовать действительности, во-вторых, необходимо всесторонне учитывать особенности восприятия населением подобной информации. Материалы о преступности целесообразно дополнять информацией о личности преступников, об условиях их жизни до осуждения и о причинах преступности в широком смысле. В документальных передачах следует сообщать о результатах криминологических исследований в соответствующей области, популярно объяснять выводы, следующие из них. Журналисты должны проявлять больший интерес к науке, регулярно знакомиться с работой криминологов, учиться анализировать проблемы преступности, поднимаясь над уровнем обыденного сознания. Им нужно обладать мужеством и терпением, изображать обыденность преступности, а не только те сенсационные события, которые можно выгодно продать»[16].

Однако утверждать, что хотя бы какие-то из этих рекомендаций учитываются в настоящее время большинством российских журналистов, занимающихся темой преступности, не представляется возможным.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См., например: *Roshier B.* The selection of crime news by the press // Cohen, S., Young, J. (eds.) The manufacture of news. Beverly Hills, 1981. P. 44.

[2] См.: Казань в 2003 году. Краткий информационно-справочный обзор экономики и социальной сферы. Казань, 2004. С. 20.

[3] *Лаврова О.* Живых переношу хуже, чем трупы // Восточный экспресс. 2003. 25—31 авг.

[4] См.: *Roshier B.* Op. cit. P. 46.

[5] *Абрамкин В.* Гуманистический проект национальной тюрьмы // Досье на цензуру. 1999. № 7/8. С. 72.

[6] Общие сведения о состоянии преступности (январь-декабрь 2003 г.) Электрон. ресурс [режим доступа: http://www.mvdinform.ru/files/2177.pdf]; Общие сведения о состоянии преступности (январь-декабрь 2004 г.) // Электрон. ресурс [режим доступа: http://www.mvdinform.ru/files/3157.pdf].

[7] См.: *Гилинский Я. И.* Криминология. СПб., 2002. С. 71.

[8] Там же.

[9] См.: *Хилгартнер С., Боск Ч.* Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Казань, 2000. С. 18—53.

[10] *Schlesinger P., Tumber H.* Fighting the war against crime: television, police and audience // British journal of criminology. Vol. 33 (1). 1993. P. 31.

[11] Цит. по: *Муратов С.* ТВ — эволюция нетерпимости. М., 2000. С. 99.

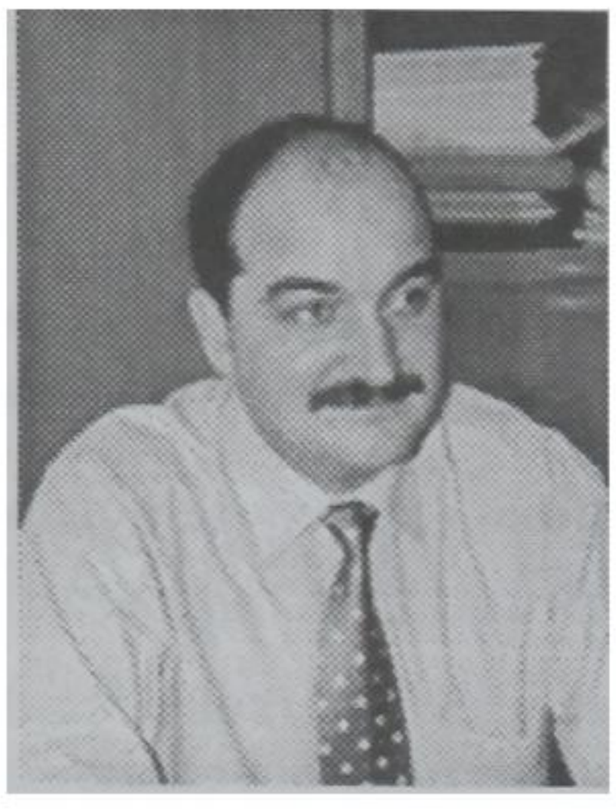
[12] Правила профессионального поведения журналистов, освещающих акты терроризма и контртеррористические операции // Электрон. ресурс [режим доступа: http//www.ruj/index78.htm].

[13] См.: *Киник К., Кругман Д., Камерон Г.* «Усталость сострадать»: коммуникация и чувство опустошенности в отношении социальных проблем // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Казань, 2000. С. 187—217.

[14] Общественное мнение — 2002. М., 2002. С. 150.

[16] *Шнайдер Г.* Преступность и средства массовой информации // Советское государство и право. 1990. № 7. С. 122.

Поступила 07.03.06.



О. В. ИНШАКОВ А. Э. КАЛИНИНА

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА В СФЕРЕ РЫНКА ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ

Необходимость уточнения теоретической модели хозяйственной системы с учетом развития информационного фактора связана, с одной стороны, с развитием коммуникационных технологий, обусловливающих изменения институциональных и организационных взаимодействий в обществе. С другой — фундаментальные положения экономической теории недостаточно учитывают отражение пространственно-временных изменений информации как трансакционного фактора хозяйственной деятельности[1]. Современная экономическая теория нуждается в исследованиях изменений, происходящих в хозяйственных системах всех уровней под воздействием повышения интенсивности и расширения масштабов информационных взаимодействий.

ИНШАКОВ Олег Васильевич, ректор Волгоградского государственного университета, доктор экономических наук, профессор.

КАЛИНИНА Алла Эдуардовна, заведующая кафедрой экономической информатики и управления Волгоградского государственного университета, кандидат экономических наук, доцент.

Эффективность управления конкретной хозяйственной системой прямо зависит от механизма поиска, переработки, хранения и использования информации. Это предполагает определение и рационализацию внутренних и внешних связей, отношений информационных пространств этих систем, а при возрастании их сложности обеспечивает устойчивость координации их деятельности и сопряжения с системами более высокого и низкого уровней. При неразвитом информационном пространстве в хозяйственной системе существенно возрастает количество слабо формализуемых задач принятия управленческих решений.

Развитие Интернета позволяет вовлекать в обмен все больше информационных ресурсов, использование которых обеспечивает количественное и качественное изменение структуры затрат и предъявляет новые требования не только к факторам и технологиям, но и к институциональной и организационной составляющей экономического прогресса. Необходимость общего сокращения трансформационных и трансакционных издержек, связанных с использованием информации, обусловливает формирование единого информационного пространства хозяйственной системы (ИП ХС).

Институциональная специфика ИП выражается в нормах и правилах, определяемых региональными особенностями рынков, их субъектов и объектов[2]. Повышение эффективности взаимодействия субъектов разных сфер, сегментов и секторов ХС регионов предполагают обмен адекватной информацией для рыночной координации их деятельности. Исходным в формировании ХС является ИП труда, которое в современных условиях приобретает рыночную форму и региональную специфику.

Системное стратегическое построение ИП региональных рынков труда, адекватное современным технологиям управления региональными ХС, предполагает выявление и оценку потенциала влияния информационных процессов на данный рынок, анализ и оценку их эффективности в его функционировании и обеспечении занятости.

Представляется целесообразным определить информационное пространство как вид пространства, выделенный на основе признания эндогенности информационного фактора производства, включающий отношения хозяйствующих

субъектов по поводу этого фактора и соответствующих условий, ресурсов и продуктов их деятельности[3]. Применение структурной рекурсии к ХС позволяет получить для каждой из них на разных уровнях внутрисистемное ИП, отражающее аспекты их внутренней среды. ИП регионального рынка труда — аспектно специфицированная форма декомпозиции пространства ХС мезоуровня. Обоснование понятия информационного пространства как формы существования и интеграции предметно ориентированных информационных систем (ИС), характеризующейся иерархичностью, структурностью, протяженностью и дифференцированностью, позволяет в рамках функционального и эволюционного подходов охарактеризовать ИП в виде модельных представлений и информационного отражения взаимодействия субъектов ХС региона.

Объединение аспектированных региональных информационных систем по территориально-политическому принципу может обусловливать создание макрорегиональных информационных подпространств (например, информационное пространство Южного федерального округа). *Объединение предметно ориентированных информационных систем различных регионов, в частности по проблемам труда и занятости, приводит к созданию информационного пространства рынка труда макрорегиона.*

Характеристика ИП региональной экономики должна системно выделять и отражать его аспекты в рамках территориального (является наиболее распространенным[4]), функционального и эволюционного подходов. Применение к региональному ИП этих подходов дает возможность уточнить инструментарий анализа взаимодействий, складывающихся между экономическими субъектами мезоуровня. Накопление и структурирование информации как эндогенного фактора происходит в регионе кооперационно с другими факторами, функциями и структурами в развитии ХС в целом, отдельных ее подсистем и субъектов.

Информационный фактор наряду с организационным и институциональным обеспечивает трансакции, многообразно связывая производителей и потребителей в пространстве воспроизводственных процессов. Это будет выражаться в характере и структуре обменов и взаимодействий между отдельными ИС агентов в ИП региональной экономики.

Теория многоуровневого и многоаспектного информационного отражения включает в себя: во-первых, принципы формирования и функционирования информационного пространства (системности и противоречивости, иерархии и гетерархии, субординации и координации, единства и многообразия, субъектности и объектности, абстрактного и конкретного); во-вторых, факторы инновационного развития (повышение компетенций, компьютеризация технологий, институционализация и сетевая организация процессов) с учетом тенденции глобализации и регионализации; в-третьих, иерархическую логическую модель его отражения (архитектура, информационные ресурсы, инфраструктура и системы аналитической обработки информации для различных групп пользователей).

Региональная специфика ИП рынка труда и занятости определяется природными условиями ХС, ее масштабом, объектами, субъектами, сферами деятельности, уровнем развития технологий, нормами и правилами, количеством и структурой организаций и способами информационного представления хозяйственной деятельности, что находит отражение в соответствующей ИС.

На Юге России постепенно складывается целостная ИС, отражением и механизмом саморазвития которой должно стать открытое региональное ИП. Участвующие в коммуникационном обмене информация и знания воспроизводятся в расширенной форме, генерируя новые знания. Этот процесс открывает неограниченные возможности саморазвития и познания закономерностей развития ХС в целом.

Ощущается необходимость создания аналитических ИС регионального рынка труда, способных не только предоставлять информацию о спросе на человеческий капитал в территориально-отраслевом и профессионально-квалификационном разрезах, но и анализировать ее с позиций оценки эффективности обеспечения занятости.

Для проектирования ИС используется функционально-ориентированный подход. Разработанная нами ИС регионального рынка труда является клиент-серверной. Задача серверной части — обслуживание информационных потребностей клиента. Клиентским приложением выступает интернет-сайт. Система является открытой, так как представляет собой совокупность информационных, программных,

организационных и технических средств сбора, накопления, обработки и выдачи информации, необходимой для осуществления функций регулирования рынка труда, в непосредственном взаимодействии с внешней средой.

Разработка общей структуры ИС выполняется на основе соответствующих концептуальных моделей рынка труда и занятости, представленных в виде трехуровневых структурно-логических схем, и предполагает описание серверов баз данных и программных средств их разработки. При проектировании указанных концептуальных моделей нами применен метод структурно-системного анализа.

На первом уровне структурной модели находится основной изучаемый объект — рынок труда, второй содержит составляющие элементы — рабочее место (характеризует спрос на рынке труда), человеческий капитал (характеризует предложение на рынке труда) и инфраструктуру. Третий уровень (микроуровень) представляет свойства сущностей — основные характеристики и показатели состояния рынка труда.

На основании разработанных концептуальных моделей рынка труда и занятости построены модели даталогического уровня проектирования ИС. Создание логической и физической модели реляционной базы данных осуществлено в нотации IDEF1X с помощью CASE-средства ERwin 3.5 фирмы Platinum.

После реализации этапов проектирования ИС регионального рынка труда и подготовки логической и физической модели сгенерирована соответствующая база данных на основе данных службы занятости населения по Волгоградской области, а также аналитических авторских расчетов.

Открытость информации во многих базах данных не означает легкость доступа к данным для непрофессионального пользователя, так как для этого необходим не только физический доступ, но и знания об используемой модели данных, схемы базы данных, умение пользоваться языком запросов. Поэтому проблема предоставления удобного доступа к базам данных остается особо актуальной для различных групп пользователей, и ее решение достигнуто нами посредством применения Интернет и ГИС-технологий.

В настоящее время в ИП Волгоградского региона подобные информационные ресурсы отсутствуют, а аналогичные в других регионах не имеют сервиса по поиску данных, динамических диаграмм и тематических карт. Пользовательский интерфейс спроектированной ИС представлен интернет-сайтом «Рынок труда и занятость Волгоградской области». Сайт обеспечивает доступ к созданной ранее базе данных, представляет информацию в текстовом виде, а также в виде диаграмм, отражая тенденции изменения основных показателей рынка труда и занятости. Так как рассматриваемый региональный рынок труда сегментируется на меньшие территориально локализованные образования (районы), то представляется целесообразным представить обобщенную и структурированную информацию в виде тематических карт.

Для определения мер регулирования регионального рынка труда необходима оценка эффективности обеспечения занятости в процессе мониторинга основных выделенных подсистем: безработицы, банка вакансий, финансирования и трудоустройства с использованием относительных экстенсивных и интенсивных показателей, а также рейтингового позиционирования.

Так как рейтинг представляет собой многобалльную систему оценки какой-либо деятельности или состояния, то необходимо построить рейтинговую шкалу, учитывающую особенности распределения значений показателей обеспечения занятости по регионам для каждого вида мероприятий. Для получения интервальных оценок нами использовался статистический подход.

Макросостояние мероприятий обеспечения занятости будет представляться следующим аналитическим выражением для общего рейтинга R_{gj}:

$$R_{gj} = \sum_{l=1}^{l=4} R_{lj} = R_{muj} + R_{bvj} + R_{ej} + R_{fj} . \qquad (1)$$

где R_{gj} — общий рейтинг эффективности обеспечения занятости; l= 1...4 — количество подсистем обеспечения занятости; j= 1...n, где n — количество показателей, входящих в подсистемы обеспечения занятости; $R_{muj}, R_{bvj}, R_{ej}, R_{fj}$ — рейтинги подсистем «мониторинг безра-

ботицы», «банк вакансий», «трудоустройство» и «финансирование».

Так как величина R_{gj} является числом, то выражение (1) определяет уровень состояния обеспечения занятости, а выражение (2) — глобальный рейтинг или уровень обеспечения занятости по региональному субъекту в целом:

$$R_{ЮФО} = \sum_{j=1}^{j=12} R_{gj} \qquad (2)$$

Представленная комплексная методика мониторинга апробирована для оценки эффективности соответствующих мероприятий содействия занятости как в целом по округу, так и по субъектам ЮФО, а также для районов Волгоградской области, что является подтверждением возможности ее применения для различных объектов исследования.

Из анализа зависимостей рейтингов выделенных подсистем обеспечения занятости регионов ЮФО следует, что общий рейтинг Краснодарского края выше, чем Волгоградской и Ростовской областей, в основном из-за большего значения рейтинга подсистемы финансирования. Если ввести коэффициент эффективности используемых средств, определяемый как отношение рейтинга подсистемы трудоустройства к рейтингу подсистемы финансирования ($\alpha_j = R_{ej} / R_{fj}$), то наибольшее значение такого коэффициента у Астраханской области ($\alpha_j = 2{,}3$).

Следует отметить, что хотя рейтинги подсистем мониторинга безработицы для Краснодарского края и Ростовской области одинаковы ($R_{muj} = 15$), отношение коэффициентов эффективности используемых средств для них составляет $\alpha_{\text{Ростов. обл.}} / \alpha_{\text{Краснодар. обл.}} \cong 6$.

Представляется интересным соотношение напряженности рынка труда с вводимым коэффициентом эффективности используемых средств. Графическая интерпретация указанного соотношения (рисунок) дает наглядное представление о сравнительной эффективности обеспечения занятости для различных регионов, входящих в ЮФО, позволяет наглядно представить позицию каждого региона, а также сгруппировать исследуемые объекты по эффективности обеспечения занятости. По эффективности используемых средств позиционируемые регионы разбиваются на три группы по воз-

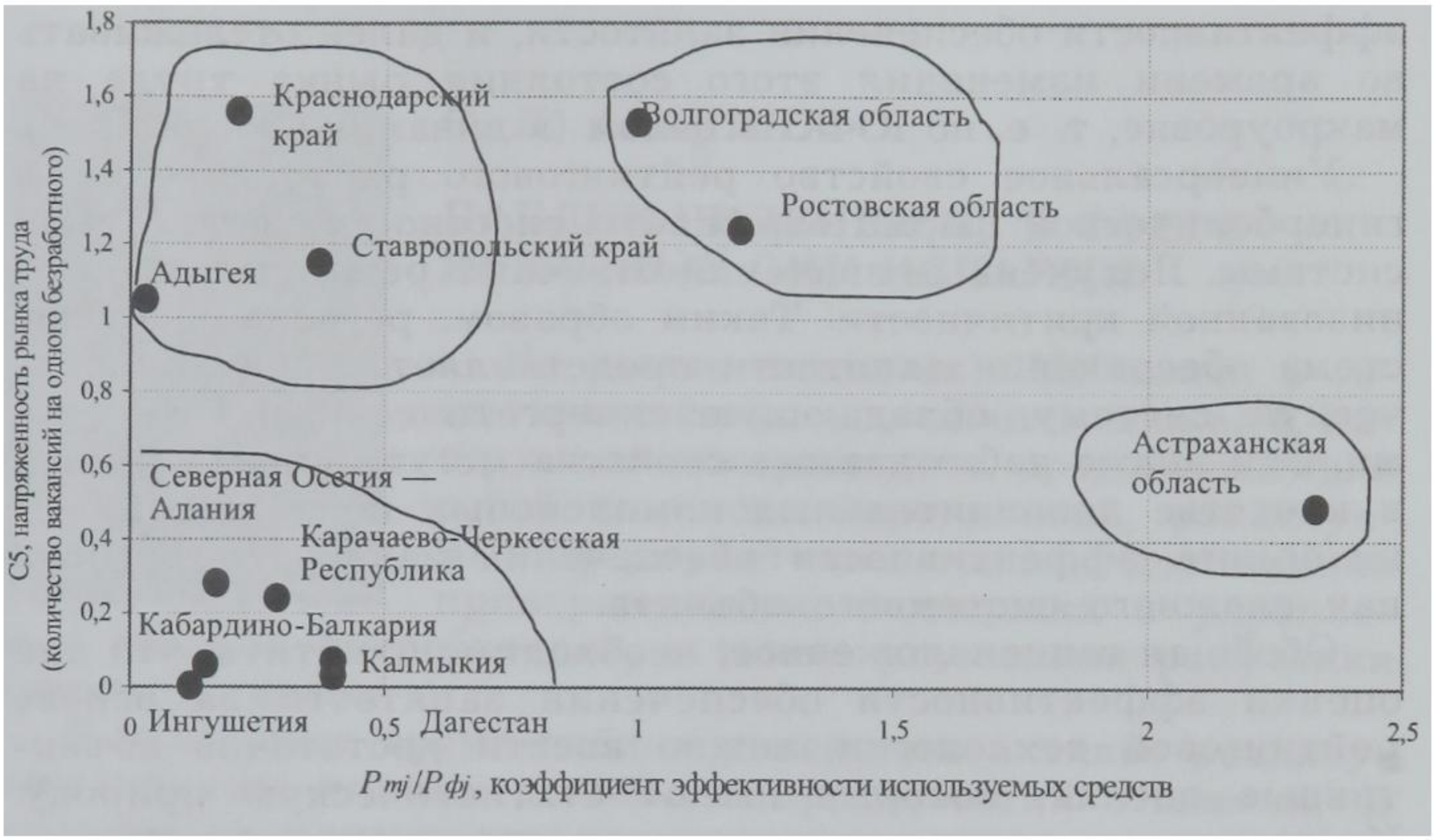


Рисунок. Распределение напряженности рынка труда по регионам ЮФО в зависимости от коэффициента эффективности используемых средств

растающей: Ставрополь, Краснодар, Адыгея, весь Кавказ и Калмыкия (как имеющие самый низкий диапазон коэффициента эффективности используемых средств); Ростов, Волгоград (среднее значение коэффициента); Астрахань (наиболее высокое значение). По напряженности рынка труда можно выделить две основные группы по возрастающей: Ставрополь, Краснодар, Адыгея, Ростов, Волгоград; Астрахань, Калмыкия и весь Кавказ.

Отслеживая изменение показателя напряженности рынка труда вследствие различных управленческих решений, эффективность которых можно оценить через коэффициент эффективности используемых средств, состояние рынка труда на макроуровне (по ЮФО) может характеризоваться шестью основными типами. Как видно из рисунка, на карте занято четыре квадрата, поэтому можно выделить четыре группы регионов.

Следовательно, от анализа можно перейти к одной карте состояния, позволяющей иметь наглядное представление об

эффективности обеспечения занятости, и далее отслеживать во времени изменения этого состояния рынка труда на макроуровне, т. е. по ЮФО в целом (в динамике за ряд лет).

Универсальное свойство рейтингового распределения в гиперболической форме отражает целостность исследуемой системы. Полученные значения отвечают режиму самоорганизованной критичности. Таким образом, региональная система обеспечения занятости представляет собой холистическую систему, обладающую синергетическими свойствами. Эти новые наблюдаемые свойства могут использоваться в качестве дополнительных комплексных показателей мониторинга эффективности обеспечения занятости региона как сложного системного объекта.

Обобщая вышеизложенное, необходимо отметить, что для оценки эффективности обеспечения занятости на основе рейтинговой технологии можно ввести достаточно объективные оценки, которые имеют статистическую природу. Исследование полученных трендов позволяет отслеживать динамику соответствующих процессов в созданной информационной системе, моделировать их эволюцию и вырабатывать управленческие решения с целью оптимизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Иншаков О. В.* «Ядро развития» в контексте новой теории факторов производства // Экономическая наука современной России. 2003. № 1. С. 17.

[2] См.: *Паринов С. И.* К теории сетевой экономики. Новосибирск, 2002. С. 43—48.; *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 17.

[3] См.: *Калинина А. Э.* Развитие информационного пространства региональной хозяйственной системы (на примере рынка труда и занятости). Волгоград, 2005.

[4] См.: *Jakle John A., Brunn S., Roseman C.* Human Spatial Behaviour: A Social Geography. North Scituate, 1976. P. 118; *Виноградский В. Г.* Социальная организация пространства. М., 1988. С. 9; *Потемкин В. К., Симанов А. Л.* Пространство в структуре мира. Новосибирск, 1990. С. 58; *Закупень Т. В.* Правовые и организационные аспекты формирования информационного пространства государств — участников СНГ. М., 1998. С. 20.

Поступила 29.03.06.

С. П. АБАНИНА

ПАБЛИК РИЛЕЙШЕНЗ В СФЕРЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ ИСПАНИИ

На рынке печатных СМИ связи с общественностью — наиболее важный инструмент коммуникации, представляющий собой комплекс мероприятий, реализуемых предприятиями с целью достижения приверженности, поддержки и укрепления доверия потребителей, а также улучшения репутации фирмы в целом.

В настоящее время паблик рилейшенз активно реализуются всеми типами массмедиапредприятий Испании. В отличие от других средств коммуникации они характеризуются более низкими затратами, поэтому подходят для средних и небольших по величине издательств.

Основными инструментами паблик рилейшенз, получившими широкое распространение, являются взаимоотношение с другими массмедиапредприятиями; презентация на выставках, конгрессах и семинарах; патронаж и другие мероприятия, реализуемые в рамках паблик рилейшенз.

Взаимоотношения с другими массмедиапредприятиями представляют собой самый важный инструмент связей с общественностью. С этой целью большинство крупных издательств Испании имеет в своей структуре отдел коммуникаций и связей с общественностью, который активно сотрудничает со всеми типами массмедиапредприятий в сфере информационного обмена. В небольших издательствах подобная деятельность осуществляется отделом маркетинга или непосредственно руководством печатного СМИ.

Отдел коммуникаций и связей с общественностью в издательстве выполняет две основные функции. Первая — принятие во внимание информации, публикуемой другими

АБАНИНА Светлана Петровна, менеджер-маркетолог компании «Koerner» (Барселона).

издательствами (важные даты, интервью, полемика). Вторая функция состоит в распространении собственной информации с целью ее опубликования в прочих печатных СМИ.

Достаточно часто публикуемые эксклюзивные интервью и репортажи в одних изданиях цитируются другими, что, по сути, является стихийной ответной реакцией массмедиапредприятий на интересующую статью, всеобщее признание компетентности издательства или порицание непрофессионализма.

В конце 2005 г. экономический журнал «Capital» опубликовал репортаж-полемику о том, что футбольная команда «Реал Мадрид» понесла убытки. Впоследствии информация об этом появилась во всех мировых СМИ. Спортивное издание «Marca» озаглавило свою статью «Capital известил о потери Реал Мадрида». В полемику вступили другие испанские газеты и журналы («El Correo Gallego», «Mundo Deportivo»), радиостанции, информационные сайты Интернета и международные издания («Capital Francia», «L. Equipe», «Le Journal du Dimanche»).

Подобный тип коммуникации между издательствами необходим для привлечения и удержания внимания читательской аудитории. Бесспорно, некоторые читатели предпочтут получить информацию из первоисточника. Но поддержание и продолжение темы, публикуемой одним печатным СМИ, способствует укреплению имиджа и репутации другого издательства. В связи с этим отдел коммуникаций и связей с общественностью должен разработать стратегию, способствующую своевременному получению информации, предлагаемой другими СМИ.

Для достижения этой цели используется предоставление собственной информации другим СМИ, а также проведение научных исследований, дискуссий на радио и телевидении.

Многие издательства, как крупные, так и небольшие, учреждают премии, привлекая внимание общественности к социальным проблемам, мировой культуре и науке. Одна из наиболее престижных премий Испании — «Платиновая Фотография», вручаемая на протяжении пятидесяти лет за лучшие фотографии, опубликованные в прессе. К специализированным премиям относится Премия Закона, учреж-

денная при поддержке Министерства юстиции Испании за лучшие статьи-расследования в области юриспруденции.

Все учреждаемые печатными СМИ премии — это персональные премии, премии издательским маркам, информационным продуктам и предприятиям, работающим в непосредственном контакте с печатными СМИ, специальные премии.

Достаточно частым явлением, получившим широкое распространение, стало наименование учреждаемых премий в соответствии с логотипом информационной продукции издательства. Подтверждением тому может служить история премий «Трофей». «Трофей» — торговая марка, принадлежащая международному издательству «Америка Иберика», которое владеет группой печатной продукции: «Трофей Охота», «Трофей Рыбалка», «Трофей Снег», «Трофей Скачки», «Трофей Гольф» и «Трофей Судоходство». Каждая из премий с аналогичным названием ежегодно присуждается издательством организациям и людям, активно сотрудничающим с редакциями журналов или внесшим значительный вклад в сферу целевой направленности изданий.

Важным направлением паблик рилейшенз является участие в выставках, конгрессах и семинарах, а также их организация. Эти действия позволяют издательству не только укрепить свою репутацию путем опубликования информации о проводимых мероприятиях и представляющей интерес для широкого круга читателей, но и осуществить презентацию информационной продукции другим сегментам читательской аудитории, способствуя установлению новых деловых контактов.

Ежегодно в Испании проводится около 20 тематических ярмарок, конгрессов, семинаров. Многие издательства либо осуществляют их информационную поддержку, либо непосредственно выступают в качестве организаторов и участников, что может представлять собой интерес для массмедиапредприятий.

Патронаж и меценатство — деятельность, осуществляемая в рамках паблик рилейшенз, и состоят в финансировании и поддержке социальных и культурных инициатив с целью укрепления репутации издательства и создания благоприятного имиджа перед читательской аудиторией. Основ-

Заказ № 1305

ная цель патронажа для массмедиапредприятий — достижение устойчивого конкурентного преимущества на рынке СМИ через создание положительного имиджа издательства и построение тесных отношений с кругом читателей.

Подобной философии придерживается «El Periodico de Catalunya», которое позиционирует себя как издание, активно сотрудничающее со своей читательской аудиторией и выполняющее социальные и культурные функции, полезные обществу. Главная цель этого издательства — сохранение статуса ежедневного новостного издания, поскольку печатные СМИ представляют собой нечто большее, чем традиционный продукт потребления. Благодаря публикуемым статьям, репортажам, информационным расследованиям они активно участвуют в жизни граждан, формируя общественное мнение. Также одна из основных целей реализации патронажа и меценатства в сфере СМИ — стать культурным агентом общества, поддерживая все типы инициатив.

Для достижения этих целей меценатство и патронаж не должны быть акциями разового характера. Издательству следует реализовывать последовательную и целенаправленную политику в данной области, как это делает, например, «El Periodico», являющееся патронатом ежегодного Греческого фестиваля в Барселоне, праздников Святой Мерсе (покровительницы Барселоны), фестиваля «Доктор Музыка», Ярмарки дискографии, Международного фестиваля независимого кино в Ситчес и Концертов огня.

В отличие от крупных издательских групп средние и небольшие издательства не обладают достаточными финансовыми ресурсами, чтобы на постоянной основе стать патронатами мероприятий. В этом случае престиж и имидж печатного СМИ определяются не числом и масштабностью организуемых мероприятий, а их тематикой. Наибольшую поддержку со стороны общественности получила гуманитарная акция, организованная издательством «Recoletos» при поддержке Министерства обороны Испании, в помощь детям Кабула (Афганистан).

В зависимости от целей политики, реализуемой издательством, оно может выступать в качестве патроната проводимого мероприятия или сотрудничать с организаторами акций.

Журнал «Restauracion y Rehabilitacion» входит в группу изданий «Amerika Iberica» и является не только организатором международных конгрессов, салонов и семинаров по возрождению и сохранению культурного наследия общества, но и параллельно с этим учредителем Премии королевы Софии в данной области. Премии вручает сама королева София, что подчеркивает престижность и значимость мероприятия. Газета «El Pais» выступает в качестве патроната многих культурных мероприятий. Однако в рамках Цикла уникальных концертов в Мадриде, организуемых объединением «Юные музыканты», издание осуществляет только информационную поддержку.

Печатные СМИ через публикуемые статьи и репортажи, рекламу и организуемые мероприятия активно участвуют в жизни своих читателей. Помимо этого издания могут приносить реальную пользу потребителям информации, публикуя советы в области юриспруденции, бизнеса, образования, психологии, социальной сферы. С этой целью во многих печатных СМИ имеется специальная рубрика ответов на вопросы читателей или колонка советов.

Каждую неделю журналисты и читатели журнала «Jubilo» собираются вместе для определения тематики будущих статей, интервью и информационных расследований, представляющих наибольший читательский интерес. Вместе с тем потребители информации в ходе обсуждения формулируют вопросы, на которые хотят получить ответы в ближайших номерах журнала.

Праздник можно рассматривать как форму проведения церемонии вручения премий, учреждаемых печатными СМИ. Однако издательства, организуя праздники, могут преследовать также цели презентации нового издания, рубрики или эксклюзивного репортажа; представлять номер специальной направленности. Праздник может носить характер дефиле, путешествия, спортивных соревнований, встречи с читателями. Журнал «Man» для презентации специального номера, посвященного мужской моде, организовал дефиле в театре «Капитал» в Мадриде, в котором принимали участие всемирно известные кутюрье и дома мод. Организация и проведение подобных праздников позволяют печатным СМИ привлечь к сотрудничеству конкурирующие издательства, коммерческие и некоммерческие организации и

фонды, работающие в сфере специализации издания, завоевать лояльность читателей.

Весьма важна организация мероприятий, направленных на определенный сегмент читательской аудитории. Такие газеты, как «El Pais», «El Periodico de Catalunya», «ABC» и «El Mundo», для привлечения внимания молодежной аудитории начали публиковать политические, социальные, экономические статьи и информационные расследования по заказу университетов, которые впоследствии использовались преподавателями при прочтении лекций. Кроме того, «El Pais» стал учредителем двух изданий «El Pais Universia» и «El Pais de los Estudiantes». В разработке и создании этих газет еженедельно принимают участие свыше 3 тыс. университетов и школ. Сотрудничество с издательством ведется по направлениям: фотография, интервью, статья, новости, дизайн. Студенты и школьники выступают в качестве журналистов, фоторепортеров, верстальщиков-дизайнеров, редакторов. В создании номеров газет также могут принимать участие преподаватели университетов как члены совета директоров изданий. Однако основная их функция — научить студентов пользоваться компьютерными программами, необходимыми при создании печатных СМИ.

По требованию «El Pais» каждое из изданий должно включать в себя рубрики: экология и окружающая среда, наука и техника, общество и культура, новости и свободная тематика. Ежегодно между школами и университетами, принимающими участие в разработке и создании «El Pais Universia» и «El Pais de los Estudiantes», устраиваются конкурсы на лучшие статьи, интервью, репортажи и фотоматериалы. Традиционный приз победителю — 6 тыс. евро.

В сфере печатных СМИ имеется множество примеров использования скрытой рекламы в фильмах, программах и телесериалах, оказывающей мощное воздействие на зрительскую аудиторию.

В кадрах одного из самых популярных испанских сериалов «Los Serranos» постоянно появляется экономический журнал «Emprendedores». В фильме «Неистовый» Харрисон Форд достает из чемодана экземпляр журнала «Elle». В фильме «Плохое образование» один из персонажей при-

ходит в дом с журналом и говорит: «Я знаю, что Вы были здесь, чтобы читать „Fotogramas“».

К другим технологиям связей с общественностью можно отнести сотрудничество с университетами, организацию дебатов, тематических вечеров, акций протеста, опубликование книг об истории развития издания. В 2005 г. вышла книга «Один день в жизни El Mundo», написанная журналистом В. Олмос и опубликованная для «La Esfera de los Libros». В 2006 г. издательство «El Periodico» на каталонском языке опубликовало книгу «История чемпиона» после победы футбольной команды «Барселона» на Кубке Европы.

Защита общественных интересов также относится к видам деятельности, осуществляемым в рамках паблик рилейшенз. Например, «Lunas de Miel», журнал издательства «Temascinco», задолго до появления официального запрета по собственной инициативе отказался от опубликования рекламы табачной продукции на страницах издания. Помимо этого разработан специальный дизайн обложки журнала с предупреждением о вреде курения.

Активное использование паблик рилейшенз в практике управления позволяет массмедиапредприятиям не только достичь устойчивого конкурентного преимущества на рынке СМИ, но и создать собственный образ перед общественностью, который трудно копировать другим изданиям.

Поступила 18.10.06.

Е. И. ДЕНИСКИН

ПРИМОКШАНСКИЕ ЛЕСА РЕГИОНА В XVII — СЕРЕДИНЕ XX в.

В древности территория современной Мордовии была почти вся покрыта лесами. В настоящее время уцелели лишь небольшие массивы у сел Веденяпино, Старый Город, у г. Темникова. Леса образовывали несколько крупных массивов и были распределены между разными группами мордвы на основе обычного права. В период складывания и развития феодализма у лесов стали появляться собственники, что привело к потребности управления ими. Появились жалованные грамоты князей и царей, утверждавшие право владения лесами за определенными лицами, «служилыми» князьями, боярами, дворянами. Охранные грамоты утверждали право собственности лесами за их владельцами[1]

Первые лесные законы появились при Петре I (1703—1705 гг.). Они обязывали описывать все леса во всех губерниях и уездах от больших рек в сторону на 50 верст (53 км), а от малых рек на 20 верст (21 км) в обе стороны. Леса в этих пределах объявлялись заповедными[2]

Главными целями петровских лесных законов были удовлетворение государственных потребностей в лесных товарах и обеспечение флота строительными материалами. Вместе с тем лес повсеместно охранялся. Петр I сформировал лесную охрану. Сторожами брали здоровых мужиков из соседних с лесом деревень, охотников, знающих лес. Первые сторожа (полесовщики, лесники) основали стражнические дома, или лесные сторожки, позднее названные кордонами. Жилье и служба в них передавались по наследству[3]

ДЕНИСКИН Евгений Иванович, аспирант кафедры дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии Мордовского государственного университета.

С приходом к власти императрицы Екатерины II в 1762 г. лесные законы, изданные Петром I, уступили место финансовым взглядам на лес. Он стал рассматриваться как средство увеличения доходов казны. В 1782 г. вышел указ о вольности дворянства, позволявший всем лесовладельцам свободно рубить свои леса, даже считавшиеся заповедными[4].

Начало ведения лесного хозяйства на территории современной Мордовии относится к 60-м гг. XIX в. К этому времени леса были разделены между многими собственниками. Около 55 % их принадлежало государственной казне, 15 % — удельному ведомству. Остальные леса находились в собственности церквей, монастырей, частных лиц, входили в наделы крестьянских хозяйств. Так, например, на 1 января 1914 г. леса Темниковского уезда распределялись следующим образом: 45,0 % принадлежало казне, 23,4 % — церквам и монастырям, 5,3 % — крестьянским наделам, 26,3 % являлись частными лесами[5]

Только по пяти уездам за одно столетие (1792—1900 гг.) площадь лесов уменьшилась на 545 тыс. га, или в 2 раза, а площадь пашни увеличилась на 327 тыс. га, или в 1,5 раза. В результате уничтожения лесов значительно возросла водная эрозия почв, увеличилось количество оврагов, заметно помелели реки[6]. Так, Казанская адмиралтейская контора доносила Сенату о массовом истреблении дуба в Темниковском округе. Здесь крестьяне продавали лес в виде досок, ободьев, полозьев. Огромный урон лесам Мордовии и Темниковского округа причинял поташный промысел, зародившийся в конце XVII в. Основным продуктом, шедшим на изготовление поташа, являлась зола, получавшаяся от пережога леса[7]

В конце XVIII — начале XIX в. леса вырубались, раскорчевывались и использовались под пашню. В связи с этим изменилась и лесистость территории. Так, по динамике лесистости Темникового уезда на время генерального межевания 1792 г. леса составляли 390,9 тыс. га, или 75,8 % территории уезда, а на период 1900—1911 гг. площадь уменьшилась уже наполовину и составляла 262,3 тыс. га — 55,8 % территории[8]. Неразумное истребление лесов в XVIII — начале XIX в. снизило лесистость Мордовии почти в 2 раза, что негативно сказалось на водном режиме рек Мокши, Суры

и Алатыря, которые сравнительно недавно были судоходными и являлись основными путями транспорта в дореволюционной России[9].

В 60-х гг. XIX в. началось составление описей и планов лесных территорий. Для удобства управления лесами губернии разделили на округа, а округа — на лесничества. В Темниковском уезде было организовано 2 лесничества общей площадью 87 378 дес. Ревизии этих лесничеств проводились каждые 10 лет. Однако лесоустройство не отвечало всем требованиям лесного хозяйства. Оно заключалось лишь в фиксации границ отдельных участков и нанесении их на план.

К концу XIX в. постепенно увеличивается количество лесничеств и сокращается их площадь. Темниковский и Спасский уезды относились к Тамбовской губернии, в состав которой входили Виндреевское, Вадовское, Крутецкое, Вышинское, Пушкинское, Харинское, Быстрищенское и Шалинское лесничества. Они были в ведении управлений государственным имуществом, находившихся в Тамбове.

Несомненный интерес представляет расчетная лесосека разных пород по отдельным лесничествам Темниковского уезда. В Виндреевском лесничестве сосной было покрыто 11 789 дес., дубом — 4 216, мягколиственными породами — 16 098 дес.; в Вадовском — соответственно 6 469, 1 380, 9 430 дес.; в Крутецком — 12 301, 2 064, 18 785 дес.; в Вышинском — 3 304, 466 и 24 285 дес.; в Харинском — 4 609, 597 и 13 462 дес.; в Быстрищенском — 5 580, 1 818 и 18 219 дес.; в Шалинском — 7 722, 1 509 и 10 347 дес.[10]

Лесопользование является конечным циклом в лесном хозяйстве. Правильно организованное лесопользование позволяет эксплуатировать леса без их истощения. По условиям сбыта леса многие районы Мордовии находились в тяжелом положении. Особенно затруднен был сбыт в западном массиве, где не было транспортных путей, кроме рек, по которым проходил сплав леса. Заметно оживился сбыт леса из этого массива с вводом в действие в 80-х гг. XIX в. железной дороги Рузаевка — Рязань. Наибольшей эксплуатации подвергался лес вблизи подъездных путей и населенных пунктов. Рубили породы, приносившие наивысшую доходность на рынке.

Качество древесины, близость или отдаленность рынков сбыта определяли цены на лес[11]. Так, в лесах Спасского и Темниковского уездов большим спросом пользовалась различная дубовая клепка. Она шла на паркетные фабрики в Москву, Армавир, Ростов-на-Дону, другие города и экспортировалась во Францию и Алжир. Для ее изготовления требовалось большое количество высококачественной дубовой древесины, вырубавшейся без норм и правил. Например, из Анаевского лесничества при наличии около 3 300 дес. дубового леса с 1860 по 1865 г. вырублено около 2 040 дес. прекрасного векового дуба, а так как мер к восстановлению не принималось, вся эта площадь покрылась березой[12].

Больше всего в начале XX в. ценилась сосна, цены на которую были в 2 раза выше, чем на дуб. Это объясняется тем, что весь лучший дуб к этому времени был уже вырублен, а оставшийся на корню не представлял большой ценности. Наиболее дорогим был лес вблизи рынков сбыта и транспортных путей, где он вырубался в первую очередь. По мере вырубки ближних массивов лесопромышленники осваивали отдаленные участки, что сказывалось на росте цен[13].

Интенсивная лесозаготовительная деятельность на территории Мордовии в XX в. приводила к пренебрежению интересов охраны и воспроизводства лесных ресурсов, в результате чего ухудшилась структура лесов, снизился запас древесины. Эксплуатация лесных ресурсов приводила к нарушению экологической и природозащитной функции лесов.

Декрет о земле, принятый ВЦИК 8 ноября 1917 г., отменил частную собственность на леса, они были провозглашены всенародным достоянием. В основу организации советского лесного хозяйства положен Декрет о лесах, принятый ВЦИК РСФСР 27 мая 1918 г. Отмена частной собственности па леса коренным образом изменила направление ведения лесного хозяйства, в республике начинается организация новых лесничеств.

К 1919 г. образован государственный фонд лесов Тамбовской губернии, куда вошли леса современной территории Темниковского района Мордовии. Площадь лесничеств Темниковского лесхоза к концу 1923 г. составляла в Виндреев-

ском лесничестве 24 208 га, в том числе бывших казенных лесов — 23 488 га, бывших частных лесов — 720 га; Вадовском — 19 923 га, из них бывших казенных лесов — 18 045 га, бывших частных — 596 га, бывших общинных — 1 294 га, прочих лесов — 8 га; Крутецком — 25 029 га (все леса до национализации были казенными); Пушкинском — 25 672 га, из них 13 742 га — бывших казенных, 3 119 га — бывших частных лесов, 8 264 га — общинных, 547 га — прочих лесов; Харинском — 12 629 га, в том числе казенных — 12 144 га, общинных — 67 га, прочих — 418 га; Шалинском — 19 117 га, из них 15 759 га — казенных, 3 333 га — частных, 25 га — общинных[14]

В ноябре 1929 г. в соответствии с постановлением ВЦИК существовавшие на территории РСФСР лесничества были реорганизованы в лесхозы и леспромхозы, став структурным подразделением последних. В них сосредоточились все работы по охране лесов, лесовосстановлению, лесозаготовкам, обработке и сбыту древесины. В Мордовии к тому времени существовало 10 лесничеств облесотдела, создававшихся на базе леспромхозов. В конце 1929 г. образован Темниковский леспромхоз, находившийся в подчинении треста «Мосгортоп». В начале Темниковский леспромхоз имел площадь 200 тыс. га, в 1931 г. из него выделился Красно-Мокшанский леспромхоз. Их главной задачей стали лесозаготовки[15]. В 1929—1930 гг. было выполнено лесоустройство Темниковского, Вышинского, Зубовского и Виндрейского лесхозов[16].

На 1 января 1931 г. вся площадь лесов Мордовской автономной области была разделена на 4 лесоэкономических района. Примокшанский район располагался на северо-западе области и состоял из Темниковского леспромхоза (199 142 га), охватывающего сплавной бассейн р. Мокши. Его лесистость составляла 49 % территории. Разнообразие географического соседства определило широкий спектр долинных геокомплексов: смешанных лесов — 38,5 %, широколиственных лесов — 17,2 %[17]. Леса этого района не имели полного сбыта. Ситуация изменилась после того, как они были переданы на долгосрочную эксплуатацию тресту «Мослеспром». Последний провел железнодорожную ветку, благодаря этому значительная часть лесного массива стала

осваиваться за исключением бывшего Темниковского и Саровского лесничеств.

Репрессии и создание лагерей на территории страны коснулись и Мордовии с ее богатым западным лесным массивом. В 1929 г. создан Дубравлаг как организация по заготовке дров для Москвы. К 1932 г. было создано 10 лагерных отделений, а к 1938 г. — еще 5. В начале 1935 г. в лагере насчитывалось 33 048 заключенных, что составляло 4,5 % от общего числа заключенных в СССР

В годы Великой Отечественной войны на территории Мордовии были размещены лагеря для военнопленных. В июле 1941 г. был открыт Темниковский лагерь № 58 для военнопленных и интернированных[18].

Заключенные шили обмундирование для РККА, изготавливали приклады для винтовок и автоматов, лафеты для орудий, специальную тару для боеприпасов и др.[19] Темлаг системы НКВД относился к числу оборонных предприятий, основным видом выпускаемой продукции которого являлись лесоразработки. Темниковский лесхоз после интенсивной рубки во время войны заключенными Темлага имел годичную лесосеку в 121,7 тыс. м^3 и являлся ведущим лесхозом республики, где была сконцентрирована работа промысловой кооперации и местной деревоотделочной промышленности.

Говоря о лесной территории Темниковского района, следует отметить охрану этих массивов, а также уникальные биологические сообщества, обитающие в них. В районе располагается самый большой в республике заповедник общегосударственного значения — Мордовский государственный заповедник им. П. Г. Смидовича, образованный в 1935 г. в целях сохранения естественных ландшафтов южных полесий, простирающихся по границе дерново-подзолистой зоны с лесостепью. Находится заповедник в восточной части Окско-Клязьминской низины между Мокшей и ее правым притоком Сатисом в северо-западной части республики, общая его площадь — 32,2 тыс. га (на 1 января 1939 г. площадь была равна 60 тыс. га)[20].

Типологическое разнообразие и «чистота» насаждений позволяют сейчас рассматривать Мордовский государственный природный заповедник как природный музей, в кото-

ром отражены наиболее характерные для лесной полосы европейской части России типы насаждений. По территории протекают реки Пушта, Саровка, Ольховка, Глинка и др. В западной части в пределах пойм, террасы находится более 50 водоемов, преимущественно старицы Мокши разной степени зарастания. Самый крупный из них — о. Инорка (глубина — свыше 10 м).

Площадь покрытых лесной растительностью земель заповедника занимает 30,9 тыс. га (96 % его общей площади). Лесной фонд представлен главным образом сосновыми насаждениями первого, второго бонитета (56 % площади покрытых лесной растительностью земель), березняками (20 %), осинниками и черноольшанниками, занимающими соответственно 7 и 4 % покрытых лесной растительностью земель. Незначительные площади заняты ельниками (1,1 тыс. га), липняками (1,1 тыс. га), дубом низкоствольным (0,5 тыс. га) и ильмовыми (0,1 тыс. га). Для возрастной структуры лесов характерно почти полное отсутствие молодняков (5 %), преобладание средневозрастных (46 %) насаждений. Значительное количество приспевающих (28 %) и спелых (16 %) насаждений. Перестойные насаждения занимают 1 %. Средний возраст сосняков — 88 лет, ельников — 94 года, дубрав — 109, березняков и осинников — 60 лет, липняков — 66 лет. В Мордовском государственном заповеднике встречаются изредка сосны-великаны в возрасте до 300 лет. Они достигают 40 м в высоту и более метра диаметром у основания[21]

Луговая растительность представлена суходольными и пойменными территориями. По озерам и небольшим речкам распространена гидрофильная растительность. Флора заповедника насчитывает 1 242 вида, она включает в себя 750 видов сосудистых растений, из них 4 занесены в Красную книгу РФ. Кроме того, насчитывается 117 видов мхов, 144 вида лишайников.

Фауна заповедника характерна для переходной лесостепной зоны и насчитывает 319 видов, в том числе 61 вид млекопитающих (зубр, лось, пятнистый олень, кабан, медведь, рысь, бобр, выхухоль и др.).

Зарегистрировано 212 видов птиц, некоторые из них относятся к таежным видам: сова полярная, кедровка, клест.

Среди редких — аист черный, подорлик, беркут, орлан белохвостый, скопа, змееяд. В составе фауны — 11 видов амфибий, 7 — рептилий, 30 — рыб, около 1,5 тыс. представителей беспозвоночных[22]

Постановлением Правительства Республики Мордовия от 11 октября 1996 г. № 495 создана охранная зона заповедника с режимом ограниченной хозяйственной деятельности на площади 6,2 тыс. га[23] Леса, расположенные вокруг г. Темникова, служат местом отдыха населения и включены в зеленые зоны, занимающие 9 % площади лесного фонда республики[24]

Таким образом, на протяжении всей истории Мордовии ее леса являлись источником сырья, а также объектом бортничества и охоты. Развитие законодательства позволило регулировать структуру лесного хозяйства, переработку, потребление и воспроизводство лесных ресурсов региона. Кроме экономического, леса Мордовии имеют существенное рекреационное значение, являясь местом отдыха населения республики и других субъектов Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Корабельные рощи Мордовии (История и современное состояние) / Под ред. А. С. Яковлева. Саранск, 1995. С. 6.

[2] Там же. С. 6—7.

[3] См.: *Елдышев Ю. Н., Савицкая С. В.* Рузаевский феномен // Экология и жизнь. 2003. № 5.

[4] См.: Корабельные рощи Мордовии... С. 7.

[5] См.: *Тонких В. С.* Лесное хозяйство Мордовской АССР. Саранск, 1970. С. 43.

[6] См.: *Тонких В. С.* Леса Мордовской АССР и хозяйство в них: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Ленинград, 1971. С. 6.

[7] См.: *Тонких В. С.* Леса Мордовии. Саранск, 1976. С. 46.

[8] Там же. С. 47.

[9] См.: Основные положения организации и ведения лесного хозяйства Республики Мордовия. М., 2004. С. 33.

[10] См.: *Тонких В. С.* Лесное хозяйство Мордовской АССР. С. 34—36, 39.

[11] Там же. С. 43.

[12] Там же. С. 36—37.

[13] Там же. С. 43.

[14] См.: *Тонких В. С.* Леса Мордовии. С. 69.

[15] Там же. С. 61—62, 64, 70—71.

[16] См.: Основные положения организации и ведения лесного хозяйства Республики Мордовия. С. 9.

[17] См.: *Ямашкин А. А.* Геоэкологический анализ процесса хозяйственного освоения ландшафтов Мордовии. Саранск, 2001. С. 191.

[18] См.: Мордовия: Энциклопедия: В 2 т. Т. 1: А — М. Саранск, 2003. С. 298.

[19] ЦДНИ РМ, ф. 880, оп. 1, д. 6, л. 8.

[20] См.: *Рузавин Д., Петров С.* Мордовская АССР. Саранск, 1939. С. 47.

[21] См.: *Горцев В. И.* География Мордовской АССР. Саранск, 1970. С. 49.

[22] См.: Мордовия: Энциклопедия: В 2 т. Т. 2: М — Я. Саранск, 2004. С. 45—46.

[23] См.: Основные положения организации и ведения лесного хозяйства Республики Мордовия. С. 15.

[24] Там же. С. 33.

Поступила 26.09.06.

И. А. НИКИФОРОВА

ОЦЕНКА И УПРАВЛЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИМ СОСТОЯНИЕМ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА ПРОМЫШЛЕННОГО ЦЕНТРА

Для оценки загрязнения атмосферы используются разные параметры и критерии (среднесуточная и максимальная разовая концентрации, индекс загрязнения атмосферы, категория опасности города и т. д.). Однако они не учитывают технологические и метеорологические факторы одновременно. Прогнозирования рассеивания загрязняющих веществ только по их концентрации, на наш взгляд, недостаточно, так как эта характеристика не является комплексной. В связи с этим весьма актуальными стали прогнозная оценка экологического состояния территории посредством установления полей опасности, создаваемых промышленными центрами, управление экологической ситуацией территории путем регулирования выбросов примесей в атмосферный воздух.

Для того чтобы определить основные положения оценки, нами разработана модель взаимодействия компонентов территориально-производственного комплекса (ТПК) как совокупности географической (рельеф и климат) и материальной (техногенной и природной) сред. В модели рассеивания примеси в атмосферном воздухе наличие антропогенных и естественных параметров необходимо, поскольку речь может идти только о совместном влиянии окружающей среды и источника загрязнения на человека.

Компоненты системы «окружающая среда — источник загрязнения — человек» характеризуются массовой концентрацией примеси в атмосфере и предельно допустимой

НИКИФОРОВА Ирина Александровна, старший преподаватель кафедры безопасности жизнедеятельности Мордовского государственного университета.

концентрацией (ПДК) i-го вещества, что позволяет обозначить комплексные характеристики загрязнения атмосферы. Во-первых, категорию опасности предприятия ($К_{оп}$, м^3/с):

$$K_{on} = \sum_{1}^{n}\left(\frac{M_i}{ПДК_i}\right)^{\alpha_i} = \sum_{1}^{n} K_{oвi} \qquad (1)$$

где M_i — масса выброса i-го вещества, мг/с; $ПДК_{сci}$ — среднесуточная ПДК i-го вещества, мг/м^3; n — количество загрязняющих веществ, выбрасываемых предприятием в атмосферу; α_i — безразмерная константа, позволяющая соотнести степень вредности i-го вещества с вредностью вещества 3-го класса опасности; $К_{овi}$ — категория опасности i-го вещества, м^3/с.

Во-вторых, комплексный индекс загрязнения атмосферы (I):

$$I = \sum_{i=1}^{n} I_i = \sum_{i=1}^{n}\left(\frac{\overline{q}_i}{ПДК_{сci}}\right)^{\alpha_i}, \qquad (2)$$

где I_i — индекс загрязнения атмосферы i-ым веществом; $\overline{q}_i$ — фактическая концентрация i-го вещества, мг/м^3.

Нами разработан критерий опасности атмосферы в виде:

$$K_{ai} = \frac{V_{pi}}{V_{вi}} \geq 1, \qquad (3)$$

где $V_{вi}$ — нормативный объем загрязненной среды, м^3; V_{pi} — реальный объем загрязненной среды, м^3.

Методика расчета критерия качества атмосферного воздуха заключается в следующем: определяется искомый объем $V_{вi}$ для каждой зоны экологического неблагополучия с шагом по времени Δt; с тем же шагом рассчитывается реальный объем V_{pi}; на каждом шаге сверяется отношение $V_{pi}/V_{вi}$ с единицей, и, как только отношение становится равным единице, отмечаются изолинии зон экологического неблагополучия на карте; вычисление проводится для каждого последующего значения кратности превышения фактической концентрации вещества его ПДК (k). Необходимо заметить, что в критерий (3) вводится коэффициент самоочищения атмосферы (σ). Для этого выявлены основные закономерности самоочищения атмосферы ТПК, влияющие на рассматриваемый критерий опасности атмосферы[1]

Работа по определению категории опасности промышленных центров, предприятий республики и веществ в соответствии с выражением (1) проводилась в 3 этапа: выявление опасных предприятий промышленных центров Мордовии; выявление наиболее опасных веществ выбросов предприятий Мордовии; определение наиболее опасных предприятий по выявленным веществам. Ряды выбросов вредных веществ составлены за 5 последних лет, при этом первоисточником служила информация из отчетности 2ТП-воздух для всех предприятий Мордовии. По республике было выделено 23 ТПК, основываясь на территориальной концентрации производств. Обработка выбросов проводилась с использованием составленной базы данных по веществам, список которых включал все возможные наименования загрязняющих веществ, создаваемых предприятиями республики. В табл. 1 представлены наиболее опасные (95 % опасности) промышленные центры республики.

Согласно проведенным исследованиям по выявлению наиболее опасных источников (табл. 2), просчитан нормативный объем загрязненного воздуха. Так, для Саранской ТЭЦ-2 расчет проведен для двух приоритетных веществ: диоксида азота и сернистого ангидрида с учетом их категорий опасности $7{,}16\ 10^7$ и $4{,}89 \cdot 10^6$ соответственно. В силу того что предприятие имеет сезонную цикличность работы, выведен многолетний среднесезонный коэффициент ξ для категории опасности вещества этого предприятия: для зимы он составляет 1,0, весны — 0,39, лета — 0,13, осени — 0,33. Расчеты проведены в системе Microsoft Exel для промежутков времени в 1, 3, 6, 9 и 12 ч распространения и разных зон экологических нагрузок.

Таблица 1

Ранжирование ТПК Мордовии по категории опасности города

Административная единица (ТПК)	Категория опасности города, $м^3/с$	Эквивалентная масса выброса, т/год (ранг)
Саранск	$1{,}18 \cdot 10^9$	14745,123 (1)
Торбеево	$9{,}18 \cdot 10^7$	5605,678 (3)
Чамзинка—Комсомольский	$4{,}98 \cdot 10^7$	7444,661 (2)
Республика Мордовия	$1{,}37 \cdot 10^9$	35059,848

Заказ № 1305

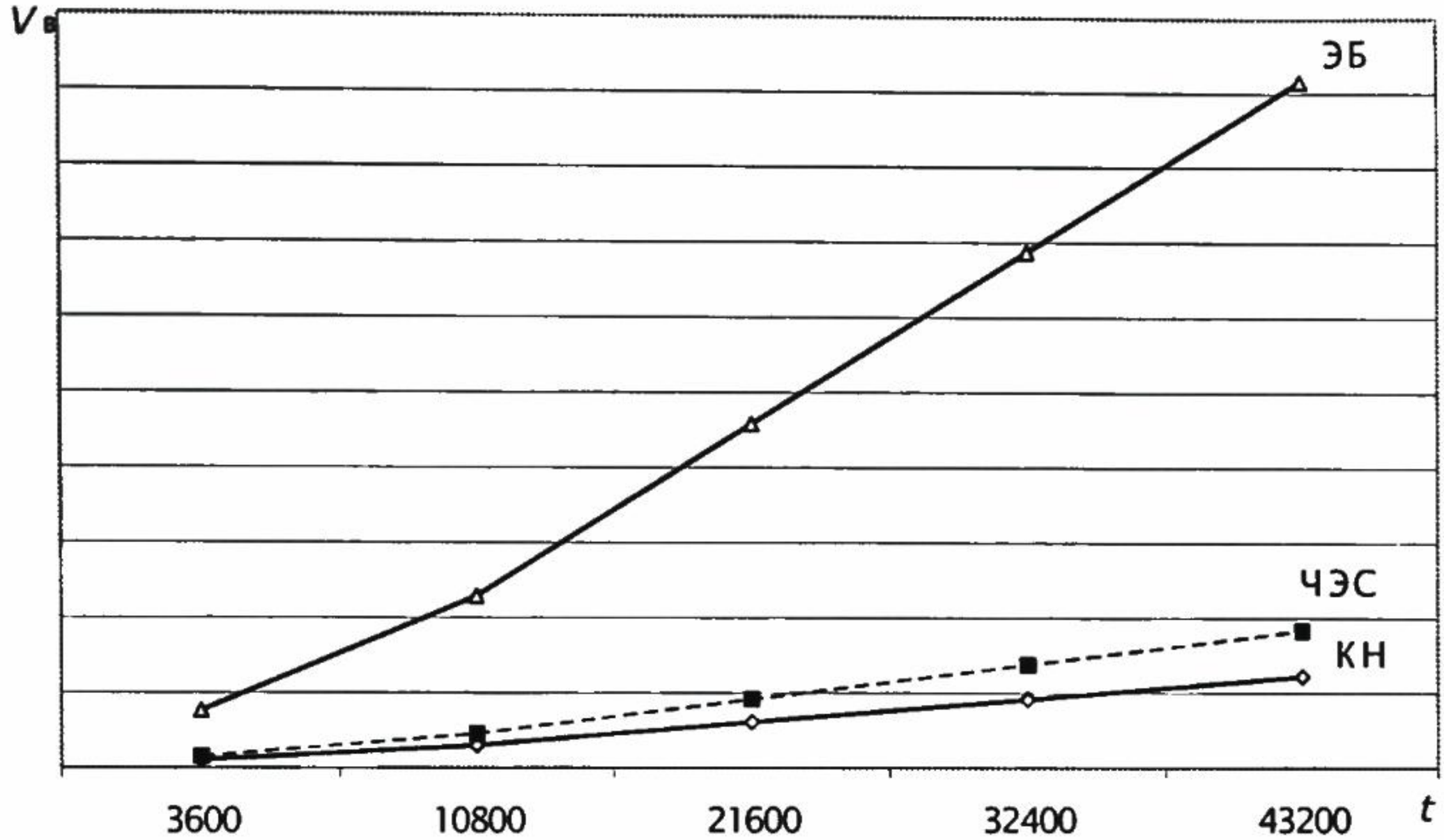


Рис. 1. Зависимость нормативного объема смеси $V_в$ (м³) от времени рассеяния примеси t (с)

Таблица 2

Ранжирование по категории опасности предприятий ТПК Мордовии

Предприятие	Категория опасности предприятия, м³/с	Эквивалентная масса выброса, т/год (ранг)
Саранская ТЭЦ-2	$1{,}18 \cdot 10^9$	10060,558 (1)
Торбеевское ЛПУ МГ Филиал «Волготрансгаз» (Торбеево)	$9{,}17 \cdot 10^7$	5416,151 (3)
ОАО «Мордовцемент» (Чамзинка—Комсомольский)	$4{,}76 \cdot 10^7$	6940,767 (2)
Республика Мордовия	$1{,}37 \cdot 10^9$	35059,848

На рис. 1 представлены три графика роста значений нормативного объема в зависимости от времени распространения, соответственно для трех прогнозируемых ситуаций экологического неблагополучия — экологического бедствия (ЭБ), чрезвычайной экологической ситуации (ЧЭС) и зоны критических нагрузок (КН). Графики полезны тем, что по ним можно установить зависимости, позволяющие экст-

раполировать значение нормативного объема в любой промежуток времени рассеяния примеси от источника. Как следствие — получены указанные зависимости для всех сезонов года основных источников загрязнения атмосферного воздуха.

Для автотранспорта методика расчета нормативного объема аналогична. Однако следует рассматривать ранжирование улиц, дорог или магистралей как линейных источников (участков, характеризующихся интенсивностью движения автотранспортных единиц, качественным составом потока). Нами проведены исследования по выявлению наиболее опасных линейных участков дорог[2], которые показали вклад автотранспорта в опасность промышленных центров.

При моделировании реального объема смеси в атмосфере V_{pi} (далее — V) в основу рассуждений положено общее уравнение баланса (переноса) примеси (3), по которому при условии малого приращения объема смеси для определения размеров реального объема получено:

$$\frac{\partial V}{\partial t} + u\frac{\partial V}{\partial x} + v\frac{\partial V}{\partial y} + w\frac{\partial V}{\partial z} =$$

$$= -\frac{\partial V}{\partial z}w_a + \frac{\partial}{\partial x}K_x\frac{\partial V}{\partial x} + \frac{\partial}{\partial y}K_y\frac{\partial V}{\partial y} + \frac{\partial}{\partial z}K_z\frac{\partial V}{\partial z} + E_a', \qquad (4)$$

где u, v, w — скорости примеси по направлениям x, y, z соответственно; K_i — коэффициент турбулентности для направления i, принимающего обозначения x, y, z осей координат; w_a — собственная вертикальная скорость примеси; $E_a=E(x, y, z, t)$ — источник (сток) примеси или скорость ее возникновения (уничтожения) в единице объема.

Решение задачи нахождения реального объема смеси связано с уравнениями гидротермодинамики атмосферы. Рассмотрение задачи нахождения реального объема примеси касается траекторных моделей отыскания усредненной линии движения частиц в объеме загрязненного воздуха от непрерывно действующего источника. Изменение скоростей характеризует траекторию выброшенной частицы. Если $X_i(t)$ — вектор положения частицы в момент времени t, выпущенной в точке (x, y, z), или $X_i(t)=X_i(x, y, z, t)$,то адвективные составляющие u и v характеризуют механизм

рассеивания примеси: если они равны нулю, то наблюдается штиль; если отличны от нуля — конвективная (с помощью ветра) диффузия примеси.

Многочисленные натурные наблюдения за поведением факела выбросов вредных веществ от высоких и средних источников показали необходимость принятия, как минимум, двухстадийного процесса распространения факела даже в штилевых условиях. Граничным условием является максимум, который соответствует высоте $H+\Delta h$, где H — высота источника, м, Δh — максимальное приращение высоты подъема факела, м. Для расчета начального подъема принимаем формулу М. Берлянда[3] При инверсии в наших исследованиях принимается высота потолка, равная высоте нижней границы приподнятой инверсии. Для скоростей на участке подъема оси факела в нижнем слое атмосферного воздуха проведен ряд наблюдений, из которых можно заключить, что участок оси факела до высоты удовлетворительно описывается функцией $z = C_1x + C_2$, где z — высота подъема факела, м; x — удаление от источника по поверхности в направлении ветра, м; C_1, C_2 — константы. В результате получено значение расстояния от источника по направлению ветра l, на котором высота z максимальна:

$x = \frac{z - \Delta h}{C_1}$, где C_1 — коэффициент, определяемый из очевидного предположения: $C_1 = tg\alpha$, где α — угол наклона осредненной линии факела на первой стадии подъема. Поскольку первая стадия распространения факела недостаточно изучена, время перемещения примеси t_{np} от источника до точки $(h+\Delta h;\ 0;\ x)$ аппроксимируем формулой:

$t_{np} = \frac{d}{w_{cp}}$, где d — расстояние от источника до точки $(H+\Delta h;\ 0;\ x)$, м, $\Delta x = x_2 - x_1$, $\Delta y = y_2 - y_1$, $\Delta z = z_2 - z_1$; $w_{ср}$ — средняя характерная скорость течения примеси, м/с.

На второй стадии процесса рассеивания предполагается, что рассеивание примеси полностью определяется изменением скорости ветра, где примесь газообразная или мелко дисперсная, движется без проскальзывания. Если же рассматриваем крупно дисперсную структуру, то вертикаль-

ная составляющая скорости потока выражается через разность скоростей ветра и оседания примеси.

Для нахождения усредненной траектории объема загрязненного воздуха в граничных условиях идеализированных потоков в случае, если скорость в течение промежутка времени Δt на шаге $[n-1, n]$ постоянна, принимаем:

$$x_n = x_{n-1} + u\Delta t;\ y_n = y_{n-1} + v\Delta t;\ z_n = z_{n-1} + w\Delta t. \quad (5)$$

Система (5) дает нам координаты бегущей точки по средней траектории через промежуток времени Δt. В связи с этим для нахождения приращения координат данной точки используются отрезки прямой с переменным угловым коэффициентом.

Расширение сечения относительно средней траектории центра облака равно дисперсии блужданий отдельной частицы и равно половине среднего квадрата расстояния между двумя отдельными частицами. Таким образом, в неограниченной атмосфере, согласно (4) и (5), реальный объем для случая точечного источника вредного вещества можно представить как $V_p = \frac{1}{3}\pi d\left(r_1^2 + r_2^2 + r_1^2 r_2^2\right)$, где r_1, r_2 — разброс факела относительно траектории для моментов времени t_1 и t_2.

По этой методике рассчитаны величины реального объема загрязненного воздуха i-й примесью в зависимости от метеоусловий, характерных сезону рассматриваемого периода в двух стадиях распространения примеси: первой стадии — градиент скорости примеси по отношению к среде отличен от нуля («активная» примесь) и второй («пассивная» примесь), когда скорость примеси полностью определяется скоростью среды. Результаты позволяют выявить зависимости, которые используются в прогнозной оценке опасности атмосферного воздуха ТПК РМ.

Комплексную оценку предлагаем проводить на основе критерия опасности атмосферы (3)[4]. Так, например, для ОАО «Мордовцемент» по выбросам NO_2 в штилевых условиях зимой получено, что зона ЭБ простирается до 14,6 км, ЧЭС — до 20,9 км, КН — 27,2 км; весной — соответственно 17,9; 23,2; 35,6 км; летом — 18,9; 26,4; 39,1; осенью — 15,3; 21,4 и 32,4 км. При конвективном режиме зимой наблюдается лишь зона КН до 48,4 км, летом — зона критичес-

ких нагрузок до 31,2 км, осенью — до 28,9 км. Прилегающая территория картируется в соответствии с результатами моделирования, а также с учетом розы ветров, характерной для указанного сезона.

Необходимо отметить, что при наложении полей опасности различных веществ установление интегральной характеристики по единичному критерию опасности будет затруднительно. В связи с этим необходимо установить комплексный критерий опасности атмосферы, который позволит уравнять все вещества по опасности. Так, получены коэффициенты приведения рассматриваемых зон экологического неблагополучия к зоне КН. Принимая лишь критические значения (минимальные в каждой зоне) кратности k и учитывая, что в формуле расчета нормативного объема загрязнения $V_з$ содержится указанный k, условие существования каждой зоны экологического неблагополучия имеет вид:

$$K_{ai} = \frac{kV_p}{t\sqrt[\alpha_i]{K_{ов}}} \geq 1. \qquad (6)$$

При приведении в каждой зоне экологического неблагополучия к третьему классу опасности вещества получаем критические значения кратности k – β_{i1}, β_{i2}, β_{i3}.

Из (6) получаем следующие критерии для зон ЭБ, ЧЭС и КН соответственно:

$$\frac{1}{\beta_{i1}} \ln K_{i1} \geq 2{,}01; \quad \frac{1}{\beta_{i2}} \ln K_{i2} \geq 1{,}61; \quad \ln K_{i1} \geq 0, \qquad (7)$$

где K_{i1}, K_{i2} и K_{i3} — критерии опасности для зон ЭБ, ЧЭС, КН соответственно.

С учетом (7) комплексный критерий опасности атмосферы (K_a) имеет вид:

$$K_a = \sum \frac{1}{\beta_{in}} \ln K_{in}. \qquad (8)$$

Для критерия опасности (8) критическими значениями являются следующие: до 0 — условно чистая атмосфера, от 0 до 1,61 — критическое состояние, от 1,61 до 2,01 — чрезвычайная экологическая ситуация, выше 2,01 — экологическое бедствие. В связи с этим поля опасности при нало-

жении, в том числе и неоднородные и неодинаково удаленные от точки отсчета на рассматриваемом геоэкологическом пространстве источников, являются определяемыми.

Для установления достоверности результатов математического моделирования проводился корреляционный анализ. В качестве переменных при расчете коэффициента парной корреляции выбирается индекс загрязнения атмосферы (ИЗА), рассчитываемый службами Росгидромета, и критерий опасности атмосферы. В ключевых точках, полученных на карте полей опасности для таких предприятий, как ТЭЦ-2 г. Саранска и ОАО «Мордовцемент» п. Комсомольский, проводились отборы проб воздуха на содержание в приземном слое диоксида азота, сернистого ангидрида и взвешенных веществ. Затем по экоаналитическим методикам определялись концентрации указанных веществ. Точка отбора проб располагалась на непылящей поверхности, не находящейся в ветровой тени. Пробы отбирались в отсутствии осадков более чем 12 ч и в условиях штиля, а также после дождя ключевых интенсивностей. По замеренным концентрациям веществ рассчитывались значения I_i по формуле (2). Корреляционный анализ показал, что полученные значения ИЗА (I_i) и комплексный критерий опасности атмосферы $K_{a_i} = \frac{1}{\beta_i} \ln K_i$ коррелируют с коэффициентом 0,98.

Управление экологическим состоянием, считаем, целесообразно осуществлять путем регулирования выбросов в атмосферный воздух с помощью применения технических средств защиты и безотходных технологий. Для теоретического обоснования количества выбросов предлагается решать задачу нахождения оптимальных величин снижения выбросов на основе критерия опасности атмосферы промышленного центра. Оптимальным считаем такое снижение выбросов, при котором обеспечивается не превышение критических нагрузок (значения равного 1). Для критерия опасности, создаваемой в квадрате (i, j) от источника, расположенного в квадрате (m, n), получено:

$$K_{aij} = \sum_{m,n} M^{(m,n)} \cdot G_{ij}^{(m,n)}, \qquad (9)$$

где $G_{ij}^{(m,n)}$ — некоторый коэффициент изменения критерия опасности, зависящий от климатических, метеорологических характеристик среды, удаленности поля опасности от источника примеси, расположенного в квадрате (m, n).

Граничными условиями для построения области допустимых значений $M^{(m,n)}$ являются непревышение критических нагрузок, или экологические ограничения, $\sum_{m,n} M^{(m,n)} \cdot G_{ij}^{(m,n)} \le 1$; ограничение минимально возможными выбросами, соответствующими современным технологическим возможностям данного производства $M_{news}^{(m,n)}$: $M^{(m,n)} \le M_{news}^{(m,n)}$; ограничение недопустимостью превышения фактической мощности выбросов $M_0^{(m,n)}$: $M^{(m,n)} \le M_0^{(m,n)}$

Таким образом, нами разработана методика оценки экологического состояния атмосферного воздуха на основе критерия опасности атмосферы, учитывающего технологические и метеорологические факторы распространения примеси, а также ее опасность. Кроме того, полученный комплексный критерий опасности атмосферного воздуха позволяет картировать территорию и осуществлять рациональное управление выбросами загрязняющих веществ в атмосферный воздух промышленного центра.

ПРИМЕЧАНИЯ

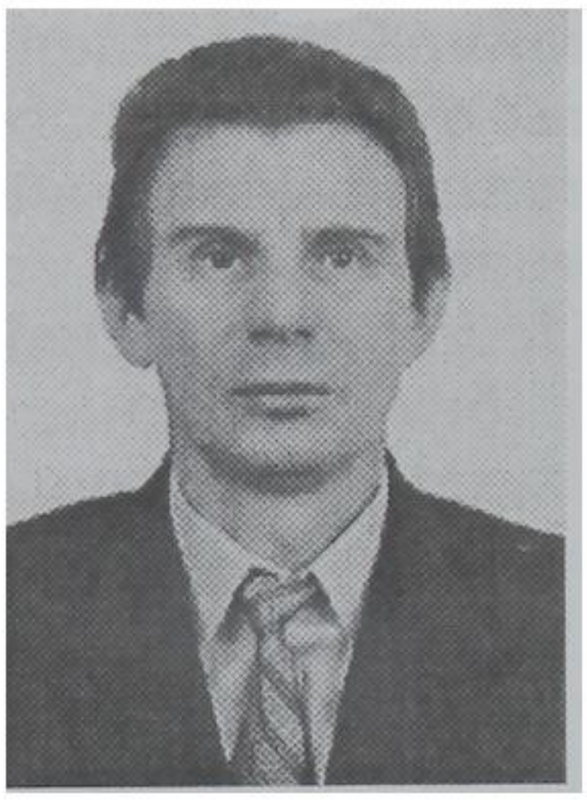
[1] См.: *Никифорова И. А.* Самоочищение в приземном слое атмосферы как предиктор прогнозирования качества воздушной среды // Энергоресурсосберегающие технологии и системы в АПК: Межвуз. сб. науч. тр. Саранск, 2004. С. 116—119.

[2] См.: *Никифорова И. А., Тамошин Д. В.* Оценка загрязнения воздушной среды территориально-производственного комплекса выбросами автотранспорта // Там же. Саранск, 2005. С. 163—166.

[3] См.: *Берлянд М. Е.* Прогноз и регулирование загрязнения атмосферы. Л.,1985.

[4] См.: *Никифорова И. А.* Дальность переноса примеси в атмосферном воздухе с учетом объемных характеристик загрязнителя и среды: XXXI Огаревские чтения: Материалы науч. конф.: В 3 ч. Ч. 3: Технические науки. Саранск, 2003. С. 93—95; *Никифорова И. А.* Критериальная оценка качества воздушной среды административно обозначенной территории // Энергоресурсосберегающие технологии и системы в АПК: Межвуз. сб. науч. тр. Саранск, 2004. С. 152—155.

Поступила 13.07.06.



В. И. ПЕРВУШКИН

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭТНОГРАФИИ В ПЕНЗЕНСКОЙ, САРАТОВСКОЙ И ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИЯХ

Общественный подъем 60-х гг. XIX в., связанный с проводившимися в стране реформами, отразился на этнографической науке. Началом становления этнографии в России принято считать основание в 1845 г. Русского географического общества (РГО), в деятельности которого этнография заняла важнейшее место. Отделение этнографии РГО развернуло широкую работу по организации исследований народов страны. В огромных масштабах шел сбор первичного описательного материала. Такого рода работа заметно усилилась под влиянием народнического движения («хождения в народ») и промышленного развития. Этнограф С. В. Максимов, подводя итоги 1860—1890-х гг. в России, обращал особое внимание на «разложение бытового строя народной души». Он писал: «С обновлением жизни русского народа после великой реформы 1861 года и в области этнографии на нашей недолгой памяти произошли крупные перемены... многое уже исчезло без следа с быстротой вешнего снега и, во всяком случае, главнейшим образом значительно сократились места, не так давно представлявшие обильные материалы для наблюдений... требуются уже самостоятельные исследования, обещав совершенно иные этнографические данные при утрате тех, которые сберегались веками и были на нашей памяти»[1].

Отличительной чертой этнографии этого периода было сближение ее с историей, археологией, литературой, антропологией, рядом других научных дисциплин. Пристальное

ПЕРВУШКИН Владимир Иванович, доцент кафедры новейшей истории России и краеведения Пензенского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук.

внимание уделялось народному творчеству. Изучение культуры и быта населения имело важное значение для восстановления древнейшей истории народов России. Существенным представляется и смещение интереса образованного русского общества к жизни непривилегированных сословий: крестьян, духовенства, мещан, городских низов.

А. Н. Пыпин справедливо отмечал в «Истории русской этнографии», что собирание этнографического материала приняло в России 1860—1880-х гг. грандиозные размеры. Велика роль в развертывании этой работы Русского географического общества[2]

С самого возникновения РГО распространяло в провинции большое количество специализированных исследовательских программ (этнографических, статистических, географических), ориентирующих местных любителей на сбор научных сведений по определенной системе. Губернские статистические комитеты (ГСК) играли важную роль в организации этнографических исследований на местах. Этнографические материалы широко печатались в «Губернских ведомостях», «Памятных книжках», «Сборниках» и других изданиях статкомитетов. Авторами этих материалов были представители провинциальной интеллигенции. Значительная часть программ и вопросников РГО распространялась именно через губстаткомитеты.

В адрес РГО стало поступать со всех концов России огромное количество оригинальных статей и описаний в виде ответов на вопросники, обзоров и самостоятельных сочинений по истории и культуре родного края, в большинстве из них имелась значительная доля этнографического материала. Складывался своеобразный тип краеведческой работы со смешанным содержанием исторического, этнографического и статистического материалов на узколокальном материале (село, деревня, небольшой город, уезд).

В 1867 г. РГО рассылает по статкомитетам «Программу для собрания народных юридических обычаев», которая состояла из трех групп вопросов: гражданское право; уголовное право; общественный суд и расправа. Всего в анкете насчитывалось 56 вопросов. Ответы на нее давали развернутую картину уклада жизни того или иного населенного пункта[3]. Часть этих анкет, сохранившихся в фондах Русско-

го географического общества, и по сей день служит источником для историков и этнографов.

В 70-х гг. XIX в. началась активная работа по изучению финно-угорских народов: мордвы, марийцев, удмуртов и др. В 1876 г. все губстаткомитеты получили циркуляр из Центрального статистического комитета (ЦСК), согласно которому они должны были помочь известному исследователю финно-угорских языков Д. П. Европеусу в сборе сведений о распространении финно-угорских народов в пределах России в древности. Для этого ему необходимо было собрать огромный топонимический материал по каждой губернии. ЦСК предлагал губстаткомитетам поддержать Д. П. Европеуса и собрать списки нужных географических названий. Они должны были сами решить «через волостные ли правления или при содействии сельских священников, учителей или других лиц, знакомых с краем, им действовать»[4].

Таким образом, статистические комитеты не только организовывали распространение присылаемых им вопросников и программ в уездах губернии и пересылку материалов, но и активно участвовали в научно-исследовательском процессе, осваивая новые методики. Принципиально важно, что они выступали не просто поставщиками первичной фактической научной информации, но, публикуя массовый материал по истории, этнографии, археологии края, организовывали формирование источниковых комплексов на местах.

Следует отметить, что программы и вопросники по определенной тематике совершенствовались и перерабатывались РГО на протяжении многих лет. Так, составленная в 1864 г. Н. В. Калачовым программа по сбору народных юридических обычаев была напечатана в шестом томе «Этнографического сборника» и «Губернских ведомостях» и, будучи разослана по России, дала очень интересный материал, сконцентрированный и опубликованный в столицах и на местах. В 70—80-е гг. XIX в. переработанные и дополненные новые варианты этой программы неоднократно рассылались по статистическим комитетам. С целью лучшего исследования всего комплекса проблем, связанных с этой тематикой, при отделении этнографии РГО была со-

здана специальная Комиссия для сбора народных юридических обычаев.

Бытовая сторона жизни разных слоев общества в той или иной форме отражалась в многообразных статистических материалах. Так, например, в 1880 г. Саратовским губстаткомитетом разработана специальная программа «Для исследования отдельных местностей губернии», на осуществление которой были привлечены учащиеся Мариинского земледельческого училища, собиравшие историко-этнографические данные о своих селах[5].

Важной чертой этнографической деятельности ГСК стало укрепление научных связей по горизонтали (между комитетами, обмен опытом работы). Уже с середины 70-х гг. XIX в. был налажен обмен научными программами. Так, например, в 1893 г. Пензенский губернский статистический комитет (ПГСК) для этнографического описания губернии использовал программу Харьковского статкомитета[6] Секретарь Нижегородского статкомитета А. С. Гациский, ознакомившись с работами помощника председателя Саратовского статкомитета В. Г. Трирогова, предложил сообщить план и программы этого исследования активистам комитета «исходя из того положения, что... сложность программ и многочисленность их крайне полезны, так сказать, для сведения и руководства лицам, имеющим время и желание работать по отечествоведению»[7]

В целом научные интересы деятелей статистических комитетов в области этнографии, прежде всего, формировались ведущими научными обществами страны (отделением этнографии РГО), где эту работу возглавляли крупнейшие ученые России того времени. Академик В. И. Ламанский, много лет руководивший отделением этнографии РГО, в 80—90-е гг. XIX в. поставил перед последним задачи составления описания неславянских народов России с приложением этнографической карты, составления описания славянских народов, составления географии русского языка или обзора русской диалектологии, издания полного собрания великорусской народной лирики[8].

В полном объеме эти задачи не были решены, но они нашли отражение в той или иной форме в деятельности ГСК. Велик вклад в постановку научно-этнографической

деятельности в провинциальной России Н. И. Надеждина, академиков К. М. Бэра, Н. В. Калачова, Л. Н. Майкова, С. Ф. Ольденбурга, В. Ф. Миллера, А. А. Шахматова. Были близки провинциальным краеведам и взгляды на этнографию (характерные для РГО) историка Н. И. Костомарова (заместителя председателя отделения этнографии РГО в 1861—1866 гг., члена Саратовского ГСК), считавшего этнографию наукой о народе. По мнению ученого, этнограф должен быть историком современности[9]. Находясь в ссылке в Саратове, он собирал материал о местном фольклоре, писал монографию о домашней жизни и нравах русского народа в XVI—XVII вв. Вместе с А. Н. Пасхаловой-Мордовцевой организовал сбор и обработку народных песен, сказок и легенд, значительная часть которых опубликована в местной прессе, а в 1862 г. они изданы отдельной статьей[10]. Однако первыми историко-этнографическими работами в Саратовской губернии принято считать исследования А. Ф. Леопольдова о саратовской мордве[11].

В Пензенском статкомитете одним из первых подобной работой занялся Н. В. Прозин. В статье «Город Краснослободск и Краснослободский уезд» он описывает мордовские села: Каньгуши на Мокше (ныне Ельниковский район Республики Мордовия), Кичатово и Волгапино (ныне Ковылкинский район Республики Мордовия), Базарная Дубровка (ныне Атюрьевский район Республики Мордовия).

В этом очерке не так много говорится о мордовском населении. Он лишь подчеркнул, что оно издавна имело близкие отношения с русским народом. В продолжение этой темы он публикует в нескольких номерах «Пензенских губернских ведомостей» в 1864—1866 гг. цикл статей «Картинки мордовского быта», где дается описание народного костюма, внешнего облика мужчин и женщин, устного народного творчества. Причем краевед одним из первых в российской этнографии показал, что «в числе мордовских песен находится большое число русских, но переиначенных как по выговору слов, так и по самой расстановке их»[12]. 27 октября 1865 г. Н. В. Прозин опубликовал в «Пензенских губернских ведомостях» большую статью «Простонародные песни Краснослободского уезда», по поводу которой современный мордовский фольклорист Л. С. Кавтаськин писал,

что собранные там произведения «интересны не только своим глубоким содержанием и высокой художественностью, но и тем, что они в значительной мере установили влияние русской народной поэзии на мордовскую, один из важных факторов развития и обогащения всего мордовского творчества»[13].

Член Тамбовского губернского статистического комитета И. И. Дубасов также стоял у истоков мордовской этнографии. В 1880 г. в «Тамбовских губернских ведомостях» он опубликовал «Историко-этнографический очерк о мордве, населяющей Тамбовскую губернию»[14] Это направление научной деятельности краевед продолжил и в главном своем труде — «Очерках из истории Тамбовского края». В них уделяется большое внимание материальной и духовной культуре мордовского народа. Так, в главу «Тамбовская колонизация и ее деятели» включены легенда об основании г. Нижнего Новгорода и мордовская историческая песня, относящаяся ко времени Ивана Грозного[15].

Отдельную главу «Миссионерство в Тамбовских пределах» И. И. Дубасов посвятил христианизации мордвы. В этом процессе автор видит лишь положительные моменты.

Этнографический аспект имелся и в деятельности Московского археологического общества (МАО). В списках вопросов, рассылаемых перед археологическими съездами в провинциальные центры, отражались вопросы русской колонизации, этнографии финно-угорских и других народов России, диалектологии, фольклора.

Помимо организации исследовательской и собирательской этнографической деятельности на местах ГСК стали также центрами пропаганды этнографических знаний во всех слоях общества. Наглядно это проявилось в их деятельности по подготовке научных выставок. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) стало инициатором интересной формы работы в России — публичных научных выставок. Значение этих выставок в том, что они знакомили с современной наукой провинциальных краеведов-любителей, стали полем исследовательской деятельности лучших ученых России того времени, обеспечивали междисциплинарные контакты. ОЛЕАЭ широко использовало правительственную поддержку, а в сбо-

ре экспонатов и коллекций для выставок активно действовало через статкомитеты.

С течением времени менялись уровень этнографических работ, их проблематика, рос профессионализм местных авторов. Если в 60-е гг. XIX в. основную массу этнографических материалов составляли описания, созданные чаще всего по программам и вопросникам, то в 90-е гг. в провинции издаются уже специальные этнографические монографии. К ним можно отнести работу А. И. Троицкого «Народные песни Пензенской губернии». С помощью семинаристов он собрал свыше 200 песен[16]

Аналогичную работу осуществил и член Пензенского губернского статистического комитета священник Н. П. Барсов, известный собиратель мордовского фольклора. Записи мордовских песен были изданы под заголовком «Бытовые и исторические песни мордвы-мокши» в сборниках ПГСК (1895 г. и 1905 г.). Он поддерживал деловое сотрудничество с Финно-угорским обществом, куда был избран в 1892 г. за исследование «Образцы мордовских загадок»[17]

В какой-то мере итоговым для ПГСК можно считать «Краткий этнографо-статистический очерк Пензенской губернии». В нем приводились статистические сведения о народах, проживающих на территории губернии, об «инородцах» по уездам, перечислены татарские и мордовские селения как «без примеси русского населения», так и с «примесью»[18].

К концу XIX в. происходят изменения и в составе авторов этнографических работ. Если для 50—60-х гг. XIX в. наиболее характерной и массовой была фигура сельского приходского священника, автора «описания» родного села и уезда, то начиная с 90-х гг. XIX в. основную часть авторов местных исследовательских работ по этнографии составляли учителя, врачи, чиновники, юристы. Способствовало росту исследовательских навыков местных авторов и то, что этнографические работы печатались в изданиях статкомитетов в отдельных этнографических разделах. Но мы должны отчетливо представлять, что появление широкого круга исследователей-этнографов стало возможно благодаря той огромной первичной собирательской работе, которую проводили в российской провинции многочисленные любители-

этнографы, жившие в уездных центрах и селах, работавшие, кстати, безвозмездно. «Едва ли в другой европейской стране, — подчеркивал академик В. Ф. Миллер, — этнография так мало обременяет государственный бюджет, как в нашем отечестве»[19].

Таким образом, основными направлениями этнографической деятельности губернских статистических комитетов в изучаемый период являлись участие и содействие в работе центральных научных обществ и учреждений путем сбора в губерниях по присланным программам и вопросникам первичного этнографического материала; участие в археологических съездах и научных выставках с предоставлением результатов исследований и этнографических коллекций из своих губерний; широкая просветительская и научная работа путем публикации в провинциальных изданиях этнографических статей и материалов самого разного уровня; формирование любителей-этнографов из представителей провинциальной разночинной интеллигенции, духовенства, учителей, чиновников, юристов, врачей; создание на этой основе круга исследователей-этнографов, чьи работы регулярно издавались в местной печати; накопление ценнейшего комплекса опубликованных источников по этнографии местного края.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Максимов С. В.* Заметка по поводу издания народных сказок // Живая старина. СПб., 1897. Вып. 1. С. 48.

[2] См.: *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. СПб., 1890. Т. 1. С. 33.

[3] Государственный архив Пензенской области (ГАПО), ф. 9, оп. 1, д. 152, л. 2—19 об.

[4] Нижегородский сборник. СПб., 1906. Т. 8. Отдел 2. С. 637—638.

[5] См.: *Поляков П.* Село Боцманово // Саратовские губернские ведомости. 1881. № 1.

[6] ГАПО, ф. 9, оп. 1, д. 625, л. 56.

[7] Нижегородский сборник. С. 621.

[8] См.: *Берг Л. С.* Всесоюзное географическое общество за сто лет. М.; Л., 1946. С. 162—163.

[9] Там же. С. 146.

[10] См.: *Костомаров Н. И., Пасхалова-Мордовцева А. Н.* Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии // Летописи русской литературы и древностей. СПб., 1862. Т. 4.

[11] См.: *Леопольдов А. Ф.* Статистическая записка о народах, населяющих Саратовскую губернию // Московский телеграф. 1833. Ч. 52.

С. 135—143; *Он же.* Моленья и поминки у мордвов Саратовской губернии // Московские ведомости. 1844. № 88. С. 982—983; *Он же.* Исторический очерк Саратовского края. Сочинение Андрея Леопольдова. М., 1848; *Он же.* Замечательный народный факт (о мордве) // Саратовские губернские ведомости. 1851. № 9. С. 158—159.

[12] *Прозин Н. В.* Картинки мордовского быта // Пензенские губернские ведомости. 1864. № 89. С. 314—315.

[13] Цит. по: *Савин О. М.* Живая память. Историко-литературные очерки. Саранск, 1981. С. 45.

[14] См.: *Савин О. М.* Судьбы и память: Историко-литературные документальные очерки. Саранск, 2003. С. 86.

[15] См.: *Дубасов И. И.* Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1993. С. 300—301.

[16] См.: *Троицкий А. И.* Народные песни Пензенской губернии // Сборник Пензенского губернского статистического комитета. Вып. VI. Пенза, 1905. С. 1—88.

[17] См.: *Тюстин А. В.* Исполнен долг, завещанный от бога. История пензенского церковного краеведения // Краеведение. Пенза, 1997. № 2. С. 27.

[18] См.: Краткий этнографо-статистический очерк Пензенской губернии // Справочная книга Пензенской губернии на 1901 год. Пенза, 1902. С. 61.

[19] Цит. по: *Берг Л. С.* Указ. раб. С. 167.

Поступила 20.06.06.

Заказ № 1305

Н. В. БУТЫЛОВ

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Под языковыми контактами обычно понимают взаимодействие двух или более языков, оказывающее влияние на их структуру и словарь. Такое взаимодействие всегда обусловлено и определяется необходимостью общения между представителями разных этнических и языковых групп, вступающих между собой в интенсивные связи по хозяйственным, политическим и другим причинам. По определению У. Вайнраха, «два или несколько языков находятся в контакте, если ими попеременно пользуется одно и то же лицо. Таким образом, местом осуществления контактов являются индивиды, пользующиеся языком»[1].

Выдвигалось предложение различать «узкое» и «более широкое» толкование термина «языковые контакты», понимая под первым конкретную ситуацию, связанную с обязательным двуязычием, а под вторым — межъязыковую связь, при которой двуязычия может не быть.

Случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных представителей в результате языкового контакта, принято называть явлениями интерференции. При этом различают два ее вида: прямое отклонение от норм одного языка под воздействием другого и косвенное влияние второго языка, не вызывающее в первом нарушения нормы, но стимулирующие уже существующие в нем закономерности, процессы и явления, т. е. «прямую» и «косвенную» интерференцию[2].

В речи интерференция возникает в высказывании двуязычного человека как результат его личного знакомства с

БУТЫЛОВ Николай Васильевич, доцент кафедры немецкой филологии Мордовского государственного университета, кандидат филологических наук.

другим языком. В языке же мы находим явления интерференции, которые вследствие многократных появлений в речи двуязычных стали привычными и закрепились в употреблении. Дальнейшее их использование уже больше не зависит от двуязычия.

Результаты языковых контактов по-разному сказываются на уровнях языка в зависимости от степени интегрированности их элементов в целостную структуру языка. Наименее структурированы группы специальных терминов узких областей знания и производственной деятельности, поэтому они могут быть заимствованы целиком без коллективного двуязычия или при двуязычии очень ограниченной группы людей. Заимствование же служебного слова, выполняющего грамматические функции, аффикса и вообще интерференция в звуковой и грамматической области могут возникнуть лишь на более высоком этапе коллективного двуязычия.

Отвечая на вопрос о том, почему одни черты заимствуются, а другие нет, ряд лингвистов подчеркивает, что многое зависит от того, «насколько иноязычное влияние соответствует возможностям внутреннего развития языка». Внутренние тенденции развития существуют в языке независимо от каких-либо иноязычных влияний. В свою очередь «языковой контакт и вызываемая им интерференция действуют наподобие спускового крючка, либо освобождая путь для процессов, созревающих самостоятельно, либо ускоряя их»[3].

Таким образом, в процессах языкового контактирования определяющими являются внутренние потребности систем взаимодействующих языков, а также факторы культурно-исторического порядка.

Ситуация русско-мордовских языковых отношений — пример внутрирегионального контактирования, характеризующегося глубоким проникновением больших масс носителей одного языка на территорию, занятую носителями другого. Такая ситуация контактирования, сопровождающаяся сменой языкового кода на определенной территории, в исторической перспективе создает условия для возникновения субстрата. Субстрат представляет собой совокупность закономерных ошибок, которые делают носители побежденного языка, переходя на новый язык. Многие лингвисты

считают, что проблема субстрата не чисто лингвистическая, но позволяет установить связь лингвистических данных с положениями других общественных наук[4].

Имеются различные средства обогащения языка. Часть из них, отражая его внутренние возможности, относится к числу специфических, уникальных. Общеуниверсальным же для всех языков мира, независимо от типологических различий, является заимствование. Оно отражает постоянно действующий процесс контактирования народов. Основоположником проблемы языковых контактов по праву считается Л. В. Щерба, так как именно в его работах фундаментально освещены вопросы «смешения языков», различные типы двуязычия и т. д.

Предполагается, что процесс заимствования шире интерференции, осуществляется чаще всего при наличии звуковой ситуации двуязычия. Проблема контактирования языков многоаспектна и охватывает широкий круг вопросов теоретического и практического, социологического и психологического характера. Эта проблема тесно связана с развитием общества, сближением наций, народностей и взаимодействием их культур.

Мнение об интерференции и заимствовании как о качественно различных явлениях выражается также и в других исследованиях. Подобный подход к рассматриваемым вопросам представляется весьма значимым, так как анализируя заимствования в лексике мордовских языков, мы сталкиваемся с фактами заимствования, осуществляемого на лексическом уровне. Существенное значение для нас будет иметь лишь проблема заимствования.

Под заимствованием принято понимать процесс проникновения элементов из одного языка в другой. Заимствованными элементами считают единицы разных уровней, фонемы, морфемы, структуры слов, словосочетаний. Несмотря на кажущуюся простоту этого определения, в лингвистической литературе нет еще однозначного ответа на вопрос, что следует понимать под заимствованными словами и каковы их типы.

Одни исследователи заимствованиями считают все слова иноязычного происхождения независимо от того, насколько прочно вошли они в речевой обиход народа. Другие отме-

чают неоднородность слов иноязычного происхождения по причинам их заимствования и степени освоения. Но единого критерия деления и общепринятых терминов для обозначения выделяемых групп нет до сих пор.

Немецкие лексикологи начала XX в. использовали в своих работах термины «заимствованные слова» и «иностранные слова». В основе деления лежат два признака — функциональный и формальный, иными словами, характер употребления слова и степень фонетического и морфологического освоения. Слова, освоенные функционально и формально, называются заимствованными, а не освоенные — иностранными[5].

Л. П. Крысин среди иноязычных слов выделяет три основных типа: заимствованные слова, экзотизмы, иноязычные вкрапления. Основные различия между этими типами автор видит в их соотношении с системой употребляющего их языка. Заимствованными Л. П. Крысин считает слова, вошедшие в лексическую систему заимствующего языка. Для того чтобы считать то или иное иноязычное слово заимствованным, необходим, по его мнению, ряд условий: графемо-фонетическая передача иноязычного слова средствами заимствующего языка; его соотношение с определенными грамматическими классами и категориями; семантическая самостоятельность слов, отсутствие у него дублетных синонимических отношений со словами, существующими в языке-заимствователе; для слова литературного языка — употребление не менее чем в двух различных речевых жанрах, для термина — регулярное употребление в определенной терминологической сфере[6]

Однако для вхождения и функционирования иноязычного слова в языке не все перечисленные условия и не для всех языков являются обязательными. Так, например, передача иноязычного слова графическими средствами воспринимающего языка может считаться необходимым условием только для письменного литературного языка и то лишь в том случае, если слова заимствуются из языка, который пользуется другой графической системой. Но если речь идет о лексическом обмене между языками, пользующимися одной графической системой, например, между русским и другими языками народов СНГ, использующих русскую графику,

то критерий графической освоенности не играет никакой роли, так как в этом случае слова, воспринятые из другого языка, сохраняют то же написание, что и в языке-источнике. К таким факультативным признакам относятся фонетическая и грамматическая ассимиляция иноязычного слова.

Относительно экзотизмов и иноязычных вкраплений следует отметить, что они стоят за пределами лексической системы воспринимающего языка. Их употребление обусловлено либо тематикой, либо степенью знакомства говорящего с иностранным языком, некоторыми стилистическими или жанровыми особенностями речи. Примерно такая же классификация лексических заимствований была дана К. И. Бакманом в его исследовании о русских лексических заимствованиях в эстонском языке[7].

Проблема классификации заимствованных слов на материале мордовских языков еще не имеет своего решения, поэтому вполне правомерным будет, если мы выскажем свою точку зрения по этому вопросу.

Придерживаясь мнения Л. П. Крысина и Н. И. Исанбаева[8], заимствованными мы считаем иноязычные слова, для которых характерны следующие признаки: вхождение в лексическую систему заимствующего языка; семантическая самостоятельность иноязычного слова; фонетико-морфологическое оформление заимствованной лексемы в соответствии с нормами воспринимающего языка.

Л. П. Ефремов предложил еще два признака[9], которые нашли признание у некоторых языковедов, а именно: регулярность употребления заимствованного слова и передача его от поколения к поколению; словообразовательная активность заимствованной лексемы, т. е. активное участие в процессе словообразования. Эти признаки также указывают на окончательное освоение заимствованных лексем.

Относительно словообразовательной активности заимствований следует заметить, что они в этом плане не отличаются от исконных мордовских слов и принимают столь же активное и продуктивное участие в словообразовательном процессе, как и мордовские слова.

Иноязычные слова по причине их заимствования и степени семантического освоения мордовскими языками неоднородны. Часть из них пришла в лексику вместе с новыми

предметами, понятиями, значениями, появившимися благодаря общению с другими народами. Их употребление в языке обусловлено необходимостью дать наименование новому явлению действительности. В данной ситуации, несмотря на богатейшие внутренние возможности номинации, которыми располагает каждый язык, заимствование предпочитается словообразованию, и иноязычное слово используется для создания недостающей в языке лексической единицы.

Другая часть заимствований в мордовском языке связана с появлением новых реалий. Употребление таких слов сопровождается стилистической или семантической дифференциацией их с близкими по смыслу и употреблению исконными или ранее заимствованными лексемами. Следовательно, их употребление вызвано необходимостью уточнения содержания исконного слова или обозначения новых оттенков его значения.

Названные типы заимствований можно назвать лексическими заимствованиями. Их появление в мордовских языках обусловлено необходимостью обозначения тех или иных предметов, понятий, смысловых оттенков, возникающих в результате общения с соседними народами. Другая группа заимствованной лексики представлена словами, вошедшими в мордовские языки как новые названия уже известных предметов и понятий. Подобные иноязычные слова называются лексическими проникновениями. В данном случае заимствование иноязычных слов можно объяснить не отсутствием в заимствующем языке исконных или других названий, а тем, что имеющиеся языковые средства номинаций уступают иноязычному эквиваленту по каким-то качествам. А иноязычное слово (тюркское или русское) распространено на более обширной территории и как средство языкового общения представляется более удобным.

Таким образом, коммуникативное удобство использования иноязычного слова являлось причиной заимствования многих татарских слов.

Мы полагаем, что между лексическими проникновениями и лексическими заимствованиями четкой, устойчивой, раз и навсегда установленной границы не существует. Граница эта исторически изменчива.

Как указывалось выше, противоположность заимствованным словам — экзотизмы и иноязычные вкрапления. Экзотизмы — это слова, связанные с обозначением своеобразия быта и нравов того или иного народа, той или иной страны. В словарный состав мордовских языков проникло немало слов, связанных с характеристикой жизни и быта контактировавших народов. Как правило, экзотизмы употребляются в ситуациях, когда речь идет о жизни и быте соседних народов, об особенностях национальной одежды и т. д. Экзотизмы встречаются также среди названий пищи, украшений, обычаев и т. д. Тематика и ситуация речи определяют употребление подобных слов. Необходимо отметить также и то, что установление конкретной разграничительной линии между экзотизмами и заимствованными словами не всегда возможно вследствие того, что мордва и контактировавшие с ней соседние народы выработали ряд одинаковых обрядов и праздников. Некоторые экзотизмы с заимствованием самого предмета или усвоения обычая перешли в разряд заимствованных слов.

Иноязычные вкрапления в отличие от заимствованных слов представляют собой слова и выражения, употребление которых в языке не является регулярным, а обусловлено некоторыми стилистическими или жанровыми особенностями речи и степенью знания говорящим национального языка. Свободное включение в речь на одном языке элементов другого считается одним из признаков двуязычия.

Таким образом, мы видим, что заимствования, вошедшие в мордовский язык как по причинам их заимствования, так и по степени функциональной освоенности, представляют собой сложную и неоднородную группу, что границы между различными типами заимствований могут постепенно «размываться», и отдельные лексемы нередко из одной группы переходят в другую.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Вайнрах У.* Языковые контакты. Киев, 1979. С. 2.

[2] См.: *Розенцвейг В. Ю.* Языковые контакты. Л., 1972. С. 25.

[3] *Вайнрах У.* Указ. раб. С. 56.

[4] См.: *Щерба Л. В.* О понятии смешения языков. Л., 1974; *Розенцвейг В. Ю.* Указ. раб.

[5] См.: *Паулъ Г.* Принципы истории языка. М., 1960.

[6] См.: *Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.

[7] См.: *Бакман К. И.* Исследование русских лексических заимствований в эстонском языке. Тарту, 1955.

[8] См.: *Исанбаев Н. И.* Татарские лексические заимствования и их типы. Йошкар-Ола, 1960.

[9] См.: *Ефремов Л. П.* Сущность лексического заимствования слов. Алма-Ата, 1959.

Поступила 15.11.06.

Д. Г. ПАВЛОВ

ДРЕВНЕЙШИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Древнейшие песни представлены в Нижегородском Поволжье тремя сюжетами: «Мордовские старейшины и русский мурза», «Татарский полон» и «Основание Казани». Количество вариантов песен невелико: соответственно четыре, четыре и один. Примечательной особенностью первого из сюжетов является то, что он бытовал локально — лишь на территории Дальнеконстантиновского района (села Сиуха, Терюшево), причем все записи сделаны были в середине XIX в. Предпринятые в конце XX в. попытки найти на той же территории, в тех же селах эту песню или хотя бы воспоминания о ней, ее изложение к успеху не привели.

В связи с этим следует обозначить особенность тех мест, где фиксировалась песня: они входят в ареал терюхан — этнической группы мордвы-эрзян, подвергшейся ассимиляции, утратившей родной язык и уже в первой половине XX в. полностью осознавшей себя как русское население[1]. Известно по летописям, что именно на юг от Нижнего Новгорода отступила мордва, оттесненная с устья Оки, и оттуда инязор Пургас вел боевые действия против новой крепости русских. Более того, в лесах к югу от города находились «тверди», в окрестности которых мордва в 1228 г. заманила и уничтожила значительную часть выставленного против нее русского войска. Это дает основание считать, что записанная песня принадлежала непосредственным потомкам мордвы, вытесненной с устья Оки. Примечательно, что ее записи содержат указания на то, что представляет собой перевод с мордовского языка, т. е. песня явля-

ПАВЛОВ Дмитрий Геннадьевич, аспирант кафедры истории Арзамасского государственного педагогического института.

ется фактом мордовского, а не русского фольклора. Следует предположить, что это вытеснение с давно обжитых и выгодных с географической и стратегической точек зрения мест было одним из драматичных событий истории этноса, память о котором передавалась на протяжении поколений.

Сюжет песни в следующем: во время мордовского моления (озкса) мимо Дятловых гор (возвышенный правый берег впадения Оки в Волгу) проплывал «московский мурза», который по традиции дарообмена получил дары жрецов и якобы из-за происшедшей ошибки принял их за выражение ему покорности. Песня запечатлела ключевое событие периода колонизации Нижегородского Поволжья. Как источник песня обращает на себя внимание обстоятельным, реалистичным изображением древнего быта, обычаев мордвы. Она содержит описание моления с указанием на то, какой была жертвенная пища, во что полагалось одеваться «молельщикам». Примечательно упоминание как ключевого момента установления взаимоотношений между народами архаичного обычая дарообмена, при котором в передаваемые предметы вкладывается конкретный смысл. Это представляет важный материал для изучения этнографии, истории первобытного общества, поскольку позволяет приобщиться к логике сознания человека традиционного общества.

Интересна анахронистическая идентификация русского правителя как «мурзы московского», позволяющая сделать вывод о том, кого мордва воспринимала в качестве источника власти в эпоху бытования произведения. Понятием мурзы в Нижегородском Поволжье обозначался правитель, что было связано с Казанским ханством, подчинением ему и платой дани (любопытно, что в местах записи песни распространена фамилия потомков мордвы Мурзаев). Что же касается характеристики «московский», то она запечатлевает устоявшиеся на протяжении веков в регионе представления о государственном центре, откуда в принципе может исходить власть. В целом маршрут движения «мурзы» «по Воложке, по Камышке» свидетельствует о том, что ему уже подчинена значительная территория, и он располагает достаточными ресурсами для укрепления своей власти. Примечательно то, что «мурза» предстает по отношению к мордве в некоей цивилизаторской функции. Он

«открывает» территорию, где она живет и затем создает на ней новое хозяйство — основывает города и селения.

Мордовское население относится к «мурзе» как к существу высшему. Обратим внимание на то, что он появляется в момент моления, т. е. в момент призвания богов. Ошибка, происшедшая во время обмена дарами, лишь констатируется песней. Эта ошибка в своем роде сакральна, находится «в руках судьбы и богов»: в ней виновны юноши, не понимавшие, что творят. В песне не присутствует идея необходимости насильственного исправления ситуации — ее можно трактовать как волю высших сил, и это, вероятно, соответствует пониманию власти в средние века.

Песня объясняет потомкам мордвы, жившей в устье Оки, что же произошло в момент ее вытеснения и задает отношение к этому событию (приходу русских на территорию). Она учит, с одной стороны, необходимости сохранять этническую память, с другой — не меньшей необходимости толерантного отношения к появившемуся в регионе русскому населению. Это воспринимается как проявление исторически неотвратимой этнической судьбы мордвы.

Песня сюжета «Татарский полон» не обладает четкой локализацией записей, к тому же варианты ее фиксировались как в XIX в., так и в XX в., хотя и единично. В ее основе — широко распространенный в эпосе сюжет о попавшей в татарский плен матери, узнавшей в жене хана свою дочь, угнанную много лет назад.

Сравнивая фольклорный материал русских Нижегородского Поволжья и мордвы более южных регионов, можно обнаружить, что упомянутая выше песня о татарском полоне имеет у двух народов близкие сюжеты, что, вероятно, указывает на общее происхождение. А. М. Шаронов, основываясь на анализе общинных отношений, отраженных в аналогичных мордовских песнях, считает, что произведение возникло в XVI—XVIII вв.[2] Можно предположить заимствование песни одним народом у другого в ходе межэтнических контактов или даже в результате русификации, а также то, что произведения создавались у двух народов одновременно. Но при заимствовании песня сохранила бы сюжет в больших подробностях, на самом же деле в текстах различия значительны (у мордвы девушка узнает в пленнике брата; у русских мать встречается с дочерью).

Это свидетельствует в пользу одновременного создания под влиянием одинаковых условий похожих песен разными соседствующими народами. Этими одинаковыми условиями было в первую очередь соседство со «злыми татарами» — Казанским ханством, в жизни которого важное место занимал захват пленников, практиковались набеги на прилегающие территории. Именно в таком ключе это трактуется и в народных преданиях Поволжья, записанных у русских, мордвы, чувашей, марийцев, и в древнерусской литературе. Упоминание в одном из вариантов речки Дарьи[3] обозначает как место действия некую чужую и отдаленную территорию, которую чрезвычайно трудно идентифицировать.

Любопытна для понимания того, как формировалась эпическая песенная культура региона, песня «Основание Казани». Она записана только в одном варианте на русском языке от Л. Ф. Самилкиной, уроженки Большеигнатовского района Мордовии[4]. В своде русских исторических песен[5] этот сюжет не отмечен, между тем в своде мордовских песен[6] он имеется.

Песня повествует о жертвоприношении при основании города, чрезвычайно напоминая сюжеты преданий об истории Нижегородского Кремля и укреплений в Большом Мурашкине. Она фиксирует не только сам связанный с традиционными верованиями древний обычай, но и его восприятие человеком средневековья. При выборе жертвы (Федосьюшки) бросают жребий, и его результат дедом Тихоном воспринимается как то, что уже нельзя отменить. Песня изображает трагедию семьи, которая сопровождает Федосьюшку к месту жертвоприношения и, смирившись с ситуацией, однако не может ее пережить: «упала неживой ее матушка», «упал без памяти родной батюшка», «упали семеро братьев». Между тем трагическая жертва не оказывается напрасной. Песня завершается мыслью о ее значении для дальнейшей судьбы города:

«А Казань-город до сих пор стоит,
До сих пор стоит, до сих пор цветет»[7].

Связь с основанием Казани этой песни представляется нам условной. По логике песни жертва движется к Казани с запада, с русских земель (что запечатлевает маршрут походов русских войск на Казань), сам город воспринима-

ется как русский, хотя общеизвестно, что он являлся столицей ханства, противостоявшего западным соседям. Это, безусловно, анахронистическое представление о событии и можно предположить связь песни с более поздним периодом обживания новых восточных территорий, завоеванных Москвой в XVI в.

Древнейшие нижегородские исторические песни по своим сюжетам привязаны к региону. Все известные тексты так или иначе принадлежат мордовской эпической традиции, что свидетельствует об исходно автохтонном характере локальной эпической традиции в сфере интересующего нас жанра. Материал свидетельствует о пограничном характере территории во времена создания этих песен. В таком ключе она и воспринималась у их носителей. Исторические песни могут послужить ценным источником в понимании того, что можно обозначить как сознание человека средневековья — его понимание исторической судьбы народа, сущности образующейся государственной власти, принципов межэтнических отношений. Песни запечатлевают восприятие народом становление государственных институтов и управления регионом. Вместе с тем как источник такой материал требует значительной осторожности. Древнейшие исторические песни Нижегородского Поволжья лишь фиксируют тенденции в отражении народным сознанием общего хода развития территории, но анахроничны, условны в деталях.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Мельников-Печерский П. И.* Очерки мордвы. Саранск, 1981; *Мокшин Н. Ф.* Этническая история мордвы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1980; *Морохин Н. В.* Фольклор в традиционной региональной экологической культуре Нижегородского Поволжья. Киев, 1997; *Трубе Л. Л.* География нерусского населения Горьковской области // Зап. краеведов. Горький, 1981. С. 12—20.

[2] См.: *Шаронов А. М.* Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. Саранск, 2001. С. 10—13.

[3] См.: Нижегородские исторические песни: Сб. / Под ред. Н. В. Морохина. Н. Новгород, 2000. С. 49.

[4] Там же. С. 51—52, 265.

[5] См.: Исторические песни XIII—XVI веков / Сост. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960.

[6] См.: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 2, кн. 2 / Сост. Л. С. Кавтаськин. Саранск, 1977.

[7] Нижегородские исторические песни. С. 52.

Поступила 21.09.06.

В. В. ШАБАЕВ

УЕЗДНАЯ ПОЛИЦИЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ЖИЗНЬЮ РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

Российская империя изначально формировалась как многоконфессиональное и полиэтническое государство. Поэтому религиозный (этноконфессиональный) фактор всегда играл заметную роль в политической, социально-экономической и культурной жизни дореволюционной России. Являясь неотъемлемой частью российского общества, конфессии неизбежно сталкивались со многими его проблемами, в том числе с проявлениями уголовной преступности. С другой стороны, некоторые религиозные сообщества (прежде всего сектантского типа) вызывали обеспокоенность властей в плане нарушения законности и подрыва государственных устоев. Именно поэтому этноконфессиональная жизнь была объектом пристального внимания полицейских структур Российской империи, в том числе подразделений уездной полиции.

Российская империя базировалась на идеологическом фундаменте православия, освящавшего монархическую власть. На концептуальном уровне союз царской власти и православия был закреплен в ряде религиозно-политических программ: «Москва — третий Рим» и «Самодержавие. Православие. Народность». Все это обусловило особый статус Русской православной церкви (РПЦ) в российском обществе и государстве.

Охрана неприкосновенности прав и имущества Русской православной церкви была одной из важных задач уездной полиции, закрепленных законодательно в 1862 г. В частно-

---

ШАБАЕВ Виктор Викторович, ассистент кафедры истории государства и права Саранского кооперативного института.

сти, в обязанности полиции входила охрана церковных богослужений, особенно во время больших молебнов, церковных праздников и крестных ходов. На местах уездная полиция осуществляла тщательный контроль за тем, чтобы строительство православных монастырей и церквей происходило только с разрешения Синода и епархиального архиерея. Именно полиция призвана была предотвращать «преступления против православной веры», которые включали в себя богохульство, вторжение в церковь и совершение в ней преступления, вмешательство в службу и молебен, споры и драки на территории храма, переход православного в иную веру и т. д.

Необходимо признать, что немалую роль в широком распространении и общей активизации сектантства в поздней Российской империи сыграли кризис Русской православной церкви, неуклонное падение ее влияния и духовного авторитета в обществе. Кроме того, наряду с официальной РПЦ влиятельной силой в русском православии продолжало оставаться старообрядчество.

3 мая 1883 г. принят закон, предоставляющий старообрядцам официально занимать общественные должности. Власти в таких случаях должны были руководствоваться как местными условиями и обстоятельствами, так и нравственным характером учения и другими свойствами секты, к которой принадлежит предполагаемое выборное лицо (речь идет о старообрядцах). При этом не допускались утверждения старообрядцев в должностях, соединенных с государственной властью и влиянием. Особенно это касалось лиц, замеченных в распространении «своих заблуждений между православными», т. е. в проповеди старообрядчества среди верующих РПЦ[1]

Однако после принятия закона у полицейских учреждений увеличился объем работы. К тому же и сам закон в основном не исполнялся в точности. Это стало особенно очевидным к концу 80-х гг. XIX в., когда старообрядцы стали активно внедряться в выборные учреждения, а власти на местах утверждали их, что было категорически запрещено законом.

МВД, обеспокоенное таким поворотом событий, было вынуждено срочно принимать меры к недопущению «нераз-

берихи», царившей в вопросе занятия старообрядцами должностей в местных органах власти. Русскую православную церковь серьезно беспокоило, что раскольники часто пользуются своим служебным положением во вред православию. Поэтому МВД призвало губернские власти при утверждении таких лиц на общественные должности «руководствоваться строгой осмотрительностью»[2] МВД крайне волновало и то, что на должности сельских старост и старшин часто допускаются старообрядцы «беглопоповского толка»[3], в большинстве случаев не удовлетворяющие требованиям разъяснительного циркуляра МВД от 21 июня 1883 г.

Кроме того, нередко утверждались в званиях и даже определялись на должности урядников последователи таких, с точки зрения РПЦ, крайних и «безнравственно-раскольнических лжеучений», как беспоповцы (федосеевцы)[4], не признающие брака и молитвы за царя: «Эти лица при свойственном вообще сектантам фанатизме получают возможность злоупотреблять властью и действовать в пользу раскола, притесняя как православных в видах совращения их в раскол, так и склонных к православию раскольников в видах удержания их в расколе»[5].

Таким образом, уже к середине 80-х гг. XIX в. было запрещено определение старообрядцев на должности урядников. «Особенная осторожность» в этом вопросе требовалась от властей тех губерний, где старообрядчество было распространено достаточно широко, где среди населения пользовались большим влиянием богатые купцы и фабриканты из числа старообрядцев[6]. Известны факты попыток полиции оградить детей старообрядцев от обучения в общих средних образовательных заведениях[7]

События первой русской революции 1905—1907 гг. заметно укрепили взаимные связи между полицией и РПЦ. Многочисленные беспорядки в деревнях и рабочие выступления нередко затрагивали интересы церковного имущества. Имели место разбойные нападения на духовные учреждения. Участились кражи церковных жертвенных денег и имущества. Например, 19 октября 1902 г. в с. Веденякино Темниковского уезда из церкви была совершена кража денег в сумме 60 руб.[8] Подобных фактов можно привести множество.

Архивные источники свидетельствуют о том, что в период первой русской революции на территории мордовского края существовала реальная необходимость защиты православных монастырей, вплоть до вооруженной обороны. Документы полиции подробно освещают антицерковные бунты, в которых участвовало в основном мордовское население.

Рассмотрим подробнее инцидент, произошедший 12 июля 1906 г. В этот день на ярмарке при Пайгармском монастыре «мордвой был произведен бунт, — сообщает пристав второго стана Инсарскому приставу, — и бунтовщики нападали на урядника Лышонкова, стражников Фанягина, Курганова, Полетаева. Курганова ударили коленом по голове, Фанягину разбили губу, отобрали шашку и бросили в пруд, а затем стали кричать, что надо разбить монастырь. В руках у них были камни, оглобли и др. Я стал кричать, чтобы стражники применяли силу против толпы, дабы не дать и себя побить и разграбить монастырь. Ввиду чего мною была усилена охрана монастыря»[9]. Обеспокоенное этими выступлениями православное духовенство во главе с епископом Саранским и Пензенским убедительно просило выделить постоянную охрану, «так как положение обители становится небезопасным: мужики деревни Пайгармы начали всячески угрожать монастырю, а крестьяне соседской деревни стали самовольно косить монастырские луга»[10].

Осознавая опасность работы стражей правопорядка, Святейший синод в своем постановлении № 6012 от 24 сентября 1907 г. принял решение, согласно которому при проведении заупокойных молений о воинах, убитых на поле брани, данная молитва дополнялась поминанием «и крамолою убиенных»[11]

В период революции 1905—1907 гг. Святейший синод обратился к православным с призывом: «Станьте крепкой, несокрушимой стеной за нашего царя, за землю русскую, за ее старинный христианский уклад жизни»[12].

С другой стороны, в церковных кругах вызывало отрицательную реакцию постоянное вмешательство в их внутренние дела представителей власти. Например, один из пензенских священников отслужил панихиду по убитому черносотенцами «левому» депутату Государственной думы

М. Я. Герценштейну. Епископ Тихон за это перевел его в другой приход. Мягкость наказания возмутила П. А. Столыпина, который потребовал от обер-прокурора Святейшего синода «уволить немедленно на покой самого архиерея вместе с мятежным попом»[13].

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX в. деятельность провинциальной полиции по охране прав церкви была значительной среди ее основных обязанностей и подробно регламентировалась законодательными актами. Полиция следила за сохранением нравственности населения, предупреждала возможные нарушения законодательства и в этом случае выявляла виновных, имела право содержать их под стражей на время предварительного следствия, а затем передавала обвиняемых в судебные инстанции.

Анализируя полицейский контроль за конфессиональной жизнью, нельзя не сказать об исламе, который начал проникновение на территорию мордовского края еще в XV—XVI вв., что в немалой степени было связано с военно-политической деятельностью Казанского ханства.

На территории Мордовии ислам традиционно исповедует татарское население. В рассматриваемый период большинство мусульман региона — татарская прослойка небольших уездных городов и население татарских сел — практически не вызывали интереса местной полиции с конфессиональной точки зрения[14].

Однако на уровне центральной власти мусульманские подданные Российской империи часто вызывали тревогу и опасения со стороны полиции в плане их религиозно-политической лояльности «Белому царю». Речь идет о возможности объявления мусульманами в том или ином регионе империи газавата («священной войны», джихада) против «неверных» (немусульман). Подобные опасения полиции возрастали в периоды обострения отношений России с соседними мусульманскими государствами (в первую очередь с Османской империей).

Наконец, эти опасения в немалой степени обусловлены историческими реалиями, поскольку имперская власть в России имела печальный опыт вооруженной борьбы с мусульманскими повстанцами, которая порой принимала

кровопролитный и затяжной характер. Это был опыт Кавказской войны XIX в., а также восстаний мусульман в Центральной Азии второй половины XIX и начала XX в.

В связи с этим полиция пристально следила за мусульманскими политическими партиями, съездами, организациями и группами, заметно активизировавшимися в начале XX в., в немалой степени — в связи с первой русской революцией. При этом центральные полицейские структуры империи неизменно доводили соответствующие распоряжения в провинцию до уровня уездных исправников. Так, в ноябре 1907 г. инсарский уездный исправник направил приставу 3-го стана следующее предписание: «Господин Пензенский Губернатор предписанием от 2 мая сего года за № 651, основанном на отношении Департамента Полиции от 17 апреля за № 6817, сообщил мне, что по полученным сведениям в первых числах минувшего Марта месяца в городе Елизаветполь при участии Персидских Макинских ханов, состоялся съезд мусульман, на котором постановлено: 1) Устроить в недалеком будущем такой же съезд в Крыму, с целью организования всеобщего мусульманскаго союза, по примеру армянскаго „Дашнакцютюна“ и прибегнуть к террору, добиться этим путем уступок правительства, как того добилась армянская организация „Дашнакцютюна“; 2) Выставить весною текущаго года в Карабахе (Шушинском уезде) „Дфай“ в противовес армянским „Хумбам“, причем во главе организации „Дфай“ будет состоять Джафар-Бек Визиров, а казначеем Кахсум-Бек Визиров; главою всего Закавказскаго мусульманскаго союза избран Измаил Хан Зиадханов, бывший Член Государственной Думы; 3) Терроризировать прежде всего представителей администрации и суда; 4) При помощи Бакинских капиталистов Тагиевых, Амдулиевых выкупить у армян имения князей Узмиевых близ Агдама и скупить у армян все земли от Агдама до станции Ханджанлы, для заселения исключительно мусульманами; 5) Принудить Шушинцев жить обязательно в Шуше и вообще сделать Карабах мусульманской провинциею. Давая знать о сем, предписываю Вам принимать самыя энергичныя меры к недопущению развития означенных организаций, установив тщательное негласное наблюдение за мусульманским населением»[15].

На основании содержания этого документа можно сделать вывод, что полицейские служащие не только были хорошо осведомлены о движениях и «броженияx» среди мусульманских подданных, но и отдавали себе отчет в тесном взаимодействии мусульманских организаций и групп различных регионов обширной империи, не без основания предполагая, что события на Кавказе могут повлиять на мусульманскую общину Поволжья.

14 марта 1912 г. ардатовский уездный исправник предписал приставу 2-го стана доставить ему сведения, «не распространяются ли среди татарского населения вверенного Вам уезда, воззвания о пожертвованиях Турции на продолжение войны с Италией и не делаются ли денежные сборы для указанной цели»[16].

В период первой мировой войны уездным полицейским учреждениям был разослан циркуляр, предупреждающий о появлении письма, в котором предрекалась гибель всех гяуров (христиан) в 1915 г. По этому поводу симбирский губернатор доводил до сведения всех чинов полиции следующее: «Департамент Полиции уведомил меня, что по полученным от Казанскаго Губернатора сведениям, среди местнаго мусульманскаго населения распространяются присланныя из Медины письма, содержание которых сводится к тому, что, будто бы, какой-то „маджабир“ (угодник Божий) на могиле пророка услышал его голос, предупреждающий мусульман, что начавшийся по мусульманскому счислению новый 1333-й год будет выдающимся в жизни мусульманскаго мира, так как предстоит гибель всем „гяурам“ и плохим мусульманам. Письма эти заканчиваются требованием списывать копии с таковых и в свою очередь распространять их.

Принимая во внимание, что распространения означенных писем рассчитано на разжигание фанатизма среди русских мусульман и имеет целью подготовить их к принятию „газавата“ (священной войны), поручаю Полицмейстерам и Исправникам установить тщательное наблюдение за настроением и деятельностью проживающих во вверенных районах мусульман и принять меры к немедленному прекращению распространения этих писем»[17]

По поводу данного документа отметим, что в этот период г. Медина (как и сейчас) контролировался аравийской

династией Саудитов, официальной идеологией которой был ваххабизм — радикальное религиозно-политическое направление в исламе суннитского толка, столь громко заявившее о себе в современном российском обществе. Кроме того, в конце XIX — первые десятилетия XX в. уездная полиция Пензенской губернии активно собирала сведения о джадидах — мусульманских просветителях-модернистах, в том числе о мусульманских школах (мектебах и медресе), работавших по новому методу (усуль-и джадид)[18], а также о мусульманах, сотрудничавших с литературными изданиями[19].

В большой степени полицейский надзор и контроль распространялись на другие неправославные христианские конфессии. Отчасти речь идет о римско-католической церкви. Но основное внимание здесь полиция уделяла так называемому позднему протестантизму, т. е. многочисленным сектам, в основном зарубежного происхождения, возникшим в XVIII—XIX вв.

Что касается лиц католического исповедания, то в начале XX в., на основании высочайшего повеления, был резко ограничен въезд в Россию представителей римско-католической церкви. Пересечение границы священнослужителями указанных и ряда других конфессий допускалось лишь на основании совместного постановления МИД и МВД. Как указывалось выше, особое внимание Департамент полиции уделял представителям разнообразных сектантских течений. Жандармское командование даже усматривало в них идейную близость с некоторыми из революционных и иных радикальных с точки зрения официальных кругов учений. Так, духоборы[20] числились последователями преданного анафеме Л. Н. Толстого, адвентистов[21] сравнивали с анархистами, а штундистов[22] обвиняли в проявлениях социал-демократии.

В сфере особо пристального внимания полиции находилась секта хлыстов[23]. Например, в служебной записке алатырского уездного исправника от 10 марта 1912 г. содержится следующая информация: «Проживающие в городе Алатыре, в собственном доме, под Поповской горой Егор Иванов Малкин (был в ссылке за хлыстовщину), сын его Андрей и жена последняго, отпавшие от православия и

записанные в число Духовных Христиан (Молоканов), как мною установлено дознанием, в действительности не исповедуют вероучение Духовных Христиан, а принадлежат к запрещенной законом секте „Хлыстов“ и что они частенько ездят в село Собаченки вверенного мне уезда, где и устраивают тайные собрания сектантов „Хлыстов“, для молитводействия по вероучению этой секты»[24].

В марте 1912 г. в Ардатовском уездном полицейском управлении рассматривалось служебное расследование в отношении пристава 2-го стана Малинина, который не принял мер к предотвращению секты «хлыстов» в с. Собаченках. Ему в вину вменялось получение взятки от секты с тем, чтобы он указывал в своих отчетах, что существует секта лишь духовных христиан — последнее снижало ответственность «хлыстов» перед законом[25] Дело в том, что, согласно циркуляру № 9623 от 4 октября 1910 г., секты обязаны были иметь разрешения местной полиции и извещать ее о времени своих молитвенных собраний[26]. В ходе дознания выяснилось, что секта «хлыстов» в селе существует более 80 лет. Причем православный священник неоднократно указывал приставу и просил принять меры к ее «накрытию»[27], чего, однако, не было сделано вследствие материальной заинтересованности пристава Малинина. Все это вылилось в конечном счете в уголовное дело в отношении пристава, поскольку деятельность секты была запрещена еще в 1909 г.[28]

Однако самые серьезные подозрения полиции вызывали баптисты[29] Их категорическое нежелание брать в руки оружие и служить в армии истолковывалось как угроза безопасности державы. В связи с этим местные полицейские органы обязывались вести постоянное наружное и внутреннее агентурное наблюдение за их составом и деятельностью[30].

В пореформенное время среди крестьянства мордовского края получает распространение молоканское учение[31], особенно среди нерусского населения. В 1875—1876 гг. велось производство дела о распространении «молоканской ереси и иудейской веры» в селах Кабаево, Турдаках и д. Сайниной Алатырского уезда. Крестьяне этих населенных пунктов обвинялись в распространении молоканского вероуче-

ния среди крестьян своих и соседних сел. Вначале у следствия было значительное число улик, свидетельствующих об активном участии обвиняемых в распространении молоканства[32]. Но, как выяснилось в дальнейшем, большинство из показаний свидетелей оказалось не соответствующим действительности[33]

Небезосновательные опасения властей и полиции вызывали секты откровенно изуверского характера. Наиболее типичным примером является печально известная секта скопцов[34] В предписании пензенского губернатора уездным исправникам и полицмейстеру г. Пензы от 20 апреля 1870 г. говорится по данному поводу следующее: «Собранными в последнее время, по распоряжению МВД, подробными сведениями о скопческой секте обнаружено, что число последователей ее постоянно увеличивается и что производящиеся в судебных местах дела о вновь обнаруженных оскопленных по подозрению в распространении скопчества оказываются большей частью оставлением привлеченных к делу лиц без всякого преследования»[35]. Подобное положение дел губернские власти считали недопустимым и призывали полицейские структуры предпринимать более жесткие меры по пресечению деятельности скопцов.

Так, полицмейстеры Саранского уезда Пензенской губернии собирали сведения о мотивах и причинах роста сектантства, отмечая слабый надзор за скопцами со стороны полиции, которая не принимала мер к обнаружению вновь оскопленных и выявлению лиц, осуществлявших этот изуверский ритуал: «А если и были подобные случаи выявлены, то лишь по прошествии большого срока от содеянного»[36] Исходя из этого полицейским чиновникам предписывалось принимать меры к усилению полицейского надзора за появлением вновь оскопленных и методами следствия привлечь к ответственности через суд нарушающих действующие в то время законы. За каждым из членов сект велось негласное наблюдение на предмет дальнейшего нераспространения их «лжеучения» в народные массы[37]

В целом на основании архивных источников мы можем сделать вывод, что действовавшие на территории мордовского края протестантские и иные секты находились под жестким контролем уездной полиции.

Таким образом, учреждения уездной полиции осуществляли идеологический контроль не только в общественно-политической сфере (проявлением последней тенденции стал политический сыск), но и в области духовной, религиозной жизни (тем более что эти сферы часто оказывались тесно взаимосвязанными).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 1, д. 53, л. 96.

[2] Там же.

[3] Так называемые поповцы представляли собой течение в старообрядчестве, возникшее в XVII в., как наиболее близкое официальной православной церкви. Они признавали институт священничества и церковной иерархии. Одним из направлений (толков) поповцев стали беглопоповцы («древнеславянская церковь») — течение, сформировавшееся в конце XVII в. из беглых священников и монахов, отошедших от официальной РПЦ. В настоящее время это самая немногочисленная ветвь старообрядчества в России.

[4] Беспоповцы (федосеевцы) — старообрядческий толк, полностью отрицающий институт духовенства.

[5] ГАУО, ф. 76, д. 53, л. 18 об.

[6] Там же.

[7] ГАТО, ф. 424, оп. 2, д. 1, л. 29.

[8] ЦГА РМ, ф. 121, оп. 1, д. 7, л. 20.

[9] ЦГА РМ, ф. 18, оп. 1, д. 14, л. 5—9.

[10] Там же, л. 194—194 об.

[11] Церковные ведомости. Бесплатное приложение. 1905. № 5.

[12] Вестник полиции. 1907. № 1. С. 23.

[13] Цит. по: *Крыжановский С. Е.* Воспоминания. Берлин, 1938. С. 95.

[14] См.: *Мартыненко А. В., Шилов Н. В.* Социокультурные и этнополитические особенности ислама в Республике Мордовия // Россия и мусульманский мир: Сборник Русского исторического общества. М., 2003. С. 226—233.

[15] ЦГА РМ, ф. 88, оп. 1, д. 13, л. 178.

[16] Там же, ф. 49, оп. 1, д. 55, л. 10.

[17] Там же, оп. 2, д. 30, л. 121.

[18] Подробнее см.: *Мухаметшин Р. М.* Татары и ислам в XX веке. Казань, 2003. С. 110—121; *Мартыненко А. В.* Модернизация ислама в России: от джадидизма к новым религиозным сообществам // Регионология. 2005. № 1. С. 237—247.

[19] ЦГА РМ, ф. 124, оп. 1, д. 4, л. 23, 24, 25.

[20] Духоборы (духоборцы, духовные христиане) — секта, возникшая в России во второй половине XVIII в. Духоборы отвергают православные обряды и таинства, священников, монашество; обожествляют руководи-

телей своих общин. За отказ служить в армии преследовались царскими властями. В конце XIX в. значительная часть духоборов эмигрировала в Канаду.

[21] Адвентисты седьмого дня — протестантская секта, возникшая в США в 30-х гг. XIX в. Проповедуют близость «второго пришествия Христа» и наступления «тысячелетнего Царства Божьего».

[22] Штундизм — сектантское течение среди русского и украинского крестьянства второй половины XIX в. Сочетало элементы протестантизма и учения духоборов. Впоследствии слилось с баптизмом.

[23] Хлысты (христововеры) — секта духовных христиан, возникла в России в конце XVII — начале XVIII в. Верят в возможность непосредственного общения со «святым духом»; почитают как воплощения Бога своих святых — «христов» и «богородицах». Во время радений доводят себя до религиозного экстаза.

[24] ЦГА РМ, ф. 49, оп. 1, д. 47, л. 9.

[25] Там же, л. 12.

[26] Там же.

[27] Там же, л. 12 об.

[28] Там же, ф. 34, оп. 2, д. 6, л. 91.

[29] Баптисты — направление протестантизма, зародилось в начале XVII в. Наибольшее число последователей — в США. В России баптизм стал распространяться с 60-х гг. XIX в. Баптисты упростили церковную и культовую организацию. Не признавая таинства, они рассматривают крещение и причащение как обряды, лишенные мистического смысла. Обряд крещения баптисты совершают только над взрослыми.

[30] См.: *Ярмыш А. Н.* Карательный аппарат самодержавия на Украине (1895—1917 годы): Дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков. 1991. С. 219.

[31] Молокане — одна из сект духовных христиан; возникла в России во второй половине XVIII в. Отвергают священников и церкви; совершают богослужения в обычных жилых домах. Общинами руководят старцы и выборные пресвитеры. До 1905 г. преследовались царскими властями.

[32] ГАУО, ф. 76, оп. 1, д. 79, л. 15.

[33] Там же, ф. 75, оп. 1, д. 53, л. 96.

[34] Скопцы — религиозная секта; возникла в России в конце XVIII в.; отделилась от хлыстов. Секта проповедовала «спасение души» от плотских желаний путем оскопления (кастрации) мужчин и женщин, отказа от всего мирского.

[35] ЦГА РМ, ф. 34, оп. 1, д. 10, л. 5 об.

[36] ЦГА ПО, ф. 34, оп. 1, д. 10, л. 5, 5 об.

[37] Там же, ф. 49, оп. 1, д. 47, л. 9.

Поступила 02.10.06.

Т. П. ШИШУЛИНА

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП СОЗДАНИЯ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МИЛИЦИИ МОРДОВСКОГО КРАЯ В 1917—1918 гг.

Процесс становления милиции в целом и Мордовского края в частности неразрывно связан с общероссийской и национальной историей. Общественно-политическая обстановка в уездах Мордовии 1917 г., основные тенденции их социально-экономического развития не могли не отразиться на процессах становления организационно-правовых основ милиции, на комплектовании ее кадров, основных направлениях деятельности милицейского аппарата. Как для всей страны, так и для Мордовского края, 1917 г. стал переломным, насыщенным различными политическими событиями, сложными явлениями, противоречиями.

Становление рабоче-крестьянской милиции на территории уездов Мордовского края имело ряд общих черт, типичных для создания советской милиции в целом. Среди них следует выделить то обстоятельство, что основы формирования милиции были заложены еще в феврале 1917 г. Революционные события той эпохи привели к ликвидации царской полиции. Постановлениями Временного правительства от 6 и 10 марта ликвидировались соответственно корпус жандармов и департамент полиции, взамен которых создалась народная милиция. Этот процесс шел и на территории современной Мордовии. Так, в уездах Симбирской губернии «вместо полиции создавалась народная милиция, она обеспечивалась оружием, отобранным у полицейских и урядников»[1]

Поскольку Временное правительство стремилось не допустить параллельного сосуществования вооруженных фор-

ШИШУЛИНА Татьяна Петровна, преподаватель кафедры отечественной истории и права Мордовского государственного педагогического института.

мирований рабочих, крестьян и народной милиции, то к октябрю 1917 г. последняя стала неотъемлемой частью государственного аппарата. Поэтому после упразднения Временного правительства и создания Советского государства центральные органы милиции — МВД и Главное управление по делам милиции — также были ликвидированы.

На местах вопрос об органах милиции решался неоднозначно. В отдельных уездах края, как и в ряде других регионов страны, органы народной милиции рассматривались как «враждебные» и безоговорочно ликвидировались[2]. Старая милиция не устраивала новую власть, поскольку «в ее составе было много бывших полицейских, сынков кулаков и торговцев, скрывавшихся от мобилизации»[3] Так, в Краснослободске и уезде вооруженным путем, при помощи разоружения сотрудников старой милиции была ликвидирована «буржуазная» и создана рабоче-крестьянская милиция. В Саранске 2 (15) февраля 1918 г. на уездном съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов созданы новые органы управления уездом, в том числе и милиция. 10 января 1918 г. в Симбирской губернии приказом губернского комиссара по внутренним делам смещен с поста губернский инспектор милиции Временного правительства и провозглашено образование советской рабоче-крестьянской милиции[4]. В других уездах Мордовского края аппарат старой милиции, по сути, сохранялся, поскольку был лояльным к советской власти. Реорганизация его ограничивалась в основном лишь сменой основных должностных лиц из состава бывшей «буржуазной» милиции и изменением названия последней. Так, начальник Инсарской уездной милиции эсер Петрунин как несоответствующий «идеалам революции» был заменен «сочувствующим большевикам» Цыгановым. Аналогичным образом реформировалась старая милиция в Ардатовском уезде[5]. Именно в г. Ардатове была создана первая на территории нашей республики уездная милиция[6]

В некоторых уездах Мордовского края при создании новой рабоче-крестьянской милиции старые кадры сохраняли свои должности. Так, во главе поста милиции на станции Арапово (впоследствии — Ковылкино) с 1914 г. до создания Ковылкинской районной милиции стоял С. С. Че-

кашин, который «охранял правопорядок... как при помещичьем строе, так и при буржуазном временном правительстве, так и при Советской власти»[7].

Таким образом, в уездах Мордовского края, как и в других регионах страны, милиция Временного правительства и новая рабоче-крестьянская милиция были органически взаимосвязаны: первая стала одним из источников формирования второй.

Типичным для милиции Мордовского края было сочетание государственных и негосударственных черт, т. е., с одной стороны, органы милиции создавались Советами и действовали от их лица, с другой — носили характер массовых самодеятельных организаций трудящихся и не имели постоянного штата. Это было обусловлено рядом обстоятельств. Постановление Народного комиссариата по внутренним делам «О рабочей милиции» от 28 октября (10 ноября) 1917 г., в котором собственно и провозглашалось создание рабоче-крестьянской милиции, не решало вопросы о составе, структуре милиции, функциях взаимодействия с другими органами власти[8]. Этим постановлением милиция отдавалась исключительно в ведение Советов. Отсутствие централизованного руководства милицией привело к многообразию ее форм на местах. Кроме того, неорганизованности милиции и существованию ее на первых порах преимущественно в форме различных образований трудящихся способствовала и знаменитая идея В. И. Ленина о «всеобщем вооружении народа», воплощение которой он видел именно в создании пролетарской милиции.

Таким образом, охрана правопорядка в Мордовском крае, особенно в первые месяцы после создания Советского государства, осуществлялась различными вооруженными формированиями трудящихся: отрядами милиции, красногвардейцами, чрезвычайными комиссиями, дружинами. Так, например, на территории Симбирской губернии «в одних городах пошли по ликвидации милиции Временного правительства и введения института комиссаров; в других — местные советы создавали комитеты самооохраны, дружины и отряды Красной гвардии; третьи вводили всеобщую милиционную повинность для отбывания ее поочередно всеми гражданами в возрасте от 18 до 40 лет»[9].

Закрепление функций милиции за народом устанавливалось законодательно: в протоколе № 9 (от 18 мая 1918 г.) Ардатовского исполнительного комитета отмечалось, что охрана общественного порядка должна быть «возложена на самих трудящихся».

Большую роль в борьбе с проявлениями недовольства новой властью населения края сыграли местные ЧК. Декрет об их организации был принят СНК еще 7 декабря 1917 г., а 18 марта 1918 г. коллегия ВЧК признала необходимой немедленную организацию ЧК на местах. Одной из первых в уездах Мордовии создана Ардатовская ЧК. Позднее они появились повсеместно (Краснослободск, Инсар, Саранск, Рузаевка). ЧК рассматривали все дела, которые были хоть как-то связаны с нарушением общественного порядка или созданием препятствий для деятельности советской власти.

Неопределенность организационных форм милиции в учреждающем ее нормативном акте и в частности игнорирование вопроса о создании милиции в сельской местности привели к тому, что Советы на местах были вынуждены самостоятельно создавать милицию. Это было продиктовано требованиями времени. Так, особенности географического расположения отдельных поселков уездов Мордовского края, специфика их национального состава предопределили создание милиции и в них, хотя постановлением Народного комиссариата внутренних дел «О рабочей милиции» предписывалось формирование милиции только в городах. 22 ноября 1917 г. на заседании активистов пристанционного поселка Рузаевка, близлежащих сел и местных железнодорожников председатель Рузаевского Совета рабочих и крестьянских депутатов заявил: «Товарищи, вы все знаете, что в поселке, и особенно на станции, стали частыми случаи краж, бандитизма, мошенничества, спекуляции, люди стали запуганными... Предлагаю по образу и подобию революционного штаба г. Саранска создать в поселке хорошо организованный отряд милиции... Обстановка, расположение нашего поселка и станции требуют организации милиции и у нас»[10]. В тот же день милиция в Рузаевке была создана, но она не имела статуса самостоятельной единицы и была малочисленной: по одним источникам — 5, по другим — 8 чел.

В уездах Мордовского края особенно ярко проявлялось смешение функций милиции (свойственное для всей советской милиции), что также обусловлено неопределенностью ее организационно-правовых основ. Она выступала и как инструмент охраны общественного порядка, и как вооруженная сила. Так, в Ардатовском, Темниковском и других уездах в помощь милиции созданы из крестьянской бедноты красногвардейские отряды. Причем функции милиции и красногвардейцев не разграничивались. В результате непрофессиональные формирования рабочих и крестьян не смогли выполнять ни военные функции, ни обеспечить эффективную охрану общественного порядка. Например, 200 ардатовских красногвардейцев в феврале 1918 г. не сумели без дополнительной помощи обезоружить эсеровский Ардатовский Совет[11]. Только 12 октября 1918 г. НКВД и НКЮ РСФСР утвердили Инструкцию о рабоче-крестьянской милиции, в которой закреплялись правовые основы функционирования советской милиции как штатного государственного органа охраны общественного порядка.

Важной чертой становления милиции Мордовии явилось правовое закрепление ее классового характера. Это нашло отражение в ее названии (рабоче-крестьянская) и в определении ее основных задач. В вышеупомянутой инструкции от 12 октября 1918 г. указывалось: «советская милиция стоит на страже интересов рабочего класса и беднейшего крестьянства»[12]. Подобные формулировки были характерны и для постановлений волостных Советов различных уездов Мордовского края. Классовый характер милиции нашел выражение и в ее кадровом составе: ее составляли преимущественно рабочие и крестьяне, причем большевики или сочувствующие им беспартийные.

Несмотря на то что процесс становления рабоче-крестьянской милиции в уездах Мордовского края имел много общих черт с созданием советской милиции в целом, для него были характерны и определенные особенности. Во-первых, в первые месяцы становления милиции в Мордовии ее кадры комплектовались на основе мобилизации в ее ряды не только рабочих и крестьян, но и солдат. Трудности при формировании милиции, возникающие главным образом из-за недостатка кадров, были повсеместными, но в

уездах Мордовского края эта проблема стояла особенно остро. Так, например, революционный штаб г. Саранска от имени исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 21 ноября 1917 г. принял постановление: «Настоящий Саранский Революционный Штаб имеет честь просить командира пехотного запасного полка разрешить начальнику Саранской милиции гражданину Волкову непосредственно в ротах вверенного полка выбрать людей, могущих и желающих взять на себя обязанности городских милиционеров.

Довожу до Вашего сведения, что для борьбы с погромами и для защиты личной безопасности граждан г. Саранска объединенный Совет солдатских и рабочих депутатов вынес постановление о необходимости организовать милицию из состава кадровых солдат»[13]. В уездах Симбирской губернии также «Красная гвардия стала наиболее типичной формой пролетарской милиции»[14]

Во-вторых, современная Мордовия объединяла территории ряда уездов, в то время входивших в состав четырех губерний. Поэтому создание и становление милиции Мордовского края исследователи рассматривают с учетом образования мордовской национальной государственности. Соответственно в названном процессе выделяют два периода: становление милиции на территории, где жила основная часть мордовского населения, включающее начальный (1917—1918 гг.) и заключительный (1919—1920 гг.) этапы; становление милиции в рамках мордовской национальной государственности.

Названная особенность создания милицейского аппарата в Мордовском крае предопределила разное время организации милиции на территории республики (создание рабоче-крестьянской милиции в Саранском, Ардатовском, Инсарском, Краснослободском и Темниковском уездах растянулось на период с марта по сентябрь 1918 г.), разрозненность некоторых территориальных подразделений новой милиции, которые позднее, в процессе формирования мордовской национальной государственности, вошли в состав районных управлений милиции, а также отсутствие единой законодательной базы организации деятельности милиции Мордовского края.

Таким образом, к началу 1919 г. закончился первый этап формирования милиции Мордовского края, и становление ее организационных основ вступило в стадию завершения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Безбородов Г. Н.* В те далекие годы. Ульяновск, 1971. С. 4.

[2] См.: *Мулукаев Р. С., Карташов Н. Н.* Милиция России (1917—1993 гг.): историко-правовой очерк. Орел, 1995. С. 7.

[3] *Безбородов Г. Н.* Указ. раб. С. 22.

[4] Там же. С. 10.

[5] См.: *Бычков В. Ф.* Закона и порядка верный щит: очерки истории советской милиции Мордовии. Саранск, 1982. С. 9—13.

[6] См.: *Скляров И. А.* Милиция: взгляд в прошлое, настоящее и будущее // Проблемы теории и истории российского государства и права. Нижний Новгород, 1996. С. 2.

[7] Жизнь ради жизни: фотодокументы, интервью, хроника событий, исторические документы, стихи. 1917—1997. Саранск, 1997. С. 50.

[8] См.: Сборник узаконений Российской Федерации. 1918—1941. № 1. Ст. 15.

[9] *Безбородов Г. Н.* Указ. раб. С. 20.

[10] Жизнь ради жизни... С. 33.

[11] См.: *Бычков В. Ф.* Указ. раб. С. 8.

[12] Сборник узаконений Российской Федерации. 1918. № 75. Ст. 813.

[13] *Бычков В. Ф.* Указ. раб. С. 7.

[14] *Безбородов Г. Н.* Указ. раб. С. 10.

Поступила 10.07.06.

Заказ № 1305

О. Б. КЕВБРИНА

ИСТОКИ КООПЕРАТИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МОРДОВИИ

Стационарные кооперативные учебные заведения в Саранске начали функционировать в 1925 г., когда были открыты районные 8-месячные кооперативные курсы. Так, в октябре 1927 г. на них обучались 47 курсантов, в том числе 45 русских, 2 мордвина; 4 рабочих, 36 крестьян, 7 служащих.

Курсы имели два отделения: счетное и организационно-культурное. В 1928/29 учебном году на курсы подали заявления 59 чел., было принято 52. Курсы выпустили 46 чел., в том числе 21 — со счетного, 25 — с организационно-культурного отделения. Среди них мордвы было 34 чел., татар — 8, русских — 4 чел. Они были трудоустроены в потребительских обществах, а некоторые стали работать в аппарате Мордовского окружного потребсоюза.

В 20-е гг. XX в. стали проявлять интерес к работе в кооперации старшеклассники Саранска. 28 сентября 1924 г. объединенное заседание Саранской школы II ступени рассмотрело вопрос о получении учащимися профессии в выпускных классах. Инициатива учащихся и педагогов получила поддержку у руководства Мордовского округа. В 1928 г. на совещании заведующих школами повышенного типа Мордовского округа Средневолжской области было принято решение: «Учитывая некоторые возможности каждой школы в отдельности, необходимо с 1928/29 учебного года реорганизовать 2-й концентр... в Саранской школе II ступени, придав ему целевую установку по подготовке кооператора и административно-финансового работника»[1]

КЕВБРИНА Ольга Борисовна, заведующая кафедрой отечественной истории и теории кооперативного движения Саранского кооперативного института, кандидат исторических наук, доцент.

Из отчета окрпотребсоюза за 1927, 1928 бюджетный год видно, что кроме 8-месячных дополнительно было проведено 13 различных краткосрочных курсов для коопработников и актива сельпо. На этих курсах прошло переподготовку 370 чел. Функционировали 17 коопкурсов, которыми за отчетный год было охвачено 265 чел., главным образом работников сельских потребительских обществ. Кроме того, на заочных коопкурсах обучалось 60 чел.

Несомненно, 8-месячные и краткосрочные курсы были необходимы, но, во-первых, они не могли обеспечить кадрами кооперативную сеть округа и, во-вторых, в связи с краткостью срока обучения слушатели не получали квалификацию, удовлетворяющую потребительские общества. Единственным выходом из такого положения могло стать открытие техникума или кооперативной профессиональной школы. Впервые идею об организации кооперативного техникума в Саранске выдвинул в 1925 г. М. И. Кузовенков — руководитель Саранской школой II ступени.

Идею создания кооперативного техникума поддерживали все, но претворить ее в жизнь было непросто из-за проблем с финансированием. Так, руководство окружного кустпромсоюза на своем заседании 28 апреля 1929 г. отметило необходимость открытия Мордовского кооперативного техникума, однако, ссылаясь на то, что кустпромсоюз образован только в 1928 г. и имеет дефицит бюджета за истекший год, подчеркнуло, что «считает невозможным выделение в текущем году средств на организацию техникума и на стипендию и ходатайствует о предоставлении пяти стипендий для работников кустпромкооперации за счет бюджетных ассигнований»[2].

По просьбе руководства окрпотребсоюза заведующий Мордовским окружным отделом народного образования 8 мая 1929 г. направил в Средневолжское облоно письмо, в котором говорилось: «Кооперативные организации Мордовского округа из своих бюджетов выделяют средства на первоначальную организацию и содержание на год двух групп (подготовительной и основной) Мордовского кооперативного техникума в Саранске. Дальнейшее содержание техникума должно перейти или на областной, или на центральный бюджет.

Окроно просит сообщить, можно ли рассчитывать на принятие на государственный или областной бюджет через год содержание кооперативного техникума»[3].

В ответе облоно говорилось, что в план, утвержденный пленумом областного исполкома, создание кооперативного техникума в Саранске не входит. Кроме того, Мордовский окрисполком не собирался выделять средства на его содержание. В одном из решений его президиума в январе 1929 г. отмечалась необходимость развернуть за пятилетие (с 1929, 1930 бюджетного года) организацию «одного русского педтехникума, медтехникума и сельскохозяйственного техникума»[4]. Как видно, открытие кооперативного учебного заведения на ближайшее пятилетие не планировалось. Руководство окрпотребсоюза вынуждено было искать другие формы подготовки кадров.

В 1929/30 учебном году в стране намечалось создать свыше 20 трехгодичных кооперативных профессиональных школ, в том числе в Средневолжской области. Перед ними ставилась задача массовой подготовки квалифицированных работников для низовой сети потребительской кооперации. 19 июня 1929 г. председатель окрпотребсоюза и заместитель заведующего орготделом направили в правление Средневолжского облпотребсоюза, в президиум облисполкома, в нацбюро Центросоюза РСФСР докладную записку, в которой достаточно аргументированно обосновали необходимость открытия осенью этого же года областной национальной кооперативной профшколы в Саранске. Через месяц на заседании правления окрпотребсоюза было принято решение об организации трехгодичной мордовской областной коопшколы в Саранске.

Занятия в краевой трехгодичной кооперативной мордовской профессиональной школе им. Г. Любимова начались 12 октября 1929 г. Слушатели, а их было 39 чел., находились на полном обеспечении потребительской системы региона. Они получали ежемесячно 31 руб. 50 коп. на питание и еще 10 руб. на личные расходы. Всем была выдана одежда и личные вещи. Курсантам были предоставлены места в общежитии. Школа имела библиотеку с 3 тыс. экз. книг, клуб, читальню, выписывала газеты и журналы, в том числе на мордовском языке.

В марте 1930 г. работу школы изучала комиссия отдела кадров Средневолжского крайпотребсоюза. Отметив удовлетворительный социальный состав учащихся и приемлемую успеваемость, она выявила и негативные моменты: слабость учебно-материальной базы (не хватало классных столов, скамеек, не все учащиеся были обеспечены учебными пособиями), неумение некоторых преподавателей организовать индивидуальную работу. Вскоре крайпотребсоюз принял решение о реорганизации трехгодичной школы в двухгодичные батрацко-бедняцкие курсы. Правление Мордовского облпотребсоюза настойчиво просило вышестоящую организацию пересмотреть свое решение, «если не окажется возможным реорганизовать коопшколу в кооптехникум, то оставить коопшколу в ее настоящем положении еще на один год»[5]. Эта просьба была высказана в решении облпотребсоюза от 12 апреля 1930 г. и в резолюции I съезда работников потребкооперации Мордовии, проходившего в Саранске в июне этого же года.

В 1930 г. в Ардатове начала функционировать областная школа селькоопученичества. Работали также 8-месячные курсы счетоводов.

Наряду с обучением в стационарных учебных заведениях в облпотребсоюзе не отвергали и другие формы работы с кадрами. В 1930—1931 гг. намечалось на краткосрочных курсах при райпотребсоюзах осуществить переподготовку 130 работников, при облсоюзе — 224, крайсоюзе — 33, Центросоюзе — 19 руководящих работников потребительских обществ; подготовить на курсах облсоюза 492 работника, крайсоюза — 106; иметь 41 стипендиата и контрактанта; при этом обеспечить удельный вес мордовского населения на курсах райпо не менее 50 %, на курсах Центросоюза — не менее 60 %, на других — не менее 70 %. Требовалось усилить коренизацию кооперативного аппарата, чтобы к 10 октября 1930 г. в нем было не менее 40 % мордвы. Большие задачи планировалось решить и в области массовой работы: ликвидировать неграмотность у 7 тыс. чел., агронеграмотность — у 60 тыс., организовать коопкружки — 200, кружки заочников — 50, антирелигиозные — 50.

В 1932 г. правление Мордовпотребсоюза неоднократно рассматривало вопрос о подготовке и переподготовке ко-

опкадров. В частности, 10 января анализировалась работа коопкурсов за 1930—1931 гг. Было отмечено, что ею было охвачено 790 чел., из них членов ВКП(б) — 146 (18,5 %), комсомольцев — 256 (32,4 %); рабочих — 85 (10,8 %), служащих — 40 (5,0 %), крестьян — 665 (84,2 %); мордвы — 280 (35,4 %), татар — 90 (11,4 %), русских — 410 (51,9 %); лиц другой национальности — 10 (1,3 %); мужчин — 580 (73,4 %), женщин — 210 (26,6 %). На подготовку кадров было затрачено 135 тыс. руб. Всего в этом году планировалось подготовить на курсах 1 230 чел., израсходовав на эти цели 347 тыс. руб. Особое внимание придавалось обучению национальных (мордовских, татарских) кадров. Предполагалось направить на курсы 840 чел. из мордвы (68,3 %), 139 — из татар (11,3 %), 251 — из русских (20,4 %).

В том же 1932 г. коопкадры стали готовить не только в Саранске, но и в Рузаевке, Ардатове, Инсаре, Чамзинке, Краснослободске. Больше всех было выпущено счетных работников райпотребсоюзов и счетоводов сельпо — 251 чел., кроме них обучение прошли 83 продавца за 1,5 мес., 69 поваров за 2,5 мес., 18 товароведов за 3,0 мес.

Более продуктивно работали коопкурсы Мордовии в 1933 г., когда через них было пропущено 3 015 работников. Курсы стали многообразными: впервые начали готовить экономистов-плановиков и председателей сельпо с 2-месячным, инструкторов-бухгалтеров с 6-месячным сроком обучения. Прошли подготовку свинари, огородники, повара, кролиководы, работники кухни для весеннего сева. 460 чел. обучилось на курсах председателей ревизионных комиссий, 400 — в качестве работников коопбюро.

В феврале 1934 г. на II съезде работников потребкооперации Мордовии председателем областного потребсоюза был избран И. Г. Староверов. Новый руководитель возглавил мордовскую кооперацию в непростое время. В 30-е гг. XX в. она все более теряла свою хозяйственную самостоятельность, превращаясь в придаток командно-административной системы. В партийных и советских документах тех лет роль потребкооперации в индустриализации страны, коллективизации села, развертывании культурно-воспитательной работы, особенно в деревне, определялась как вспомогательная. Работа кооператоров усложнялась и отменой

1 января 1935 г. карточной системы на хлеб и хлебопродукты. 10 октября того же года были упразднены карточки на остальные продовольственные товары, а с 1 января 1936 г. перестало действовать нормирование непродовольственных товаров.

29 сентября 1935 г. вышло постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О работе потребительской кооперации в деревне». Во исполнение этого постановления в Мордовии было ликвидировано 19 райсоюзов. Аппарат Мордовпотребсоюза непосредственно стал руководить сельскими потребительскими обществами. С этой целью создан организационный отдел, подобран инспекторский аппарат в количестве 12 чел. За инспекторами закреплены определенные группы сельпо, рабкоопов, и они почти беспрерывно находились в командировках в районах.

И. Г. Староверов в выступлениях в печати, на собраниях, сессиях, пленумах, партконференции неоднократно высказывал твердое убеждение в том, что одной из причин неудач в работе кооперативных организаций является неудовлетворительная подготовка кадров. В докладе Мордовпотребсоюза об итогах 1936 г. с тревогой отмечалось, что мероприятия по воспитанию и подбору кадров составляют наиболее отстающий участок работы. На 1 января 1937 г. в республике было 146 сельпо и совхозрабкоопов. Из почти полутора сотен их председателей только 50—60 чел. отвечали требованиям организационно-практического уровня, 51 чел. никогда ранее не работал в системе потребкооперации[6]

Председатель областного потребсоюза предъявлял серьезные претензии к руководству республики по поводу его кадровой политики. Выступая на V областной партийной конференции 10 июня 1937 г., он, с одной стороны, признал немало ошибок Мордовпотребсоюза в подборе, подготовке специалистов, но, с другой — заявил, что обком и райкомы партии вместо помощи кооперации опытными людьми забирают у нее лучших практических работников. В статье, опубликованной в газете «Красная Мордовия» 27 июля 1937 г., И. Г. Староверов писал: «Если наши кадры, в особенности продавцы, не будут переподготовлены в ближайшее время, не будут повышать своей квалификации, то

многие из них могут оказаться балластом на пути развития товарооборота»[7] Обостряли кадровую проблему систематические массовые чистки коопкадров. Только в 1935 г. в ходе отчетно-выборной кампании было освобождено от работы в кооперации в Старошайговском районе 24 чел., Лямбирском — 15 чел., всего по республике — 133 чел.

Мешала развертыванию работы по подготовке и переподготовке коопкадров нехватка финансовых средств, и это касалось не только Мордовии. Один за другим в крае закрывались кооперативные техникумы.

Ослабление внимания к коопшколе в Мордовии в конце 20-х — 30-е гг. XX в. было связано, главным образом, с изменением социально-экономических условий в стране. Это выразилось в практическом возврате к продразверстке, свертывании рыночных отношений, введении карточной системы распределения продуктов через общества потребкооперации в городах, разгроме рабочей и кредитной кооперации, наконец, в осуществлении сплошной коллективизации. Изменение места и роли потребительской кооперации в жизни страны сразу отразилось на состоянии и содержании учебных программ кооперативных учебных заведений.

Несмотря на указанные трудности, работа по подготовке и переподготовке кадров продолжалась. При этом обращалось большое внимание на обучение счетных работников и продавцов, так как отсутствие у них профессиональных навыков приводило к увеличению растрат. Так, в 1937 г. намечалось путем курсовых мероприятий подготовить и переподготовить 1 600 чел., в том числе 160 членов ревизионных комиссий, 90 счетоводов, 400 продавцов. Фактически же курсы прошли 27 работников учета, 34 заведующих лавками и продавца, 57 работников хлебопечения.

Неоправданное свертывание подготовки и переподготовки кадров, систематические их чистки, особенно в 1937 г., привели к провалам в деятельности кооперации. Президиум Мордовпотребсоюза в докладе руководству Центросоюза СССР и Роспотребсоюза признал, что план товарооборота 1937 г. выполнен всего на 85,4 %. Многие участки кооперативной работы, в первую очередь учет, оказались в катастрофическом положении. На 1 января 1939 г. не было

главных бухгалтеров в девяти райпотребсоюзах, т. е. почти в каждом втором.

В целях улучшения подготовки и переподготовки кооп-кадров в 1938 г. при Мордовпотребсоюзе был организован учебный комбинат.

19 апреля 1939 г. правление Мордовпотребсоюза обратилось в Центросоюз с настоятельной просьбой ускорить решение вопроса об открытии в Мордовии одногодичной бухгалтерской школы. Было очевидно, что краткосрочные курсы не в состоянии удовлетворить ни количественно, ни качественно потребности в кооперативных специалистах.

В декабре 1940 г. руководителем потребкооперации республики стал В. Я. Кротов, который приложил немало сил для открытия одногодичной торгово-кооперативной школы.

Итак, с 1934 вплоть до 1940 г. система кооперативного образования Мордовии включала преимущественно кооп-курсы с максимальным сроком обучения 5—6 мес., в основном для работников учета: бухгалтеров и счетоводов. К 40-м гг. XX в. прекратили существование курсы для организаторов-культурников, киномехаников, а для товароведов и заготовителей они были сокращены. Вместе с тем существенно увеличилась подготовка работников массовых профессий: шоферов, продавцов, поваров, хлебопеков и т. д. Сохраняли свои позиции такие формы, как техминимум, ученичество, заочное и индивидуальное обучение.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦДНИ РМ, ф. 326, оп. 1, д. 354, л. 14.
[2] Там же, д. 608, л. 6.
[3] ЦГА РМ, ф. 296, оп. 1, д. 87, л. 9.
[4] Там же, ф. 11, оп. 1, д. 13, л. 53.
[5] Там же, д. 54, л. 155.
[6] Там же, д. 124, л. 14, 21.
[7] *Староверов И. Г.* Товарооборот потребительской кооперации в I полугодии // Красная Мордовия. 1937. 27 июля.

Поступила 04.12.06.

Н. Н. АБРАМОВА

КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОРДОВПОТРЕБСОЮЗА В 1961—1975 гг.: КАЧЕСТВЕННЫЕ И СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Период 60-х — первой половины 70-х гг. XX в. был временем интенсивного роста и структурных изменений в кадровом составе потребительских обществ региона. Наряду с количественными колебаниями происходили и качественные сдвиги в структуре кадров, их профессиональном росте. Вместе с тем этот процесс не был лишен противоречий и проблем. Изучение опыта кадровой политики системы потребительской кооперации Мордовии и сегодня является актуальным.

По состоянию на начало 1961 г. общая численность работников системы Мордовпотребсоюза составляла 9 909 чел., в том числе было занято в торговле 4 732 чел. (47,7 %), аппарате управления — 554 (5,6 %), общественном питании — 947 (9,5 %), хлебопечении — 1 703 (17,2 %), заготовительных организациях — 617 (6,2 %), строительстве — 410 чел. (4,1 %). Остальные (9,7 %) трудились в прочих отраслях[1].

В середине 1970-х гг. из 15 293 работников Мордовпотребсоюза в торговле было занято 7 902 чел. (51,7 % от всего количества работников отрасли), аппарате управления — 705 (4,6 %), общественном питании — 1 869 (12,2 %), сфере заготовок — 570 (3,7 %), промышленной деятельности — 2 607 (17 %), строительстве — 615 (4 %), на транспорте — 1 319 чел. (8,6 %), прочими видами деятельности занимались 411 чел. (2,7 %)[2].

Как показывают статистические данные, за 1961—1975 гг. количество торговых работников выросло на 3 170 чел. Основная масса работников Мордовпотребсоюза была за-

---

АБРАМОВА Надежда Николаевна, начальник учебного управления Саранского кооперативного института.

действована в торговле и увеличилась с 47,7 до 51,7 %, рост составил 167 %. Причем общее увеличение кадров по всем видам деятельности равнялось 154,3 %. В системе общественного питания кадровый рост составил 922 чел., т. е. с 9,5 до 12,2 % от общей массы работающих в потребительской кооперации. Рост за 15 лет — 197,4 %.

В строительстве количество занятых увеличилось на 205 чел., рост — 150 %, но их удельный вес в общей массе работающих в Мордовпотребсоюзе сократился с 4,1 до 4,0 %. В заготовительных организациях за указанный период число тружеников сократилось на 47 чел. В числе работников потребительской кооперации их удельный вес снизился с 6,2 до 3,7 %. На транспорте с 1961 по 1975 г. число работающих увеличилось с 1 186 до 1 319 чел., но их удельный вес среди кадров отрасли сократился с 11,9 до 8,6 %, хотя рост составил 117 %. Количество занятых в промышленности возросло с 1 703 до 2 507 чел., или на 804 работника, но их доля в общем числе работающих в потребительской кооперации региона уменьшилась с 17,2 до 16,4 %, рост составил 147,2 %.

Наконец, управленческий аппарат вырос с 554 до 705 чел., т. е. на 151 сотрудника, рост — 127,2 %. Но на 1961 г. количество управленцев составляло 5,6 % к общей численности работающих в Мордовпотребсоюзе, а в 1975 г. этот показатель равнялся 4,6 %[3], т. е. сократился на 1,0 %. Это была одна из положительных тенденций в движении кадрового потенциала потребительской кооперации. Заметим, что размеры управленческого аппарата были оптимальны по мировым стандартам[4]

Очевидно, что опережающими темпами развивались кадры системы общественного питания и торговли, средние показатели роста имели кадры промышленности, строительства и управленческого аппарата, минимальный прирост наблюдался в кадрах транспортной сферы. Снижение кадрового потенциала произошло в сфере заготовительной деятельности.

Характерной чертой общего кадрового роста Мордовпотребсоюза в 60-е — первой половине 70-х гг. XX в. была неравномерность. Среднегодовые темпы колебались от 0,49 %

в 1966 г. до 11,7 % в 1963 г. Наименьшие темпы прироста приходились также на 1964, 1968, 1969 и 1975 гг. Причин этого явления несколько. Что касается 1960-х гг., то это большая текучесть кадров, в том числе за счет объективных условий: неравномерного финансирования разных направлений потребительской кооперации, различных базисных условий их развития, конкуренции с государственными структурами.

За 1961—1975 гг. качественный уровень специалистов Мордовпотребсоюза претерпел существенные изменения. Одной из характерных черт развития кадрового потенциала потребительской кооперации был незначительный уровень специалистов с высшим и средним специальным образованием. В 1961—1963 гг. в связи с комсомольским призывом на работу в потребительскую кооперацию Мордовии положение значительно исправилось. Однако и к 1975 г. задача комплектования кадрами с высшим и средним специальным образованием структур потребительской кооперации Мордовской АССР не была решена (таблица)[5].

Таблица

Динамика кадрового потенциала потребительской кооперации Мордовской АССР

Год	Всего	В том числе специалисты			% от общего количества работающих		
		всего	с высшим образованием	со средним специальным образованием	всего	с высшим образованием	со средним специальным образованием
1961	9 909	352	25	84	3,6	0,3	0,8
1964	11 630	1 555	67	705	13,4	0,6	6,1
1966	12 607	1 389	121	834	11,0	0,1	6,6
1967	13 171	1 096	47	548	8,3	0,4	4,2
1968	13 497	1 371	73	730	10,2	0,5	5,4
1969	13 833	1 242	47	678	9,0	0,3	4,9
1970	14 568	1 326	77	637	8,7	0,5	4,4
1973	15 257	1 572	99	981	10,3	0,6	6,4
1975	15 293	1 519	98	958	9,9	0,6	6,3

Статистические данные показывают, что число специалистов с высшим образованием выросло с 25 до 98 чел., со средним специальным — с 84 до 958 чел. По отдельным категориям рост профессионального мастерства выглядел следующим образом: к середине 1970-х гг. наибольшее число лиц с высшим образованием было среди экономистов (5 %), на втором месте были товароведы (4,2), третьем — бухгалтеры (3,1 %). На первой позиции среди работников со средним специальным образованием стояли инженеры-технологи (91,7 %), на второй — товароведы (79,9), на третьей — экономисты (76,1), ревизоры составили 48,3 %. По всем этим категориям специалистов наблюдался абсолютный рост.

В целом увеличение численности специалистов за 1964 г. — первую половину 1970-х гг. составило 0,73 %, со средним специальным образованием — 6,96, а с высшим — 16,3 %. Отсюда можно сделать вывод, что рост специалистов с высшим образованием составлял основную тенденцию развития кадровой системы Мордовпотребсоюза во второй половине 1960-х — первой половине 1970-х гг.

В 1960-е — первой половине 1970-х гг. в Мордовии шло активное промышленное строительство, развивалась инфраструктура, и это требовало значительного объема трудовых ресурсов, в том числе специалистов. Экстенсивный промышленный рост ограничивал развитие инфраструктуры, в том числе потребительской кооперации при отборе кадров, создавая их дефицит. Ситуация осложнялась несовершенной организацией труда в системе Мордовпотребсоюза, а также более низкими заработными платами, чем в государственном секторе экономики, отсутствием перспективы получить жилье и т. д. Это вызывало текучесть кадров, имевшую как положительную, так и отрицательную сторону.

В результате сменяемости кадров в системе потребительской кооперации оставались только люди, преданные своему делу, таким образом система «очищалась» от случайных лиц в отрасли. С другой стороны, наблюдалось нарушение преемственности кадрового потенциала. Частая сменяемость кадров вела к увеличению подготовки все новых и новых специалистов, в то время как кадров по-

прежнему не хватало. В конечном счете текучесть сказалась на престиже всей системы потребительской кооперации.

Большой интерес в изучении кадровой политики представляет динамика специалистов-руководителей. По состоянию на 1961 г. их в системе потребительской кооперации Мордовской АССР было 145 чел., в том числе 26 председателей правления райпотребсоюзов, 26 завторгов, 26 директоров заготовительных контор, 26 главных бухгалтеров, 5 директоров торговых баз, 26 инструкторов и 10 ревизоров. К 1967 г. их число возросло до 635 чел., а к середине 1970-х гг. — уменьшилось до 478 чел.

На этот период в системе Мордовпотребсоюза имелось 22 районных потребительских общества, 15 оптово-розничных торговых объединений, 79 розничных торговых предприятий, 21 объединение общественного питания, 21 объект хлебопечения (хлебокомбинат), 19 заготовительных контор, 15 кооперативных универмагов, 11 кооперативных гастрономов и 17 других предприятий и организаций (заводов, межрайонных оптовых баз, звероферм, строительных предприятий, учебных заведений). В системе действовало 2 194 магазина, ларька, павильона, 310 предприятий общественного питания, в том числе 159 столовых и 17 ресторанов. Эти предприятия в основном возглавляли квалифицированные специалисты.

Ежегодный прирост работников в системе Мордовпотребсоюза за 1970—1975 гг. составлял 244 чел. Увеличение происходило за счет работников массовых профессий: продавцов, поваров, пекарей и др. — но не за счет администрации, что отражало позитивную тенденцию роста[6].

Необходимо отметить, что в 1974 г. вопрос о развитии кадровой базы стал едва ли не главным в деятельности потребительской кооперации региона. По этому вопросу было принято наибольшее количество постановлений правления Мордовпотребсоюза — 29. Разумеется, это свидетельствовало о значительных проблемах с кадрами в Мордовпотребсоюзе и о трудности их решения.

Одна из таких проблем — образовательный уровень специалистов и руководящих работников системы Мордов-

потребсоюза. Главной тенденцией оставался рост специалистов и руководителей с высшим и средним специальным образованием. В 1961 г. из 346 специалистов и руководящих работников лица с высшим образованием составляли 25 чел. (7,2 %), средним специальным образованием — 84 чел. (24,3 %)[7].

Общее количество руководителей системы Мордовпотребсоюза с высшим образованием равнялось 25 чел., со средним специальным — 65, общим средним — 70, незаконченным общим средним — 65 чел. Вместе с тем значительная их часть была сосредоточена в центральном аппарате Мордовпотребсоюза — соответственно 15, 41, 17 и 13 чел. Из 91 работника центрального аппарата лица с высшим образованием составляли 16,5 %, средним специальным — 45,0, общим средним — 18,7, незаконченным средним — 14,3 %.

В период с 1967 по 1975 г. образовательный уровень основных руководящих кадров потребительской кооперации значительно вырос. В целом рост руководителей с высшим образованием составил с 5,4 до 10,9 %, т. е. в 2 раза, со средним специальным — с 34,0 до 50,8 %. Если в 1967 г. с высшим образованием было только 5,2 % председателей правлений райпотребсоюзов и 25,2 % из них имело среднее специальное образование, то в середине 1970-х гг. — соответственно 21,7 и 52,2 %. Это увеличение произошло за счет сокращения потребительских обществ и их укрупнения.

Число лиц с высшим образованием среди заместителей председателей правлений райпотребсоюзов выросло с 4,8 до 29,8 %, со средним специальным образованием — с 20,9 до 46,8 %. Рост количества начальников отделов с высшим и средним специальным образованием составлял соответственно с 37,0 и 33,3 % в 1967 г. до 37,8 и 43,2 % в середине 1970-х гг.

Приведенные цифры показывают, что в этом отношении значительных изменений не произошло. Причем процент лиц с высшим образованием среди начальников отделов был выше, чем среди руководителей других подразделений, на протяжении всего периода. Проблемным оставалось

число лиц с высшим образованием среди главных бухгалтеров: 3,7 % в 1967 г. и 4,1 % в середине 1970-х гг. Это самый низкий показатель среди руководителей всех подразделений Мордовпотребсоюза. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что часто бухгалтер-практик имел более качественные знания и богатый опыт работы, чем молодой специалист с дипломом о высшем образовании.

Среди руководителей торговых и заготовительных баз лица с высшим образованием по состоянию на 1967 г. составляли 6,3 %, в середине 1970-х гг. — 10,4 %, а число этих руководителей со средним специальным образованием уменьшилось с 46,9 до 41,7 %. Увеличилось и число директоров торговых баз, заготовительных контор, магазинов с высшим (с 1,9 до 4,8 %) и средним специальным (с 34,5 до 42,9 %) образованием.

В середине 70-х гг. XX в. только 6,5 % специалистов имели высшее и 63,1 % — среднее специальное образование. С середины 1960-х гг. изменения были незначительными, а показатели составили соответственно 5,8 и 61,0 %. Причина заключалась в высокой сменяемости кадров, вызванной их дефицитом в период модернизации промышленно-аграрного производства и ростом системы потребительской кооперации.

Таким образом, в 1961—1975 гг. в кадровом потенциале потребительской кооперации произошли количественные и качественные изменения, которые характеризовались скачкообразным ростом количественных показателей, значительной сменяемостью специалистов. Основную тенденцию развития кадрового потенциала Мордовпотребсоюза составлял рост специалистов с высшим и средним специальным образованием. Однако и к середине 1970-х гг. не был решен вопрос по насыщению отрасли кадрами такой квалификации. Основными причинами были низкая заработная плата, отсутствие карьерного роста для молодых специалистов, возможности улучшить жилищные условия, а также потребность в кадрах высокой квалификации в других секторах народного хозяйства. Это обостряло конкурентную борьбу за специалистов между различными министерства-

ми и ведомствами. Изменилась национальная и возрастная структура работников потребительских обществ МАССР

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦГА РМ, ф. Р-11, оп. 2, д. 27, л. 39—53.
[2] Там же, д. 443, л. 44—63.
[3] Там же, д. 27, л. 39—53; д. 443, л. 44—63 (рассчитано по архивным данным).
[4] См.: *Миненко П. И.* Кадры потребительской кооперации. М., 1986. С. 56.
[5] ЦГА РМ, ф. Р-11, оп. 2, д. 27, л. 39—40.
[6] Там же, д. 443, л. 44—63.
[7] Там же, д. 27, л. 39—40 (рассчитано по архивным данным).

Поступила 11.12.06.

Заказ № 1305

С. В. МИТИН

НАЛОГИ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ В РЕГИОНЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В условиях Великой Отечественной войны налогообложение различных промышленных и сельскохозяйственных предприятий в еще большей степени преследовало цели жизнеобеспечения различных слоев населения и функционирования бюджетных организаций, а также являлось важным компонентом оказания всесторонней помощи фронту.

Размеры налогов определялись от доходов колхозов, которые высчитывались из их годовых отчетов и других сельскохозяйственных предприятий. Облагались также налогом все отчисления в неделимый и другие фонды, все произведенные расходы по неземледельческим предприятиям. Так, до 1943 г. исчисления одного только сельскохозяйственного налога с колхозов производили в расчете 3 коп. с каждого рубля валового дохода. Подоходный налог с колхозов был несколько выше.

В годы Великой Отечественной войны сумма различных налогов и денежных сборов с колхозов постепенно увеличивалась. Так, если в 1940 г. процент данной суммы составлял 10,7 % их денежных доходов, в 1943 г. — 12,0 %, в 1944 г. — 12,8 %, в 1945 г. — 15,7 %. Кроме того, 5—7 % своих доходов каждый колхоз вынужден был выделять на приобретение облигаций займов.

В общей сложности на выплату налогов, сборов и приобретение облигаций уходила примерно пятая часть доходов колхозов. Сроки уплаты налога сельхозпредприятиями в идеале должны были выглядеть следующим образом:

МИТИН Сергей Владимирович, доцент кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета, кандидат исторических наук.

50 % уплачивалось в сентябре и 50 % к 1 ноября каждого года. Сроки уплаты налогов колхозниками с личного подворья были несколько иные: 50 % к 1 сентября и 50 % в октябре каждого года. За неуплату в срок различных обязательных налоговых платежей взимали пени: с колхозов — 0,1 %, с колхозников — 0,1 %, с единоличников — 0,2 %, с кустарей — 1 % за каждый день просрочки[1].

По сложившимся нормативам в начале 1940-х гг. колхозники Мордовии, которые были обложены основным денежным сельскохозяйственным налогом, с учетом норм доходности, платили налог, выражавшийся в среднем 120—130 руб. в год. Существовал также налог с неземледельческих заработков. С работников, постоянно проживающих в своем колхозе или совхозе, — 15 % от годового заработка, с работников, постоянно проживающих не в своем колхозе, — 10 %; с граждан, работающих на отхожих промыслах и по найму, — 20 %. Граждане, живущие в городе и имеющие земельные участки вне города, платили сельхозналог по доходам, получаемым от этого участка, и налог по зарплате. По остальным городским доходам, кроме зарплаты, они облагались другими налогами наравне со всем городским населением. Для этого граждане данных категорий должны были предоставлять справку о размере заработной платы с 1 января по 31 декабря[2].

Кроме основного сельскохозяйственного налога крестьяне должны были выплачивать также второстепенные налоги. Так, до введения в 1942 г. военного налога существовали сельский культсбор, госналог на лошадей, на другой содержащийся скот, подоходный налог с населения, городской культсбор, налог со строений, земельная рента, обязательное и добровольное страхование.

Останавливаясь на натуральном налоге на содержащийся скот, следует сказать что он устанавливался по нормам доходности. В 1941—1942 гг. доходность определялась по следующим нормативам: доход от лошади — 750 руб. (следует заметить, что за одну небольшую перевозку груза владелец лошади в годы войны брал около тысячи руб.); доход от коровы — 1 050 руб. в год. Крестьянская семья, имевшая корову, должна была сдать за год 380 л молока и 300 руб. налогов за корову. Семья, имевшая овец, —

300 г шерсти с каждой овцы в год. Также независимо от того, имелись ли в хозяйстве овцы или свиньи, каждое крестьянское хозяйство должно было сдать 36 кг мяса в живом весе в год. Кроме этого требовалось сдавать яйца, кожу и другую продукцию[3].

С началом Великой Отечественной войны, кроме увеличения налоговых платежей, в 1942 г. был введен еще так называемый военный налог. В Мордовии в расчете на одно хозяйство военный налог в 1942 г. составлял в среднем 492 руб., в 1943 г. — 803 руб., при общем доходе, превышающем 11,5 тыс. руб. в год на хозяйство. Следует также отметить, что из числа плательщиков военного налога были исключены некоторые категории граждан, в первую очередь члены семей военнослужащих.

Зависимость крестьянина и городского жителя от личного хозяйства в годы войны обусловливала его связь с рынком. В годы войны эта зависимость усилилась, так как усилилась и роль личного хозяйства. Следует отметить, что на протяжении всей войны советское и партийное руководство не препятствовало свободной колхозной торговле. По этой, а также и по причине головокружительного роста цен на колхозных рынках произошло перемещение денежной массы из города в деревню — явление, «...которое не наблюдалось ни в какой другой период сталинского правления»[4]. Кроме этого выручка от продажи сельхозпродуктов на колхозном рынке не облагалась налогами. Исключение составляли случаи, когда колхоз, к которому принадлежал торгующий крестьянин, существенно отставал в деле обязательных поставок государству. В этом случае крестьянам такого колхоза или просто запрещали торговать на какое-то время, или их выручка облагалась 50 %-м налогом.

В системе существующего налогообложения, до введения в 1942 г. военного налога, имелись значительные льготы. В 1941—1942 гг. полностью освобождались от налогов колхозы, у которых весь валовый сбор не превышал 60 руб. на едока в месяц[5] Также предусматривались незначительные льготы колхозам, постоянно расширявшим посевные площади. Полностью освобождались от налогообложения посевы сахарной свеклы и кукурузы, площади, вновь заложенные на раскорчеванных или мелиоративных участках, план-

тации с табаком или махоркой, а площади, вновь обращенные под огороды, освобождались от налогов на 1—2 года. От налогов освобождалась продукция, сданная в порядке обязательных госпоставок в военное время, сырая продукция, сданная на переработку, средства, затраченные на оплату работы МТС, и средства, затраченные на корм скоту.

Личные льготы были установлены военнослужащим, лицам, награжденным орденами, героям труда, работникам милиции, бывшим красноармейцам и партизанам. Конечно, имелись льготы для налоговых работников. Следует отметить, что если у ряда категорий граждан налоговые льготы были отменены в 1942—1943 гг., то дополнительные льготы для налоговых работников были, наоборот, введены в военные годы. Так, с 7 июля 1943 г. при получении фондируемых товаров и других пайков налоговые работники были приравнены к сельской интеллигенции.

Более обременительным было налогообложение единоличных хозяйств. Такие хозяйства, которых в годы войны в Мордовии было 14 603, платили больший налог за землю, находившуюся в их пользовании. Еще более жестким было налогообложение немногочисленных граждан республики, организовавших нечто похожее на кустарный промысел. Налог для тех, кто артельно организовал кирпичное производство, составлял 50 %, налог с частных лиц, занимавшихся ремонтом различных машин и орудий, — 40 % от заработка[6]. На заседании Саранского горсовета от 18 марта 1943 г. приводился такой факт, что в Саранском районе «инвалид Отечественной войны Паршин приспособился к работе — приступил к валке сапог кустарным способом, продукцию продавал, и **проработал несколько дней** (выделено мной. — *М. С.*). На него был наложен налог горфо в 15 тыс. руб. Второй случай: гражданин Веретенников, отец четырех красноармейцев, 75 лет, обложен налогом в 3 тыс. руб.»[7].

Следует отметить, что несмотря на постоянный дефицит наличных денег, денежный налог в первые годы войны крестьянам выплачивать было нетрудно. Из-за быстрого роста цен (уже в феврале 1942 г. цены на колхозных рынках выросли в несколько раз) для уплаты денежного

налога крестьянину достаточно было продать небольшое количество продуктов[8].

Приведенные данные о денежном налогообложении крестьянских хозяйств доказывают неповоротливость советской экономики. Нежелание и неспособность видеть негативные процессы в экономике (рост цен, падение покупательной способности рубля в 13 раз[9]) привели к тому, что доход в государственную казну за счет денежных сельскохозяйственных налогов сократился. Лишь по прошествии двух лет войны руководство страны смогло сделать соответствующие выводы о необходимости увеличения размеров налогов. 3 июня 1943 г. указом Президиума Верховного Совета СССР были увеличены нормы доходности. В результате денежный сельскохозяйственный налог был увеличен приблизительно в 5 раз. С июня 1943 г. крестьянские хозяйства стали платить в среднем по Мордовии 650—700 руб. в год сельскохозяйственного налога.

Со второй половины 1943 г. и в последующие годы войны необходимо было продать не 20—25 кг картофеля, как в 1942 г., а около 100 кг, что было не слишком обременительно для личного хозяйства колхозника, в котором высаживали в среднем от 0,2 до 0,4 га картофеля. Кто же имел корову — платил больший налог, но и цена на молоко и масло в годы войны выросла больше, чем на другие продукты, продаваемые на рынке. Местное партийное и советское руководство, довольно лояльно относившееся к самовольному увеличению земельных наделов в хозяйствах колхозников, гораздо строже следило за количеством скота в личном подворье и своевременной уплатой натуральных налогов с хозяйства. В итоге с 1943 г. все платежи колхозника государству составили 18 % его валового денежного дохода, тогда как в 1941—1942 гг. — 9 %.

Кроме увеличения налогов, в годы войны происходили и отмены налоговых льгот у некоторых категорий граждан, работающих на ответственных участках. Так, 30 сентября 1943 г. Наркомфин РСФСР отменил налоговые льготы работникам военно-эксплутационных отделений железных дорог, а работникам строительно-восстановительных управлений Наркомпути и работникам Гражданского воздушного флота эти льготы оставил. Финансовым органам было

«разрешено привлекать работников военно-эксплутационных отделений к обложению налогами на общих основаниях со всеми рабочими и служащими»[10].

В чрезвычайных условиях военного времени Наркомфин РСФСР постоянно обращал внимание финансовых руководителей на необходимое соблюдение законности при взыскании налоговых платежей и применении мер принудительного взыскания к недоимщикам по налоговым и страховым платежам. Несмотря на различные меры, финансовые и советские работники допускали «...исключительно безобразные факты нарушения прав налогоплательщиков и нарушение социалистической законности»[11]

В результате различных проверок и работы силовых органов со вскрытыми письмами граждан в 1944—1945 гг. были обнаружены факты произвола и нарушений законов, особенно при применении принудительных мер взыскания налоговых недоимок. Произвол местных властей в деле налогообложения и наложения штрафов за неуплату налогов сильно подрывал производительные силы колхозов и отдельного крестьянина. Часто штрафы за неуплату налогов взимались с крестьян рабочим и продуктивным скотом, а это могло иметь катастрофические последствия для крестьянских хозяйств. В ряде случаев в опись забираемого за недоимки имущества включалась сумма, во много раз превышающая налоговую недоимку. Например, в с. Каргашино Зубово-Полянского района у колхозников Фокиных в 1945 г. получилась недоимка по налогам, выразившаяся в 165 куриных яиц. За это их «осудили на 12 тыс. руб. и за это взяли последнюю корову, овец и другое»[12]. К этому надо добавить, что в опись отбираемого имущества запрещалось включать единственную корову.

Также имели место случаи, когда за неуплату налогов граждан республики привлекали к уголовной ответственности. Так, например, в докладной записке прокурора Саранского района секретарю райкома ВКП(б) о работе райпрокуратуры говорится: «За 1942 г. всего возбуждено уголовных дел — 141, по ним привлечено 158 чел. По видам преступления... Отказ от выплачивания налогов — 4 чел. ...По данным делам мера наказания была вынесена нарсудом 5, 7 и 10 лет лишения свободы»[13]

Документы часто свидетельствуют о фактах растрат и присвоения значительных сумм, собираемых налоговыми агентами. Хищения происходили из-за отсутствия учета приходно-расходных документов и контроля со стороны райфо. Во многих районах налоговая бухгалтерия находилась в запущенном состоянии.

В целом в годы Великой Отечественной войны финансовая работа Мордовии была в неудовлетворительном состоянии. В 1944 г. ни в одном квартале план по налоговым платежам в республике не был выполнен. В 1945 г. в первом квартале план по налогам был выполнен на 77 %, во втором — на 82 %, в третьем — на 60 %. В бюджет за 1945 г. недопоступило 88 млн руб. Налоговая недоимка на 1 ноября 1945 г. достигла 36 млн руб. Лишь после окончания войны в системе налогообложения более активными методами стали наводить порядок. Так, в ноябре 1945 г. в целях ликвидации отставания республики по финансам был проведен месячник по ликвидации недоимок платежей с населения и по сбору займа. Налоговым агентам и уполномоченным по займам были установлены ежедневные задания по сбору налогов и займа, за колхозными активистами закрепляли по 10—20 дворов. Их снабжали списками недоимщиков, и они проводили проверку финплатежей колхозников, единоличников, служащих. После этого финансовая задолженность республики сократилась на 20 %[15].

Кроме перечисленных трудностей и негативных явлений в системе налогообложения, следует сказать о том, что в годы Великой Отечественной войны происходило ослабление платежной дисциплины населения. Налоги часто вовремя не вносились и переходили в недоимку, подписки на заем в ряде мест носили декларативный характер. Причем чаще других от налогов и взносов по займам уклонялся партийный и хозяйственный актив.

Наряду с имевшимися недостатками в работе налоговых служб следует отметить самоотверженную работу некоторых налоговых инспекторов и агентов. Об этом свидетельствует также и то, что в октябре 1942 г. по поручению Президиума Верховного Совета СССР работникам налоговых служб Мордовии были вручены ордена «Знак почета» и медали «За трудовое отличие»[16].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦГА РМ, ф. Р-930, оп. 1, д. 7, л. 54.
[2] Там же, л. 48—52.
[3] Там же, ф. Р-436, оп. 4, д. 49, л. 67.
[4] *Боффа Д.* История Советского Союза. М., 1990. Т. 2. С. 129.
[5] ЦГА РМ, ф. Р-930, оп. 1, д. 7, л. 49.
[6] Там же, л. 53.
[7] Там же, ф. Р-14, оп. 1, д. 230, л. 31.
[8] См.: *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 353.
[9] См.: *Томан Б. А.* Война, общество, власть // Политическая история. Россия — СССР — Российская Федерация. Т. 2. М., 1996. С. 445.
[10] ЦГА РМ, ф. Р-436, оп. 4, д. 49, л. 54, 59.
[11] Там же, л. 42.
[12] Там же, ф. Р-228, оп. 3, д. 2, л. 430.
[13] ЦДНИ РМ, ф. 391, оп. 1, д. 167, л. 147—148.
[14] ЦГА РМ, ф. Р-436, оп. 4, д. 49, л. 28.
[15] Там же, д. 61, л. 65.
[16] Там же, ф. Р-234, оп. 9, д. 3, л. 5.

Поступила 01.02.06.

С. Ю. МИХАЙЛОВА

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ «РАЗВЕДЧИКОВ БУДУЩЕГО»

Молодежь — социальная группа, которая проходит период усвоения социального опыта в связи с началом самостоятельной познавательной, материально-предметной, общественной и другой деятельности. Она характеризуется высокой активностью во всех сферах жизнедеятельности. Известно, что оптимум развития интеллектуальных функций фиксируется в диапазоне от 18—19 до 30 лет. Наивысшими показателями молодежь обладает и в сфере чувств и эмоций.

Понятно, что универсальные черты молодежи могут проявляться по-разному в различных исторических условиях. В Советском Союзе во времена «развернутого строительства коммунизма» молодежь охватило стремление стать «разведчиками будущего» — ударниками коммунистического труда.

Эта инициатива родилась в 1958 г. в комсомольско-молодежной бригаде цеха ремонта тепловозов депо Москва—Сортировочная Московской железной дороги, где в 1919 г. был проведен первый коммунистический субботник. 11 октября 1958 г. на собрании коммунистов и комсомольцев цеха, а 18 октября 1958 г. на общем собрании коллектива цеха было решено принять социалистические обязательства нового характера. Они включали, помимо перевыполнения плана, всеобщую учебу и воспитание коммунистической сознательности. Участники соревнования провозгласили своим девизом: «Учиться работать и жить по-коммунистически». Этот почин был подхвачен по всей стране. По

МИХАЙЛОВА Светлана Юрьевна, докторант кафедры документирования и документообеспечения управления Чувашского государственного университета.

инициативе молодежи Ленинграда, Москвы и Донбасса началось соревнование рабочих, не входящих в состав производственных бригад, за звание «Ударник коммунистического труда».

21 ноября 1958 г. в постановлении Бюро ЦК ВЛКСМ «О новом патриотическом движении комсомольцев и молодежи по созданию и развертыванию бригад коммунистического труда» было отмечено, что «в основу соревнования молодых рабочих депо Москва—Сортировочная за право называться бригадами коммунистического труда была положена задача всемерного повышения производительности труда на базе освоения техники и механизации производства. Молодые рабочие обязались в полной мере использовать все новое, связанное со своей специальностью, оказывать помощь товарищам в работе. В коммунистических обязательствах бригад разработаны вопросы рационализации производства, автоматизации и механизации производственных процессов. В обязательствах содержатся требования к каждому члену коллектива активно участвовать в общественно полезной деятельности»[1]. В документе также содержалось решение, согласно которому «комсомольские организации при создании и развертывании соревнования бригад коммунистического труда должны направлять усилия каждого молодого рабочего на то, чтобы он:

— добивался наивысшей производительности труда за счет непрерывного совершенствования техники, автоматизации и механизации производственных процессов, успешного освоения расчетно-технических норм выработки;

— стремился работать лучше, с наименьшими затратами, экономил в большом и малом, добивался повышения качества и снижения себестоимости выпускаемой продукции;

— использовал все новое, связанное со специальностью, помогал товарищам в работе;

— постоянно учился, стремился овладеть современными знаниями, достижениями социалистической культуры, был примером поведения на производстве и в быту;

— во всем проявлял коммунистическую сознательность, умел сочетать производительный труд с общественно полезной деятельностью, подчинять свои интересы интересам общего дела»[2].

В целом по стране в начале 1959 г. в движение за коммунистическое отношение к труду включилось 35 тыс. молодежных коллективов, в июле — 130 тыс., в октябре — 188 тыс. В мае 1960 г. среди 4,8 млн участников соревнования 73,5 % составляла молодежь[3]

В Чувашии у истоков движения за коммунистическое отношение к труду стояли молодежная бригада Золотовой (Чебоксарский хлопчатобумажный комбинат) и молодежная бригада Матвеевой (Чебоксарский электроаппаратный завод). В своем выступлении на XXIV Чувашской областной конференции ВЛКСМ (24—25 декабря 1959 г.) Золотова подробно рассказала о работе своего коллектива[4]. В марте 1959 г. на собрании Чувашского областного и Чебоксарского городского комсомольского актива прозвучал рассказ руководителя бригады коммунистического труда Матвеевой[5].

За успехи в труде значительная часть молодых рабочих была отмечена общественностью. Вокруг них создавалась атмосфера одобрения и уважения.

На основе анализа производственной активности промышленных работников автономных республик Поволжья в послевоенные доперестроечные годы Ю. П. Смирнов приходит к выводу о том, что к середине 60-х гг. XX в. движение за коммунистическое отношение к труду потеряло свою значимость и приобрело формальное звучание: «В исследуемые годы возобладала ритуальная сторона движения: принятие обязательств, торжественное подведение итогов, парадные отчеты и чествования. Если для инициаторов новых форм характерны энтузиазм, экономическое обоснование метода, постоянное его совершенствование, поиск оптимальных путей реализации, то пропущенное через парадные инстанции, рекомендованные вышестоящими органами к внедрению инициативы зачастую девальвировались»[6]. Развивая это положение, И. И. Бойко пишет о том, что «в первые годы существования движения оно соответствовало теории строительства материально-технической базы коммунизма, довольно близкого вхождения нашего государства в высшую стадию развития общества. Позднее, в пору расцвета учений о развитом социализме, эта сторона отошла на второй план, но продолжала существовать в условиях системы, окончательно потерявшей

всю динамичность не только экономического, но и идеологического развития»[7].

Изучив деятельность государственных органов и общественных организаций по развитию трудовой активности молодежи, Р. Н. Байгузин обобщает присущие соревнованию среди молодых рабочих недостатки следующим образом: «Даже в поддержке и распространении инициатив передовиков и новаторов не находила отражение специфика тех или иных отраслей. Вместе с тем опыт соревнования говорит о том, что наибольших результатов можно достичь при его организации внутри отраслей, между коллективами, в которых много общих условий труда и путей достижения наибольших результатов. Успешному выполнению обязательств в отдельных организациях мешали формализм, отсутствие широкой гласности, сравнимости результатов. Были случаи, когда комитеты комсомола, профсоюзные органы не устанавливали должного контроля за выполнением обязательств, не анализировали их, ограничиваясь регистрацией достигнутых результатов. Итоги соревнования, причины срывов, невыполнение обязательств порой обсуждались в узком кругу, без привлечения актива молодых рабочих и специалистов, не выносились на собрания. Одним из характерных недостатков в организации соревнования было увлечение сбором всевозможных справок и сведений, составление которых отвлекало комсомольский актив от организаторской работы на местах. Другая вредная тенденция — объявлять безмерное число соревнований. Эти обязательства вырабатывались в кабинетах, а не являлись отражением инициативы молодых рабочих, производственники порой даже не знали о них»[8].

Уже в 1959 г. (в первый год существования движения) на XII конференции комсомольцев Алатыря (одного из промышленных центров Чувашии) горком ВЛКСМ подвергся резкой критике за то, что «этим замечательным движением должным образом не руководит. По существу соревнование пущено на самотек. Итоги соревнования многие комитеты комсомола своевременно не подводят, отсутствует гласность соревнования. Горком ВЛКСМ, комитеты первичных комсомольских организаций слабо помогают коллективам, соревнующимся за высокое звание коллектива

коммунистического труда, в выполнении принятых обязательств, особенно в повышении общеобразовательных и технических знаний»[9] Из архивных документов можно узнать следующее: «Недостаточно организован обмен опытом работы бригад коммунистического труда. В коллективе не знают, что делается в этих бригадах. Их никто не собирает, вспоминают о них, когда нужно послать сведения. Кончилась шумиха и все пустили на самотек»[10]; «Принимаем решения, а дело не доводим до конца, хватаемся за другое, а секретари первичных организаций озираются на кипы бумаг с решениями и не знают, за что браться»[11]; «Если некоторое внимание уделялось соревнованию бригад за звание бригад коммунистического труда, то из поля зрения зачастую выпадали отдельные товарищи, наши юноши и девушки, которые взяли повышенное обязательство»[12] и т. д.

Формальное отношение к привлечению к соревнованию новых участников приводило к тому, что отдельные молодые рабочие, имея на руках обязательства или договоры, не считали себя участниками соревнования. Формальный подход присутствовал и на заключительном этапе соревнования. Часто на предприятиях действовало до 30—35 положений о стимулировании производительности труда и повышения качества продукции, но размеры вознаграждений были мизерными[13] Поэтому они не работали. Участились приписки, а многие процессы в организации производства и оплате труда приняли теневой характер.

Следует признать, что при зарождении движения «разведчиков будущего» было крайне неосмотрительно определять его коммунистические рубежи, с забеганием вперед говорить о коммунистическом быте и формировании человека коммунистического общества. Для этого объективно не созрели условия. Поэтому движение за коммунистическое отношение к труду испытывало значительные трудности. В то же время бессмысленно будет отрицать искренность молодых рабочих, пусть даже заблуждавшихся, поверивших в коммунистическую перспективу и считавших, что они могут приблизить ее своим самоотверженным трудом и самосовершенствованием. В начале 60-х гг. XX в. таких участников движения было много, впоследствии число их уменьшилось, но «не сошло на нет».

В начале XXI в. «разведчики будущего» переживают сильнейший «шок будущего». В частности, об этом свидетельствуют результаты массового опроса ВЦИОМ в августе 2001 г., в ходе которого 1 600 респондентов ответили на вопрос «Как коротко Вы могли бы охарактеризовать людей своего поколения?»[14]. «Ответы на него рассматривались как большой неструктурированный метатекст, описывающий словесные презентации образа определенного поколения в словесных конструкциях самих представителей данного поколения»[15].

Результаты анализа ответов позволили исследователям выделить поколения: околовоенное, доперестроечное, переходного периода и послеперестроечное. Участников движения за коммунистическое отношение к труду конца 50-х — начала 60-х гг. XX в. можно отнести к околовоенному поколению. Его представители (время рождения 1920-е — первая половина 1940-х гг.; основное время реализации поколения — 1950—1960-е гг.) дислоцируют себя во времени как «стойкие приверженцы эпохи коммунистического строительства». Социологи фиксируют у этого поколения активную индивидуальную включенность в строительство коммунизма, гордость за причастность к нему. «Гордое употребление терминов „строители коммунизма“, „советские люди“, „коммунисты“ тем более значимо звучит сейчас вследствие того, что изменился исторический контекст ассоциаций, связанных с использованием коммунистической терминологии, и отношение к ней большинства населения»[16]. В описании «людьми старой закалки» своего времени основным содержательным стержнем является трудовая культура. В нем выделяются несколько смысловых компонентов, в том числе жизнь ради труда («мы трудились всю свою жизнь»); труд как долг перед обществом («честно трудились»). Сегодня представители околовоенного поколения ощущают себя поколением «уходящих», «доживающих», «ветеранов». Вместе с тем они выражают гордость за прежние достижения: «честно прожитая и достойная жизнь», «мы жили лучше и веселее, чем теперешние». Таким образом, те, кто вчера строил светлое будущее, сегодня испытывают глубокую ностальгию по прошлому.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] РГАСПИ. Справочные материалы «Перечни постановлений ЦК ВЛКСМ по вопросам социалистического соревнования (1918—1981 гг.), подборка материалов о социалистическом соревновании, хроника участия в комсомольском ударном строительстве (1929—1966)».

[2] Там же.

[3] См.: Славный путь Ленинского комсомола: В 2 т. М., 1974. Т. 2. С. 379.

[4] ГАСИ ЧР, ф. 6, оп. 9, д. 260, л. 55—57.

[5] Там же, д. 266, л. 23—24.

[6] *Смирнов Ю. П.* Индустриальное развитие автономных республик Поволжья в 50—80-е годы: опыт и проблемы. Чебоксары, 1996. С. 207.

[7] *Бойко И. И.* Рабочие Волго-Вятского региона: опыт и уроки социально-экономического развития (1960—1985 гг.). Чебоксары, 1997. С. 154.

[8] *Байгузин Р. Н.* Деятельность государственных органов и общественных организаций по развитию трудовой активности молодежи (Уроки отечественной истории 60-х — первой половины 80-х гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1996. С. 162—164.

[9] ГАСИ ЧР, ф. 6, оп. 9, д. 334, л. 41.

[10] Там же, д. 335, л. 135.

[11] Там же, д. 260, л. 65.

[12] Там же, д. 266, л. 11.

[13] См.: *Белозерова С.* Цель — занятость полная и эффективная // Человек и труд. 1997. № 12. С. 33.

[14] См.: *Семенова В. В.* Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. М., 2005. С. 80—107.

[15] Там же. С. 87.

[16] Там же. С. 91.

Поступила 26.09.06.

И. И. БАРАБАНОВА

РАЗРАБОТКА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ОСНОВ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ТРУДАХ КАЗАНСКИХ УЧЕНЫХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Построение современной модели образования невозможно без осмысления предшествующего исторического опыта и прогрессивного наследия ученых-педагогов, так как его использование может способствовать более успешному осуществлению современного воспитательно-образовательного процесса. Поскольку происходит понимание необходимости формирования новой, гуманистической, эстетически развитой личности, появилась и востребованность ее эстетического воспитания, а следовательно, необходимость обращения к соответствующим исследованиям. Учеными кафедры педагогики и психологии Казанского государственного университета, на базе которой в 90-е гг. XX в. сформировалась Казанская школа эстетического воспитания, разрабатывались вопросы теории и практики эстетического воспитания, в том числе его психологических и мировоззренческих основ.

Поскольку без изучения психологического механизма эстетического воспитания невозможно его полноценное осуществление, ученые уделяли значительное внимание разработке вопросов психологических основ эстетического воспитания.

В 60-е гг. XX в. казанские ученые-педагоги начинают активное исследование психологических предпосылок эстетического восприятия: его специфики (как способности «живо откликаться на впечатления эстетического характера»)[1]; условий, определяющих его качество и уровень; этапов

БАРАБАНОВА Ирина Ильинична, заведующая отделом редакторов русского текста Института татарской энциклопедии АН Республики Татарстан, старший научный сотрудник.

Заказ № 1305

художественного восприятия, т. е. способности откликаться на произведения искусства. Анализируется деятельность воссоздающего воображения, специфика эстетических чувств и образного мышления, а также этапы осмысления художественного произведения, т. е. деятельности образного мышления.

В 70-е гг. XX в. Д. А. Сладковой изучается специфика формирования эстетического идеала у учащихся и факторы, влияющие на этот процесс (индивидуальные особенности учащихся, особенности эстетического восприятия учителя и класса, своеобразие художественного произведения)[2]

Психологические механизмы формирования эстетического изучают в эти годы не только ученые кафедры педагогики и психологии (в частности Ю. Г. Нигматуллина[3], Д. В. Вилькеев[4], вузовские преподаватели и школьные учителя, например, М. Н. Рэтермель[5] и др.), но именно они в этом отношении наиболее активны (особенно Г. А. Петрова и Т. В. Шуртакова). Ими исследовались особенности художественного восприятия литературных произведений учащимися[6]. Было выявлено, что разный уровень восприятия текста, литературных героев, художественных приемов автора зависит от индивидуальных особенностей школьников (их мышления, чувства, воображения, интереса, опыта и знаний, общей культуры, морального облика, общего отношения к жизни). Установлены зависимости эстетического восприятия от общих типов высшей нервной деятельности, других индивидуальных особенностей учащихся, а также зависимость эстетического восприятия художественного произведения от индивидуальных особенностей учителя и от психологии, мировоззрения автора. Приводится и классификация условий индивидуального восприятия художественного произведения: их составляют объективные и субъективные условия.

Г. А. Петрова прослеживает не только связь индивидуальных особенностей восприятия с возрастными особенностями детей, с их общим уровнем культуры и с типами высшей и специальной нервной деятельности, но и проявление этих особенностей на отдельных этапах восприятия и дает практические советы работающим учителям, воспитывающим эстетическое восприятие, что является особенно ценным для практической работы[7].

В эти годы уделяется большое внимание формированию психологических знаний у студентов — будущих учителей: для них составляется программа спецкурса «Эстетическое воспитание в школе». В процессе освоения этой программы студенты должны уяснить зависимость индивидуального восприятия любого произведения искусства от общего уровня развития учащихся, его возраста, общих и специальных типов высшей нервной деятельности, т. е. от индивидуальных особенностей школьников[8].

В середине 70-х гг. XX в. ученые переходят к исследованию психологического механизма эстетического воспитания студентов. Г. А. Петрова устанавливает, что психологические предпосылки эстетического воспитания в вузе составляют виды (эстетическое, художественное), особенности, объективные условия эстетического восприятия, стадии восприятия литературного, музыкального, живописного, театрального произведения, и анализирует роль восприятия и творческого воображения в эстетическом воспитании, отличие обыденных и художественных чувств, особенности эстетических чувств, художественного мышления, творческие способности студентов. Она также тщательно изучает определения эстетической потребности, восприятия, эстетических вкуса и идеала[9]

В эти годы мысль о необходимости исследования психологического механизма обучения и воспитания близка М. И. Махмутову, а Г. В. Мухаметзянова осознает необходимость психолого-педагогической диагностики эмоционально-эстетического развития студентов[10].

В 80-е гг. XX в. ученые обобщают индивидуально-психологические особенности учащихся разных возрастов, студентов и осознают необходимость развития эстетических чувств, суждений и взглядов, вкусов, творческих художественных способностей в условиях продуманной целенаправленной системы эстетического воспитания учащихся и студентов. Г. В. Мухаметзяновой приводится более полный перечень объективных и субъективных условий эстетического восприятия, чем тот, который приводился в 70-е гг. XX в.[11] Г. А. Петровой более тщательно и глубоко характеризуются особенности психологического механизма[12].

В 90-е гг. XX в. осмысливается взаимосвязь эстетических и психологических знаний, исследуются составляющие

эстетического сознания. Выделяется структура эстетической культуры и эстетического сознания, делается вывод о том, что эстетическое восприятие, воссоздающее творческое воображение, эстетические чувства, абстрактно-логическое и художественно-образное мышление развиваются вследствие эстетического воспитания, а последнее осуществляется более успешно с учетом этих индивидуальных компонентов.

Новым в исследованиях этапов объективных и субъективных условий эстетического восприятия являются классификация типов эстетической воспитанности, осмысление значения эстетических чувств, эстетического вкуса, специфики эстетических потребностей, их видов, значения, а также эстетического идеала[13].

Значительное внимание вопросам психологической основы воспитания студентов и формирования мировоззрения в процессе эстетического воспитания уделялось в 90-е гг. XX в. Д. В. Вилькеевым[14], Р. В. Шакировым[15], Г. В. Мухаметзяновой[16], а также В. И. Андреевым[17] и др.

Вопросы формирования мировоззрения и эстетического воспитания на методологическом уровне ученые начинают рассматривать в 60-е гг. XX в. В этот период советская эстетика и советское эстетическое воспитание, основанные на марксистско-ленинском мировоззрении, противопоставляются буржуазной эстетике и эстетическому воспитанию. Воспитание объявлялось частью коммунистической идеологии и должно было способствовать формированию мировоззрения молодого поколения[18]

В 70-е гг. XX в. ученые Казанского университета начинают изучать вопросы формирования мировоззрения не только в политическом, но, главным образом, в психолого-педагогическом аспекте, причем формирование мировоззрения активно связывается с проблемами эстетического воспитания. Заслугой казанских ученых[19] (в том числе Т. В. Шуртаковой) является то, что они уже с середины 70-х гг. приходят к четкому определению понятия «мировоззрение» и пониманию необходимости его формирования средствами искусства с выявления художественного кругозора учащихся, студентов, с целью его дальнейшего повышения; типового и индивидуального подходов; взаимосвязи

формирования мировоззрения с эстетическим воспитанием; признания эстетического воспитания частью формирования коммунистического мировоззрения; единства задач формирования мировоззрения и художественного образования; системы работ по формированию мировоззрения в вузе; осознания в структуре мировоззрения эстетического идеала в силу несовпадения их функций; применения к процессу формирования нравственных убеждений средствами искусства и модельного подхода к искусству[20].

В 80-е гг. XX в. было осознано, что углубился художественный кругозор студентов. В связи с этим были выработаны показатели критерия художественного кругозора студентов; необходимость развития у них творческой активности; осознаны пути формирования мировоззрения средствами искусства и педагогические условия его формирования, а также педагогические условия полноценного восприятия искусства, педагогические принципы и методы формирования мировоззрения[21] В эти годы активно исследуются вопросы методов формирования эстетического вкуса, средств развития эстетического идеала, педагогических условий формирования коммунистического мировоззрения в процессе эстетического воспитания учащихся. Сделаны выводы о необходимости системного подхода к формированию мировоззрения, определены его этапы и факторы в процессе эстетического воспитания его формирования, пришло осознание необходимости психологических знаний для формирования мировоззрения средствами искусства[22] Таким образом, по констатации В. И. Андреева, в эти годы в исследованиях изучались совокупность педагогических условий эффективности процесса формирования убеждений и методы формирования мировоззрения учащихся и студентов. В конце 80-х гг. XX в. провозглашается (Г. В. Мухаметзяновой) преемственность формирования мировоззрения средствами искусства между школой и вузом, подводятся итоги исследований[23].

В 90-е гг. XX в. Т. В. Шуртаковой была разработана теория формирования гуманистического мировоззрения студентов средствами искусства, концепция мировоззрения и художественного образа на основе теории человека как субъекта и носителя общественных отношений. Исследова-

тель приводит педагогические условия повышения эффективности формирования мировоззрения средствами искусства, общеметодологические принципы его формирования, методы и принципы формирования гуманистического мировоззрения[24], эстетического идеала, определены структура мировоззрения, механизм формирования мировоззрения и убеждений, дана классификация методов и принципов.

В педагогической литературе отразился переход от понимания процесса воспитания и формирования мировоззрения как политической к культурной ценности, в котором необходимо формирование гуманистического мировоззрения, а не классового и политического. Это возможно лишь при личностно-ориентированном воспитании. Произошло осознание необходимости нового, гуманистического мировоззрения, понимания причин государственной тоталитарной идеологии. В условиях деологизации казанские педагоги утверждали идеи общечеловеческого, реального гуманизма, перенося из советской педагогики ценные идеи советского периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Эстетика в школе / Б. П. Рождественский, Г. А. Петрова, Т. В. Шуртакова, К. В. Игнатьева. Казань, 1969.

[2] См.: *Сладкова Д. П., Пахтушкина И. К.* Формирование эстетического идеала на уроках литературы. Казань, 1970.

[3] См.: *Нигматуллина Ю. Г.* Национальное своеобразие эстетического идеала. Казань, 1970.

[4] См.: *Вилькеев Д. В.* Некоторые вопросы проблемного преподавания литературы в школе // Проблемное преподавание литературы в школе. Казань, 1971. С. 12—17.

[5] См.: *Петрова Г. А., Рэтермель М. Н.* О художественном восприятии литературных произведений школьниками 7-го класса // Формирование интересов учащихся в области искусства (проблема восприятия искусства). Казань, 1970. С. 3—17.

[6] См.: *Петрова Г. А.* Эстетическое восприятие художественных произведений школьниками старших классов. Казань, 1975; *Шуртакова Т. В.* Эстетическое восприятие живописи учащимися. Казань, 1972; *Она же.* Об эстетическом восприятии произведений живописи // Формирование интересов учащихся в области искусства (проблема восприятия искусства). Казань, 1980. С. 27—42.

[7] См.: *Петрова Г. А.* Эстетическое восприятие художественных произведений школьниками...

[8] См.: *Петрова Г. А.* Примерная программа специального курса «Эстетическое воспитание в школе». Казань, 1973.

[9] См.: *Петрова Г. А., Королева Т. В.* Система эстетической подготовки студентов высших учебных заведений. Казань, 1984.

[10] См.: *Махмутов М. И.* Проблемное обучение. Основные вопросы теории. М., 1975; *Мухаметзянова Г. В.* К вопросу об условиях повышения эффективности эстетического воспитания студентов // Современные проблемы педагогики высшей школы: Материалы науч. конф., 26—27 нояб. 1974 г. Казань, 1974. С. 162—165.

[11] См.: *Мухаметзянова Г. В.* Формирование коммунистического мировоззрения учащихся в процессе эстетического воспитания. Казань, 1980.

[12] См.: *Петрова Г. А., Королева Т. В.* Указ. раб.

[13] См.: Эстетическое воспитание учащихся средней школы во внеклассной работе / Б. П. Рождественский, Г. А. Петрова, Т. В. Шуртакова. Казань, 1960.

[14] См.: Педагогическое мышление и его формирование у студентов / Науч. ред. Д. В. Вилькеев. Казань, 1997.

[15] См.: *Шакиров Р. В.* Системно-концептуальный анализ реформ общего среднего образования в России в XX веке: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Казань, 1997.

[16] См.: *Мухаметзянова Г. В., Надеева М. И.* Гуманитаризация — ключевая идея преодоления кризиса образования. Казань, 1996.

[17] См.: *Андреев В. И.* Педагогика творческого саморазвития. Инновационный курс. Кн. 2. Казань, 1998.

[18] См.: *Волович Л. А.* Эстетический идеал (некоторые закономерности формирования эстетического идеала коммунизма в советской музыке): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1966; Эстетическое воспитание в школе / Г. А. Петрова, Г. И. Королева, Г. В. Мухаметзянова и др. Казань, 1991.

[19] См., например: Современные проблемы педагогики высшей школы: Материалы науч. конф., 26—27 ноября 1974 г. Казань, 1976.

[20] См.: *Шуртакова Т. В.* Педагогические основы формирования гуманистического мировоззрения студентов средствами искусства: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Казань, 1991.

[21] Там же.

[22] См.: *Мухаметзянова Г. В.* Формирование коммунистического мировоззрения учащихся в процессе эстетического воспитания. Казань, 1980.

[23] См.: *Шуртакова Т. В.* Указ. раб.

[24] Там же.

Поступила 11.09.06.

Е. Г. ГОРДЕЕВА

РОЛЬ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ РЕГИОНА В ФОРМИРОВАНИИ ТРАДИЦИОННОЙ БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКИХ

Существенное воздействие на расселение народов по территории Республики Мордовия и установление тесных хозяйственных, культурно-бытовых и иных контактов, возникновение и закрепление общих черт в хозяйстве, материальной и духовной культуре, некоторых сторон быта оказали природно-географические условия. Географическая среда — одно из необходимых условий материальной жизни общества. Природа и человеческие сообщества, в том числе и этносы, расселенные в конкретной природно-экологической среде, находятся в процессе постоянного взаимодействия. Развитие производительных сил во многом зависит от характера природных факторов. Природа не только обусловливает особенности социально-культурной деятельности в каждом регионе, но и отражается в сознании и самосознании людей, их фольклоре, литературе, культуре в целом.

Республика Мордовия расположена в центральной части Русской равнины, в междуречье Оки и Суры. Особенность ее положения — наличие общих границ с экономически более развитыми субъектами Федерации. В физико-географическом отношении она находится на стыке лесной и степной природных зон.

Территория республики входит в пояс умеренного климата с хорошо выраженной сменой сезонов года. Положение Мордовии в секторе умеренно-континентального климата обусловливает неустойчивость увлажнения: влажные годы чередуются с засушливыми.

ГОРДЕЕВА Елена Геннадьевна, аспирант отдела этнографии, этнологии и антропологии Института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

Многие растения лесостепи с давних пор использовались населением для получения красок, дубильных веществ, волокна, различных лекарств. Для дубления кожи применяли кору дуба и ивы. Для получения красной краски употребляли ягоды бузины, кору ольхи, корни подмаренника; желтой — листья бородавчатой березы, корни и кору волжского боярышника, цветы и листья обыкновенного репейника, корни чистотела; зеленой — ягоды вороньего глаза, плоды и корни крушины и т. д.

Из волокнистых растений, например, из дикой конопли, многолетнего льна, крапивы, изготавливали грубые ткани для мешков, веревочные лапти. Из коры березы, вяза и других деревьев делали кузовки. Из ивняка, рогоза, корней ольхи плели корзины, циновки, кошелки для тарантасов. Особенно широко использовалась липа. Из ее луба (лыка) плели лапти, делали лукошки, короба, из древесины — бочонки (кадки), из мочала ткали рогожу.

Открытые пространства лесостепи издавна привлекали к себе поселенцев. Лесостепь с давних пор была зоной смешения различных по языку и культуре народов. Народы лесной культуры (предки современной мордвы), осваивая лесные участки, проникали в лесостепь, а по степным участкам в лесостепь проходили степные кочевые народы. По мере оседания и приобщения к постоянной хозяйственной деятельности в условиях лесостепи происходили неизбежные контакты между поселившимися здесь этническими группами, что способствовало передаче друг другу различных хозяйственных и культурно-бытовых навыков.

Поселения, система расселения, жилища, усадьба являются одними из составных компонентов материальной культуры любого этноса.

Размещение поселений на местности (тип заселения) определяется природными условиями края, особенностями хозяйства и историческими традициями, складывавшимися у местного населения на протяжении веков. Поселения возникли в бассейне рек Теши, Цны, Кудьмы, Мокши. В основном русские размещались по берегам рек (Аксел, Барахманка, Большой Азясь, Нуя и др.), речек (Вечерлей, Ожога, Юнка, Ладка), у оврагов (пос. Кувай, с. Кулишейка, с. Летки), на землях, пожалованных дворянам за службу на

засечной черте (с. Засечная Слобода, Посопская Слобода, Потижский Острог). По мере освоения мордовских земель русским населением возникли русские селения вблизи мордовских (д. Русская Козловка, с. Русская Лашма, с. Русская Паевка).

Речной и приречный типы поселений были характерны также для мордвы и татар края. Это объясняется сходным уровнем социально-экономического развития народов, одинаковыми физико-географическими и природными условиями их жизни. Исстари русские предпочитали селиться на открытой местности, что позволяло им в дальнейшем активно развивать земледелие. Как и другие народы Мордовии, они селились и жили вблизи лесных массивов, где можно было найти материал для строительства жилища, землю и пастбище для ведения домашнего хозяйства, что способствовало сохранению и продлению жизни этноса. Например, в Теньгушевском районе п. Барашево, Дачный и другие расположены в лесу, так как, по мнению жителей, «свежий воздух и спокойная обстановка благоприятно сказываются на их здоровье». Русские села Кадошкинского (с. Сиалеевский Майдан), Ковылкинского (с. Унуевский Майдан), Старошайговского (с. Лемдяйский Майдан) и ряда других районов также находились в лесной местности. Это позволяло их жителям заниматься производством смолы, дегтя, поташа; жители Ичалковского (с. Смольный) района занимались пилкой строительного леса и производством смолы; Зубово-Полянского района (рп Дубитель) — разработкой дубильных экстрактов из дубовой коры. Русское население края изыскивало пути создания жизнеобеспечивающих условий. И в этом они были сходны с близко соседствующей мордвой.

К концу XVIII в. наиболее распространенной планировкой русских поселений была рядовая. Причем наиболее распространено такое развитие однорядки, когда напротив ранее единственного в селении ряда домов возникал второй порядок. При рядовой планировке поселение вытягивалось цепочкой в один сплошной ряд, и дома ориентировались фасадами в одну сторону. Такая планировка была наиболее удобной, так как в отличие от беспорядочной давала возможность весной и осенью, а также летом после дождей

просыхать и проветриваться дорогам. Многие населенные пункты были отрезаны друг от друга, торговля продуктами питания была доступна лишь небольшой части населения, но и тем она обходилась дорого. Из-за плохого состояния дорог лошади часто калечились. С ростом социально-экономического состояния общества состояние дорог совершенствовалось.

В целях гигиены русские отводили специальные места вдали от жилища — отхожие места для различного мусора, для этого выкапывали достаточно глубокую яму в конце огорода, которую накрывали соломой и засыпали землей, чтобы предотвратить возникновение заболеваний. Кладбище русские устраивали, как правило, за селом, на полянах или возвышенной местности. После сколачивания гроба, использованный материал (стружка, щепа) вывозили со двора и выбрасывали за село у реки, чтобы при разлитии его уносило талой водой, потому что считали его заразным. Гробы с умершими от эпидемических болезней вносились в церковь закрытыми, открывать их при погребении не дозволялось.

Характер расселения русских на территории Мордовии имел важное значение в формировании местных хозяйственно-культурных типов, приобретении общих черт в занятиях и промыслах, материальной и духовной культуре народов, что приносило позитивный результат в системе их жизнеобеспечения.

Остальная территория республики представляет собой обширную низменность со спокойным рельефом, широкими речными долинами, усложненными террасами. Современные долины рек (Мокши, Вада, Инсара, Суры, Алатыря) хорошо разработаны. Поверхность пойм изобилует озерами, старицами, заболоченными участками. Раньше в поймах рек, на их возвышенных частях-гривах было расположено много сел и деревень. Население привлекали сюда богатейшие пастбищные угодья, а также плодородные почвы, удобные для разведения огородных культур, рыбные богатства в реках, пойменных озерах и старицах. Сейчас большую часть пойменных селений пришлось перенести на новые, более возвышенные места, на вторую, а иногда и третью надпойменные террасы.

Мордовия богата большими и малыми реками. Они густой сетью прорезают всю территорию, неся свои воды в Волгу. Весной в результате бурного таяния снегов и разлива рек водой покрываются значительные пространства пойм. Некоторые районы оказываются изолированными от основных трактовых путей. Летом реки сильно мелеют, особенно в южных степных районах. Нередко к середине лета отдельные малые реки теряют сплошной водоток и разбиваются на отдельные разобщенные плесы.

Волга связывает северные районы страны с Каспийским морем, по ней шла торговля со Средней Азией, Кавказом, Ираном. По Суре можно достигнуть центральных районов Европейской равнины. Не случайно Волгу называли «главной улицей России». Крупные реки с давних пор имели промысловое значение. На Волге, Суре ценными промысловыми породами были осетр, стерлядь, белуга. Водились сазан, лещ, судак, жерех и др. Рыболовство велось с давних пор в широком масштабе специальными рыболовецкими артелями. Рыбаки строили на берегу рек рыболовецкие станы, ставшие впоследствии постоянными селениями.

Зимой по рекам устанавливался санный путь из центральных районов страны на Урал и в Сибирь. Для многих крестьян, особенно для русских и татар, занятие извозом являлось одним из важных источников средств существования. Извоз также усиливал контакты поволжских народов, способствовал взаимному языковому и культурно-бытовому обогащению.

Большое значение в жизни населения имели подземные воды, выходящие на поверхность в виде ключей, родников и источников. Во многих местах они стали основными источниками водоснабжения населения. К родникам крестьяне всегда относились с большим уважением, их считали «священными», содержали в чистоте, устраивали над ними сооружения, часовенки. Встречаются также источники минеральных вод. Для северных районов республики наиболее типична таежная фауна. Здесь много ценных промысловых зверей: зайцев, белок, горностаев, лисиц, есть волки. Особенно много птиц. В хвойных лесах обитают глухари, рябчики, на лесных опушках и вырубках — тетерева, на моховых болотах — белые, а на гарях и лесных опуш-

ках — серые куропатки. Лесные озера изобилуют утками, куликами, чайками, журавлями. Лесные животные издавна стали объектами охоты, которой занимались почти все народы Поволжья, но среди русского населения края охота не имела широкого распространения.

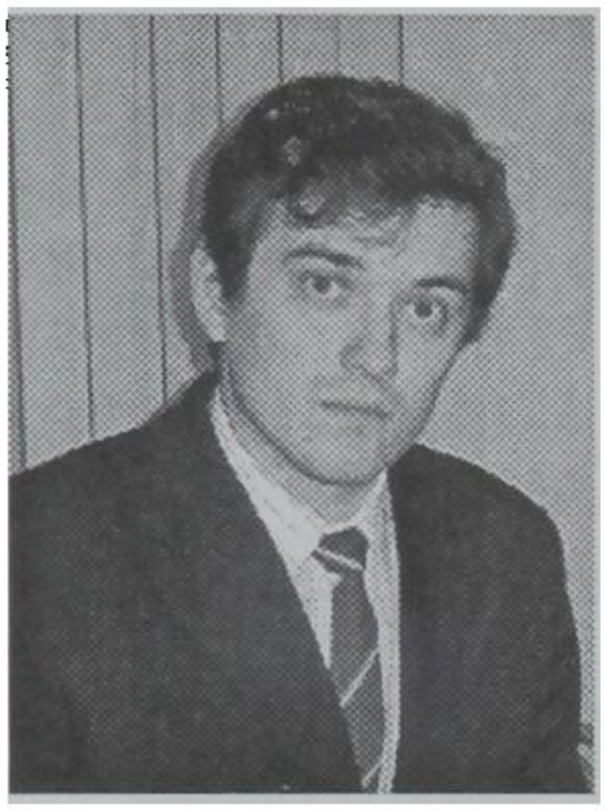
В лесостепной зоне животный мир делится на фауну открытых пространств и лесов. На распаханных участках и в степи обитают сурки, суслики, тушканчики, полевые мыши. Встречается много птиц. Днем над пашней летают сарычи, коршуны, полевые луни; ночью — болотная сова и серая неясыть. В лесах лесостепи встречаются лоси, много зайцев, лисиц, куниц, нередки белки, рыси. В дубравах живут различные виды летучих мышей, сони, повсюду слышится стук трудолюбивых дятлов. В поймах рек и озер водятся выхухоль (обладающая ценным мехом), горностай. В долинах рек и на многочисленных степных озерах гнездятся утки и другая болотная дичь. В степной зоне, особенно на нераспаханных, поросших ковылем пространствах обитают стрепет, а также дрофа — типичные представители степей. В пределах всей степной зоны распространены суслики, степные хорьки, тушканчики, лисицы, волки. На реках и озерах гнездится много самых разнообразных птиц.

На территории Мордовии имеются залежи торфа, особенно его много в северных и центральных районах. Торф с давних пор использовался населением в качестве удобрения и для отопления жилищ. Большое значение имеют многочисленные месторождения глины, песка и галечника. На их базе создавались стекольные и кирпичные заводы. Галечники используются при строительстве шоссейных дорог. Из некоторых сортов тугоплавких глин изготавливают керамические изделия. Большой известностью в прошлом далеко за пределами края пользовалась художественная посуда, изготовленная русскими гончарами.

Таким образом, природно-географические условия Республики Мордовия в целом удобны для развития разнообразных форм социальной жизни. Естественная среда благоприятствовала беспрепятственному передвижению различных народов по обширной территории, способствовала развитию земледелия, скотоводства, различных видов промыслов и ремесел. Чересполосное расселение этносов, не

слишком различающиеся уровни их социально-экономического развития, занятия близкими или одними и теми же видами хозяйственной деятельности приводили к установлению тесных хозяйственных и культурно-бытовых контактов между ними и выработке многих общих черт в технике ведения хозяйства, материальной культуре и других сферах социальной жизни.

Поступила 19.10.06.



А. А. МАХНИН

ПРИЕМЫ ПОСТМОДЕРНИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЕ ЯРОСЛАВЛЯ

В конце 70-х гг. XX в. стало ясно, что движение постмодернизма неоднородно. Ч. Дженкс выделил шесть основных направлений этого движения: историзм, откровенный ретроспективизм, неовернакуляр, градостроительный к месту, метафора метафизическая, постмодернистское пространство. Особо он выделил радикальный эклектизм[1] Это сделано не случайно, т. к. в конце 70-х гг. XX в. направление радикального эклектизма только начинало появляться в архитектуре. Ч. Дженкс представляет это направление «в качестве возможности, альтернативы слабого эклектизма прошлого[2]. В 60-х гг. XX в. постмодернизм тесно переплетается с контркультурой и урбанизмом. Это породило контекстуализм, партисипационную архитектуру, критический регионализм, пока новый интерес в истории и коммуникации не разжег тенденцию к радикальному эклектизму, символической архитектуре, орнаменту и вернакуляру. В начале 1980-х гг. эти направления объединялись вокруг постмодернистского классицизма, который развивался приблизительно десять лет[3]

В г. Ярославле одним из ярких примеров архитектуры историзма является четырехэтажный дом по ул. Некрасова, 45. Архитектор С. П. Ловыгин (рис. 1). Это типичный пример провинциальной архитектуры, наиболее заметными приемами которого являются башни, мансардные этажи со слуховыми окнами, фронтоны. Тем не менее этот дом далек от белых провинциальных особняков в стиле классицизма. Он является редким примером, когда детально «проработаны» уличный и дворовый фасады, не повторяющие, а до-

МАХНИН Антон Александрович, аспирант кафедры культурологии и журналистики Ярославского государственного педагогического университета.

Рис. 1. Жилой дом по ул. Некрасова, 45.
Архитектор С. П. Ловыгин

полняющие друг друга в общем смысловом выражении. Аллюзии замка, дворца, терема, устойчивого, крепкого, приземленного здания появляются весьма явственно при рассмотрении его уличного фасада.

Композиция фасада основана на полной симметрии элементов, башен, окон, боковых выступающих частей здания. Ось симметрии уличного фасада акцентирована постановкой центрального эркера на каменной опоре. В эркере здания можно увидеть антропоморфную метафору. Два верхних застекленных проема — глаза, остекление вдоль всего эркера — рот, металлическая кровля эркера напоминает шлем.

Замковая тематика продолжается в намеках на аркады, в решении металлической кровли башен, напоминающей шлемы, в узких окнах, похожих на бойницы, в парапете на уровне первого этажа. И только ажурные балконы на уровне третьего этажа на боковых фасадах призывают не воспри-

нимать эти элементы всерьез. Дворовый фасад более тривиален: здесь гаражи, лоджии, полукруглые слуховые окна. Однако зеркальные стекла окон, высокие лестницы подъездов продолжают семантику неприступности, замкнутости этого здания. Это крепость, поставленная в контекст среды. В этом смысле вся несерьезность, двойственность архитектурного замысла подчеркивается явной преувеличенной декоративностью фасадов. Но если вообразить, какой житель поселится в этом «замке», учитывая, что особняки прошлых эпох ассоциировались с образами ярославских купцов, аристократов, то «замок» на ул. Некрасова будет принадлежать современному предприимчивому человеку.

Историзм — это начало постмодернизма, самые первые попытки поиска архитекторов в этом направлении. Эта архитектура создается полуиронично с использованием иногда гипертрофированных элементов.

Теперь перейдем к следующему направлению постмодернизма. Примером архитектуры откровенного ретроспективизма в г. Ярославле является Дом дружбы «Ярославль—Пуатье» на Богоявленской площади, д. 8. Архитекторы реставрации и реконструкции дома: А. Р. Бобович, Н. Н. Кудряшов, С. Н. Столярова, К. Сервэ (рис. 2). Дом построен в стиле классицизм в конце XVIII в. В начале XX в. был перестроен в стиле фасадного модерна. В 90-х гг. XX в. проект реставрации и реконструкции дома

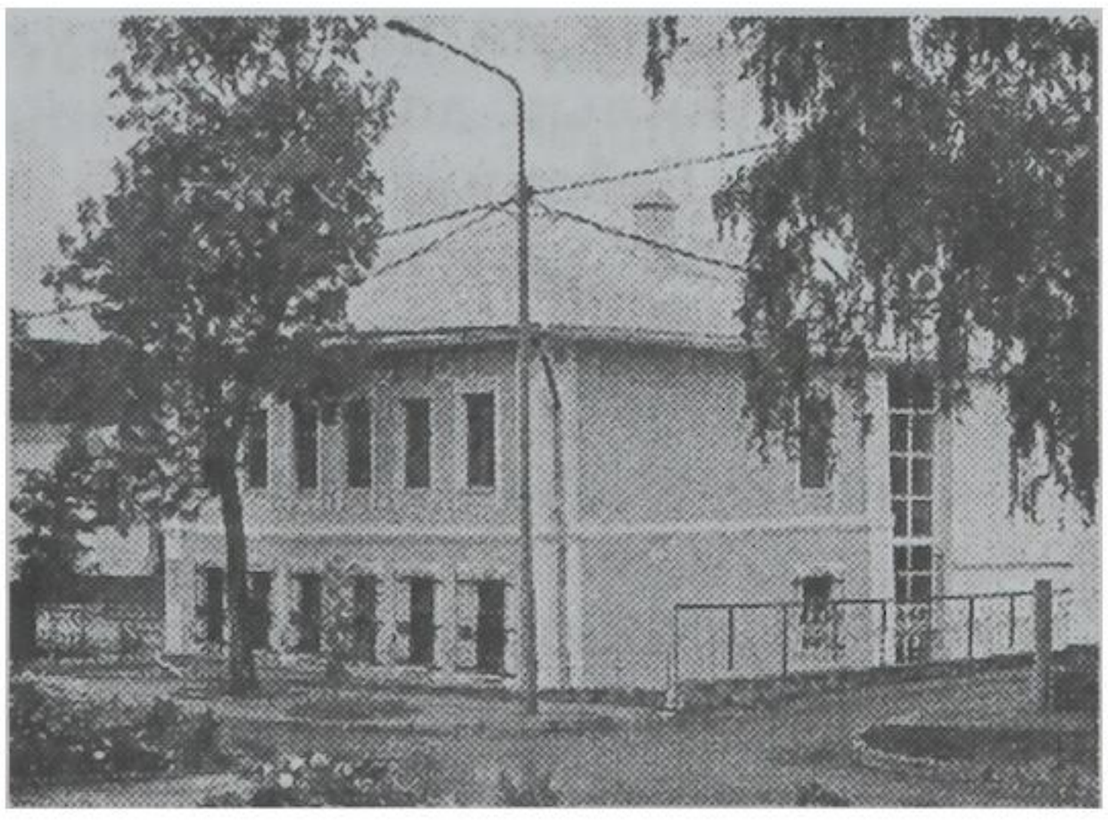


Рис. 2. Дом дружбы «Ярославль—Пуатье» на Богоявленской площади, 8. Архитекторы А. Р. Бобович, Н. Н. Кудряшов, С. Н. Столярова, К. Сервэ

Заказ № 1305

предполагал строительство пристройки в стиле модерн. Пристройка решена в стиле модерн, как и основной объем дома. Композиционный шов, витраж, по мысли авторов, должен зрительно разделить старое и новое, но для зрителя сразу непонятно, где подлинник, а где ретроспективизм. Лишь по более крупным и упрощенным элементам модерна можно догадаться, что пристройка — это новое.

Дом, перестроенный в начале XX в. в стиле фасадного модерна, имеет ниши в виде заглубленного круга с декоративным обрамлением, расположенные на пилястрах под карнизом крыши. Каннелюры, три вертикальных желобка разной длины, располагаются на стволе пилястры под нишей. Фронтон наличника, обрамляющего оконные проемы, имеет криволинейные очертания. Эти элементы характерны для фасадного модерна. В наше время авторы упрощают и укрупняют элементы модерна, украшающих фасад пристройки. Так, ниша в виде заглубленного круга больше подлинника по своим размерам, карниз, делящий плоскость стены пристройки на две части (первый и второй этажи), более крупный и непроработанный. Оконные проемы, расположенные на полукруглом в плане выступе пристройки, располагаются в нишах и не имеют никакого декоративного обрамления. Пристройка решена в белом цвете в отличие от основного объема дома, решенного в бледно-розовом цвете. Эти приемы должны были подчеркнуть подлинность памятника архитектуры.

Остановим свое внимание на неовернакулярной архитектуре г. Ярославля. Два жилых дома по улице Пушкина, 11а и 15 (архитектор М. А. Бобович, главный архитектор проекта А. Р. Бобович) располагаются в квартале, ограниченном улицами Пушкина, Республиканской, Свободы и Чайковского (рис. 3, 4). Контекст среды этого квартала — два деревянных дома. Бывший дом Тютрюмовых начала XX в. в стиле модерн по улице Пушкина, 13 (автор проекта реставрации Е. А. Богородицкая, 1996 г.) и бывший дом Веретенниковых-Глебездова, построенный в 80-е гг. XIX в. в стиле эклектика по ул. Пушкина, 11 (авторы проекта реставрации: архитектор А. В. Мерзликин, главный инженер проекта Н. П. Мерзликина) и жилой четырехэтажный кирпичный дом в приемах контекстуализма по ул. Рес-

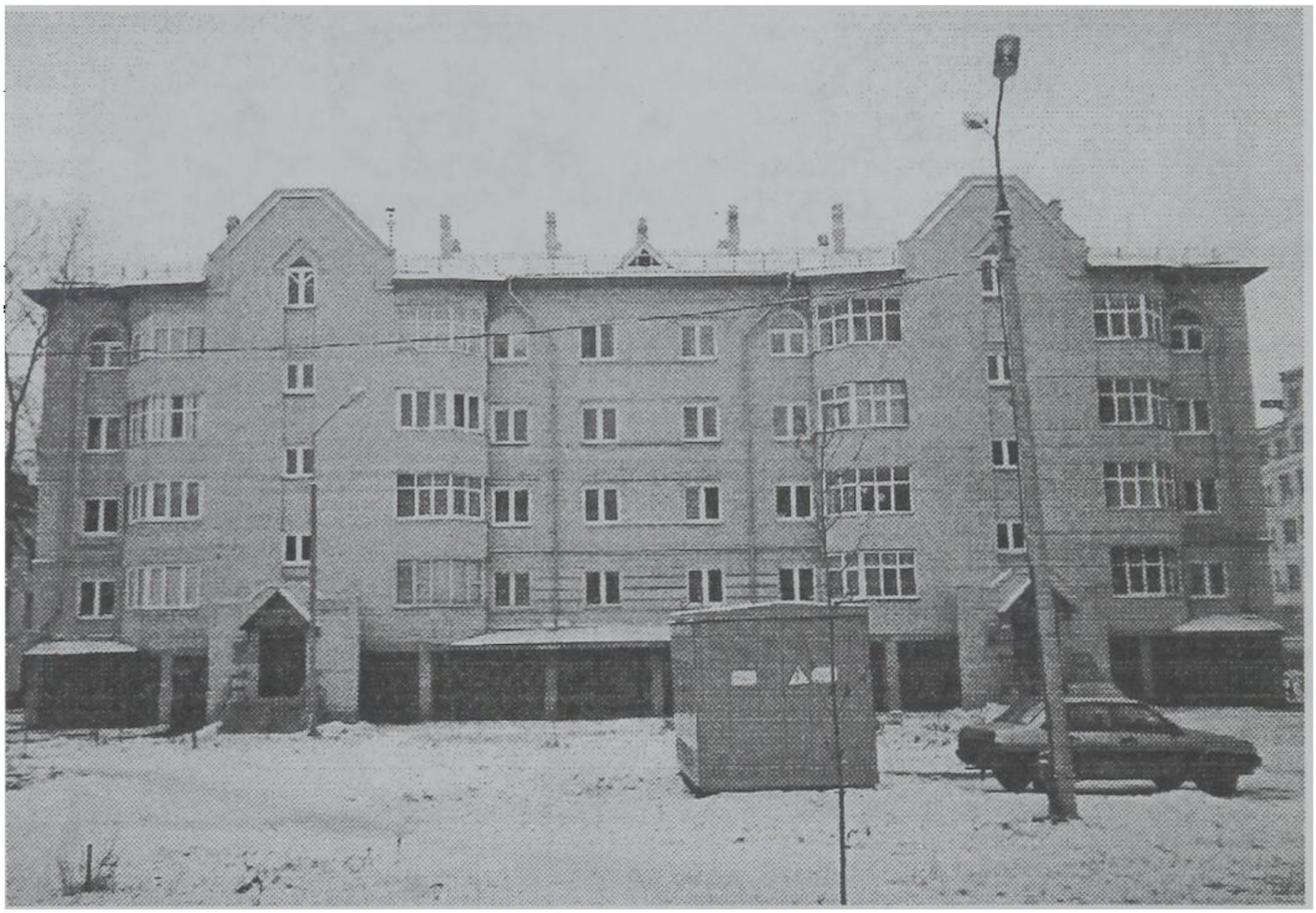


Рис. 3. Жилой дом по ул. Пушкина, 11а.
Архитектор М. А. Бобович

публиканская, 78 (архитектор В. Г. Аллилуева). Двумя новыми жилыми домами М. А. Бобович воспроизводит контекст среды: окна имеют декоративное обрамление, на фасаде присутствуют пояски и карнизы так же, как и на фасаде кирпичного, рядом стоящего дома в приемах контекстуализма архитектора В. Г. Аллилуевой. Крыльцо входа домов повторяет контекст среды двух деревянных домов, по силуэту их повторяя. Козырек крыльца — это двухскатная небольшая крыша, защищающая жильца, говорящего по домофону, от дождя. Жилые дома вобрали в себя местные особенности среды от деревянного провинциального Ярославля до кирпичного здания, стоящего рядом. Если говорить об архитектурных элементах здания архитектора М. А. Бобович, то неовернакулярная архитектура воплотила лишь дух провинциального Ярославля. Срезанные щипцовые завершения — это дань модернизму, так характерная для неовернакулярной архитектуры, которая является

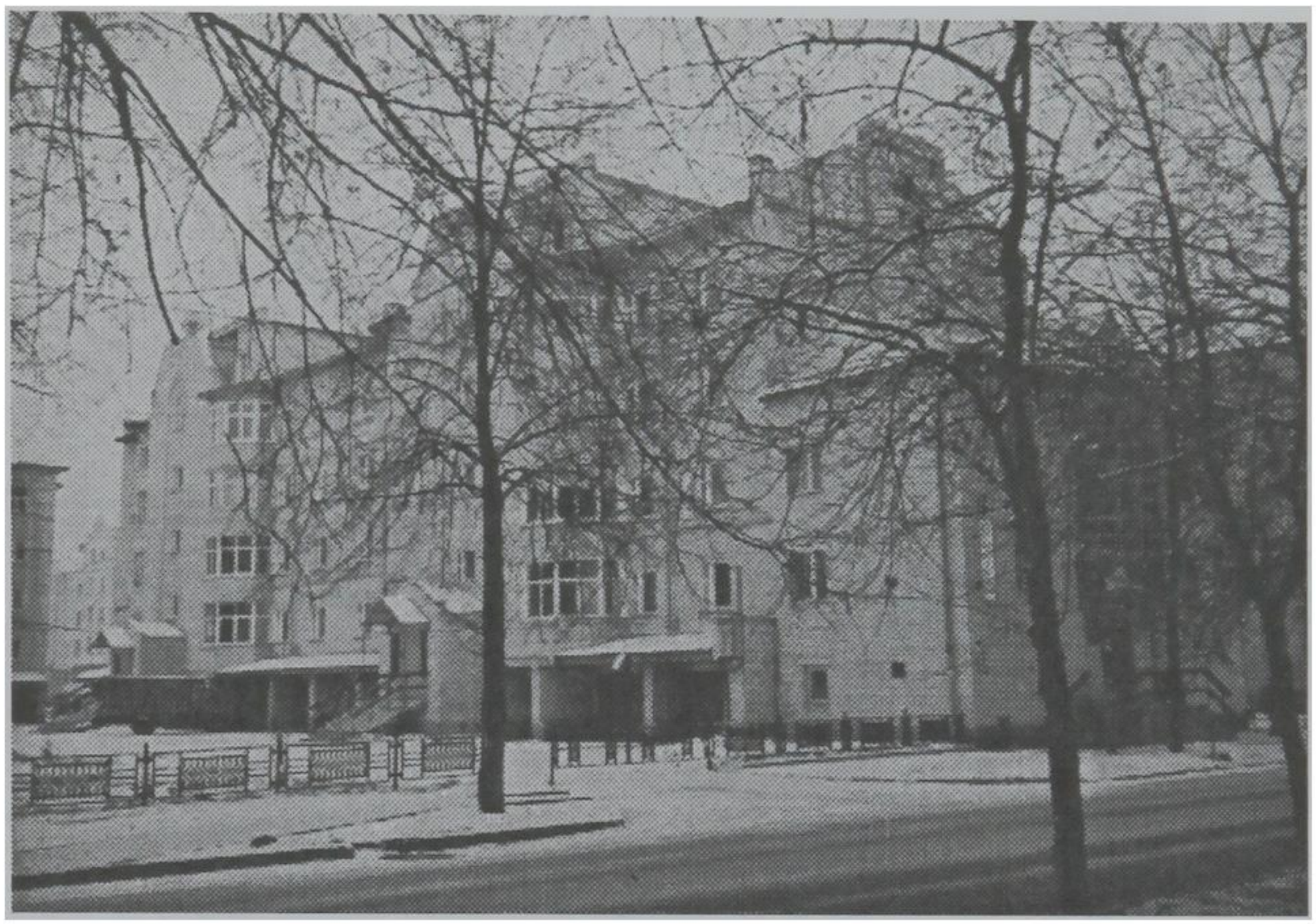


Рис. 4. Жилой дом по ул. Пушкина, 15.
Архитектор М. А. Бобович

«...ни прямым воспроизведением, ни точной репродукцией, но „квази“ или „в духе“ — гибрид между постройками современности и кирпичными строениями XIX в.»[4]

Возможно, домам не хватает рационалистического языка «современного движения», чтобы полнее соответствовать направлению неовернакулярной архитектуры, вобравшей в себя дух современности и традиции. Так, в квартале жилых домов существует пересечение пешеходных и транспортных путей. Каждый жилец этого дома имеет свой собственный гараж с отдельным въездом. Подобное решение широко распространилось с развитием капитализма в России, идеями утрированного понимания частной собственности.

Следующее направление постмодернизма — контекстуализм. С его позиций особенность городской среды состоит в том, что наследие различных эпох, периодов прошлого в системе города взаимодействует, входя в организацию жизни последующей эпохи. Один из вопросов контекстуализма —

насколько здания с различными принципами формообразования становятся визуально совместимыми, смогут ли новые здания включиться в старую застройку. Задумывая свой архитектурный образ, создавая проект здания, архитектор может по-разному использовать реальную городскую среду и включать свое сообщение в существующий контекст.

Один из подходов контекстуализма — создание формы архитектуры на языке модернизма на «диалоге»[5] с исторической средой, но это не значит, что новое здание должно выпадать из контекста, в данном случае объект включается в среду, учитывая модуль, масштаб и ритм застройки. Пример такого подхода демонстрирует здание Сбербанка в г. Ярославле на проспекте Октября, 8, построенное в 1994 г. (архитектор В. П. Степанов), которое не повторяет ни одну из построек существующей городской среды, но в то же время включается в городское пространство (рис. 5).

Рис. 5. Сбербанк на пр. Октября, 8.
Архитектор В. П. Степанов

Небольшое двухэтажное здание банка включается в контекст среды пятиэтажного здания сталинского неоклассицизма, двухэтажного дома XIX в. в стиле классицизма, стоящих по этой же стороне пр. Октября. Уличный фасад не вытянут вдоль дороги, а отодвинут центральной частью вглубь квартала. Само здание «П» — образное в плане. При внимательном рассмотрении фасада боковых объемов здания обнаруживается обыгрывание традиционного классического портика с фронтоном и колоннами. На плоскости стены размечены небольшие прямоугольные ниши с оконными проемами и треугольной нишей, намекающей на фронтон. В центральной части уличного фасада с главным входом в здание, крыльцо которого напоминает колонну, прикрывающую и защищающую вход, тоже есть намек на фронтон с более плавной и выгнутой линией в плане. Крыша здания плоская, что оправдано его назначением.

В целом здание сочетает различные объемы. Интересным композиционным элементом является цилиндрический объем, врезающийся в основной объем здания, повторяя идеи конструктивизма И. А. Голосова. Культурные смыслы, которые рождает этот цилиндрический объем, — это метафора банки-кубышки для хранения денег. Рустовка стены, сочетание плавных и прямых линий, цветная штукатурка пастельных оттенков придают зданию сдержанно-нарядный вид. Правда, дворовый фасад выглядит неожиданно плоским и голым, да еще и обнесен тривиальным железобетонным ограждением.

Если говорить об интерьере банка, то можно отметить достаточно скромную отделку без особых оригинальных элементов: скучноватые узкие коридоры с рядом дверей в рабочие комнаты, просторный конференц-зал с единственным украшением — фигурным зеркалом на потолке, в центре которого люстра, и ряд небольших зеркал на стене, несколько расширяющих пространство комнаты, холодные по цвету материалы в отделке интерьера.

Еще одним направлением постмодернизма является радикальный эклектизм. Он отталкивается в проектировании зданий сначала от вкусов и языков, преобладающих в каком-то конкретном месте, а затем с помощью многих «избыточных реплик» так насыщает кодами архитектуру, что она

Рис. 6. Торговый центр «Фрунзенский» на Московском проспекте, 93. Архитектор В. А. Кувшинов

может быть понятна и принята различными и часто противоречивыми вкусовыми культурами.

Примером радикального эклектизма является торговый центр «Фрунзенский» в г. Ярославле на Московском проспекте, 93 (архитектор В. А. Кувшинов) (рис. 6). На первом этаже уличного фасада имеются большие проемы, повторяющие идеи торговых рядов с большими классицистическими арками гостиных дворов, которые можно встретить в Ярославле, Рыбинске, Вологде и других русских городах. Но эти проемы торгового центра решены в упрощенной форме и лишь намекают на классицистические арки. Второй этаж уличного фасада поддерживают колонны, обработанные крупным рустом. Второй этаж представляет собой череду-

ющиеся оштукатуренные кирпичные стены с прорезанными в них небольшими оконными проемами на фоне большой поверхности остекления. Если стены с небольшими оконными проемами, более подходящими для жилых домов, чем для торгового центра, обращены к контексту среды сохранившейся жилой застройки конца XIX — начала XX в., то большие площади остекления характерны для современного торгового центра. Здесь использовано два кода традиции и современности. Стены с небольшими проемами рассчитаны на понимание человека, воспитанного традицией, а большие поверхности остекления — на коммуникацию с человеком, мыслящим современно и прагматично.

Таким образом, несмотря на внутреннюю неоднородность, движение постмодернизма эклектично.

В его различных направлениях можно выделить несколько стилей или мотивов. По сути, можно сказать, что стиль или мотив, используемый архитектором, может быть одинаков в различных направлениях. Это и определяет, по-видимому, трудно поддающееся какой-либо классификации эклектичное постмодернистское движение. Важно то, как, иронично, точно, поверхностно цитируя архитектурно-историческое наследие определенных стилей или мотивов, архитектор использует его в своем произведении.

Так, для историзма характерны ироничное цитирование архитектурно-исторического наследия, ирония, шутка, намек, аллюзия. Для откровенного ретроспективизма, наоборот, несвойственно ироничное отношение к прошлому, ему присущи точное цитирование и копирование образцов архитектуры. Для неовернакуляра характерно поверхностное цитирование архитектуры прошлых эпох. Это и неточная копия прошлого, и несовременное здание, это архитектура в духе прошлого и современного, «...декорация, маскирующая мрачность современного жилищного комплекса»[6] Контекстуализм — это прежде всего градостроительный подход. Для этого направления характерно использование приемов модуля, масштаба и ритма существующей застройки. Для радикального эклектизма присуще использование двойного кодирования. Архитектура этого направления обращена к традиции и современности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Дженкс Ч.* Язык архитектуры постмодернизма / Пер. с англ. А. В. Рябушина, В. Л. Хайта. М., 1985. С. 97.

[2] Там же. С. 129.

[3] См.: *Charles Jencks.* The New Paradigm in Architecture. The Language of Post-Modernism / Yale University Press New Haven and London. 2002. P. 51.

[4] *Дженкс Ч.* Указ. соч. С. 96.

[5] См.: *Бархин Б. Г.* Методика архитектурного проектирования: Учеб.-метод. пособие. М., 1993. С. 114.

[6] *Дженкс Ч.* Указ. соч. С. 96.

Поступила 07.07.06.

Е. А. ФЕДОСЕЕВА

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ МОРДВЫ

Фольклор и письменная литература народов традиционно обращаются к проблеме межнациональных отношений, отражающейся в архаическом эпосе, исторической песне и эпической поэме. Каждый межэтнический контакт потенциально оказывает влияние на развитие контактирующих народов. Не случайно поэтому в русском и мордовском фольклоре фиксируются такие важные события, как татаро-монгольское нашествие и его последствия, взятие Казани, крещение, крестьянская война под предводительством Е. Пугачева, царствование Павла I, повлиявшие на изменение генотипа народов, трансформировавшие их политическое, социальное, духовное и эмоциональное бытие.

Говоря о межнациональном общении, следует различать взаимодействие разных народов, зафиксированное в устном или письменном тексте, и внутрижанровые контакты, например, между русской исторической песней и мордовской, между русской лирической песней и мордовской и т. д. Здесь мы преимущественно сосредоточимся на первом типе отношений.

Фольклорные жанры, имеющие четкую формальную установку, избирательно относятся к фактам и останавливают свое внимание лишь на тех, которым можно дать однозначную оценку. Однако одно и то же явление со временем начинает восприниматься иначе, чем в момент зарождения. Это относится и к русско-мордовским межнациональным контактам. В фольклоре отражение их развития происходило поэтапно, с большими временными про-

---

ФЕДОСЕЕВА Елена Александровна, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского государственного университета, кандидат филологических наук.

межутками. В советской литературе они показывались как исключительно безоблачные, доброжелательные, братские. Таким образом межнациональные отношения описаны, например, в эпической поэме В. К. Радаева «Сияжар»[1] В конце XX в. в мордовской литературе появилось произведение, в котором последовательно представляется эрзяно-мокшанское видение сложного, неоднозначного пути складывания русско-мордовских связей, от категорического неприятия русского мира до осознания себя неотъемлемой его частью. Речь идет о «Масторaве» — книжной форме мордовского героического эпоса, в которой художественно воссоздана история эрзяно-мокшанского народа с момента возникновения государственности и до присоединения к Московской Руси[2].

Чтобы проследить логику развития русско-мордовских отношений, прежде всего следует обратиться к так называемому тюштянскому эпосу (возникшему приблизительно в X—XI вв.), включающему в себя семь сюжетов, из которых в контексте обозначенной проблемы интересны «Тюштя и мордовская история», «Тюштя и чудесноpожденный младенец», «Тюштя и сын 70-летней вдовы». Песни о Тюште имеют общую особенность: они пытаются охватить всю эрзяно-мокшанскую историю. В них повествуется о сотворении Инешкипазом мира и человека, возникновении эрзянского и мокшанского народа, об избрании инязора Тюшти, его царствовании и уходе за море с народом под давлением русского царя.

В песнях о Тюште русский царь — главная причина краха мордовской цивилизации, с появлением русских завершается ее Золотой век. Узнав об их приближении, Тюштя уводит народ за море, чтобы спасти его от истребления. Бегство инязора, кажется, противоречит логике его образа, поскольку он наделен своими богами могучей силой и невероятными способностями, позволяющими справиться с любым противником. Почему же Тюштя без боя отдает свою землю? Ответ на этот вопрос дает в исследовании «Мордовский героический эпос: сюжеты и герои» А. М. Шаронов. Тюштя принимает решение об уходе, руководствуясь знамением, посылаемым Инешкипазом: на мордовской земле вырастает береза, означающая скорое наступление рус-

ского царя. И инязор должен либо покориться ему, либо уйти на новую землю. Тюштя предпочитает второе. Все свои поступки он соизмеряет с волей неба и ведет себя не как обыкновенный человек, а как божий посланник, который делает то, что ему предписывается богами. В решении Тюшти не вступать в борьбу с русским царем сказывается и логика здравого смысла. При его принятии авторы песен руководствовались не только эпическим, но и конкретно-историческим мышлением, учитывающим реальные факты, которые свидетельствовали: эрзянам и мокшанам не отстоять своей национальной и территориальной независимости в борьбе с русским государством[3]. Заметим, что в мордовском фольклоре нет произведений, направленных против русских. Да, появление последних влечет за собой национальную трагедию для эрзян и мокшан, но в этом вина времени, внушают создатели песни, а не конкретного народа. Кроме того, важной причиной отсутствия в мордовском фольклоре антирусских мотивов является изначальная интегрированность мордовского мира с русским, о чем свидетельствует и летописная Пургасова Русь[4].

Безупречный образ Тюшти, сформировавшийся в песнях о нем, исчезает в тексте «Тюштя и чудеснорожденный младенец»[5], где он выступает в роли убийцы своего потенциального противника, родившегося на берегу Суры «с железными пятками, с каменной макушкой» и ассоциирующегося с русским царем. На наш взгляд, вряд ли можно определять данный поступок Тюшти как жестокое убийство невинного. Чудеснорожденный младенец — необыкновенный беззащитный ребенок, он воспринимается как посланник небесных сил, причем враждебных мордовскому народу. Поэтому расправа, осуществленная над ним Тюштей, — это не убийство ребенка, а уничтожение врага и соперника, что не позволяет говорить о снижении образа инязора и его вульгаризации. Появление новых деталей в образе Тюшти связано с изменением обстановки вокруг него, обозначением новых противников, с разрушением старого идеального мира. Вообще чудеснорожденный младенец, заменяющий здесь русского царя, — новое явление в песнях о Тюште. Оно свидетельствует о том, что мифологическая традиция еще не исчерпала себя и стала вы-

ражаться для воспроизведения изменившейся социально-политической и мировоззренческой ситуации в других формах, приспосабливаясь к новым обстоятельствам. Раньше правители народа рождались от браков богов с земными женщинами, теперь они появляются на свет путем непорочного зачатия. Мотив непорочного зачатия возник в фольклоре мордвы, скорее, под влиянием христианства и его следует считать сравнительно поздним явлением. Эта деталь также свидетельствует о сближении русского и мордовского миров, несмотря на то, что христианизация насаждалась официальной русской стороной и самым отчаянным образом отвергалась языческой мордвой. Однако мы видим, что время в очередной раз залечило все раны и примирило, казалось, непримиримые понятия, вписав оба народа в одно культурное пространство.

Тюштянский эпос, записанный в основном у заволжской мордвы, оценивает факт присоединения мордовских земель к русскому государству негативно. Однако в мордовском фольклоре Поволжья встречаются мотивы добровольного подчинения мордвы власти русского царя. В частности, об этом говорится в песне «На горах то было на Дятловых»[6], где воспроизводится момент случайного вхождения мордвы в состав Московской Руси, произошедшего в результате легкомысленных действий «молодых ребят». Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что мордва свою независимость теряет во время торжественного моления Инешкипазу, что невольно это событие исторического масштаба связывает с его именем и промыслом. Он словно благословляет своим присутствием воссоединение мордвы с Русью. В этой песне «На горах то было на Дятловых» освещается новый этап русско-мордовских отношений. Эпическое сознание вопреки историческому опыту народа и его практическому сознанию «пытается выправить изломы реального бытия, желая освятить сложнейшие отношения между Мордвой и Русью очарованием поэтической фантазии и эстетикой фольклорной гуманистической мысли. Тема мироустройства, составляющая основу героического эпоса, раскрывается в этой песне с учетом новых обстоятельств в жизни народа — вхождением его в состав Русского государства»[7].

XVI в. — время активного бытования эпических форм фольклора, период формирования жанра исторической песни, объектом изображения в которой являются исторические события и лица. Как в русском, так и в мордовском фольклоре первыми произведениями нового жанра стали песни о взятии Казани. Будучи сходными по содержанию, они существенно различаются по поэтической форме, ибо форма всегда оригинальна и национальна по своей сути.

В русской песне на сюжет «Взятие Казани» главный герой — царь Иван Грозный, делающий подкоп под р. Казанку, чтобы с помощью взрыва взять непокорную Казань. Грозный в разных ее вариантах не меняется, он статичен, наделен энергичностью, гневливостью, подозрительностью, жестокостью по отношению к врагам, справедливостью и щедростью к друзьям. Эмоциональный портрет русского царя, запечатленный в фольклоре, точно отражает зафиксированный в документах исторический образ. Грозный при всей своей неоднозначности представляется как безусловный положительный персонаж. Это результат того, что, возложив на себя миссию освободителя Руси от многовекового монгольского ига и покорителя Казани, символизирующей оплот вражеской силы, он получил в фольклорном сознании индульгенцию на свои действия. Сыграло роль и то обстоятельство, что это событие имело всероссийский масштаб и воздействовало на жизнь всех россиян независимо от их социального и национального статуса. Поэтому Грозный воспринимается как народный герой, окруженный ореолом безупречности. Заметим, что здесь главное внимание обращается на национальное противостояние русских и татар, от варианта к варианту меняются лишь акценты. Иные приоритеты мы видим в мордовской песне «Саманька»[8], созданной на сюжет «Взятие Казани», в которой ведущая роль принадлежит эрзянской девушке Саманьке, имеющей обыкновенную внешность, но незаурядный ум, чрезвычайную храбрость и происхождение из состоятельной семьи. Она критикует русского царя, сомневаясь в его полководческих способностях, заявляет о готовности в три часа покорить Казань, которая сдерживает осаду русских уже семь лет.

Мордовская песня акцентирует внимание на нравственной стороне поступка героини. В ней мы наблюдаем не

национальное противостояние, а поединок единомышленников (русский царь — эрзянка), движимых одним стремлением, по завершении которого не оказывается побежденных, а итогом становится рождение сообщества народов. В большинстве русских песен идея подкопа принадлежит царю, в мордовских — ничем, на первый взгляд, не примечательной крестьянской девушке. Этот прием — выделение в качестве главного героя человека, по своим физическим данным уступающего окружающим, — встречается и в русской песне XVI в. «Кострюк»[9]. Здесь демонстративно умаляются физические способности героя, намеренно скрывается его готовность к совершению особенного поступка. Потанюшка, вызвавшийся бороться с богатырем Кострюком, идет «на одну ножку прихрамывает, на другую ножку припадывает, костылем подпираитце». Неожиданное открытие в процессе поединка силы и умения бороться у невзрачного соперника лишает противника уверенности и приводит его к физическому и интеллектуальному краху. Это древне-эпическая идея. Но там выделение в число главных героев человека из социальных низов означает идеализацию силы народа, здесь содержит и общественно-политический, классовый смысл: истинные защитники родины — ничем не примечательные внешне Потанюшки и Саманьки — народ.

Можно предположить возможное влияние на мордовскую песню русских былин и сказок. Из них могли прийти мотивы похвальбы девушек (на посиделках), обращение к героине, которая «сама собой маленька», как к былинному богатырю: «Ох ты, гой еси, красна девка Сашайка...», «Ох ты, красная девка Сашайка... Голова твоя с могучих плеч долой!», угроза царя казнить героиню, если она не исполнит его волю, интригующая завязка («государевы драгуны», неизвестным образом оказавшиеся в мордовской деревне, подслушивают хвастовство Саманьки), попытка царя отблагодарить девушку и отказ последней от награды и т. д. Фольклорная общность и сходство (будь они типологического или культурно-исторического происхождения) свидетельствуют о развитости народной культуры, ее интегрированности с культурами других народов, ее способности оставаться самобытной, обогащаясь заимствованными мотивами и сюжетами.

В песне «Саманька» мордва мыслит себя составной частью русского государства и именно поэтому оказывает действенную помощь Грозному в его борьбе за овладение Казанью. В том, что в «Саманьке» основная заслуга при взятии города принадлежит мордовской национальной героине, следует видеть высокую оценку мордвой своего вклада в казанскую победу, активизировавшего ее национальные и патриотические чувства. Саманька одна представляет мордву, тем не менее она реально-исторический герой, поскольку ее образ, действия, поступки конкретны, исторически правдоподобны. Предмет исторической песни, как и предмет классического эпоса, — события политической истории страны, которые изображаются не эмпирически, а с точки зрения народного отношения к ним[10].

Песня о Саманьке, включенная в композицию эрзяно-мокшанского эпоса «Масторава», дополнена эпизодом из песни «Мурза» об испытании отцом дочерей, согласившихся вместо него отправиться на военную службу[11] В нее автором эпоса введена деталь, обнажающая глубинные причины интеллектуальной состоятельности героини: из трех дочерей Вачайки Саманька — самая любимая, «самая желанная для сердца». Из свадебной обрядовой поэзии заимствован мотив омывания Саманьки в бане и облачение в наряд невесты перед отправлением на место военных действий, что говорит о готовности девушки-мордовки к любому исходу событий — и к гибели, и к торжеству. Эти сцены придают живость и реалистичность повествованию, связывают историю о Саманьке с конкретным бытом эрзянского народа. Разумеется, они целесообразны только в литературном варианте песни, где не требуется ее устного исполнения. Важно подчеркнуть, что соединение двух сюжетно близких произведений не создает искусственную конструкцию, искажающую смысл оригинала. Напротив, введение деталей, имеющих этнический колорит и историко-бытовой характер, обогащает повествование, создавая почву для развития характера героини, усиливает звучание образа.

В основу песни «Саманька», подобно русской песне «О взятии Казани», положен мотив покорения города-крепости посредством взрыва бочек с порохом под его укреплениями. Мордовскую песню сближает с русской ее идейное

содержание и жанровые особенности: сходное изображение фигуры Грозного, одобрение и активная поддержка его политики, реалистичность и конкретность в описании события и действующих лиц, верность истории, появление проблематики «царь и народ», стремление осмыслить действия героев под социально-политическим углом зрения. Это сходство настолько очевидно, что В. Ф. Миллер и А. В. Марков, рассматривая мордовскую песню, пришли к мысли, что она возникла под влиянием русской примерно в XVIII в.[12] Анализ сюжета, композиции, содержания и образов мордовской песни убеждает в том, что она — самобытное произведение, а время ее возникновения — XVI в. Историческая песня современна в ней описанным событиям, она выражает народный взгляд на явления политической жизни эпохи. Сходство основного мотива русской и мордовской песен (взятие Казани посредством взрыва бочек с порохом) могло возникнуть и помимо заимствования как отражение известного для русского и мордовского народов исторического факта. В пользу этого предположения говорит и оригинальность художественной трактовки темы в произведениях.

Общность исторических судеб русских и мордвы, сложившаяся в XVI—XVII вв., выразилась и в общности песенных сюжетов, поскольку более тесным стало общение между народами на фоне одинаковых условий жизни. Одинаковые заботы, общие праздники, смешанные браки порождали не только взаимодействие культур, но и, по сути, способствовали рождению новой уникальной межнациональной культуры. Чуждое ранее русское теперь стало восприниматься мордвой как родное, зарождалось понимание общности культурных ценностей, происходило взаимопроникновение культур на бытовом уровне, то есть самым естественным путем. Сходство жизненных ситуаций предопределяло и встречные течения в фольклоре. Создалось такое положение, когда мордвин свободно мог слушать русские песни, сказки, а русский — мордовские. При таких обстоятельствах появление произведений, сходство которых обусловлено историко-типологическими и историко-культурными факторами, становилось нормой. Этот процесс отражен в русской песне о полоне «Теща в плену у зятя»[13] и в мордовской «На опушке леса»[14].

Заказ № 1305

Явления общественной жизни оказывали значительное влияние на народную поэзию русских и мордвы, но они не обезличивали, а обогащали, наполняли новым содержанием, идеями, героями, принципиально иной идеологией и миросозерцанием произведения мордовского и русского фольклора. Отражая в нем те или иные исторические события и лица, народ дает им свою оценку, излагает свое понимание их смысла, выражает свое видение путей их развития. Каждое представляемое в песне событие трактуется с точки зрения национального и социально-политического его восприятия, а также географического положения народа, творца фольклорного текста. В русских и мордовских песнях мы видим концептуально сходное изображение исторических событий и лиц, что указывает на отсутствие полярности в восприятии мира русскими и мордвой, и они, по существу, предстают как части единого этноса. Примечательно, что это сходство присутствует в таких древних памятниках, как «Повесть временных лет» и песня об избрании Тюшти. Мотивация избрания царя, приводимая в эрзянских песнях, почти полностью совпадает с мотивацией призвания варяжских князей новгородцами. В эрзянских песнях царь избирается по той причине, что люди, не зная закона и порядка, не могут поделить леса, луга и пашни, из-за чего между ними постоянно возникают раздоры и войны. В «Повести временных лет» говорится, что среди новгородцев не было правды, восстал род на род, начались между ними усобицы и вооруженные столкновения. И решил народ найти князя, управляющего по справедливости. Под «новгородцами» разумеется все население княжества. «Учитывая то обстоятельство, что в призвании варяжских князей участвовали финские племена (чудь, весь и др.), можно сделать предположение о влиянии на „Повесть временных лет“ мордовского героического эпоса. В русском эпосе мотива избрания правителя, царя нет. В эпоху призвания варягов население Новгородской земли было преимущественно финским, и на ней, скорее всего, господствовали обычаи, нравы и миросозерцание этого населения, включая Мерю, Эрзю, Муром, Мокшу, Мещеру, говоривших на одном или близкородственных языках и имевших единый или односюжетный

героический эпос»[15]. Приведенный материал, как видим, свидетельствует об изначальной общности русского и мордовского миров.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Радаев В. К.* Сияжар. Саранск, 1960.

[2] См.: *Шаронов А. М.* Масторава. Саранск, 2003.

[3] См.: *Шаронов А. М.* Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. Саранск, 2001. С. 115—116.

[4] См.: Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 1.

[5] См.: Mordwinische Volksdihtung. Gesammelt von H. Paasonen. herausgegeben und ubersetzt von Paavo Ravila. IV Band. Helsinki, 1947.

[6] См.: Устно-поэтическое творчество мордовского народа: В 8 т. Кн. 2. Исторические песни XVI—XVIII веков. Саранск, 1977. Т. 1. С. 15—19.

[7] См.: *Шаронов А. М.* Мордовский героический эпос... С. 188.

[8] См.: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. 1977. С. 20—28.

[9] См.: Исторические песни XIII—XVI веков. М.; Л., 1960. С. 123—287, 141.

[10] См.: *Маскаев А. И.* Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964. С. 313.

[11] См.: Устно-поэтическое творчество мордовского народа: В 8 т. Т. 1. Кн. 2. Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963. С. 181—182.

[12] См.: *Миллер В. Ф.* Русские и инородческие предания о Казанском походе Ивана Грозного // Этнографическое обозрение. 1913. № 1/2. С. 16; *Марков А. В.* Отношения между русскими и мордвою в истории и в области народной поэзии в связи с вопросом о происхождении великорусского племени. Тифлис, 1914. С. 46.

[13] Исторические песни XIII—XVI веков... С. 64—76.

[14] Устно-поэтическое творчество мордовского народа. 1977. С. 46—49.

[15] *Шаронов А. М.* Избрание царя Тюштяна // Рябовы: pro et contra: Сб. материалов Рябовских науч. чтений. Саранск, 2002. С. 221.

Поступила 25.05.06.

МОКШИН Н. Ф., МОКШИНА Е. Н. Мордва и вера. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2005. — 532 с.

В ряду этнорелигиоведческих публикаций книгу Н. Ф. Мокшина и Е. Н. Мокшиной «Мордва и вера» следует поставить на особое место. Ее по праву, несмотря на малый тираж (500 экз.), можно считать работой, открывающей новое направление в сфере отечественных этнорелигиоведческих исследований. Она посвящена не просто изучению тех или иных аспектов эволюции религиозных систем или их компонентов, а соотношению этих систем с этносом в целом, причем на протяжении всего периода существования этноса.

Такой теоретико-методологический подход дает возможность наиболее полно проследить роль религии в судьбе этноса, динамику ее развития совокупно с ее не только творцом, но и носителем, место веры в менталитете народа, ее как идеологические, так и социально-экономические, духовно-нравственные, этнические и этические функции.

Содержание рецензируемого труда стройно и логично. Он начинается с «Введения», включающего параграфы «Мордва как народ» и «Источники и историография», в которых авторы раскрывают актуальность темы, источниковую базу, вклад их предшественников в ее изучение, указывают, какие разделы являются плодом совместного труда, а какие разработаны индивидуально.

Дохристианские религиозные верования и обряды мордвы в рецензируемой книге классифицируются по объектам одухотворения, каковыми у мордвы выступают животные, растения, лес, земля, вода, ветер, огонь, жилище и хозяйственные постройки, небесные тела и явления, умершие. Что касается идеи верховного бога Шкая (Нишке), то она, как предполагает Н. Ф. Мокшин, возникала у мордвы на той стадии развития, которая в современной этнографической науке получила название вождества, знаменовавшего переход от доклассового общества к классовому.

Особый раздел рецензируемой книги носит название «Магические колдовские обряды», систематизированные по их целевому предназначению: магия лечебная, предохранительная, вредоносная (порча), любовная (половая), хозяйственная и др. Н. Ф. Мокшин прав, считая магию не формой, а непременным элементом религии. Он констатирует, что ухудшение медицинского обслуживания в настоящее время привело к заметному оживлению знахарских приемов лечения не только в сельской, но и в городской среде (С. 116).

В главе «Дохристианские религиозные праздники» показано, что отличительными особенностями этносоциальной и этнокультурной жизни мордвы вплоть до начала XX в. были бытование сельской общины и сохранение общинного землевладения, во многом определявшего повседневный уклад мор-

довского крестьянства, характер не только этносоциальных связей, но и ритуальную сферу его жизнедеятельности. Даже в советское время смена уклада жизни шла очень замедленно. Если на одном полюсе были колхозные и партийные собрания, то на другом — моления на кладбищах, у святых родников и домашних икон. Общегосударственные, безрелигиозные, советские праздники и обряды так и не смогли вытеснить деревенские, поскольку этносоциальное сознание каждого крестьянского сообщества, каждой деревни как микромира хранило в своей коллективной памяти те этнокультурные и этнобытовые модели поведения, созданные и принятые всеми предшествующими поколениями.

В небольшой, но информативно насыщенной главе Н. Ф. Мокшин сравнивает религиозные верования и обряды мордвы с таковыми у других финно-угорских народов Поволжья (марийцев, удмуртов). Он приходит к выводу, что по религиозным верованиям и обрядам наиболее близкими к мордве являются марийцы, при сравнении традиционных верований и обрядов которых речь должна идти не о стадиальной близости, а об общности происхождения.

Христианизация мордовского народа была не только длительным, но и сложным, противоречивым процессом, так или иначе сопряженным в структуру другого, исторически более широкого и многозначного процесса присоединения и последующего развития его в составе Российского государства. Бесспорно, обращение в христианство народов Поволжья стало одной из важных мер самодержавия, предпринятой для укрепления власти среди них. Но в представлениях многих православных иерархов миссия воцерковления этим не завершалась. Конечной ее целью должно было стать полное обрусение данных народов.

Несмотря на то что самостоятельная будущность мордовской культуры, как и культуры других народов Волго-Камья, не рассматривалась властными структурами России, миссионерское просвещение, как показывают Н. Ф. Мокшин и Е. Н. Мокшина, объективно стимулировало сохранение и изучение культуры мордовского народа, как и других «восточных инородцев», способствовало созданию их письменности, литературных языков, национальной интеллигенции.

С установлением советской власти отношения государства и религии кардинально пересмотрены. Из страны, в которой господствующей идеологией была религия, Россия стала страной, где таковой провозглашался марксизм-ленинизм, непременной составляющей которого являлся атеизм. Атеизация общества была возведена в ранг государственной политики. Быть верующим становилось непрестижно и небезопасно.

Как показали проведенные авторами исследования, уровень религиозности мордвы, безусловно, постепенно снижался, вырастали новые поколения людей, воспитанные на идеях безбожия и атеизма. Молодежь тщательно оберегалась от воздействия религии и церкви. Говоря о характере религиознос-

ти, ее специфике у мордвы, Н. Ф. Мокшин и Е. Н. Мокшина отмечают, что верующая часть мордвы продолжала соблюдать не только православные, но и доправославные верования и обряды, равно как и те, что формировались в результате синтеза этих религиозных систем.

С распадом СССР и суверенизацией Российской Федерации в сфере ее государственной политики по отношению к религии и церкви произошли серьезные перемены. В постсоветский период религиозная жизнь мордвы заметно активизировалась, стала более свободной и содержательной, избавившись от «пут и препон» предшествующей эпохи. Одной из особенностей современной этноконфессиональной ситуации у мордвы следует считать частичное оживление традиционных дохристианских верований и обрядов, мордовского язычества. Его «реанимацией» занимаются в основном лица, задействованные в различных организациях и движениях, сопричастных к процессам этнического и ассоциированного с ним конфессионального возрождения. Они демонстративно отреклись от православия и православных имен, стали выступать под языческими именами и контактировать с языческими лидерами других народов Поволжья, в том числе Республики Марий Эл, значительная часть коренного населения которой поныне не крещена.

Это, конечно, не означает формирования некоего «межнационального союза» с язычниками из Республики Марий Эл, который в перспективе может превратиться в определенное духовное ядро единения поволжских народов на основе язычества. Вместе с тем нельзя не отметить, как заявляют Н. Ф. Мокшин и Е. Н. Мокшина в заключительной части книги, что сегодня позиция, занимаемая Русской православной церковью в национальном возрождении мордовского народа, недостаточно обогащена духовными началами, особенно теми, что составляют ее этническую самобытность, в ряду которых наиболее существенное место принадлежит богослужению на родном языке.

П. И. ПУЧКОВ,
советник директора
Института этнологии
и антропологии РАН,
доктор исторических наук,
профессор

ГАГАЕВ А. А., ГАГАЕВ П. А. Философия университета. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2006. — 368 с.

В монографии представлена концепция университета как корпорации, международного сословия граждан мира, коллектива инноваторов, цель которых — производство истины и справедливости. Жизнедеятельность университета рассматривается в аспекте аксиом воспитания и образования.

САЖИН Ю. В. Статистические методы анализа и контроля качества продукции: Учебник. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2006. — 212 с.

Рассматриваются исторические и методологические основы применения статистических методов в исследованиях качества продукции и эффективности работы предприятий.

Учебник предназначен для лиц, уже знакомых с основами статистической методологии.

СЕРГУШИН Е. Г. Формирование готовности к социально-профессиональному самоопределению подростков в гимназии. — Саранск: Изд-во Мордов. гос. пед. ин-та, 2005. — 218 с.

В монографии комплексно рассматривается проблема формирования готовности к социально-профессиональному самоопределению подростков в условиях гимназии, выявляются и обосновываются педагогические условия этого процесса.

Для ученых и практиков, широкого круга специалистов, занимающихся проблемами формирования личности современного подростка.

Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии: Вып. V. Итоги анкет. опроса в 2005 г. / НИИ регионологии; Науч. ред. А. И. Сухарев; Сост. С. В. Полутин, Е. А. Абрамова, Н. Н. Азисова. — Саранск, 2006. — 192 с.

Представлен анализ результатов пятого этапа комплексного социологического исследования, в котором рассматриваются экономические, социальные, политические и культурные ориентации населения Республики Мордовия, динамика социальных процессов.

Сборник предназначен для специалистов и может быть использован в учебном процессе.

Проблемы развития регионального социума: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Саранск, 19—20 окт. 2006 г.: В 2 ч. / НИИ регионологии; Отв. ред. Н. П. Макаркин. — Саранск, 2006. — Ч. 1. — 224 с.; Ч. 2. — 556 с.

В материалах конференции рассмотрены различные аспекты развития региональных социумов.

Для всех интересующихся проблемами регионального развития.

ANNOTATIONS

O. V. Bakhlova. Regional Integration: Federalist Theories and Conceptions.

The content of the idea of regional integration in different theories and conceptions of federalism is analysed in the article; common and peculiar features are determined.

O. A. Sidorov. Formation of Co-Operative Federalism in the USA (legal aspect).

Stages in the formation of co-operative federalism in the USA are considered; in the analysis special accent is made on the legal aspect of the formation and development of federative relations.

N. I. Izergina. Specificity of Post-Soviet Transformation of Russia in the Context of I. A. Ilyin Democracy Theory.

Main clauses of organic model of the democracy theory are presented in the article. Specific features of the theory and its correlation with the civil culture and evolution of political values of the West are determined.

V. S. Avdonin. Inter-Political Relations and Regions.

The results of the research project devoted to the analysis of centralisation policy in Russian regions — «phenomenon of the Vladimir Putin» and Russian regions are presented in the article. Basic accent is made on the analysis of the territorial aspect of the federal centre centralisation policy during of the 1st presidential period of V.V. Putin.

E. S. Buyankina. Constitutional and Legal Status of Plenipotentiary on Civil Rights in Constituent Entities of the Russian Federation.

Constitutional and legal status characteristics of Plenipotentiary on Civil Rights in different constituent entities of the Russian Federation are under analysis in the article.

A. G. Petrov. Problems of Law Enforcement in Practical Activity of Internal Affairs Bodies in the Privolzhsky Federal District.

Aspects of the mass repressions typology in the context of their validity are considered in the article. In compliance with that rehabilitation mechanisms applied during different historic stages are analysed. Disadvantages and contradictions in the Law on political repressions victims' rehabilitation are considered; measures, leading to their elimination, are offered.

V. A. Chistyakov. Formation of State Youth Policy in the Region (based on the materials of regional youth press).

The results of the research of state youth policy in the period of formation of political integrity of the Republic of Tatarstan based on the method of content-analysis of regional youth press are presented in the article.

A. A. Rozuvaev. Regional Budget Expenditures Management.

The article is devoted to the aspects of management and increase in the effectiveness of budget expenditures in the Republic of Mordovia with the purpose of carrying effective budget policy and increasing population prosperity. Main points of the Programme «Reforming of Regional Finances in the Republic of Mordovia in the Period of 2006—2007» are also considered in the article.

Ya. V. Ozhegova. Social Perception of Regional Municipal Servants.

Negative factors hampering the growth of state self-government professional potential, specificity of municipal servants' labour activity, their social protection, general state of motivation, stimulation of their activities are analysed in the article. Measures aimed at the improvement of municipal servants' motivation systems and better social protection are offered.

A. A. Adamesku, V. Yu. Voskresensky, Tsi Go In. International Tourism as Branch of Sustainable Development of the Territories.

In the article international tourism is treated as the branch of world economy, promoting sustainable development of different territories of the world. Main trends in this process are presented: assistance, rendered to agri-cultural regions, near-boundary districts, districts being presently developed, sea and river basins, spatial processes.

S. V. Aleksandrov. Justices of Peace and Local Court Availability Problem.

The history of the development of the justice of peace system in Russia is presented in the article. The analysis of problems, existing in modern justice of peace system in this country, is carried out; main trends for its optimisation are offered.

V. N. Lazarev. Inflation and Deflation Approach in the Research of Laws of Social and Economic System.

In the article main points of the analysis of social and economic system development on the basis of inflation and deflation approach are presented; its positive and negative features as well as possibilities to increase the efficiency of the present management are determined.

S. E. Larina, A. R. Vagapova. Independence of Budgets and Development of Inter-Budget Relations in the Russian Federation Constituent Entities.

Independence of different levels budgets as necessary condition and mechanism of budget federalism are analysed in the article. Present state and perspectives for budget federalism further development are determined.

E. V. Soldatova. Efficiency Increase in Regional Commercial Banks Operation.

The analysis of the efficiency of regional banks in the Republic of Mordovia and possible sources for their cost increase is presented in the article.

N. A. Yanchuk. Regional Aspect in Formation and Development Tendencies of the Audit Market.

The results of the research of audit formation in the Primorsky Krai, the dynamics of its development in the period 1996—2004 years, current situation in the audit market, its qualitative structure are presented in the article. Conclusions and offers for further improvement of the audit sector regulating are made.

R. S. Ivenin. Strategies on Innovation Activity of Enterprises and Industrial Branches of the Region.

The results of the analysis of innovation activity of enterprises and industrial branches in the Republic of Mordovia in the years of 2001, 2004 and 2005 are presented in the article. Tendencies in the changes in strategies of innovation activity of enterprises and industrial branches of the republic are highlighted. The conclusion that a number of enterprises are proceeding to more active strategies in innovation activities, but they are too small in number, is made.

V. A. Chiknaikina. Enterprises Management on the Basis of Process Approach.

The results of the analysis of the most frequent disadvantages in the structural approach towards the management are considered in the article. Choice of the process management system will allow enterprises to leave narrow decisions in the sphere of restructuring, increase business management, create the model of process-orientated partnership.

E. G. Vorobyova. Development of Economic Mechanism of Inter-Relation in the System of Agri-Industrial Co-Operation in the Region.

The necessity of the development of agri-industrial co-operation as the most perspective in the present-day conditions of economic relations in the Republic of Mordovia is substantiated in the article. Mechanisms aimed at the improvement of agri-industrial co-operation are offered.

N. Z. Mazur. Problems in Functioning of Mechanism of Creation and Development of Regional Innovation Infrastructure.

The analysis of the results of the contest on the support of the Samara Region innovation structure development projects is carried out. Conclusions on positive and negative points of the analysis are made, the results are generalised, recommendations related to its further implementation are formulated.

V. Yu. Petrov, N. N. Matushkin, A. A. Tashkinov, T. A. Kuznetsova, V. D. Cherkasov, S. I. Pakhomov. Designing Educational Programmes on Higher Qualification Specialists Training on the Basis of International Approaches.

The analysis of foreign experience, in particular, of the USA, in designing educational programmes on higher qualification specialists training is carried out in the article. Fundamental principles and structural components are presented.

N. N. Pachina. Intgration of Scientific Knowledge in the Central Federal District: Experience of Scientific and Research Institute of Pedagogics and Psychology.

The analysis of integration processes in pedagogical and psychological education in Scientific and Research Institute of pedagogics and psychology after the example of the Belgorodsky, Tambovsky and Eletsky State Universities is carried out in the article.

L. M. Mukharyamova, I. B. Kuznetsova-Morenko, R. G. Petrova, L. N. Salakhatdinova, A. R. Andreeva. Regional Peculiarities in the Development of National School in Russia.

On the basis of the research, carried out in the period of 2002 – 2006, present-day state and perspectives for the development of national school in Russia are analysed in the article.

L. V. Starodubtseva, P. V. Zamkin. Regional Model of Teacher Training Aimed at Implementation of Developing Function in Professional Activities.

Characteristics of the present-day system of pre-school education, methods of training interaction are presented in the article. The dependence of professional and personal preparedness of a student on the implementation of special didactic system of preparation to a definite aspect of professional activity is recognised.

N. B. Smirnova. Personal Formation of Teacher-Artist by Means of Folk Arts and Crafts.

Model of personal formation of a teacher-artist by means of folk arts and crafts, comprising of professionalism in activity and in personality, observance of norms of activity and behaviour and formation of the productive I-conception is presented in the article.

I. V. Vershinina, M.A. Yakunchev. National and Regional Component in the Notions of «Health» and «Value of Health» in the Structure of General School Education.

Notions «health» and «value of health» for using in the system of general school education are determined in the article. The content of the notions is concretely defined in the context of the national and regional component.

G. A. Kursheva. Illiteracy Elimination in the Region in the Context of Modernisation Processes.

Main trends in illiteracy elimination in the Republic of Mordovia in the 30th years of the XX century conditioned by modernisation processes in the Soviet Union are described in the article.

V. A. Kizhevatova. Middle Class as Resource for Labour Potential of Society Reproduction.

Sociological portrait of the middle class of the Ulyanovsk Region is presented in the article. It is stressed that middle class because of high social and economic activity on material, educational and qualification characteristics is the basis for formation of qualitative labour potential.

L. D. Erokhina. Tendencies in Labour Migration in the Far East Region of Russia.

Factors of the demand for cheap common labour of migrants in the Far East Region and segmentation of labour migration force are analysed in the article.

O. K. Klopova. Human Resource as Factor for Economic Growth.

The article is devoted to the problem of human resource management in the conditions of social and economic changes. The present-day state in the personnel management in organisations of the Republic of Mordovia, problems, arising in the course of new personnel technologies application, approaches to this problem solving are considered in the article.

S. V. Kozhevnikov. Transformation in the System of Settling in the Smolensk Region and its Influence on Rural Area Development.

The analysis of the system of settling in the Smolensk Region, namely, demographic situation, population density, number of residents in rural settlements, transformation processes, inconsistently influencing territories development is presented in the article.

E. I. Morozov, E. P. Galkina. Social and Mathematic Model of Regional Mythology Analysis.

Social and mathematic model which allows analysing mythology on the regional level in the conditions of uncertainty is considered in the article. The analysis of the processes of changes in mythological constructs with application of sociological research and modern mathematic methods of their results adaptation is carried out.

A. I. Kislov. Transformation of Regional Mass Media.

The history of the development of mass media in the Penza Region, main trends in their development and evolution in the post-Soviet period are presented in the article.

I. G. Yasaveev. Exaggerating the Problem of Criminality by Regional Mass Media.

Representation of criminal situation by regional mass media (after the example of TV programme «Perekhvat» by the Kazan TV company «Eaphir») is analysed in the article.

In the course of the research essential discrepancies between the structure of criminality, formulated by mass media and that of the statistics were discovered.

O. V. Inshakov, A. E. Kalinina. Theory and Practice of Formation of Regional Information Space in the Sphere of Labour Market.

Theoretical and methodical grounds of the conception for the development of common information space of economic systems in the regional level and practical recommendations on integration of the existing elements of fragmentary information systems into common information space in the sphere of labour market in the Yuzhny Federal District are presented in the article.

S. P. Abanina. Public Relations in the Sphere of Printed Mass Media in Spain.

The analysis of different trends in the development of communication of Spanish printed mass media with public community is presented in the article.

E. I. Deniskin. Pre-Moksha Forests of the Region in the XVII — the Middle of the XX Centuries.

The points of the formation and development of forestry in Mordovia in the period of the XVII — the middle of the XX centuries are considered in the article. Structure and utilisation of forests are analysed.

I. A. Nikiforova. Evaluation and Management of Ecological State of Atmospheric Air in an Industrial Centre.

Original methods for evaluation of atmospheric air in an industrial centre of the Republic of Mordovia in the system «environment — source of pollution — human being» is presented in the article.

V. I. Pervushkin. Formation and Development of Ethnography in the Penza, Saratov and Tambov Provinces.

The process of formation of ethnography in the Russian province is analysed in the article. The leading role of the Russian Geographic Society, the Society of Natural Science, Anthropology and Ethnography, Moscow Archaeological Society and provincial committees on statistics in the origin of ethnographic knowledge is demonstrated. The contribution of professional ethnographers of the 2nd half of the XIX century into the formation of ethnographic knowledge in the Russian province is underlined.

N. V. Butylov. Language Contacts as Result of Ethno-Cultural Interaction.

The article is devoted to the analysis of language contacts and their results — loan words. Foreign loan words are treated in different aspects, their essence is revealed, classification is presented.

D. G. Pavlov. Ancient Historical Songs in the Territory of the Nizhny Novgorod Region as Historic Sources.

The analysis of the contents of ancient songs, found in the territory of the Nizhny Novgorod Region, which represent the source of historic information, is presented in the article. Common and peculiar intrigues are highlighted.

V. V. Shabaev. Uyezd Police in the System of State Control of Confessional Life in Russia in the End of the XIX — the Beginning of the XX Centuries.

Uyezd policy activity in the sphere of control of Russian Orthodox Church, Moslem citizens of the Russian Empire, Catholics and different religious sects is analysed in the article.

T. P. Shishulina. Initial Stage in Formation of Workers and Peasants Militia in the Mordovsky Krai in the Period of 1917—1918.

Main trends and problems of the initial stage in the formation of workers and peasants militia in the Mordovsky Krai in the period of 1917—1918 which lay the basis for the further development are analysed.

O. B. Kevbrina. The Beginnings of Co-Operative Education in Mordovia.
The history and main trends of consumer's co-operation personnel training in Mordovia in the years of 1920—1940 are analysed in the article.

S. V. Mitin. Taxes and Taxation in the Region during the Great Patriotic War.
The article is devoted to the analysis of different taxes and taxation system in the years of the Great Patriotic War. Statistics on taxes collected is given; positive and negative aspects of the Soviet taxation system of this period are shown.

S. Yu. Mikhailova. The Past and the Present of «the Scouts of the Future».
The article is devoted to the problems of labour activity of the youth in the industrial society of the scientific and technical progress epoch. The initiation of the movement to communistic relation to labour among working youth is described. The activities of youth collectives of industrial enterprises aimed at the expansion of the movement are characterised. Reasons of the crisis of the movement and of udarniks of the communist labour are analysed; historical evaluation of the movement is given.

I. I. Barabanova. Elaboration of Psychological and Ideological Basis for Aesthetic Education in the Works of Kazan Scientists of the 2nd Half of the XX Century.
The analysis of the work of psychologists and teachers of Kazan of the 2nd half of the XX century is presented in the article. Main trends of aesthetic education of school children and students made the basis for the analysis.

E. G. Gordeeva. Role of Environment of the Region in Formation of Traditional Everyday Culture of the Russians.
Basic peculiarities of the Republic of Mordovia environment as well as the analysis of its influence on the traditional everyday culture of the Russian people, inhabiting this region, are presented in the article.

A. A. Makhnin. Techniques of Post-Modernism in Modern Architecture of Yaroslavl.
Techniques of post-modernism in modern architecture of Yaroslavl are considered in the article. Transfer of different trends of post-modernism on to the present-day town-planning in Russian province is analysed.

E. A. Fedoseeva. International Relations in Epic Poetry of Mordva.
The problem of international relations in the sphere of ethnic perception reflected in epic folklore (historical) songs and authors' compositions is considered in the article.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ РЕГИОНОЛОГИИ»

ПРИГЛАШАЕТ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

СОЦИОПАРК «РЕГИОНОЛОГИЯ»

осуществляет маркетинговую экспертизу деятельности предприятий и организаций по следующим направлениям:

- ❖ тенденции и динамика развития рынка товаров или услуг;
- ❖ товарная и фирменная структура рынка;
- ❖ аудитория потребителей и ее ценовые ожидания;
- ❖ рынки сбыта и эффективность рекламы;
- ❖ система управления персоналом и социально-психологический климат в трудовом коллективе.

А также предлагает:

- ➢ организационно-методическое и информационно-аналитическое содействие предприятиям в осуществлении маркетинговой деятельности;
- ➢ разработку, организацию и проведение социологических и маркетинговых исследований полного цикла, а также их отдельных этапов;
- ➢ экспертное, методическое и техническое обеспечение маркетинговых и социологических исследований;
- ➢ содействие в укреплении и развитии межрегиональных связей между маркетинговыми и социологическими центрами страны;
- ➢ консультирование и обучение специалистов предприятия, в т.ч. в форме повышения квалификации.

Контактная информация:
430000, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Б.Хмельницкого, д. 39а
Тел.: (834-2) 47-44-51; 48-07-00; 48-12-40
Факс: (834-2) 47-39-95
E-mail: rri@moris.ru

Журнал распространяется по подписке, часть тиража — бесплатно.

Технические редакторы *Т. Т. Алыкова, Е. Н. Маскаева*
Корректоры *Л. В. Калачина, О. В. Жур*
Макет *И. А. Пакшиной*
Перевод аннотаций *С. И. Лягущенко*

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16450 от 22 сентября 2003 г. Сдано в набор 23.10.06. Подписано в печать 29.12.06. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Jurnal. Усл. печ. л. 24,18. Уч.-изд. л. 23,18. Тираж 1000 экз. Заказ № 1305.

Адрес редакции: 430000 г. Саранск, ул. Б.Хмельницкого, 39а. ФГНУ «НИИ регионологии». Тел. (834-2) 47-44-51, 48-07-00; факс (834-2) 47-39-95. E-mail: redreg@mail.ru, rri@moris.ru

---

Набрано в Федеральном государственном научном учреждении «НИИ регионологии».
430000 г. Саранск, ул. Б.Хмельницкого, 39а.

Отпечатано в ГУП РМ Республиканская типография «Красный Октябрь».
430000 г. Саранск, ул. Советская, 55а.